



НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ

SCIENTIFIC JOURNAL

ISSUES IN JOURNALISM, EDUCATION, LINGUISTICS

16+

2023. Том 42, № 2

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2023. Том 42, № 2

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки».

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (10.01.00 – литературоведение, 10.02.00 – языкознание, 13.00.00 – педагогические науки). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ», Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Прохорова О.Н., доктор филологических наук, профессор, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ведущий редактор

Ерошенкова Е.И., доктор педагогических наук, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Заместители главного редактора:

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ерошенкова Е.И., доктор педагогических наук, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Багана Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ответственный секретарь

Тарасова С.И., кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Члены редколлегии:

Александрова О.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Асташова Н.А., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой художественного воспитания Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского (г. Брянск, Россия)

Белозерцев Е.П., доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной педагогики Воронежского государственного педагогического университета (г. Воронеж, Россия)

Дускаева Л.Р., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель комиссии медиалингвистики при Международном комитете славистики (г. Санкт-Петербург, Россия)

Жиро К., доктор философии, профессор Барселонского Автономного университета, директор Департамента средств массовой информации, коммуникации и культуры (г. Барселона, Испания)

Ирхин В.Н., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Национального государственного университета Физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта (г. Санкт-Петербург, Россия)

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ», (г. Белгород, Россия)

Людвиг Х., доктор философии, профессор института педагогики Вестфальского университета им. Вильгельма (г. Мюнстер, Германия)

Нагорный И.А., доктор филологических наук, профессор, профессор института иностранных языков Цзилиньского университета, (г. Чанчунь, Китай)

Перси У., доктор филологии, профессор Университета Бергамо (г. Бергамо, Италия)

Подымова Л.С., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии образования Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Россия)

Полонский А.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Порхомовский В.Я., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, (г. Москва, Россия)

Риё Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка и литературы Университета София Антиполис, (г. Ницца, Франция)

Стоянова Е.В., доктор филологии, профессор, заведующий кафедрой русского языка Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского, (г. Шумен, Болгария)

ISSN 2712-7451

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77958 от 19.02.2020.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Ивахненко. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 20,4. Дата выхода 30.06.2023. Оригинальный макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

- 205 **Алшакарна А.А.И.**
Воззрения арабских исследователей на деятельность телеканала «Аль-Джазиры» периода Катарского дипломатического кризиса
- 213 **Меринов В.Ю.**
Социально-политические идеалы в публицистике: идеальные модели открытого общества и «человека-политического»
- 225 **Маслеева В.В.**
Сетевое продвижение исторической реконструкции бала: текстовый формат

ПЕДАГОГИКА

- 233 **Данько Ю.В., Косова Е.И.**
Применение Big Data при обучении английскому языку в высшей школе
- 242 **Ирхин В.Н., Ирхина И.В., Собянин Ф.И., Кравец А.О.**
Проблемы и перспективы развития системы дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров вузов России
- 252 **Маматова С.И., Исаев И.Ф., Собянин Ф.И.**
Формирование имиджа будущего специалиста в образовательном процессе вуза
- 269 **Краснобаева-Черная Ж.В., Бороденко Л.Н.**
Дистанционное обучение в образовательной системе высшей школы: опыт осмысления и приоритетные направления совершенствования
- 280 **Лапина М.А., Кормакова В.Н., Ирхин В.Н., Макотрова Г.В.**
Цифровые технологии вовлечения школьников в учебный процесс: геймификация и сторителлинг

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 290 **Vakina A.D.**
The linguocognitive paradigm for the study of biblical phraseology
- 301 **Виноградова М.В.**
Сравнительный анализ данных экспериментальных исследований процесса идентификации значения нового слова носителями языка
- 320 **Кислякова Е.Ю., Маджаева С.И., Вакорина И.В.**
Грамматические средства выражения категории инакости в художественном тексте
- 330 **Koteneva I.A., Krivchikova N.L., Melnikova Yu.N., Timoshilova T.M.**
Models of Word-Formation in Loan Toponyms in German and French
- 339 **Лазарева Я.В.**
Лингвокультурная специфика фразеологизмов с компонентом-глуттонимом в русской культуре
- 349 **Lipgart A.A., Vishnyakova O.D.**
Philological Knowledge and Philological Analysis as Part of the Memory Studies Research Area
- 358 **Майданский М.А.**
Словообразовательные процессы в нигерийском варианте английского языка иммигрантов, проживающих в Великобритании
- 367 **Piavrai Sh.**
Lexico-Stylistic Flavor of the East in the Linguistic Images of A.S. Pushkin
- 377 **Плотницкий Ю.Е.**
Англоязычный песенный дискурс в контексте общественной жизни
- 384 **Солнышкина М.И., Шарифуллина Э.А., Галявиева Л.Ш.**
Сложность слова как лингвистическая категория (на материале лексемы view и ее дериватов)

ISSUES IN JOURNALISM, EDUCATION, LINGUISTICS

2023. Volume 42, No. 2

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities series".

Founded in 1995

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (10.01.00 – literary criticism, 10.02.00 – linguistics, 13.00.00 – pedagogical sciences). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (PVIHL).

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Prokhorova, O.N., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Intercultural Communication and International Relations (Belgorod, Russia)

Commissioning editor

Eroshenkova, E.I., Doctor of Pedagogical Sciences, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Deputies of chief editor:

Korochensky, A.P., Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Eroshenkova, E.I., Doctor of Pedagogical Sciences, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Baghana, J., Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Romance and Germanic Philology and Intercultural Communication of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Executive secretary

Tarasova, S.I., Associated Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Members of Editorial Board:

Aleksandrova, O.V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of English linguistics of the philological faculty of Lomonosov Moscow state University, (Moscow, Russia)

Astashova, N.A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Art Education of the I.G. Petrovsky Bryansk State University (Bryansk, Russia)

Belozertsev, E.P., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of General and Social Pedagogy, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia)

Duskaeva, L.R., Doctor of Philology, Professor, head of the Department of media linguistics of the Higher school of journalism and mass communications of Saint Petersburg state University, head of the Commission of media linguistics under the International Committee of Slavistics (Saint Petersburg, Russia)

Giro, X., Ph.D., Professor of the Barcelona Autonomous University, Director of the Department of Media, Communication and Culture (Barcelona, Spain)

Irkhin, V.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy, Lesgaft National State University of Physical Culture, Sports and Health (St. Petersburg, Russia)

Isaev, I.F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogics, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Ludwig, H., Doctor of Philosophy, Professor of The University of Münster (Muenster, Germany)

Nagorny, I.A., Professor of the Institute of Foreign Languages of Jilin University, Doctor of Philology, Professor (Changchun, China)

Persi U., Doctor of Philology, Professor University of Bergamo (Bergamo, Italy)

Podymova, L.S., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Education, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)

Polonskiy, A.V., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism of Belgorod National Research University, (Belgorod, Russia)

Porkhomovsky, V.Y., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Rieu, J., Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Language and Literature, University of Sofia Antipolis (Nice, France)

Stoyanova, E.V., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language of Shumen University. named after bishop Konstantin Preslavsky (Shumen, Bulgaria)

ISSN 2712-7451

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage. Certificate of registration of mass media ЭП № ФС 77-77958 от 19.02.2020. Publication frequency: 4/year.

Commissioning Editor YU.V. Ivakhnenko. Pag Proofreading, computer imposition, page layout O.G. Tomusyak. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 20,4. Date of publishing 30.06.2023. The layout was pre-pared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

CONTENTS

JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

- 205 **Alshakarnah A.A.I.**
Arabian Research on the Activities of the *Al-Jazeera* During the Qatar Diplomatic Crisis
- 213 **Merinov V.Yu.**
Socio-political Ideals in Publicism: Ideal Models of an Open Society and a “Person Political”
- 225 **Masleeva V.V.**
Network Promotion of the Historical Reconstruction of the Ball: Text Format

PEDAGOGICS

- 233 **Danko Yu.V., Kosova E.I.**
Potentials of Big Data in English Teaching in Higher Education
- 242 **Irkhin V.N., Irkhina I.V., Sobyenin F.I., Kravets A.O.**
Problems and Prospects of Development of the System of Additional Professional Education of Scientific and Pedagogical Personnel of Russian Universities
- 252 **Mamatova S.I., Isaev I.F., Sobyenin F.I.**
Forming the Image of a Future Specialist in the University Educational Process
- 269 **Krasnobaeva-Chernaya Zh.V., Borodenko L.N.**
Distance Learning in the Educational System of Higher Education:
The Experience of Understanding and Priority Areas for Improvement
- 280 **Lapina M.A., Kormakova V.N., Irhin V.N., Makotrova G.V.**
Digital Technologies for Involving Schoolchildren in the Educational Process: Gamification and Storytelling

LINGUISTICS

- 290 **Bakina A.D.**
The Linguocognitive Paradigm for the Study of Biblical Phraseology
- 301 **Vinogradova M.V.**
Comparative Analysis of Experimental Researches Data on the Process
of a New Word Meaning Identification by Native Speakers
- 320 **Kislyakova E.Y., Madzhaeva S.I., Vakorina I.V.**
Grammatical Means of the Category of Alterity in English Fiction
- 330 **Koteneva I.A., Krivchikova N.L., Melnikova Yu.N., Timoshilova T.M.**
Models of Word-Formation in Loan Toponyms in German and French
- 339 **Lazareva Ya.V.**
Russian Idioms with Gluttonyms: Language and Culture Aspects
- 349 **Lipgart A.A., Vishnyakova O.D.**
Philological Knowledge and Philological Analysis as Part of the Memory Studies Research Area
- 358 **Maidansky M.A.**
Word Formation Processes in the Nigerian Variant of the English Language of Immigrants Living in Great Britain
- 367 **Piavrai Sh.**
Lexico-Stylistic Flavor of the East in the Linguistic Images of A.S. Pushkin
- 377 **Plotnitskiy Yu.E.**
English-speaking Song Discourse in the Context of Social Life
- 384 **Solnyshkina M.I., Sharifullina E.A., Galyavieva L.Sh.**
Word complexity as a Linguistic Category (Based on the View Lexeme and Its derivatives)

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

УДК 070+ 316.77

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-2-205-212

Воззрения арабских исследователей на деятельность телеканала «Аль-Джазиры» периода Катарского дипломатического кризиса

Алшакарна А.А.И.

Челябинский государственный университет,
Россия, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129
E-mail: ahmad.shkarnah89@gmail.com

Аннотация. В медиаисследованиях средств массовой информации актуализированы вопросы кризисных коммуникаций: редакционной политики различных каналов, оказавшихся в ситуации санкций, бойкота, ограничения и запрета их работы. В этой связи опыт успешного преодоления такого рода кризисов представляет интерес как для исследователей, экспертов, так и для журналистов. Осмысление стратегии и тактик телеканала «Аль-Джазира» в условиях дипломатического кризиса является примером такого опыта. В русскоязычном исследовательском поле недостаточно представлены медиаисследования, прежде всего, арабскоязычных ученых, выявивших особенности деятельности «Аль-Джазиры» в 2017–2021 годах, во время Катарского кризиса. Восполнению этого пробела посвящена данная статья, в которой представлен обзор статей авторов разных стран, изучавших место «Аль-Джазиры» в дипломатическом кризисе, с целью установить основные приемы преодоления кризисной ситуации телеканалом «Аль-Джазира». Автор выявляет ряд ключевых позиций в трудах, посвященных контенту и редакционной политике «Аль-Джазиры» этого периода и приходит к выводу об активизации манипулятивного подхода к подаче информации в кризисные периоды как наиболее эффективного способа преодоления кризиса без утраты позиций телеканала в медиапространстве. Научная значимость такого вывода состоит во вкладе в общую теорию нормативной журналистики, поскольку установлены закономерности отхода от нормативных принципов в условиях внешнего давления на средство массовой информации.

Ключевые слова: «Аль-Джазира», Катар, новостной дискурс, телевизионное вещание, кризисные коммуникации, медиа, редакционная политика, арабские медиаисследования

Для цитирования: Алшакарна А.А.И. 2023. Воззрения арабских исследователей на деятельность телеканала «Аль-Джазиры» периода Катарского дипломатического кризиса. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(2): 205–212. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-205-212

Arabian Research on the Activities of the *Al-Jazeera* During the Qatar Diplomatic Crisis

Ahmad A. I. Alshakarnah

Chelyabinsk State University,
129 Brothers Kashirin St, Chelyabinsk 454001, Russia
E-mail: ahmad.shkarnah89@gmail.com

Abstract. The issues of crisis communications are updated in actual media studies: the editorial policy of various channels that find themselves in a situation of sanctions, boycott, restrictions and prohibitions on their work moves in the focus of media researchers. The experience of successfully overcoming such crises



is of interest to researchers, experts, and journalists. Reflecting on Al Jazeera's strategy and tactics during the diplomatic crisis is an example of such an experience. In the Russian-speaking research field, media studies of this topic are insufficiently represented, especially by Arabic-speaking researchers, who revealed the features of Al Jazeera's activities in 2017–2021, during the Qatar crisis. This article is aimed to filling this gap, which provides an overview of articles by authors from different countries who studied the place of Al-Jazeera in the diplomatic crisis, in order to establish the main methods of overcoming the crisis situation by the Al-Jazeera TV channel. The author identifies a number of key positions in the works devoted to the content and editorial policy of Al-Jazeera of this period: 1) the significance of Al-Jazeera's activities as a factor in a crisis situation; 2) the obvious discrepancy between the editorial policy of the TV channel and the state policy of Qatar; 3) two main tactics for building news discourse during the crisis: victimization of the situation in Qatar during the boycott and emphasizing state support for affected citizens; 4) rejection of high standards of professional journalism in favor of suggestive tactics of influencing the audience. The author comes to the conclusion that the activation of the manipulative approach to the presentation of information in times of crisis is the most effective way to overcome the crisis without losing the position of the TV channel in the media space. The scientific significance of such a conclusion correlates to the contribution to the general theory of normative journalism, since the patterns of deviation from normative principles under the conditions of external pressure on the media have been established.

Keywords: Al Jazeera, Qatar, news discourse, crisis communications, TV-media, editorial policy, Arabian Media Studies

For citation: Alshakarnah A.A.I. 2023. Arabian Research on the Activities of the *Al-Jazeera* During the Qatar Diplomatic Crisis. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2): 205–212 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-205-212

Введение

Кризисная политическая ситуация всегда генерирует ряд крупных проблем, в том числе актуализирует важные вопросы о том, что происходит, когда новостные потоки являются неотъемлемой частью политического конфликта, а иногда и его главным носителем. Примером может служить освещение корреспондентами катарского новостного канала «Аль-Джазира» (Al-Jazeera) Катарского дипломатического кризиса в 2017–2021 годах.

Канал «Аль-Джазира» был основан в ноябре 1996 года и привлек большое научное внимание с момента его создания тогдашним эмиром Катара шейхом Хамадом бин Халифой Аль-Тани, который хотел, чтобы сеть стала инструментом мягкой силы Катара. Проект «Аль-Джазира» был замечен аналитиками и исследователями сразу же как знак формирования нового медиаландшафта в арабских странах, одновременно став мишенью постоянной критики [Sadig, 2019, p. 67]. Однако успешность канала послужила и причиной атак на него во время Катарского дипломатического кризиса, когда одним из условий примирения с Катаром было выдвинуто требование немедленного закрытия этого средства массовой информации.

Редакционная политика «Аль-Джазиры» этого периода особенно актуальна в связи с нарастанием кризисных явлений во всем мире и остротой вопросов следования журналистским стандартам, предусмотренным нормативным подходом к профессии в условиях внешнего давления, принимающего все новые формы – от санкций до «культуры отмены». Недостаточность работ, посвященных редакционной политике СМИ, оказавшихся в подобной ситуации, обуславливает значимость обращения к данной теме именно в условиях современного противостояния глобальных общественных сил.

В настоящей статье предлагается обзор научных исследований, посвященных особенностям действий телеканала «Аль-Джазира» в период дипломатического кризиса Катара, а также анализирующим базовые принципы телевидения этого канала. Цель обзора – установить основные приемы преодоления кризисной ситуации телеканалом «Аль-Джазира», выявленные арабскоязычными медиаисследователями.

Для достижения этой цели поставлен ряд исследовательских вопросов:

1. Как специалисты и исследователи оценивают значимость производимого «Аль-Джазирой» контента в кризисной ситуации 2017 года?
2. Каким образом редакционная политика канала в это время соотносится с общегосударственной политикой Катара и как отражается в текстах новостей?
3. Какие тактики организации новостного контента «Аль-Джазиры» в период кризиса (и бойкота Катара) выявляют исследователи и каков, по мнению ученых, уровень профессионализма в производстве новостей кризисного периода журналистами «Аль-Джазиры»?

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются научные статьи и интерпретации, представленные в них, связанные с анализом активности «Аль-Джазиры» в период Катарского дипломатического кризиса, развернувшегося в 2017 году. Выбор работ, посвященных именно этому периоду работы телеканала, связан прежде всего с заметными отличиями стратегий и тактик редакционной политики канала по сравнению с «арабской весной». Основным методом изучения научных точек зрения – их систематизация в соответствии с исследовательскими вопросами, продиктованными целью статьи.

Материалом исследования послужили преимущественно труды арабских медиаисследователей, опубликованные в англоязычных научных журналах; в отдельных случаях их мнение подкреплялось отсылками к европейским и российским исследователям, позиции которых изучены автором статьи с целью проведения параллелей и уточнений выводов, полученных арабоязычными авторами.

Специфика контента «Аль-Джазиры»

При поиске ответа на первый исследовательский вопрос важно указать на общее отношение исследователей к каналу как специфическому формату качественной журналистики.

В начале 2000-х годов Мохаммед Аль-Навави и Адель Искандер обобщили историю новостного канала, утверждая, что «Аль-Джазира» раздвинула границы свободы выражения мнений в подвергающемся жесткой цензуре арабском мире и вынудила авторитарные правительства переосмыслить свои политические и медийные стратегии [El-Nawawy, Iskander, 2002]. Исследование выявило высокий уровень журналистского профессионализма «Аль-Джазиры», особенно по сравнению с другими арабскими новостными организациями. Важно, как отмечают исследователи, что в основе новаторства «Аль-Джазиры» лежала конфронтация с негласными правилами журналистики арабского мира – оформлять повестку дня в строгом соответствии с социальными иерархиями. Как объясняет взрывной интерес к новому каналу Фейсал Аль-Касим, «идеальная традиционная арабская газета, журнал, радио или телевизионная станция – это та, которая избегает всего, что может быть истолковано как оскорбительное для любой арабской страны» [Al Kasim, 2005, p. 93]. По мнению исследователя, арабская аудитория «по горло сыта» официальным телевидением, где все новости сводятся к слащавому рассказу о том, какие еще награды получило «его величество» или «его высочество» (там же). Именно поэтому «Аль-Джазира», выступая под знаменами глобального нормативного журнализма (ориентированного на поддержание ценностей демократии), сразу привлекла к себе самое пристальное внимание и быстро завоевала большую аудиторию (прежде всего – арабоязычную, но затем вышла на внеарабский уровень вещания). При этом важна и оценка стандартов качества вещания «Аль-Джазиры»: так, представитель редакции приводит пример корректировки новостного дискурса: «мы скорее используем выражение “командная операция”, чем “террористы-смертники”, что свойственно западным медиа. На наш взгляд, “террористы-смертники” – пример предвзятости и предубеждения (bias), поскольку выражает исключительно западную точку



зрения» [Sadig, 2019, p. 81]. Таким образом, исследователи отмечают стремление канала преодолеть как национальные ограничения стандартов качества, так и определенные стереотипы, сложившиеся в западной журналистике.

Многие исследователи отмечают высокий уровень качества производства новостей для «Аль-Джазиры», что вынудило другие арабские новостные сети работать над улучшением своих производственных усилий, чтобы сохранить свое конкурентное преимущество. В определенном смысле «Аль-Джазира» установила высокую планку качественного новостного вещания в регионе, что и сделало ее во многом центром арабского медиамира [Guta, 2021; Ittefaq, 2021].

К моменту Катарского дипломатического кризиса июня 2017 года «Аль-Джазира» уже имела твердую репутацию флагмана новостного вещания в странах арабского мира. При этом за 20 лет своего существования она знала и взлеты, и падения, связанные с ее редакционной политикой. Но когда в странах Совета сотрудничества стран Персидского залива разразился политический кризис, статус «Аль-Джазире» как «взрывоопасного» медиаресурса получил буквальное, а не только символическое воплощение: среди 13 пунктов ультиматума Катару, выдвинутых Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами, Египтом и Бахрейном, содержалось и требование «закреть “Аль-Джазире”»¹. Катар, предприняв некоторые попытки сгладить конфликт, проигнорировал это и другие требования, в результате чего его ближайшие соседи разорвали все экономические и дипломатические отношения с Государством Катар, обвинив его в том, что оно спонсирует терроризм (см. подробный обзор предпосылок конфликта: [Егоров, 2019]). «Аль-Джазира» при этом рассматривалась как один из серьезных факторов кризиса в Персидском заливе; не случайно Катар специально подчеркнул, что «Аль-Джазира» не будет предметом переговоров или обсуждения в ходе разрешения конфликта [Алмашакбех, 2018].

Катар давно остро реагировал на попытки Саудовской Аравии установить контроль над его внешней и внутренней политикой, а также на ее стремление добиться более широкой региональной гегемонии. Пограничное столкновение между двумя странами вспыхнуло в начале 1990-х годов, и они снова столкнулись в середине 1990-х годов – тогда Саудовская Аравия, как предполагалось, поддерживала неоднократные попытки свергнуть эмира Катара, шейха Хамада бин Халифа Аль Тани. Именно «Аль-Джазира» становилась раздражающим фактором и мощным катализатором конфликта. Так, в 2002 году Саудовская Аравия отозвала своего посла из Катара после того, как «Аль-Джазира» решила транслировать интервью с саудовским оппозиционером. Две страны также поссорились из-за все более близких отношений с Израилем и планов Катара построить газопровод в Кувейт [Алмашакбех, 2018; Kharbach, 2020].

Таким образом, отвечая на первый вопрос, приходим к следующему выводу: по мнению исследователей, «Аль-Джазира» во время кризиса была не только проводником определенных идей или информации, но прежде всего одним из факторов кризиса, она воспринималась самими противоборствующими сторонами как «камень преткновения» или определенный принцип, от которого Катар отказываться не собирался. Несмотря на включение требования о закрытии «Аль-Джазире» в ультиматум, канал продолжил работу по тем стандартам, которые к той поре уже принесли ему международную известность.

Редакционная политика СМИ в контексте политики государства

Кризисные политические коммуникации неизбежно делают средства массовой информации частью борьбы за победу в информационной войне. Обычно в такие периоды независимость сменяется «партийностью» – ярко выраженной приверженностью СМИ той

¹ Wintour P. 2017. Qatar given 10 days to meet 13 sweeping demands by Saudi Arabia. The Guardian, June 23, 2017. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2017/jun/23/close-al-jazeera-saudi-arabia-issues-qatar-with-13-demands-to-end-blockade>

или иной стороне. Это особенно ярко проявляется сейчас в связи с российско-украинским конфликтом. Поэтому второй исследовательский вопрос представляется наиболее актуальной частью исследования: насколько явно «Аль-Джазира» выражала свою «партийность» в конфликте? Как выясняют исследователи, политика канала строилась одновременно на «про-катарской» риторике и явном независимом акционизме: сохраняя приверженность стране и ее государственным устремлениям, редакция стремилась реализовывать свою точку зрения, от политики шейха отличающуюся (во всяком случае канал не включал в повестку привычное в арабских медиа «славословие» в адрес правительства). Выбор таких острых тем, как интервью с открытыми врагами действующей власти в разных арабских странах, делал «Аль-Джазиру» скандальным и в то же время актуальным источником новостей. Таким образом, исследователи [Sadig, 2019, p. 81; Ajaoud, Elmasry, 2020] отмечают, что «Аль-Джазира» продолжала разрушать «империализм» мировой новостной повестки. Еще раньше [Wojcieszak, 2007] эта общая стратегия канала подчеркивалась в работах европейских исследователей.

Отвечая на второй вопрос, следует отметить, что «Аль-Джазира» построила гибкую модель в области GR: она, несомненно, поддерживала политику Катара, но эта поддержка носила имплицитный характер определенных редакционных фильтров, налагаемых на общую повестку дня. Ученые отмечают целый ряд расхождений политики канала с политикой страны. Иными словами, «Аль-Джазира» в кризисный период не стала «рупором правительства».

Тактики телеканала в аспекте профессиональных стандартов

Обращаясь к третьему вопросу, важно отметить, что для исследователей описание тактик новостного вещания «Аль-Джазиры» является своеобразным «зеркалом» профессиональных стандартов, которых придерживается редакция. Во время кризиса в Персидском заливе новостная политика «Аль-Джазиры», как показывает фрейм-анализ ее сюжетов, проведенный катарскими исследователями Сакиной Ажудом и Мохамедом Хамасом Аль-Масри [Ajaoud, Elmasry, 2020], характеризовался реализацией двух тактик: во-первых, ситуация Катара, попавшего под санкции и бойкот других стран, показывалась с позиций сочувствия жертве несправедливой атаки; во-вторых, подчеркивалась и выносилась в основу сообщений тема гуманитарной помощи, социальной поддержки людей, оказавшихся под давлением кризисных ограничений. В то же время в этой статье мы находим сопоставление с голосом политического оппонента «Аль-Джазиры» – новостным каналом «Аль-Арабия», представлявшим в своих программах Катар как средоточие хаоса и террористической угрозы [Ajaoud, Elmasry, 2020]. Это исследование помогает понять, как действуют инструменты «мягкой силы»: сама организация медиаповестки обладает определенной суггестией, воздействуя на аудиторию и добиваясь оценочных заключений (фактически каждая телевещательная компания старается убедить аудиторию в своей правоте и своей собственной оценочности событий).

Мохамед Карбах приходит к выводам, сходным с результатами исследования фреймов в работе С. Ажуда и М.Х. Аль-Масри, рассматривая заголовки статей в период кризиса в англоязычных версиях «Аль-Джазиры» и «Аль-Арабии». Он также отмечает, что «Аль-Джазира» стремилась прямо показать Катар жертвой агрессивной и ничем не спровоцированной политики бойкота со стороны соседей, а имплицитно – продемонстрировать такие стороны Государства Катар, как эмпатия к жителям, страдающим от бойкота, построение глубоко гуманистических и социально-ориентированных программ и политик [Kharbach, 2020].

Важно, что – как следует из проведенного катарскими исследователями анализа – «Аль-Джазира» последовательно избегала прямых хвалебных оценок своего правительства (в отличие от других медиа арабского региона). Редукция комплиментарно-оценочной



части новостного дискурса, несомненно, влияла на повышение степени доверия каналу, а также на укрепление лояльности аудитории к «Аль-Джазире». В то же время манипулятивность политики «Аль-Джазиры» не ушла от внимания исследователей. Так, Адиб Абдулмаджид [Abdulmajid, 2019], применяя метод критического дискурс-анализа к статьям «Аль-Джазиры» и «Аль-Арабии», обнаруживает ряды сходных черт в идеологичности, манипулятивности и зависимости обоих каналов от своих государств.

Однако Марва Мазъяд в своем исследовании сравнивает различные направления разветвленной сети «Аль-Джазира» и приходит к выводу о нарастающей «исламизации» этого канала. Изначальный ориентир на «отстройку» от крупных соседей постепенно трансформируется в далекие от нормативного профессионального журнализма принципы, что особенно ярко проявляется при сравнении таких ветвей канала, как Al Jazeera English и Al Jazeera Mubasher Misr [Maziad, 2021]. Во время конфликта эта линия просматривалась достаточно остро. К подобным выводам приходят и другие исследователи, применяющие сопоставительный подход в анализе крупнейших вещателей арабского мира [Hassan, Elmasry, 2019; Kosárová, 2020; Satti, 2020; и др.].

Отвечая на третий вопрос, можно заключить, что, по мнению исследователей, «Аль-Джазира» придерживалась двух основных тактик кризисного вещания: во-первых, она сосредоточила внимание своей аудитории на сюжетах, представляющих страдания простого населения Катара от действий «четверки» (в условиях бойкота), тем самым формируя образ страны – жертвы несправедливой политической агрессии; во-вторых, «Аль-Джазира» делала упор на новости, связанные с активной поддержкой населения государством. При этом, выбирая сюжеты общегуманистической, конструктивной направленности, «Аль-Джазира» одновременно создавала образ Катара как страны социальной ориентации и поддерживала высокий уровень профессиональных стандартов, не очерняя и не обвиняя других участников конфликта. Однако гибкость тактик была одновременно и нарушением стандартов: в частности, «Аль-Джазира» «маскировала» под нейтральность свою линию поддержки Катара в конфликте. Следовательно, профессиональные стандарты выступали в этом случае определенной «маской» истинной направленности новостных потоков канала, а не базисом ее журналистской работы.

Таким образом, анализ научной литературы (преимущественно арабских исследователей, изучающих медиаландшафт региона «изнутри») показывает, что Катарский дипломатический кризис во многом обнажил основные интенции «Аль-Джазиры» как инфлюенсера всего арабоязычного мира. Как показывает история канала, первоначальная «свежесть» подачи новостей (на фоне локальных традиций) сменилась сомнениями аудитории в следовании «Аль-Джазиры» высоким профессиональным стандартам. Это особенно проявляется в реакциях аудитории и постоянной нелюбимой критике тактик канала [Rabab'ah, Alali, 2019; Samuel-Azran, Manor, 2022]. В этой связи интересно мнение российских ученых [Графов, 2019; Хайруллин, Коротаев, 2022]: даже очевидная направленность канала на демократизацию общества (например, поддержка «арабской весны») рассматривается аналитиками, в том числе и как политическая игра с целью усиления влияния и дальнейшего роста значимости во всем арабском регионе, а также с целью перестройки исторически сложившихся альянсов в этой части мира. Период кризиса сделал эти противоречия еще более явными.

Заключение

Таким образом, исследованные источники позволяют ответить на поставленные вопросы и достичь цели статьи – упорядочить и систематизировать различные точки зрения – арабских медиаисследователей, изучающих роль и место канала «Аль-Джазира» в разворачивании кризисных событий после ультиматума Катару летом 2017 года. Ответы на четыре исследовательских вопроса показали, что, по мнению исследователей, «Аль-Джазира» продолжает сохранять свои высокие позиции в медиаландшафте арабского мира за счет

гибкости ее политики: это одновременно учитывание национальных традиций и ожиданий страны, спонсирующей канал, и эпатазирующее нарушение сложившихся норм новостного вещания в регионе. На примере выявленных учеными тактик канала во время кризиса можно видеть, как «Аль-Джазира» развивает свой потенциал инструмента «мягкой силы».

В качестве анализа перспектив исследований телеканала следует отметить, что в рассмотренных в статье исследованиях упор делается на текстовый (вербальный) дискурс, а видео- и аудио-составляющая не берется во внимание, что, с нашей точки зрения, представляется некоторым упущением. Например, заголовок может вступать в конфликт с видеосвидетельствами, а содержание статьи – с изобразительным рядом и даже графическим оформлением новости. Особенно важен аудиально-визуальный ресурс в анализе коротких видеороликов, которые стали основным жанром «Аль-Джазиры» как новостного канала.

Важно, что проект Al Jazeera+, охватывающий Facebook и полностью основанный на производстве коротких новостных видео, был запущен уже после основных событий «арабской весны» – в 2014 году, а следовательно, имел особое влияние во время Катарского кризиса 2017–2021 годов. Заполнение этой исследовательской ниши видится важным шагом в дальнейшем изучении феномена «Аль-Джазиры».

Список литературы

References

- Алмашакбех С.С.С. 2018. Медиа-дискурс «Аль-Джазиры» после кризиса осады Катара (на примере йеменского и сирийского конфликтов). Мир науки, культуры, образования, 6(73): 639–640.
- Almashakbekh S.S.S. 2018. Media-discourse "al-jazeera's" after the qatar sediments crisis (on the example of yemen and syrian conflicts). Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya, 6(73): 639–640 (in Russian).
- Егоров И.С. 2019. Катарский дипломатический кризис: причины и последствия. Социально-гуманитарные знания, 4: 257–263.
- Egorov I.S. 2019. Qatari diplomatic crisis: causes and consequences. Social and humanitarian knowledge, 4: 257–263 (in Russian).
- Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. 2022. Борьба между катарско-турецким и саудовско-эмиратским блоком за влияние в Афганистане. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 15(2): 240–252. DOI: [10.23932/2542-0240-2022-15-2-13](https://doi.org/10.23932/2542-0240-2022-15-2-13)
- Khayrullin T.R., Korotaev A.V. 2022. The struggle between the qatari-turkish and saudi-emirati bloc for the influence in Afghanistan. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, 15(2): 240–252 (in Russian). DOI: [10.23932/2542-0240-2022-15-2-13](https://doi.org/10.23932/2542-0240-2022-15-2-13)
- Abdulmajid A. 2019. Media and ideology in the Middle East: A critical discourse analysis. Digest of Middle East Studies, 28 (1): 23–47. DOI: [10.1111/dome.12179](https://doi.org/10.1111/dome.12179)
- Ajaoud S., Elmasry M.H. 2020. When news is the crisis: Al Jazeera and Al Arabiya framing of the 2017 Gulf conflict. Global Media and Communication, 6(2): 227–242. DOI: [10.1177/1742766520921880](https://doi.org/10.1177/1742766520921880).
- Al Kasim F. 2005. The Opposite Direction: A Program Which Changed the Face of Arab Television. In: The Al Jazeera Phenomenon: Critical Perspectives on New Arab Media. Ed. M. Zayani. New York, Routledge: 93–105. DOI: [10.4324/9781315636092-5](https://doi.org/10.4324/9781315636092-5)
- El-Nawawy M., Iskander A. 2002. Al-Jazeera: How the Free Arab News Network Scooped the World and Changed the Middle East. Cambridge, Westview Press, 228 p.
- Guta H.A. 2021. Journalism ethics and conflict-sensitive reporting: The case of Al Jazeera network. In: Global media ethics and the digital revolution, Ed. N. Miladi. London, Routledge: 186–201.
- Hassan M.M., Elmasry M.H. 2019. Convergence between platforms in the newsroom. Journalism Practice, 13(4): 476–492. DOI: [10.1080/17512786.2018.1507681](https://doi.org/10.1080/17512786.2018.1507681)
- Ittefaq M. 2021. Movements for Change: How Individuals, Social Media and Al Jazeera Are Changing Pakistan, Egypt and Tunisia. International journal of communication, 15: 1875–1878.
- Kharchach M. 2020. Understanding the ideological construction of the Gulf crisis in Arab media discourse: A critical discourse analytic study of the headlines of Al Arabiya English and Al Jazeera English. Discourse & Communication, 14: 447–465. DOI: [10.1177/1750481320917576](https://doi.org/10.1177/1750481320917576).
- Kosárová D. 2020. Al Jazeera and Al Arabiya: Understanding media bias. Politické vedy, 23(4): 87–108. DOI: [10.24040/politickevedy.2020.23.4.87-108](https://doi.org/10.24040/politickevedy.2020.23.4.87-108)



- Maziad M. 2021. Qatar in Egypt: The politics of Al Jazeera. *Journalism*, 22(4): 1067–1087. DOI: 10.1177/1464884918812221
- Rabab'ah G., Alali N. 2019. Impoliteness in Reader Comments in Al-Jazeera Channel News Website. *Journal of Politeness Research*, 16(1): 1–22. DOI: [10.1515/pr-2017-0028](https://doi.org/10.1515/pr-2017-0028)
- Sadig H.B. 2019. *Al Jazeera in the Gulf and in the World: Is It Redefining Global Communication Ethics?* Springer Verlag, Singapore, 318 p.
- Samuel-Azran T., Manor I. 2022. Empirical support for the Al-Jazeera Effect notion: Al-Jazeera's Twitter following. *International Communication Gazette*. DOI: 10.1177/17480485221142466.
- Satti M.A. 2020. Al Jazeera Arabic and Al Jazeera English Websites: Agenda-Setting as a Means to Comparatively Analyze Online News Stories. *Communication & Society*, 33(1): 1–13, DOI: 10.15581/003.33.36535.
- Seib P. 2005. Hegemonic no more: Western media, the rise of Al-Jazeera, and the influence of diverse voices. *International Studies Review*, 7 (4): 601–615. DOI: [10.1111/j.1468-2486.2005.00535.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2005.00535.x)
- Wojcieszak M. 2007. Al Jazeera: A challenge to the traditional framing research. *International Communication Gazette*, 69 (2): 115–128. DOI: [10.1177/1748048507074925](https://doi.org/10.1177/1748048507074925)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.01.2023

Поступила после рецензирования 10.05.2023

Принята к публикации 10.06.2023

Received January 20, 2023

Revised May 10, 2023

Accepted June 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алшакарна Ахмед А. И., аспирант кафедры теории медиа факультета журналистики, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ahmad A. I. Alshakarnah, Postgraduate Student, Department of Media Theory, Faculty of Journalism, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia



УДК 82.0

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-2-213-224

Социально-политические идеалы в публицистике: идеальные модели открытого общества и «человека политического»

Меринов В.Ю.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: merinov@bsu.edu.ru

Аннотация. Проблема анализа классификации социально-политических картин мира современных отечественных публицистов представляется нам крайне важной. Несмотря на то, что сегодня в науке существует определенный интерес к изучению мировоззренческих позиций российских авторов, следует отметить, с одной стороны, их явную нехватку, а с другой, чрезмерную, на наш взгляд, фрагментацию ценностно-идеологического поля публицистики, не дающую возможность выявить глубинные связи между отдельными авторскими социально-политическими картинками мира. Для решения этой проблемы предложено применить бинарный подход к типологизации авторского политического сознания, при котором берутся в расчет его основополагающие характеристики. В качестве понятийно-терминологической базы использованы категории так называемых «открытого» и «закрытого» обществ как неких идеалов, фундаментальных по своей природе, к которым тяготеет тот или иной публицист. Теоретико-концептуальную основу исследования составляет теория идеального моделирования. Цель работы – создать абстрактные модели «открытого» общества, а также социального поведения и сознания его базового социального типа «человека-политического». В итоге нами построены идеальные социально-политические модели открытого общества, а также черт сознания и вариантов социального поведения «человека политического». Результаты исследования могут стать основой для дальнейших исследований публицистических текстов и классификации авторских картин мира.

Ключевые слова: публицистика, журналистика, социально-политические идеалы, идеальная модель, открытое общество, человек политический, гражданское сотрудничество, доверие

Для цитирования: Меринов В.Ю. 2023. Социально-политические идеалы в публицистике: идеальные модели открытого общества и «человека политического». *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(2): 213–224. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-213-224

Socio-political Ideals in Publicism: Ideal Models of an Open Society and a “Person Political”

Valery Y. Merinov

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: merinov@bsu.edu.ru

Abstract. The problem of analyzing the classification of socio-political pictures of the world of modern domestic publicists seems to us extremely important. Despite the fact that today in science there is a certain interest in studying the worldview positions of Russian authors, however, it should be noted, on the one hand, their obvious lack, and on the other hand, excessive, in our opinion, fragmentation of the value-ideological field of journalism, which does not allow reveal deep links between individual author's socio-political pictures of the world. To solve this problem, it is proposed to apply a binary approach to the typology of the author's political consciousness, which takes into account its fundamental characteristics. As a conceptual and terminological base, the categories of the so-called "open" and "closed" societies are



used, as certain ideals, fundamental in nature, to which this or that publicist gravitates. The theoretical and conceptual basis of the study is the theory of ideal modeling. The purpose of the work is to create abstract models of an "open" society, as well as social behavior and consciousness of its basic social type "political person". As a result, we have built ideal socio-political models of an open society, as well as traits of consciousness and options for social behavior of a "political person". The results of the study can become the basis for further research of journalistic texts and the classification of author's pictures of the world.

Key words: publicism, journalism, socio-political ideals, ideal model, open society, political person, civil cooperation, trust

For citation: Merinov V.Y. 2023. Socio-political Ideals in Publicism: Ideal Models of an Open Society and a "Person Political". *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(1): 213–224 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-213-224

Введение

Публицист не только воспроизводит черты существующей действительности, но и создает собственную реальность. Эта реальность в большей или меньшей мере отражает социально-политические идеалы автора текста, которые в свою очередь могут разделяться и другими авторами и являться частью некоего общего дискурса. Таким образом, публицистика (журналистика) существует не только как инструмент анализа общества, мощного эмоционального воздействия на читателя и т. д., но и как носитель и механизм воспроизводства социально-политических идеалов.

Научных работ, непосредственно посвященных этой проблематике в такой постановке вопроса, мы не обнаружили. Как правило, основной фокус изысканий, сконцентрирован на дискурсно-лингвистическом подходе, либо интерес сдвигается в прошлое отечественной общественной мысли (В.А. Гусев, Э.А. Попов, М.В. Петрова, И.А. Немцев, М.Н. Начапкин, Г.Н. Лебедева, А.Н. Дьяченко, А.В. Аверьянов, Л.Р. Авдеева, А.Л. Зорин, Н.М. Пирумова, Л.С. Мамут, И.Б. Зильберман, М.С. Агурский, В.Н. Дёмин, А.В. Репников, В.А. Твардовская, Ю. Г. Степанов, Э.Г. Соловьёв, А.Ф. Сивак, С.М. Сергеев, А.Н. Сахаров, С.М. Санькова, А.В. Репников, Л.А. Тихомиров, Е.В. Тимошина, Д.О. Тимиряев, М.Ю. Чернавский, Ф.Ф. Кузнецов, А.Ш. Шик-Булатов и др.). Есть и кросстемпоральные исследования, затрагивающие современность: А.В. Репников [Репников, 2001], Э.А. Попов [Попов, 2006], М.В. Петрова [Петрова, 2000], А.Л. Янов [Янов, 1995], Л.А. Васильева [Васильева, 2017] и др. Особенность этих работ состоит в том, что собственно публицистический дискурс, как носитель определенных социально-политических идеалов, не является предметом анализа и рассматривается в контексте исследования отдельных идеологий (русского консерватизма, славянофильства, почвенничества, либерализма, социализма, анархизма, народничества, евразийства, сменовеховства, национал-большевизма, фашизма и др.), либо политического мифотворчества (Л.А. Васильева).

Среди ученых, посвятивших свои работы отечественным авторам позднего советского и постсоветского периодов истории, можно отметить П.П. Каминского, который сосредоточил свой интерес на феномене т.н. «писательской публицистики». Объектом его исследований стали мировоззренческие доминанты, «...которые формируют персональную картину мира и определяют художественное творчество» [Каминский, 2012, с. 2], таких мастеров слова как В.Г. Распутин, В.П. Астафьев, С.П. Залыгин. Таким образом, исследователь не ставил перед собой цель поиска черт некоего общего дискурса и, как правило, в центре его внимания оказывались индивидуальные особенности восприятия мира и человека.

Данная работа посвящена предварительному этапу исследования, а именно уточнению параметров одного из типов обществ, который должен послужить отправной точкой для дальнейшего анализа текстов и классификации социально-политических позиций публицистов В основу бинарного членения политических культур (режимов, идеологий,

мировоззрений отдельных людей) положена не идеологическая составляющая, а, скорее, социально-политические отношения внутри общества (верх-низ, свобода-несвобода, активность-запреты и т.п.). На философско-публицистическом уровне этот подход применялся, начиная с эпохи Просвещения (Дж. Локк, Т. Пейн, Ш. Монтескье, А.Н. Радищев, А.И. Герцен и др.), а в социальных науках доказывает свою эффективность с конца XIX в. (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм), в XX в. (М. Вебер, Л. фон Мизес, Ф. фон Хайек, Д. Норт и др.). Весьма востребован он и сегодня (Р. Даль, Ф. Фукуяма, А.В. Оболонский, А.А. Ивин, С.Г. Кирдина, А.Г. Асмолов и др.). Мы исходим из того предположения, что политические представления автора публицистического текста имеют более или менее системный характер и направлены в сторону одного из двух фундаментальных взглядов на социально-политический порядок и человека¹.

В качестве терминологической основы мы возьмем определения базовых типов обществ («открытое» и «закрытое»), разработанные Карлом Поппером, в книге «Открытое общество и его враги» (1945) [Поппер, 1992 (а), Поппер, 1992 (b)]. Кроме своей познавательной ценности, касающейся пристального внимания к структурообразующим связям и элементам, бинарный подход обладает еще одной интересной особенностью. При более или менее очевидном интересе к какому-либо одному из типов, он неизбежно приводит к уточнению и конкретизированию качеств, присущих его антиподу, играющему роль своего рода политического зеркала и помогающему выявить и усилить специфическое, характерное у оппонента. Поэтому, принимая во внимание то, что основным объектом нашего интереса является закрытое общество, его социально-политические идеалы и способы их рецепции в публицистических текстах, мы начнем, так сказать, с противоположной стороны, рассмотрим с точки зрения основополагающих ценностей его политического визави – открытого общества и человека открытого общества.

В научной и философской литературе не сложилось единого взгляда на «открытое общество», а также исчерпывающего списка его свойств. По разному его толкуют А. Бергсон, К. Фёгелин (философская традиция) и К. Поппер, Дж. Сорос, Н. Уэйд, Ф. фон Хайек, С.А. Ахизер и другие авторы (социально-политическая традиция). Кроме того, существует целый ряд понятий, близких к этой дефиниции («полиархия» Р. Даль, «порядок (структура) открытого доступа к политической и экономической деятельности» Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгайт, «общество с доминантой «институциональной матрицы Y» С.Г. Кирдина и т.д.).

Цель нашей работы состоит в том, чтобы создать собственные версии, идеальные модели, общества открытого типа, определив его структурообразующие элементы, и модели его основного социального типа – «человека политического» (термин М. Липсета) [2016], норм его социального поведения и сознания.

Объекты и методы

Объектом нашего общего научного интереса являются процессы осмысления современными российскими публицистами социально-политической действительности, места и роли в ней человека, власти, общества. Предметом выступает инструмент имплементации в тексты современных отечественных публицистов ценностей одного из двух базовых типов обществ, в частности, т.н. «закрытого» общества, который мы условно назвали «дискурсом ограниченной субъектности» [Мерин, 2022, 431], представляющим собой многокомпонентный сложный феномен.

¹ При этом жанровые и тематические особенности самого текста, также как и прямые высказывания политического характера, могут при рассмотрении отодвигаться в сторону, а на первое место выходить другие объекты: социально-политические отношения, паттерны социального поведения, типы выделяемых коллективов и личностей и т.п., что позволит надежнее атрибутировать политическую картину мира публициста. Мы полагаем, что этот подход позволит увидеть сущностные сходства и различия как в самих политических системах, так и во взглядах публицистов.



Базой нашей работы послужит методология конструирования идеальной модели. Понятие «идеальной модели» взято из социологии (социологии культуры и социальной антропологии), в которой широко распространена практика создания идеализированных (теоретических) моделей общества (М. Вебер и А. Вебер, Т. Парсонс, Л. Уайт, Р. Мертон, А. Моль и др.). Идеальная модель не является целью исследования, она – инструмент познания. И в этом смысле она представляет собой отвлеченную от реальности конструкцию, «такой тип не существует в чистом виде...» [Парсонс], своего рода полюс (объединяет предельные черты), служит неким масштабам (онтологическим образцом) для измерения реальности. Другими словами, цель создания идеальной модели (или типа) состоит в «выработке критерия сравнения реальных экземпляров» [Лоусон, Геррод, 2000, с. 135]. Собственно, типологический метод и предназначен для сравнительного анализа систематизированного конкретного материала с идеальной моделью: «Если систематизация руководствуется критерием необходимости и достаточности выявленных ею компонентов системы, то типологизация оперирует критерием возможности и действительности тех модификаций, которые она обнаруживает теоретически и эмпирически» [Каган, 2006b, с. 50]. Таким образом, типологизация как метод предлагает некий путь к «архетипу», «первообразу» (М. Каган).

Наибольший вклад в создание социологической идеальной модели («идеального типа») внес М. Вебер [Вебер, 1990]. Некий социальный феномен, к примеру «бюрократия», «вырывается» из своей эпохи и подвергается целостному системному анализу. То есть исследуются типы отношений, логика устойчивых связей между элементами вне зависимости от конкретных проявлений, определенного историко-культурного хронотопа. М. Вебер называл свою идеальную модель общества «утопией». Причиной такого определения стал, как мы полагаем, не только «фантазийный (умозрительный) характер конструкции» [Гайденко, Давыдов, 1991, с. 46], на котором настаивал сам автор, но и ее специфика. «Утопичность» ее, на наш взгляд, состоит в заострении, деформации, усилении, стремлении к отчетливости, резкости проявления и системности (упорядоченности, организованности), составляющих эту модель элементов. Модель создается путем усиления элементов, трактуемых как основные, типичные, то есть устойчивые во времени, и логического их связывания. Она представляет собой логически стройный, несколько упрощенный (за счет удаления случайных и несистемных (по мнению автора) элементов) конструкт, обладающий довольно сложным каркасом, созданным из различных компонентов. Для идеального типа характерно «выделение из индивидуальных явлений чего-то если не общего для всех них, то, по крайней мере, характерного для многих» [Гайденко, Давыдов, 1991, с. 47]. Найденные закономерности наиболее адекватно описываются структурным языком. Структурный анализ как «исследование внутреннего состояния системы» [Каган, 2006с, с. 29] ориентирован на поиск синтезирующей структуры, «костяка», повторяющихся частей [Каган, 2006а, с. 32].

При этом довольно трудно однозначно ответить на вопрос, какой путь ведет к построению «идеальной модели» – дедуктивный (сверху-вниз, от априорной схемы-матрицы) или индуктивный, отталкивающийся от феноменологического описания единичного явления? Понятие «идеальный тип» объединяет в себе и априорную конструкцию, и эмпирическое обобщение. Следует подчеркнуть, что любая модель сама по себе не является результатом исключительно т. н. объективного (равнодушного по Канту) познания [Кант, 1993], отстраненного от ценностного выбора исследователя, беспристрастно выстраивающего свою теорию в хаосе фактов. Соединение разрозненных фактов и событий в интерпретирующую схему неизбежно опирается на априорные представления (предпосылки) о предмете и смежные дисциплины. При объединяющем подходе, как писал Шиллер, «философский ум» создает «систему», он «не может мириться с отдельными кусками и обрывками целого» [Шиллер, 1956, с. 13]. Эти предзаданные теории «неявно содержатся в его терминологии. Как писал К. Поппер в своем труде «Нищета историцизма»: «Говоря о правительствах, нациях и армиях, он (историк. – *М.В.*) пользуется, как правило, бессознательно,

«моделями», полученными с помощью научного или донаучного социологического анализа» [Поппер]. В то же время, как справедливо заметили П.П. Гайденок и Ю.Н. Давыдов, рассуждая о генезисе веберовского идеального типа, «нельзя отделаться от того, что все-таки идеальная конструкция извлечена из эмпирической реальности» [Гайденок, Давыдов, 1991, с. 46]. Конечно, невозможно создать работающую модель без обращения к конкретным бесконечным и разнообразным общественным проявлениям.

Идеальные модели открытого общества и социально-политического сознания и поведения «человека политического»

Перечислим основные, на наш взгляд, социально-политические черты открытого общества:

1. Центральное структурообразующее место в открытом обществе занимают конкретный, реальный, существующий здесь и сейчас человек как высшая ценность, его жизнь, политические и гражданские права и свободы, достоинство. Сущность свободы и достоинства состоит в праве человека свободно самостоятельно принимать решения, выбирать из максимально широкого спектра предложений практически во всех жизненных сферах: политической, идеологической, духовной, религиозной, культурной, материальной, бытовой и т.д., и, кроме того, в праве самому активно и беспрепятственно участвовать в политической или гражданской деятельности, внося свой вклад в расширение разнообразия, в создание и поддержку новых или существующих центров влияния и власти.

2. Политическую, юридическую и гражданскую инфраструктуру (институты, организации, формы социального поведения и т.д.) открытого общества можно назвать инструментами поддержания порядка равенства, свободного выбора и разнообразия.

3. Открытое общество можно определить как общество, в котором существует «верховенство права» (то есть общество правовое), а граждане подчиняются абстрактным правилам (законам). Сами законы ориентированы на защиту свобод и прав каждого человека, устанавливают равенство прав и ответственности перед законом всех без исключения, а также на защиту от возможного произвола, нарушения принципов справедливости (равенства) и купирования опасностей.

4. Главная опасность для свободы выбора состоит в установлении политико-правового и ценностного режима неравенства путем выделения какой-либо одной или нескольких групп или социального слоя, обладающих привилегиями в отношении других членов общества, фактическим (и/или правовым) иммунитетом, а также в наличии дискриминируемых групп. Как правило, к такому положению дел приводит монополизация и концентрация власти и ресурсов в одной точке, сопровождающаяся лишением человека прав и субъектности, то есть самой возможностью отстаивать свои интересы и права. Монополия единственной политической силы, являющейся отличительным признаком закрытого общества, как правило, ведет к ограничению и запрету на политическую и гражданскую активность всем, кроме этой силы и лояльных ей социально-политических структур, резкому сужению или полному отсутствию выбора, фактической ликвидации представительских и правовых институтов (их симуляции), навязыванию единственно верной позиции, прежде всего в политической, гражданской, идеологической, культурной и др. сферах, политике давления и эксклюзии к несогласным, высокому уровню запретов и наказаний в политической и гражданской сфере, ограничениям в доступе к информации из независимых от власти источников, тотальному контролю правительства над обществом и т.п.¹

5. Чтобы не допустить неконтролируемого расползания полномочий на соседние сферы, в открытом обществе устанавливаются четкие правовые барьеры от вмешательства

¹ Традиционно наиболее опасной, с точки зрения монополизации полномочий, в связи с непосредственным доступом к различного рода ресурсам (административным, силовым, финансовым, медийным и т.п.), является исполнительная ветвь власти (т. н. центральная власть).



в деятельность социальных акторов со стороны «внешних» сил, прежде всего правительственных (государственных), в частную, гражданскую, судебную-правовую и политическую сферы. Именно поэтому смысл и содержание конституций Нового времени, начиная с Великой хартии вольностей (1215), состоит не том, чтобы составить основной свод законов, как полагают многие, как правило, в закрытых обществах, а в том, чтобы этими законами оградить другие элементы общества от возможного посягательства власть имущих на полномочия как самых слабых и незащищенных (отдельного человека и гражданского общества), так и целых институтов (экономики, частной собственности, СМИ, местного самоуправления, сферы искусства, и др.) и ветвей власти (законодательной, судебной), то есть обеспечить их защищенность от центральной власти в рамках демократического законодательного разделения полномочий и ответственности.

6. Открытое общество – общество «полиархическое» [Даль, 2010], то есть социально-политическое пространство, насыщенное разноуровневыми и разнонаправленными конкурирующими центрами власти и влияния. Это общество частичного социально-политического и правового суверенитета¹, субъектности (самостоятельного действия и выбора) и иммунитета многочисленных социальных и политических акторов, начиная с отдельного человека. То есть ни один институт, организация или человек не обладает полной независимостью, свободой от контроля и критики, а также правом навязывания своей воли всему обществу. Таким образом, важнейшей задачей общества открытого типа является удержание баланса интересов и возможностей между центрами влияния с той целью, чтобы ни один из них не стал в итоге единственным источником власти, имеющим ресурсы для подавления других центров социально-политического, морального, правового и других типов суверенитета. В данном отношении эти центры можно представить как институты взаимного контроля и сдерживания властных, узурпаторских амбиций.

7. Открытое общество предполагает законодательное оформление и соблюдение правил четкого распределения (разделения) и ограничения полномочий и юрисдикции не только по горизонтали (классическое разделение властей и местного самоуправления)², но и по вертикали³, гарантирующих независимость различных властных структур друг от друга, оставляющих возможность самостоятельного действия и отстаивания собственных позиций и позиций своих избирателей перед другими властными инстанциями. Институционализированные структуры власти формируются обществом в открытой конкурентной политической борьбе, в процессе свободных выборов, демократических процедур, отчего складывается система зависимости власти, чиновника от граждан.

8. Условиями сохранения баланса сил выступают также и максимальная конкурентность и открытость политических институтов (программ, планов, бюджетов, трат (расходов и доходов), личной жизни чиновников и политиков, и, напротив, редукция секретных статей, деятельности спецслужб и закрытых военизированных структур, правительственной секретности как таковой, возможность общественного контроля, добровольная, реальная (а не пародийная, как в тоталитарном обществе) включенность граждан в социально-политические процессы. Открытость включает как свободную деятельность международных общественных и правозащитных организаций внутри общества, так и широкую включенность

¹ Понятие суверенитет, как правило, рассматривают в отношении государств как качественное свойство, определяющее их независимое положение по отношению к другим странам. Между тем это понятие вполне применимо и в определении особенностей внутригосударственного социально-политического устройства, оно занимает ведущее место при моделировании социального типа.

² К примеру недопустимость влияния, прямого назначения или отстранения сверху выборных должностей (региональных (местных) руководителей) исполнительной ветвью власти вне процедур ответственности перед своими выборщиками, ущемляющих права местного самоуправления, нарушающих принципы подотчетности избирателям.

³ К примеру, разграничение прав и полномочий судов различного уровня, ограничение вмешательства для вышестоящих без права вмешиваться, влиять, оказывать давление, снимать с должности, наказывать и т.п., что может гарантировать только независимость нижестоящих от вышестоящих инстанций.

государства в систему международных правовых, парламентских, общественных, торговых и экономических отношений.

9. Формализованные структуры – не единственные формы власти в открытом обществе. Другое крыло власти представляют неформальные структуры, возникающие в результате гражданской самоорганизации. Открытое общество как «...плюралистическая культура, основанная на коммуникации и убеждении, культура консенсуса и разнообразия...» [Алмонд, Верба, 2014, с. 20] – это своего рода инкубатор по разведению, размножению разнообразных центров силы, влияния (политического, морального, социального), чаще всего представительского типа.

10. Открытое общество, метафорически выражаясь, общество шумное, ибо только высказываясь и обсуждая проблемы публично без стеснения, заявляя о себе, своем существовании прямо и громко и объединяясь с себе подобными, человек может стать видимым и значимым для общества. Только став публичным, он обретает свою социальную бытийность, гражданское, а зачастую и человеческое достоинство, а также способность защитить себя и свои интересы. Отсюда выдающаяся роль в открытом обществе публичных пространств и институтов (СМИ, выборов и выборных институтов, агор, гайд-парков, площадей, других мест собраний и т.д.), этих механизмов гражданского сотрудничества, доверия, озвучивания, формирования, согласования, кристаллизации, легитимации и отстаивания в публичной сфере разнообразных групповых интересов, ценностей, желаний, устремлений, норм, идентичностей, выступающих своего рода усилителями голоса и влияния гражданина и отдельных групп, а также выявляющими проблемы сканерами, обнаруживающими несправедливость, дискриминацию в отношении различных групп общества или отдельных персон.

11. Важнейшей, если не определяющей, чертой открытого общества является наличие развитого и реального действующего института частной собственности, одного из самых значимых источников и условий накопления ресурсов, создания, поддержки и функционирования новых центров влияния.

Черты социальной личности человека политического выводятся из нескольких основоопределяющих и взаимосвязанных политических установок и паттернов социального поведения, а их идеологической базой является концепция «взрослого», свободного и ответственного гражданина, основывающаяся на презумпции ценностного, интеллектуального, морального и правового равенства всех людей.

«Человек политический» убежден в том, что:

1) общество не строится сверху по единому Плану, великим строителем-демиургом, а создается совместными усилиями множеством социальных акторов;

2) политика не является изолированной сферой деятельности, сферой проявления талантов и выдающихся способностей лишь избранных, сверхпрозорливых, наделенных тайным знанием, пророческим даром или особым видением реальности, якобы рожденных только для этого небожителей, и недостижима для разума профанов, неспособных дотянуться до вершин стратегического (геополитического) мышления; что власти, как и обычному человеку, присуще ошибаться, не замечать очевидное и игнорировать значимое, заблуждаться, совершать неблагоприятные поступки и преступления, что власть имущие не всё могут решить и предусмотреть, или не хотят этого в силу различных причин;

3) его собственная (отдельного гражданина) и его коллег-сограждан «гражданская компетентность» [Алмонд, Верба, 2014, с. 237], то есть уровень компетенций, познаний, интеллектуальных способностей, кругозора, вполне достаточен, чтобы участвовать в принятии политических решений (то есть решений, затрагивающих их жизненные интересы и влияющие на судьбу каждого и общества, в целом), формировать структуры управления (вплоть до собственного вхождения во властную группу);

4) его голос и мнение являются важными для общества, значимости себя как личности и важности своей позиции в решении политических вопросов;



5) он лично и его коллеги-сограждане вносят значимый вклад в развитие различных областей жизни (гражданской, культуры, экономики, политики, искусства и т.д.);

6) его личные интересы не расходятся с интересами общества, и тем более не противопоставлены им;

7) материальный достаток, расширение стандартов и норм жизни являются не грехом, а благом для человека и всего общества, так как способствуют увеличению возможностей выбора, большей свободе, доступу к ценностям и ресурсам (культурным, интеллектуальным), являются хорошей базой для культурного и интеллектуального роста;

8) он вправе самостоятельно отбирать круг своих предпочтений на основе собственного вкуса, взглядов или приоритетов во всех областях жизни – от искусства до политики – из максимально широкого регистра предложений, без подсказок цензуры или ограничивающих органов.

9) защита прав и свобод каждого гражданина является приоритетом деятельности общества и государства;

10) он может свободно выражать свое мнение, в том числе открыто и публично участвовать в неформальных гражданских акциях, отстаивать свои принципы и ценности, интересы (которые вовсе не обязательно могут иметь политический характер, но и экономический, профессиональный, социальный и т.п.), что, впрочем, не отменяет политическую суть действия, является нормой;

11) в праве гражданина – свободно участвовать и самому создавать (убеждать и вовлекать других (сеть знакомых, община) в совместную деятельность), центры (группы) социального влияния добровольные ассоциации («группы интересов» (Алмонд, Верба) как политического, так и неполитического (благотворительные, религиозные, зоозащитные и т.п.) типа, представляющие его интересы и усиливающие его влияние. Можно охарактеризовать человека политического как склонного к гражданской кооптации, социальной коммуникации;

12) гражданин обладает правом и даже обязанностью (гражданским долгом) ради собственных интересов и поддержания режима свободы ограничивать властный произвол, контролировать лидеров (правительственные, властные элиты) и бюрократию, «открывать» для общества скрытые от него (от критики, контроля, требовать доступа к информации) зоны через процедурные ритуалы: обращения к органам власти, систему выборов, участия СМИ, а если они не идут навстречу требованиям, принуждать к отставке, применяя и другие способы давления, включая уличную практику гражданских угроз, участие в митингах и протестах, а также выбирать другие формы политического давления вплоть до права народа на сопротивление и «применение силы» в крайних случаях (тирании) [Локк, 1988, 380];

13) человека политического отличает вера в человека и его положительные качества: бескорыстие, готовность прийти на помощь, общую установку на гражданскую эмпатию и высокую степень доверия, по словам Гарольда Лассуэла «...на теплое, неравнодушное отношение к другим людям» [Алмонд, Верба, 2014, с. 25], доброжелательность, отзывчивость, открытость и толерантность, готовность «...разделять ценности других и делиться своими ценностями с другими» [Алмонд, Верба, 2014, с. 25];

14) что другой (согражданин) также обладает гражданской щедростью и готовностью оказать помощь, что он является надежной опорой и резервом группового влияния и сам готов к сотрудничеству, готов выступить в составе гражданских коллабораций, защищая общие права, протестовать против не устраивающих его планов, решений и поступков, в том числе органов власти;

15) что гражданские действия отдельного гражданина могут и должны иметь значимые последствия, а его поступки эффективны для склонения чаши весов в свою сторону;

16) также презумпция доверия (равенства) и уважительного отношения существует и в отношении другого (иноплеменника). Он не воспринимается с подозрением, недоверием, как Чужой, от которого можно ежеминутно ждать неприятностей. Так снимаются барьеры

между своим и чужим. Отсюда умение сопереживать другому, готовность справедливо и по достоинству оценить его (человека, государство, цивилизацию, род деятельности...) достижения, труд, талант, вклад в развитие человеческой цивилизации, мира, науки и техники, искусства и т.д., готовность перенимать чужой опыт. Чужие достижения не становятся поводом к болезненному ресентименту;

17) причины неудач не стоит перекладывать на плечи других и списывать их на «прониски» внешних врагов и внутренних изменников, а искать в недостатках собственных действий и решений. Общество, таким образом не нужно разделять на своих и чужих, «наймитов» международных злых сил;

18) настоящее время – есть итог, пусть и промежуточный, но важный, всему тому, что было создано в культуре многими поколениями. При всей значимости прошлого и будущего, именно оно является самым важным, временем, аккумулировавшим наиболее ценное, временем, в котором протекает его собственная жизнь и жизнь его коллег-сограждан. Отсюда стремление добиться успеха в решении вопросов в настоящей жизни, и не откладывать это решение на загробное существование;

19) история и традиция не должны довлеть над настоящим и будущим. Всё хорошее не приписывается исключительно прошлому, уж тем более, оно не является нравственным образцом, чистым, однозначно благородным, талантливым, человеческим. Более того, прошлое, в силу неразвитости многих социальных отношений (насилие, дискриминация и т.п.), институтов (право, мораль), техники, зачастую оказывается гораздо менее привлекательным, чем настоящее. Нередко взгляд на прошлое предполагает социально-политический его анализ, проблематизацию недостатков, системных проблем в области прав человека. Прошлое в этом случае, становится важным уроком, из которого настоящее должно извлекать выводы, в сторону его преодоления, гуманизации. То есть именно настоящее становится точкой отсчёта для других времен, вырабатывает критерии их оценки. Отсюда отказ от культа предков, непогрешимой традиции и культа Будущего;

20) важной чертой человека является его способность к расширению своих горизонтов познания, открытость, восприимчивость к новому, к новым впечатлениям. Эта открытость касается любых сфер современности: науки, культуры, религии, искусства, спорта. Новое не должно маркироваться как подозрительное, чуждое, потенциально опасное, разрушительное для морали и целостности общества. Поэтому в отношении достижений, к примеру, современной культуры, новых форм искусства (течения, стили, жанры, авторы и т.п.), в основе своей, должна преобладать позитивная, «понимающая» (термин из социологии) ориентация;

21) научные открытия и достижения в области современной техники – занимают существенное место в жизни человека, они привлекают и окрыляют, расширяют границы познания и человеческие возможности. Однако при этом, технические новшества не представляют собой средство достижения будущего, это всего лишь инструмент, могущий оказаться в руках, к примеру, реставраторов несовершенного прошлого или конструкторов тоталитарного будущего, использующийся для подавления (слежки, контроля, репрессий и т.п.) гражданского общества, уничтожения принципов равноправия и справедливости. Поэтому применение технических достижений в некоторых областях жизни должно находиться под гражданским контролем. Само техническое развитие общества не является основным показателем его цивилизованности и гуманности, будущее не создается техникой, оно наступает в результате совершенствования политических систем, права, экономики и общей гуманизации общества;

22) основной критерий оценки развития общества – уровень прав и свобод гражданина, его защищенность перед лицом «сильных мира сего»;

23) права и свободы отдельного гражданина на шкале ценностной иерархии расположены выше прав коллективных. Более того, как правило, т.н. коллективные права могут представлять собой угрозу для каждого человека в отдельности, ограничивая его право выбора, то есть свободу;



24) в открытом обществе гражданские добродетели человека-политического и личные качества человека, реализующиеся в быту, не дублируют друг друга полностью. Конечно, есть между ними определенные корреляции, совпадения: честность, добросовестность, к примеру. Однако между этими образами человека есть и существенная разница. Так, в личной жизни по отношению к близким (родственникам, соседям) безусловными ценностями являются скромность, терпеливость, терпение, невзыскательность, покладистость, уступчивость, семейственность, приветливость, незлобивость, незлопамятность, миролюбие, ценится человек сдержанный, деликатный, уважающий чужую приватность и т.д. Гражданская же деятельность требует от человека другие качества: настойчивость (упрямство), эмоциональность, решительность в отстаивании прав, своего рода, нескромность, публичность, умение и желание быть на виду, спорить и отстаивать свою правоту, быть граждански «видимым», заметным, субъектом, социальным актором, требовательным к власти, громко заявлять о своем недовольстве, требуя от власти эффективного решения, излишняя деликатность здесь будет равна робости, стеснительность – слабости, доверие к согражданам должно сочетаться с недоверчивостью, настороженностью в отношении к власти имущим и закрытым структурам, желанием следить контролировать и проверять их, в общем, быть настороже.

Заключение

Подведем краткий итог. В процессе работы над темой мы пришли к следующим выводам: 1) элементы открытого общества представляют собой систему, то есть взаимосвязаны и взаимозависимы; 2) идея открытого общества – идея разнообразия и выбора, то есть максимально широкое представительство в политическом и социальном (культурном, идеологическом, художественном и др.) пространствах различных традиций, сил, движений, позиций, точек зрения и т.п.; 3) природа открытого общества раскрывается через осознание фундаментальной его ценности: реального, существующего здесь и сейчас человека, обладающего правом выбора и участия в политической и гражданской деятельности; 4) ведущими чертами открытого общества являются: публичность, автономность, разнообразие и право выбора, а также стремление социальных систем этого типа не только воспроизводить разнообразные автономные структуры, сохраняющие свою социальную и политическую субъектность, но и поддерживать баланс политических влияний, с целью недопущения узурпации власти какой-либо одной политической силой; 5) базовым элементом открытого общества, без которого оно не способно поддерживать свой гомеостазис, являются не только работающие социально-политические институты, но и «человек политический», человек уверенный в себе, «громкий», человек активного и самостоятельного гражданского действия, высокой «гражданской компетентности».

Список литературы

- Алмонд Г., Верба С. 2014. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. Пер. с англ. Е. Генделя. М., Мысль, 500 с. (Almond G.A., Verba S. 1963. *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, Princeton University Press, 576 p.)
- Вебер М. 1990. Избранные произведения. Пер. с нем. М., Прогресс, 808 с.
- Васильева Л.А. 2017. Мифотворчество и мифологизация в печатных СМИ: Ретроспектива и современность. Дис. ... докт. Филол. наук. С.-П., 426 с.
- Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. 1991. История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., Политиздат, 368 с.
- Даль Р.А. 2010. Полиархия: участие и оппозиция. Пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова. М., Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 288 с.
- Каган М.С. 2006 (а). О способах представления структур социальных объектов. В кн.: М.С. Каган. Избранные труды в VII томах. Том I. Проблемы методологии. СПб, ИД «Петрополис», С. 31–44.

- Каган М.С. 2006 (b). Системное рассмотрение основных способов группировки. В кн.: М.С. Каган. Избранные труды в VII томах. Том I. Проблемы методологии. СПб., ИД «Петрополис», С. 44–54.
- Каган М.С. 2006 (c). Системность и историзм. В кн.: М.С. Каган. Избранные труды в VII томах. Т. I. Проблемы методологии. СПб., ИД «Петрополис», С. 21–31.
- Каминский П.П. 2012. «Время и бремя тревог». Публицистика Валентина Распутина. М., Флинта, Наука, 240 с.
- Кант И. 1993. Идея всеобщей истории во всемирно–гражданском плане В кн.: Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Том 1. «Трактаты и статьи» (1784–1796). М., Издательская Фирма АО «Ками», 586 с.
- Липсет М. 2016. Политический человек: социальные основания политики. Пер. с англ. Е.Е. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. М., Мысль, 612 с.
- Локк Дж. 1988. Два трактата о правлении. В кн.: Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. Пер. с англ. и лат. Ю.М. Давидсона и др. Под ред. А.Л. Субботина. М., Мысль: 137–405.
- Меринов В.Ю. 2022. Идеология ограниченной субъектности в творчестве современных российских публицистов: сущность и способы имплементации. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 40(4): 431–441.
- Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. Библиотека «Политология». URL: <http://www.politnauka.org/library/classic/parsons.php> (дата обращения: 30.11.2022)
- Петрова М.В. 2000. Парадигмы русской национальной идеи: История и современность. Автореф. дисс. докт. полит. наук. Москва, 28 с.
- Попов Э.А. 2006. Русский консерватизм: идеология и социальнополитическая практика. Автореф. дисс. докт. филос. наук. Ростов–на–Дону, 38 с.
- Поппер К. 1993. Нищета историцизма. Москва, Прогресс, 185 с.
- Поппер К. 1992 (a). Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М., Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 448 с.
- Поппер К. 1992 (b). Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков; Гегель, Маркс и другие оракулы. М., Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 448 с.
- Репников А.В. 2001. Русский консерватизм: вчера, сегодня, завтра. В кн.: Консерватизм в России мире: прошлое и настоящее. Воронеж, Выпуск 1. С. 9–20.
- Шиллер И.–Ф. 1956. В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения. В кн.: И.–Ф. Шиллер. Собр. соч.: В 7 т. Т. IV. Исторические сочинения. Статьи. М., Худ. лит., С. 9–31.
- Янов А.Л. 1995. После Ельцина. "Веймарская" Россия. М.: "КРУК", 320 с.

References

- Almond G., Verba S. 2014. *Grazhdanskaya kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranakh* [Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Countries]. Per. from English. E. Gendel'. М., Publ. Mysl', 500 p. (Almond G.A., Verba S. 1963. *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, Princeton University Press, 576 p.)
- Weber M. 1990. *Selected works*. Per. with him. М., Progress, 808 p. (in Russian).
- Vasilyeva L.A. 2017. *Myth–making and mythologization in Print Media: Retrospective and Modernity*. Dis. ... doct. Philol. nauk. S.–P., 426 p. (in Russian).
- Gaidenko P.P., Davydov Yu.N. 1991. *History and Rationality: Max Weber's Sociology and the Weber Renaissance*. М., Politizdat, 368 p. (in Russian).
- Dahl R.A. 2010. *Polyarchy: participation and opposition*. Translated from the English by S. Denikina, V. Baranova. М., Publishing House of the State University – Higher School of Economics, 288 p.
- Kagan M.S. 2006 (a). About the ways of representing the structures of social objects. In the book: M.S. Kagan. *Selected works in VII volumes. Volume I. Problems of methodology*. St. Petersburg, Petropolis Publishing House, pp. 31–44 (in Russian).
- Kagan M.S. 2006 (b). Systematic consideration of the main ways of grouping. In the book: M.S. Kagan. *Selected works in VII volumes. Volume I. Problems of methodology*. St. Petersburg, Publishing House "Petropolis", pp. 44–54. (in Russian).
- Kagan M.S. 2006 (c). Consistency and historicism. In the book: M.S. Kagan. *Selected works in the VII vol. Vol. I. Problems of methodology*. St. Petersburg, Publishing House "Petropolis": 21–31 (in Russian).
- Kaminsky P.P. 2012. "Time and the burden of anxiety". *The journalism of Valentin Rasputin*. М., Flint, Nauka, 240 p. (in Russian).



- Kant I. 1993. The idea of universal history in the world–civil plan In the book: Essays in 4 volumes in German and Russian. Volume 1. "Treatises and articles" (1784–1796). Moscow, Publishing Company JSC "Kami", 586 p. (in Russian).
- Lipset M. 2016. The Political man: the social foundations of politics. Handel, V.P. Gaydamak, A.V. Mateshuk, M., Mysl, 612 p. (in Russian).
- Locke J. 1988. Two treatises on government. In the book: Locke J. Essays: In 3 vols. Vol. 3. Translated from English and Latin by Y.M. Davidson and others. Edited by A.L. Subbotin. M., Thought: 137–405 (in Russian).
- Merinov V.Yu. 2022. The ideology of limited subjectivity in the work of modern Russian publicists: the essence and methods of implementation. *Questions of Journalism, pedagogy, Linguistics*, 40(4): 431–441 (in Russian).
- Parsons T. The concept of society: Components and their relationships. The library "Politology" (in Russian). URL: <http://www.politnauka.org/library/classic/parsons.php> (accessed: 11/30/2022)
- Petrova M.V. 2000. Paradigms of the Russian National Idea: History and Modernity. Av–toref. diss. dr. polit. sciences'. Moscow, 28 p. (in Russian).
- Popov E.A. 2006. Russian Conservatism: ideology and Socio–political practice. Av–toref. diss. doct. philos. sciences'. Rostov-on-Don, 38 p. (in Russian).
- Popper K. 1993. The poverty of historicism. Moscow, Progress, 185 p. (in Russian).
- Popper K. 1992 (a). Open Society and its enemies. Vol. 1. The Charms of Plato. M., Phoenix, International Foundation "Cultural Initiative", 448 p. (in Russian).
- Popper K. 1992 (b). Open Society and its enemies. Vol. 2. The Time of false Prophets; Hegel, Marx and other oracles. M., Phoenix, International Foundation "Cultural Initiative", 448 p. (in Russian).
- Repnikov A.B. 2001. Russian conservatism: yesterday, today, tomorrow. In: Conservatism in the Russian World: Past and Present. Voronezh, Issue 1. pp. 9–20 (in Russian).
- Schiller I.-F. 1956. What is the study of world history and what is the purpose of this study? In the book: I.-F. Schiller. *Sobr. op.*: In 7 vols. Vol. IV. Historical writings. Articles. M., Hood. lit., pp. 9–31 (in Russian).
- Yanov A.L. 1995. After Yeltsin. "Weimar" Russia. Moscow: "KRUK", 320 p. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 11.12.2022

Поступила после рецензирования 06.02.2023

Принята к публикации 10.06.2023

Received December 11, 2023

Revised February 06, 2023

Accepted June 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Меринов Валерий Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valeriy Y. Merinov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Journalism of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 304.4

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-2-225-232

Сетевое продвижение исторической реконструкции бала: текстовый формат

Маслеева В.В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
E-mail: Enriel-252@yandex.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена, с одной стороны, постоянно возрастающей востребованностью медиатекстов, создаваемых в проблемном поле event-менеджмента, с другой, – отсутствием филологических работ, посвященных данному феномену. Цель автора – выявление особенностей структуры данного гипертекста, сверхзадачей которого является продвижение исторической реконструкции бала, его жанрового состава, актуализируемых возможностей контактоустановления. В основе аналитического алгоритма – техники интенционально-стилистического анализа медиаречи. Было рассмотрено более 4 000 постов, опубликованных в 1 427 сообществах в социальной сети «ВКонтакте» с 2018 по 2022 год, материалы петербургского специализированного сайта-визитки, созданного компанией «С корабля на бал». Основные выводы: эффективность проанализированного гипертекста обусловлена его ярко выраженной многожанровостью и полиинтенциональностью, возможностью реализации самых разных коммуникативных задач. Воздействующий потенциал модульных текстов определяется, с одной стороны, презентацией осведомительной интенции, с другой, их поликодовостью; относительно свободный по речевым характеристикам жанр поста позволяет формировать особое эмоциональное отношение к презентуемому событию; более стереотипный по речевой форме сайт привлекает внимание массовой аудитории интерактивными аудиовизуальными компонентами; direct mail позволяет создавать индивидуальные коммуникативные траектории, инициирующие обратную связь.

Ключевые слова: сетевые жанры продвижения, гипертекст, продвижение исторического бала, медиатексты

Для цитирования: Маслеева В.В. 2023. Сетевое продвижение исторической реконструкции бала: текстовый формат. *Вопросы журналистики, педагогики и языкознания*, 42(2): 225–232. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-225-232

Network Promotion of the Historical Reconstruction of the Ball: Text Format

Victoria V. Masleeva

Saint Petersburg State University
7-9 Universitetskaya Prom., Saint Petersburg 199034, Russia,
Email: Enriel-252@yandex.ru

Abstract. The relevance of the article is due, on the one hand, to the ever-increasing demand for media texts formatted in the problematic field of event management, on the other hand, to the lack of philological works devoted to this phenomenon. The article describes the unique characteristics of hypertext, the main task of which is to promote the historical reconstruction of the ball. The aim of the author is to identify the features of the structure of this hypertext, its genre composition, and actualized contact installation capabilities. The analytical algorithm is based on the techniques of intentional-stylistic analysis of media speech. More than 4,000 posts published in 1427 communities on the Vkontakte social network from 2018 to 2022, materials of the St. Petersburg specialized business card website created by the company "From the Ship to the Ball" were reviewed. The main conclusion is that the effectiveness of the analyzed hypertext



is due to its pronounced multi-genre and polyintensionality, the possibility of implementing a variety of communicative tasks. The influencing potential of modular texts is determined, on the one hand, by the presentation of the informative intention, on the other, by their polycode. The genre of the post, which is relatively free in speech characteristics, allows you to form a special emotional attitude to the event being presented. The site, which is more stereotypical in its speech form, attracts the attention of a mass audience with interactive audiovisual components. Direct mail allows you to create individual communication trajectories that initiate feedback.

Keywords: network genres of promotion, hypertext, promotion of the historical ball, media texts

For citation: Masleeva V.V. 2023. Network Promotion of the Historical Reconstruction of the Ball: Text Format. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2): 225–232 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-225-232

Введение

Популярность special events как инструмента продвижения любого продукта или услуги и востребованностью медиатекстов, форматируемых в соответствующем проблемно-тематическом поле, постоянно возрастают.

Сегодня изучением event-менеджмента занимаются многие отечественные и зарубежные исследователи. Джо Джефф Голдблатт – автор первого учебного курса и тренинговой программы в сфере событийной индустрии. Ульрих Хальцбаур в исследовании «Коммуникативный маркетинг» [2011] первым детально проанализировал содержание понятия «event». А. В. Шумович в книге «Великолепные мероприятия» [2008] одним из первых описал технологии организации деловых мероприятий в России. Среди отечественных исследователей можно также назвать авторитетных специалистов, разрабатывающих теоретические и практические основы special events, как Кондратенко [2011], Романцов [2012], Тульчинский [2010].

Но современная гуманитаристика, филологические науки только приступают к осмыслению научной проблематики, связанной с исследованием инструментов продвижения событий. С точки зрения специалистов, к таким инструментам в первую очередь следует отнести разные типы медиатекстов, форматирующих уникальное пиар-пространство [Цветова, 2020]. Следует заметить, что элементами данного сегмента медиадискурса долгое время было принято считать PR-тексты – «актуальные прагматически ориентированные тексты, нацеленные на выполнение конкретных практических задач в сфере public relations» [Селезнева, 2016]. В последнее десятилетие все чаще говорят о возникновении разножанровых «продвигающих» текстов – особых коммуникативных единиц, функционирующих в поле маркетинговых коммуникаций, воздействующих на целевую аудиторию через привлечение внимания, а также обладающих системой вербальных и невербальных средств для усиления их эффективности [Ухова, 2018]. Однако сетевое продвижение разных типов исторической реконструкции как special events еще не рассматривалось учеными.

Именно поэтому наша цель – выявление особенностей структуры гипертекста продвижения исторической реконструкции бала, его жанрового состава, зависящих от формата special events техник и средств контактоустановления.

Объекты и методы исследования

Объект исследования – сетевое продвижение исторической реконструкции как мероприятия формата special events. Предмет исследования – уникальные характеристики гипертекста, сверхзадачей (гиперинтенцией) которого является продвижение исторической реконструкции бала.

Эмпирическая база – более 4 000 постов, опубликованных в 1 427 сообществах в социальной сети «ВКонтакте» с 2018 по 2022 год, материалы петербургского

специализированного сайта-визитки, созданного компанией «С корабля на бал». Эмпирическая база формировалась методами сплошной и репрезентативной выборки.

Методологическую базу исследования составили

- философский принцип антропоцентризма, позволяющий определить позицию и точку зрения говорящего/пишущего, его коммуникативные установки и интересы;
- системный подход к тексту как к основной коммуникативной единице в анализируемом дискурсе;
- функциональный подход, который дает возможность охарактеризовать употребление речевых средств в определенной коммуникативной ситуации.

При создании аналитического алгоритма использовались элементы когнитивного, дискурсивного анализа, техники интенционально-стилистической интерпретации медиатекста.

Результаты и их обсуждение

Как известно, социальная сеть (или Social Networks) – это виртуальная сеть, являющаяся средством обеспечения сервисов, связанных с установлением связей между его пользователями и соответствующими их интересам информационными ресурсами [Вульф и др., 2007]. Основной причиной преобладания сетевых текстов в гипертексте продвижения событий являются ключевые характеристики социальных сетей: простое управление, большой набор функций, легкодоступность. Необходимо указать, что сегодняшние интернет-сообщества обладают хорошо выраженной структурой, где преобладает развитие горизонтальных коммуникационных связей, общение происходит на равных, а следовательно, упрощается форма подачи материала [Володенков, 2007]. Такой набор качеств детерминирует социальные сети как эффективную площадку для коммуникаций, на которой функционирует особая жанровая система. Согласно классификации Л. Ю. Иванова [2003], эта система представлена «исконно сетевыми жанрами» (чаты, опросы, анкеты, дискуссионные группы, форумы, блоги, веб-сайты и т.д.), «традиционными жанрами, адаптированными в сети и представленными в измененной форме (жанры печатных СМИ)»¹. Речевая структура большей части этих текстовых моделей уже описана, созданы рекомендации для авторов-администраторов.

Популярные, учитываемые практиками рекомендации касаются тексто-порождающей деятельности автора, который должен:

- определиться со стилем общения;
- продумать функции оценочной лексики (*счастливчик*); частиц (*только*); эмоционально окрашенных предложений, маркированных восклицательными знаками; пожеланий (*Удачи!*), личных форм глаголов (*разыгрываем, ждем*) [Балахонская, 2015].
- придумать яркий заголовок;
- позаботиться о том, чтобы текст был понятным и читабельным [Шугерман, 2007].

При анализе эмпирической базы исследования нами было выявлено, что создатели интернет-сообществ, посвященных исторической реконструкции бала, прежде всего ориентируются на рекомендации по созданию названий специализированных сообществ. В нашем случае эти названия можно разделить на несколько типов:

- название сообщества в социальной сети «ВКонтакте» состоит из наименования проекта, в рамках которого организованы данные мероприятия (например, «*Бальные истории прошлого*», «*Балы. Четыре сезона*», «*Клуб исторического танца "Эрмитаж"*»);
- название сообщества в социальной сети «ВКонтакте» презентует название бала (например, «*Одиннадцатый Николаевский Бал*», «*Бал "Простая история"*», «*Весенний бал*»);

¹ Иванов Л.Ю. 2003. Язык в электронных средствах коммуникации. В кн.: Культура русской речи. Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М., Флинта, Наука: 791–793.

– название сообщества в социальной сети «ВКонтакте» состоит из названия бала и города, в котором мероприятие проводится (например, «*Балы в Тосно*», «*Балтийский Бал в Санкт-Петербурге*», «*ВЕНСКИЙ БАЛ МОСКВА*»).

Общий стиль общения определяется возможностью использования специальной разговорной лексики: стилистически сниженной – жаргонной (*танц. программа, бургерные балы, бальники, историки*; номинаций танцевальных элементов – *корзинка, голубец, лодочка*) и особого типа профессионализмов (*исторические танцы, танцмейстер, вальс-мазурка, дресс-код*).

Понятность и читабельность поста обеспечивается за счет средств креолизации. Например, посты в сообществах (*4 000 за 2021–2022 гг.*), посвященных исторической реконструкции бала, являются поликодовыми текстами, которые включает в себя речевые и аудиовизуальные компоненты (самые популярные – смайлы). Они строятся по типу поста любого другого сообщества, но имеют некоторые особенности. По интенционально-стилистическим характеристикам посты делятся на информационные, развлекательные и побудительные (продающие контент).

В информационных постах доминируют вербализованные компоненты, они используются при оформлении ответов на самые важные вопросы, которые помогут гостям будущего бала тщательно подготовиться (*например, информация о дресс-коде бала, список танцевальной программы и др.*).

Развлекательный контент в бальных сообществах, как правило, презентуется с использованием визуальных рядов (например, это может быть подборка картинок платьев разных эпох), с привлечением аудиозаписей (*список классической музыки для танцев*), а также элементов игры (*в сообществе «Бальные истории прошлого» в 2018 году проходила викторина, состоящая из трех вопросов по истории бала*).

Продающий (побудительный) «бальный» текст содержит информацию о продаже билетов. В сильной позиции такого поста обычно содержится мотивационный текстовый фрагмент, содержащий оценочный компонент, выраженный с помощью эпитетов «*волшебный*», «*интересная*» и др. Заголовок может состоять как из одного емкого по смыслу предложения, которое отражает суть текстового сообщения (например, «*🌟 В День Российского студенчества в Петербурге пройдет Татьянинский Покровский бал 🌟*»; в данном случае используются иконические знаки – эмодзи), так и иметь сложную структуру, состоять из названия сообщества, мотивационного компонента и самого заголовка (например, «*Бальные истории прошлого → ДА БУДЕТ БАЛ! Мы объявляем регистрацию на ежегодный Новогодний бал*»). Выбор варианта зависит от дизайнеров сообщества или администраторов. Часто в начале такого поста употребляются эмоционально-окрашенные, оценочные обращения «*дорогие дамы и господа*».

В целом смысловая структура поста в интернет-сообществе идентична смысловой структуре афиши и пригласительного билета — модульных текстов, открывающих гипертекст продвижения бала. Модульные тексты (афиши и пригласительные билеты), как мы отмечали ранее, представляют речевой материал в пределах плоскости одного модуля, что определяет их предельную стереотипизированность [Маслеева, 2022].

С нашей точки зрения, ядро гипертекста — сайт. В структуру этого текста входят некоторые смысловые компоненты, которые характерны для модулей и постов: сайт отвечает на многие организационные вопросы, но основная его функция — демонстрация преимуществ продвигаемого продукта или оказываемой услуги. Именно сайт предлагает адресату аргументы для начала или продолжения сотрудничества с компанией; текст сайта должен быть убеждающим [Горявский, 2001].

Л.В. Ухова [2018] отмечает, что процесс убеждения пользователя можно строить по схеме Аристотеля, которая напоминает схему рекламного воздействия AIDA (Attention – внимание, Interest – интерес, Desire – желание, Action – действие):

- Exordium (вступление) – рекомендуется начать с эффектного заявления для привлечения внимания пользователей сайта;
- Narratio (изложение) – далее следует поднять острую проблему, которую решит только продукт или услуга, представленные на сайте;
- Confirmatio (утверждение) – описание решения данной проблемы, подкрепленное доказательствами;
- Peroratio (заключение) — указание на преимущества, которые получит пользователь, если он закажет услугу или купит продукт.

Специалисты обращают внимание на несколько факторов, которые необходимо учитывать, чтобы удержать внимание пользователя/адресата.

1. Расположение текста на странице. Текст необходимо выравнивать по левому краю, что помогает увеличить скорость чтения и сфокусировать внимание пользователя.
2. Шрифт должен быть читабельным и не сливаться с экранным фоном, поэтому необходимо использовать Arial, Verdana,Tahoma.
3. Оптимальным размером шрифта считается 10–12 кегль, а в версии для слабовидящих людей 12–14 кегль.
4. Контент должен соответствовать поисковым запросам пользователей в ожидаемой полноте.
5. Речевая форма сайта должна соответствовать критерию правильности ¹.

Проекты и компании, которые проводят исторические балы в Санкт-Петербурге, как правило, не имеют своих сайтов из-за высокой стоимости их обслуживания. Исключением стала компания «С корабля на бал», создавшая сайт в формате визитки.

1. В сильной позиции расположено название организации и контактный номер для связи с организаторами. Далее – заголовок сайта «*Организация балов в костюмах конца XVIII — начала XIX века в лучших дворцах Санкт-Петербурга*», который указывает на специфику продвигаемого продукта. В данном случае *лучший* является усилителем положительной оценки деятельности компании по организации балов.

2. Авторы сайта сознательно используют в его вербализованной части числовые показатели («*300 мероприятий: от выпускных и корпоративов до масштабных торжеств на 350 и более человек*»); прецедентные имена («*Нам доверяют Елизавета Боярская, Ксения Собчак, Сергей Шнуров, певица Натали и Дмитрий Харатьян, а также ряд корпоративных клиентов и турфирм*»), далее будут показаны фотографии данных персон в роли участников балов.

3. Отсылки к исполнительскому опыту компании выполняет функцию мотиватора побуждения («*10 лет опыта — уникальность программы и костюмов, удовлетворенность и комфорт гостей*»).

4. Особое внимание модераторы сайта уделяют разделу «Кратко об услуге».

Вербализованная часть текста, опубликованного в этом разделе, выдержана в основном официально-деловом стиле с немногочисленными иностилевыми вкраплениями, которые намекают на вовлечение будущих участников бала в игровую стихию (глагол «*переоблачаем*»), к погружению в которую стремится адресат, посещающий балы.

5. Раздел «Кого мы радуем празднеством» в интерактивной форме привлекает целевую аудиторию сайта: «*туристические группы, молодожены и именинники, студенты и школьники, сотрудники компаний, звезды шоу-бизнеса*».

6. Раздел «Базовая программа мероприятия» состоит из трех частей – перечисляются все виды предлагаемых сопутствующих услуг («*аренда исторических костюмов, краткая экскурсия о культуре балов и бальном этикете, мастер-класс ведущего-хореографа, фотосессия*»), дается поминутный сценарий мероприятия («*встреча гостей, переоблачение в*

¹ Читабельность текста: что это такое и как ее улучшить. 2008-2022. ETXT.ru. URL: <https://www.etxt.ru/subscribes/chitabelnost-teksta-cto-eto-takoe-i-kak-eyo-uluchshit/> (дата обращения: 26.07.2022).



исторические костюмы, бал, время для фотографирования, переодевание») и предлагается интерактивная кнопка с приглашением «сделать звонок» или оставить свой номер телефона.

7. В разделе «Прайс-лист» описаны пакеты услуг «стандарт», «премиум» и «люкс». Как правило, при организации бала указывается стартовая стоимость билета, которая возрастает с приближением даты мероприятия.

8. Несколько интерактивных разделов о бале-свадьбе и бале-выпускном с фото и видео. Например, с помощью фоторедакторов можно вставить свое фото в программу и «станцевать» на виртуальном бале.

9. Наконец, обязательные разделы сайта – это отзывы гостей бала с обязательным указанием фамилий, имен и фото, чтобы доказать, что данные отзывы достоверны; часто задаваемые вопросы от гостей бала, (*например, «У вас костюмы всех размеров?» или «У нас не все согласятся переодеваться (стесняются), как быть?»*) и основные адреса, контакты и время работы в «подвале» сайта.

При создании специализированного сайта такого типа, как свидетельствует наш опыт, следует учитывать:

1. Особенности употребления специальной бальной лексики:

– запрет на использование узкоспециальной терминологии при презентации танцевальной программы (*например, фигуру для Французской кадрили «En Avant et en Arrière» лучше представить, как «шаги вперед-назад»*), отпугивающей новых участников события;

– преимущественная ориентация на использование специальных номинаций в описании дресс-кода (*например, пышные платья с кринолинами для барышень и камзолы/мундиры/фраки для кавалеров*), в этом случае детали становятся средством установочного погружения посетителей сайта в уникальное историческое пространство.

2. Особые требования к ключевым словам для поисковиков (*при введении «С корабля на бал» и «Проведение костюмированных балов в лучших дворцах СПб» поисковые системы выдают анализированный сайт*).

3. Необходимость указывать на те организационные нюансы, которые могут ограничивать потребительский интерес (*«танцевать уметь не нужно – научим», «идеальное решение для впечатляющего праздника»*).

Последний по времени появления жанр, применимый к сетевым текстам продвижения исторической реконструкции бала – direct mail или прямая рассылка, для которой обычно используется социальная сеть «ВКонтакте». В сообществах существует такая функция – рассылка письма всем подписчикам. Исходя из опыта автора статьи, прямая рассылка еще никогда не применялась в бальной среде, но, с нашей точки зрения, потенциал данного текстового формата (жанра личного электронного послания) определяется несколькими его характеристиками.

1. Обычно прямая рассылка эффективна при взаимодействии с целевой аудиторией, которая могла бы заинтересоваться продуктом или услугой. В бальной среде рассылка может осуществляться тем адресатам, которые уже однажды посещали бал или являются постоянными гостями.

2. Структура основного текста соответствует всем канонам письма, где будет присутствовать личное обращение, описание объекта продвижения с ориентацией уже на зафиксированные сетью потребительские интересы. Финальный текстовый компонент должен содержать выражение надежды на дальнейшие контакты, благодарность за внимание и фразу, принуждающая к дальнейшему ответу [Курченкова, 2006].

Заключение

Подводя итоги, следует отметить следующее: именно гипертекст особенно эффективен для продвижения бала, поскольку он имеет многожанровую структуру и полиинтенционален, что обеспечивает реализацию нескольких коммуникативных задач.

1. Воздействующий потенциал модульных текстов определяется, с одной стороны, презентацией осведомительной интенции, с другой, их поликодовостью.
2. Для жанра поста также характерна поликодовость, но он допускает большую свободу в использовании лексических средств, что позволяет формировать особое эмоциональное отношение адресата к презентуемому событию.
3. По сравнению с постами сайт по речевой форме более стереотипен, предлагает практически обезличенный тип коммуникации и анонимного автора, привлекает внимание массовой аудитории интерактивными аудиовизуальными компонентами.
4. Жанр Direct mail, пока это можно только предположить, позволит создавать индивидуальные коммуникативные траектории, инициирующие обратную связь. В этом жанре особое значение имеет обращение к адресату, что естественно, так как в прямой рассылке система контактоустанавливающих средств направлена на реализацию индивидуального подхода к каждому адресату.

Список источников

- Гавра Д.П. 2011. Цифровой PR для территории: постановка проблемы и базовые понятия. Федеральное интернет-издание «Капитал страны», 1 апреля, 2011. URL: <http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/183177> (дата обращения 22.07.2022)
- Горявский Ю. 2001. Назад в будущее. Мир Internet. № 10. М., 35 с.
- Кондратенко Е.А. 2011. Событийный менеджмент: учебное пособие. Барнаул : Азбука, 142 с.
- Романцов А. Н. 2012. Event-маркетинг: сущность и особенности организации. Практическое пособие. М., «Дашков и К», 116 с.
- Тулчинский Г.Л., Лохина Т.В., Герасимов С.В. 2010. Менеджмент специальных событий в сфере культуры: учебное пособие. СПб., Лань, 278 с.
- Шугерман Д. 2007. Как создать крутой рекламный текст. Альпина Диджитал, с. 438.

Список литературы

- Алтухова Т.А., Бульдяева В.В., Бушев А.Б., Валько О.В., Ворошилова М.Б., Голев Н.Д., Губина Е.Н., Дебренин М., Дударева Я.А., Евпак Е.В., Зайцева О.В., Ильясова С.В., Иркова А.В., Каменева В.А., Катышев П.А., Колмогорова А.В., Кондратьева О.Н., Ляшева М.Н., Носовец С.Г., Оленев С.В., Потапова Н.В., Рабенко Т.Г., Строганов В.Б., Черняк В.Д., Чистова Е.В., Шмелева Т.В. 2021. Социальные сети: комплексный лингвистический анализ. В 2-х томах. Т. 1. Под ред. Л.Г. Кима, Н.Д. Голева. Кемерово, Кемеровский государственный университет, 430 с.
- Балахонская Л.В. 2015. PR-текст: структура, содержание, оформление. СПб., Свое издательство, 198 с.
- Быкова Е.В. 2011. Модульный текст в семиотическом аспекте. *Записки Горного института*, 193: 265–267.
- Курченкова Е.А. 2006. Прямая почтовая рассылка как форма рекламного дискурса. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 5: 142–148.
- Маслеева В.В. 2022. Модульные тексты как средство продвижения исторической реконструкции бала. В кн.: *Медиалингвистика*. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа. Материалы VI международной научной конференции, Санкт-Петербург, 30 июня – 2 июля 2022 года. Под ред. Л.Р. Дускаевой. Санкт-Петербург, Медиапайпер: 754–758.
- Помазов А.И. 2018. Языковые средства структурной организации и контента образовательного сайта: к постановке проблемы. *Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобочевского*, 3: 216–223.
- Селезнева Л.В. 2016. PR-текст как актуальный прагматически ориентированный текст. *Верхневолжский филологический вестник*, 4: 130–133.
- Ухова Л.В. 2018. «Продвигающий текст»: понятие, особенности, функции. *Верхневолжский филологический вестник*, 3: 71–82. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10136
- Цветова Н.С. 2020. Современный российский арт-медиадискурс: коммуникативный статус. Научные исследования и разработки. *Современная коммуникативистика*, 1(44): 62–69. DOI: 10.12737/2587-9103-2020-62-69



- Хальцбаур У. 2011. Коммуникативный маркетинг. СПб., Инфра, 243 с.
Шумович А.В. 2008. Великолепные мероприятия: Технологии и практика Eventmanagement. М., Манн, Иванов и Фербер, 336 с.

References

- Altukhova T.A., Bul'dyaeva V.V., Bushev A.B., Val'ko O.V., Voroshilova M.B., Golev N.D., Gubina E.N., Debrenn M., Dudareva Ya.A., Evpak E.V., Zaytseva O.V., Il'yasova S.V., Irkova A.V., Kameneva V.A., Katyshev P.A., Kolmogorova A.V., Kondrat'eva O.N., Lyasheva M.N., Nosovets S.G., Olenev S.V., Potapova N.V., Rabenko T.G., Stroganov V.B., Chernyak V.D., Chistova E.V., Shmeleva T.V. 2021. Sotsial'nye seti: kompleksnyy lingvisticheskiy analiz [Social networks: complex linguistic analysis]. In 2 vol. Vol. 1. Eds. L.G. Kim, N.D. Golev. Kemerovo, Publ. Kemerovskiy gosudarstvennyy universitet, 430 p.
- Balakhonskaya L.V. 2015. PR-tekst: struktura, sodержanie, oformlenie [PR text: structure, content, design]. SPb., Publ. Svoe izdatel'stvo, 198 p.
- Bykova E.V. 2011. The modular text in the semiotic aspect. *Journal of Mining Institute*, 193: 265–267 (in Russia).
- Kurchenkova E.A. 2006. Pryamaya pochtovalaya rassylka kak forma reklamnogo diskursa [Direct mail as a form of advertising discourse]. *Science journal of Volgograd State University. Linguistics*, 5: 142–148.
- Masleeva V.V. 2022. Modular texts as a means of promoting the historical reconstruction of the ball. In: Medialingvistika [Medialinguistics]. Iss 9. Yazyk v koordinatakh massmedia [Language in the coordinates of mass media]. Proceedings of the VI International Scientific Conference (St. Petersburg, June 30 – July 2, 2022). Ed. L.R. Duskaeva. Sankt-Peterburg, Publ. Mediapapir: 754–758.
- Pomazov A.I. 2018. Linguistic tools for structural organization and content of an educational website: stating the problem. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 3: 216–223 (in Russia).
- Selezneva L.V. 2016. PR-text as relevant pragmatically oriented text. *Verhnevolzhski Philological bulletin*, 4: 130–133 (in Russia).
- Ukhova L.V. 2018. "Promoting text": notion, features, functions. *Verhnevolzhski Philological bulletin*, 4: 71–82 (in Russia). DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10136
- Tsvetova N.S. 2020. Contemporary russian art-mediadiscourse: communicative status. Scientific research and development. *Modern communication studies*, 1(44): 62–69 (in Russia). DOI: 10.12737/2587-9103-2020-62-69
- Halzbaur U. 2011. Communicative marketing. St. Petersburg, Infra, 243 p. (in Russia).
- Shumovich A.V. 2008. Magnificent events: Technologies and practice of Event management. М., Mann, Ivanov and Ferber, 336 p. (in Russia).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 30.10.2022

Поступила после рецензирования 14.11.2022

Принята к публикации 10.06.2023

Received October 30, 2022

Revised November 14, 2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маслеева Виктория Валерьевна, аспирант Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria V. Masleeva, post-graduate student of the Higher School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGICS

УДК 378.147

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-2-233-241

Применение Big Data при обучении английскому языку в высшей школе

Данько Ю.В., Косова Е.И.

Севастопольский государственный университет,
Россия, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33
E-mail: bonifacius-zs@yandex.ru, kosova945@mail.ru

Аннотация. На современном этапе обучения иностранному языку возрастает значение цифровых технологий в отборе актуальных дидактических примеров для решения различных задач. Настоящее исследование определяет «большие» данные как основанные на возможностях корпусной лингвистики структурированные массивы данных в обучении лексическим и грамматическим средствам иностранного языка. Целью исследования является систематизация возможностей применения лексических единиц и грамматических структур для обучения английскому языку как общепрофессиональной дисциплине на основе аутентичности, актуальности и завершенности. Возможности «больших» данных в лингводидактике могут способствовать персонификации обучения и стратификации частотности языкового материала по уровням, направленным на приобщение к международному научному и профессиональному дискурсу на любом этапе обучения.

Ключевые слова: «большие» данные, корпус текстов, обучение на основе данных, анализ текстовых данных, цифровые технологии

Для цитирования: Данько Ю.В., Косова Е.И. 2023. Применение Big Data при обучении английскому языку в высшей школе. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(2): 233–241. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-233-241

Potentials of Big Data in English Teaching in Higher Education

Yury V. Danko, Ekaterina I. Kosova

Sevastopol State University,
33 Universitetskaya St, Sevastopol 299053, Russia
E-mail: bonifacius-zs@yandex.ru; kosova945@mail.ru

Abstract. The importance of digital technologies in the selection of relevant didactic examples for solving various problems is increasing at the present stage of teaching a foreign language. The present study defines Big Data as structured data arrays based on the possibilities of corpus linguistics in teaching lexical and grammatical means of a foreign language. The goal is to systematize the possibilities of using the corpus of texts in the selection of lexical units and grammatical structures for teaching English as a general professional discipline based on authenticity, relevance and completeness. The possibilities of Big Data in linguodidactics can contribute to the personification of learning and the stratification of the frequency of language material by level, aimed at familiarization with international scientific and professional discourse at any stage of education.

Keywords: Big Data, text corpus, data-based learning, text data analysis, digital technologies



For citation: Danko Yu.V., Kosova E.I. 2023. Potentials of Big Data in English Teaching in Higher Education. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2): 233–241 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-233-241

Введение

В последние годы «обучение становится адаптивным и личностноориентированным» [Гвозденко и др., 2019, с. 2], что неразрывно связано с цифровизацией образовательного процесса. Хотя в педагогике к настоящему моменту нет общепринятого определения цифровизации образования, главная его черта – применение преподавателем информационно-коммуникационных технологий в профессиональном обучении [Глотова, 2021, с. 1], которые способствуют повышению его качества.

Важнейшими технологиями цифрового (электронного) обучения являются дистанционная, смешанная и гибридная формы [Миленко, 2023, с. 29] с приоритетом смешанной формы обучения [Глотова, 2021, с. 4].

В целом «цифровизация образования представляет собой многогранное явление... меняет не только содержание образования, но и его организацию» [Глотова, 2021, с. 2], и ее примером в отечественном образовании является реализация модели «Цифровой университет», включающей «онлайн-поддержку образовательного процесса, ключевые компетенции цифровой экономики и управление учебным процессом на базе индивидуальной образовательной траектории» [Кузина, 2020, с. 91], ориентированные на «создание, внедрение и совершенствование цифровых сервисов, используемых в сфере науки и высшего образования» [Ращупкина, 2022, с. 3], индивидуальную траекторию, осуществляемую на основе анализа больших данных [Кузина, 2020, с. 93].

Применение различных форм электронного обучения в высшей школе включает анализ массивов структурированных данных о различных субъектах образовательного процесса: студентах, преподавателях, а также о содержании образования (текстовые файлы, аудио и видео материалы), для которого требуются технологии *Big Data* (больших данных) [Нестеренков и др., 2019, с. 243; Глотова, 2021, с. 2]. Дополнение традиционного обучения иностранному языку технологией больших данных является недостаточно исследованным в вопросе содержания коммуникативной компетенции на базовом уровне.

В настоящем исследовании рассмотрены возможности применения больших данных в виде текстовых массивов (возможностей корпусной лингвистики) с целью определения частотной лексики, грамматических структур и их контекста употребления в обучении студентов английскому языку как общепрофессиональной дисциплине.

Объекты и методы исследования

В основу настоящего исследования положены теоретические методы, включающие анализ предшествующих исследований по проблематике цифровизации образовательного процесса [Абдурахманова, Алиев, 2022; Гребенникова, Новикова, 2019; Глотова, 2021; Кудлаев, 2018; Кузина, 2020; Миленко, 2023; Ращупкина, 2022], возможностей корпусной лингвистики в отборе аутентичного дидактического материала по иностранному языку [Антонова, Шангаева, 2020; Балканов, 2022; Митрофанова, Захаров, 2009] и специфики его преподавания в высшей школе [Колкер, Устинова, 2022; Костина, 2016; Новикова, 2022] в контексте возможностей применения технологий больших данных в профессиональном образовании [Белоножко и др., 2017; Гвозденко и др., 2019; Дроздова, 2016; Кондратенко, Кондратенко, 2017; Мамедова и др., 2017; Нестеренков и др., 2019; Шарандин, Булаева, 2023], на основе теоретических положений с учетом актуальных тенденций развития «больших» данных в иноязычной лингводидактике.

Big Data в системе профессионального образования

В широкую практику термин «большие данные» вошел в 2008 году [Дроздова, 2016, с. 2]. К настоящему моменту существует целый ряд его определений, в основе своей включающих совокупность подходов, инструментов, методов и программных технологий, предназначенных для накопления и анализа структурированных и неструктурированных данных с целью извлечения знания, слишком сложных для обработки с использованием традиционных средств [Нестеренков и др., 2019, с. 244 ; Глотова, 2021, с. 3]; в 2017 году в рамках Национальной технологической инициативы (НТИ) они вошли в группу сквозных технологий [Шарандин, Булаева, 2023, с. 225].

Актуальность *Big Data* в последние годы возрастает и в настоящий момент является одним из трендов высшего образования [Шарандин, Булаева, 2023, с. 226], в связи с расширением скорости и доступности Интернета, диджитализацией различных сфер деятельности, появлением облачных хранилищ, цифровых (электронных) сервисов, ростом объемов памяти (в первую очередь жестких дисков, ленточных накопителей и флеш-памяти), что приводит к накоплению информации в виде различных массивов данных.

В контексте развивающейся цифровизации образования «большой объем данных... может быть использован для эффективного управления учебным процессом» [Глотова, 2021, с. 4]; например, применение *Big Data* в профессиональном образовании позволит «преподавателям своевременно получать разнообразную информацию об уровне подготовки студентов, усвоении ими учебных дисциплин, выполнении контрольных заданий и лабораторных работ» [Мамедова и др., 2017, с. 42], контролировать процесс обучения и оперативно вносить изменения [Нестеренков и др., 2019, с. 243], что может быть использовано в организации эффективного образовательного процесса, повышая его доступность и качество [Гвозденко и др., 2019, с. 3]. Поскольку основу технологии составляют данные в цифровом виде, размещенные на физических носителях, возможности ее применения в профессиональном обучении широки и зависят от контекста и условий применения, однако главной целью является расширение возможностей традиционного обучения.

Применительно к обучению выделяются различные виды образовательных данных (*educational data*): личные (персональные), административные, прогнозные (предполагаемые), о взаимодействии студентов с электронными образовательными ресурсами и друг с другом, об эффективности дидактических материалов [Дроздова, 2016, с. 2].

Применение цифровых данных является частью современного образовательного процесса. Анализ образовательных данных (*educational data mining*) [Глотова, 2021, с. 2] осуществляется при помощи программных средств и возможностей искусственного интеллекта по следующему алгоритму: «установление цели → определение плана → сбор данных → обработка полученной информации → обеспечение их постоянства → установление закономерностей» [Шарандин, Булаева, 2023, с. 225].

В образовательном процессе анализ данных ориентирован на следующее:

1) повышение эффективности дистанционного обучения: применение различных электронных образовательных ресурсов (ЭОР) накапливает образовательные данные, анализ которых «поможет поднять качество обучения за счет превентивного удовлетворения потребностей в дополнительных учебных материалах» [Нестеренков и др., 2019, с. 245];

2) определение индивидуальной образовательной траектории: на основе множества доступных однотипных моделей обучения можно выстроить индивидуальную образовательную траекторию, персонализированное содержание обучения и выбрать приемлемый способ обучения каждому студенту в развитии необходимых компетенций и довести персональное портфолио на уровень «мета-социальной сети» [Кондратенко, Кондратенко, 2017, с. 114], что может быть определено как «вычислительная педагогика» [Дроздова, 2016, с. 2];

3) выработку эффективной методики обучения дисциплине: на основе анализа данных опыта тысяч преподавателей «методика становится продуктом массового опыта» [Дроздова, 2016, с. 2];

4) эффективную организацию образовательного процесса и формирование необходимых профессиональных навыков: состоит в анализе возможностей более эффективного использования ЭОР, дидактических материалов преподавателями и планировании образовательных интересов студентов [Кондратенко, Кондратенко, 2017, с. 114], интеллектуальных данных и аналитики [Нестеренков и др., 2019, с. 243], связанных с дальнейшей профессиональной ориентацией выпускников и «создание адаптивных систем электронного обучения» [Глотова, 2021, с. 3] в подборе подходящих образовательных программ [Кондратенко, Кондратенко, 2017, с. 114], ориентированных на индивидуализацию обучения и дальнейшее непрерывное самообразование (lifelong-learning) [Глотова, 2021, с. 4] в любом профессиональном аспекте [Белоножко и др., 2017, с. 15];

5) формирование комплекса дидактических упражнений: в контексте обучения иностранным языкам «одним из наиболее эффективных методов обучения иностранному языку является обращение к корпусной лингвистике» [Антонова, Шангараева, 2020, с. 141].

Возможности Big Data в обучении иностранным языкам

В рассмотрении аспектов применения *Big Data* в обучении иностранным языкам прежде всего обратимся к возможностям корпусной лингвистики, дополняющей традиционное обучение, что способствует «успешному овладению новой лексикой и грамматикой, предоставляя возможность опираться на примеры из различных контекстов реальных языковых источников» [Антонова, Шангараева, 2020, с. 142] «на основе аутентичного языкового материала» [Нагель, 2008, с. 55] в решении дидактической проблемы нехватки адекватных педагогических текстовых материалов и актуальных вокабуляров [Нагель, 2008, с. 53] в овладении морфологическими, синтаксическими и лексическими средствами иностранного языка.

Корпус текстов определяется как «набор машиночитаемых, аутентичных текстов, собранных для характеристики или представления состояния, или разнообразия языка» [Антонова, Шангараева, 2020, с. 142], представляющий собой «унифицированный, структурированный, филологически компетентный массив языковых данных» [Кудлаев, 2018, с. 5] «с использованием информационных технологий с программами по обработке текстов» [Абдурахманова, Алиев, 2022, с. 1].

Первый корпус текстов – *Brown Corpus* (объемом 1 миллион слов), представленный в электронном виде в 1960 году Нельсоном Фрэнсисом и Генри Кучерой, был ориентирован на американский вариант английского языка [Антонова, Шангараева, 2020, с. 142] и заложил основу развития корпусной лексикографии. К настоящему времени в связи с расширением возможностей интернет-технологий, объема памяти «облачных» сервисов и электронных ресурсов повышаются возможности работы с текстами и информацией, накоплен большой объем различных текстовых данных и разработаны обширные языковые корпуса (прежде всего в европейских языках).

Применение методов корпусной лингвистики возможно на основе обширного языкового корпуса по отдельному языку, основанному на объемной выборке из различных источников: для английского языка можно выделить *The International Corpus of English*, *The British National Corpus*, *The Freiburg English Dialect Corpus*, *The Bank of English*, *Cambridge and Nottingham Corpus of Discourse in English*, *Michigan Corpus of Academic Spoken English*, *Corpus of Spoken Academic English, North America*, *Cambridge International Corpus*; возможен вариант создания частного дидактического корпуса, составленного преподавателем для обучения на конкретных текстах.

Применение в обучении вычислительных методов корпусной лингвистики определяется как «обучение на основе данных» (data-driven learning) [Нагель, 2008, с. 55]. При этом, если первый вид корпуса текстов в первую очередь доступен только онлайн и предполагает обработку данных при помощи специализированных систем поиска языковых выражений в контексте (конкордансеров) [Колкер, Устинова, 2022, с. 3], то в случае со вторым преимуществами являются узкая направленность (специализация) и локальный доступ ввиду

возможности его обработки на любом устройстве, так как такой корпус текстов может быть составлен в любом текстовом редакторе (предпочтительнее в форматах .rtf, .doc, .html, .xml) на основе определенных текстов с возможностью работы непосредственно в самом редакторе, либо возможна обработка массива с помощью программ-анализаторов текста; также его формой может являться применение дидактического параллельного корпуса, содержащего «текст оригинала и его перевод на другой язык» [Антонова, Шангараева, 2020, с. 143].

Поскольку в основе обучения иностранному языку находится овладение определенным уровнем коммуникативной компетенции в совокупности всех навыков, именно отбор статистически значимой лексики для активного и пассивного усвоения является важнейшим преимуществом применения корпуса текстов.

В результате целенаправленного отбора с использованием корпуса текстов формируется «фиксированный набор лексики, которая не потребует большого количества времени для изучения и точно пригодится в процессе общения» [Абдурахманова, Алиев, 2022, с. 2]; при этом объем изучаемого лексического материала устанавливается исходя из различных особенностей обучения иностранному языку.

Big Data в обучении английскому языку в высшей школе

В основе обучения английскому языку как дисциплине базового учебного плана (на языковых факультетах) находится содержательно-ориентированный подход (content-based approach) в совокупности нескольких взаимосвязанных компонентов: лингвистического (лексико-грамматического), риторического (профессионального дискурса в виде частотности тех или иных форм выражения мыслей и их взаимодействия), когнитивного (применения логических задач на английском языке в развитии навыка научной деятельности) и включения английского языка как активатора переработки материала лекции на родном языке [Колкер, Устинова, 2022, с. 2].

Важнейшей задачей обучения английскому языку определяется развитие лингвистического компонента, что неотделимо от изучения иноязычной лексики (активного словарного запаса), ее отбора и актуализации в дидактических упражнениях, способствующих формированию иноязычных навыков в других компонентах.

Применение возможностей корпусной лингвистики при составлении словаря активной лексики английского языка для изучающих получило развитие в 2001 году при создании Macmillan English Dictionary, когда с помощью программ-лемматизаторов были «найжены ряды устойчивых словосочетаний, в результате чего составители... получили экономически эффективный способ автоматического поиска и определения коллокаций для 7 500 наиболее частотных слов английского языка, отобранных для включения в первое издание» [Костина, 2016, с. 106].

В связи с широкими возможностями цифровых технологий в настоящее время «в практической лексикографии наметилась тенденция перехода от традиционных, или бумажных, словарей к словарям электронным» [Pollach, 2012, с. 266], основанным на «отборе данных в корпусе текстов для последующего их включения в словарь» [Балканов, 2022, с. 84], доступных как в оффлайн-, так и в онлайн-формате. Последний является предпочтительным именно в отборе актуальной лексики, сочетаний, клише, и одним из примеров контекстного изучения лексики, основанной на корпусе различных текстов, являются онлайн-словари *Reverso Context* и *Glosbe*, дающие возможность отбора лексем, частотности их употребления «в языковых выражениях на определенных грамматических характеристиках и синтаксических правилах употребления слов» [Митрофанова, Захаров, 2009, с. 322]. Однако применение онлайн-словарей наиболее эффективно в комплексном подходе информационно-образовательной среды всех доступных языковых ресурсов: лингвистических корпусов, подкастов, обучающих программ, веб-приложений [Новикова, 2022, с. 213].

Еще одной возможностью «больших» данных в обучении английскому языку студентов является персонализация обучения [Гвозденко и др., 2019, с. 2] в виде стратификации частотности языкового материала по уровню, направленная на приобщение к международному научному и профессиональному дискурсу на любом этапе обучения [Колкер, Устинова, 2022, с. 1]. Также появляется возможность создания дидактических материалов по английскому языку, учитывающих актуальность, частотность, сочетаемость и контекст употребления лексико-грамматических форм, особенно временных форм английского глагола в области синтаксиса и важнейших глаголов (неправильных, фразовых и вспомогательных) в области морфологии.

Заключение

Определяем *Big Data* перспективным направлением лингводидактики в отборе частотной лексики и контекстного ее употребления, а также овладения основами синтаксиса (в изучении контекстных примеров).

В контексте обучения английскому языку системность отбора языковых средств и их усвоение будут эффективными, если определена цель обучения в рамках избранной специальности, отобраны дидактические текстовые материалы на основе аутентичности, актуальности, завершенности, оформленные в единый текстовый фрагмент (предпочтительнее *.rtf, .doc, .html, .xml*), обрабатываемый при помощи поиска непосредственно в редакторе или с помощью программ анализа текста (в случае офлайн-формата), либо при помощи специализированных систем поиска языковых выражений в контексте (конкордансеров) в случае использования готовых решений с большим объемом выборки.

Полученные результаты отбора лексики, морфологических и синтаксических форм по актуальности, частотности и контекстному употреблению должны отвечать целям обучения, что даст возможность их применения на практических занятиях и поможет в формировании иноязычной коммуникативной компетенции на основе актуальных языковых средств.

Список литературы

- Абдурахманова Л.А., Алиев З.Г. 2022. Использование информационных технологий в процессе изучения английского языка на материале корпусной лингвистики. *Chronos journal*, 7–4 (66): 78–80.
- Антонова Т.Ю., Шангараева Л.Ф. 2020. Корпусная лингвистика и обучение иностранным языкам. *Terra Linguae*, 8: 141–144.
- Балканов И.В. 2022. Корпусная лингвистика: новые возможности лексикографии. *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки*, 37(4): 81–86. DOI: [10.21779/2542-0313-2022-37-4-81-86](https://doi.org/10.21779/2542-0313-2022-37-4-81-86)
- Белоножко П.П., Карпенко А.П., Храмов Д.А. 2017. Анализ образовательных данных: направления и перспективы применения. *Науковедение*, 9(4).
- Гвозденко Ю.В., Ищенко А.А., Пилипенко А.В. 2019. Большие данные в системе образования. *Международный студенческий научный вестник*, 5–1: 20.
- Глотова М.И. 2021. Анализ опыта цифровой трансформации отечественного высшего образования. *Современные проблемы науки и образования*, 1: 23. DOI: [10.17513/spno.30503](https://doi.org/10.17513/spno.30503).
- Гребенникова В.М., Новикова Т.В. 2019. К вопросу о цифровизации образования. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 11(5): 158–165. DOI: [10.17748/2075-9908-2019-11-5-158-165](https://doi.org/10.17748/2075-9908-2019-11-5-158-165).
- Дроздова А.А. 2016. Перспективы применения технологии «больших» данных в образовании. *Молодой исследователь Дона*, 2(2): 37–39.
- Колкер Я.М., Устинова Е.С. 2022. На пути к внедрению английского языка в профессиональные дисциплины неязыкового профиля. *Иностранные языки в высшей школе*, 1(60): 78–88. DOI: [10.37724/RSU.2022.60.1.008](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.60.1.008)
- Кондратенко А.Б., Кондратенко Б.А. 2017. Возможности применения больших данных в образовании в эпоху цифрового общества. *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*, 4(50): 112–115.

- Костина И.А. 2016. Исследование в системе Sketch Engine на примере глаголов физического восприятия в английском языке. *Новая наука: Проблемы и перспективы*, 53(79): 106–111.
- Кудлаев М.С. 2018. Процесс цифровизации образования в России. *Молодой ученый*, 31(217): 3–6.
- Кузина Г.П. 2020. Концепция цифровой трансформации классического университета в «Цифровой университет». *E-Management*, 3(2): 89–96. DOI: [10.26425/2658-3445-2020-2-89-96](https://doi.org/10.26425/2658-3445-2020-2-89-96)
- Мамедова Г.А., Зейналова Л.А., Меликова Р.Т. 2017. Технологии больших данных электронном образовании. *Открытое образование*, 21(6): 41–48. DOI: [10.21686/1818-4243-2017-6-41-48](https://doi.org/10.21686/1818-4243-2017-6-41-48)
- Миленко Н.Н. 2023. Педагогическое проектирование в условиях цифровизации образования. В кн.: Структурная модернизация науки как основа устойчивого развития общества. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Казань, 18 февраля 2023 года. Под ред. А.А. Сукиасяна. Стерлитамак, Уфа, Издательство Агентство международных исследований: 28–37.
- Митрофанова О.А., Захаров В.П. 2009. Автоматизированный анализ терминологии в русскоязычном корпусе текстов по корпусной лингвистике. В кн.: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Выпуск 8(15). Под ред. А.Е. Кибрика. М., РГГУ: 321–328.
- Нагель О.В. 2008. Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении. *Язык и культура*, 4: 53–59.
- Нестеренков С.Н., Макаров М.И., Ющенко Н.В., Радкевич А.Д. 2019. Применение больших данных в электронном образовании. В кн.: BIG DATA и анализ высокого уровня. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции (Минск, 13–14 марта 2019 г.). В 2 ч. Под ред. В.А. Богуша, В. Zibitsker, С.К. Дика, Д.В. Лихачевского, К.Д. Яшина. Минск, Издательство Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники. Ч. 2: 242–246.
- Новикова О.В. 2022. Мобильные приложения в педагогическом комплексе обучения английскому языку mobile applications in English language teaching. В кн.: Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании. Материалы 27-й Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 19–20 апреля 2022 г.). Под ред. В.А. Федорова. Екатеринбург, Издательство Российского государственного профессионально-педагогического университета: 210–214.
- Ращупкина А.С. 2022. Стратегия цифровизации высшего образования. *Актуальные вопросы современной экономики*, 6: 809–813.
- Шарандин С.Е., Булаева М.Н. 2023. Технология «большие» данные в профессиональном образовании. В кн.: Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы. Сборник статей по материалам Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (Красноярск, 14–25 ноября 2022 г.). Ч. 2. Красноярск, Челябинск, Нижний Новгород, Москва, Издательство Красноярского государственного аграрного университета: 225–227.
- Pollach I. 2012. Taming Textual Data: The Contribution of Corpus Linguistics to Computer-Aided Text Analysis. *Organizational Research Methods*, 15 (2): 263–287. DOI: [10.1177/1094428111417451](https://doi.org/10.1177/1094428111417451)

References

- Abdurakhmanova L.A., Aliev Z.G. 2022. The use of information technologies in the process of learning english on the material of corpus linguistics. *Chronos journal*, 7–4(66): 78–80 (in Russia).
- Antonova T.Yu., Shangaraeva L.F. 2020. Corpus Linguistics and Foreign Language Teaching. *Terra Linguae*, 8: 141–144 (in Russia).
- Balkanov I.V. 2022. Corpus linguistics: new opportunities of lexicography. *Herald of Dagestan State University*, 37(4): 81–86 (in Russia). DOI: [10.21779/2542-0313-2022-37-4-81-86](https://doi.org/10.21779/2542-0313-2022-37-4-81-86)
- Belonozhko P.P., Karpenko A.P., Khramov D.A. 2017. Algorithm of rangovy optimization of access to data in information system. *Naukovedenie*, 9(4).
- Gvozdenko Yu.V., Ishchenko A.A., Pilipenko A.V. 2019. Big data in the education system. *Mezhdunarodnyy studencheskiy nauchnyy vestnik*, 5–1: 20.
- Glotova M.I. 2021. Analysis of the experience of digital transformation of domestic higher education. *Modern problems of science and education. Surgery*, 1: 23 (in Russia). DOI: [10.17513/spno.30503](https://doi.org/10.17513/spno.30503)
- Grebennikova V.M., Novikova T.V. 2019. On the issue of digitalization of education. *Historical and Social-Educational Idea*, 11(5): 158–165 (in Russia). DOI: [10.17748/2075-9908-2019-11-5-158-165](https://doi.org/10.17748/2075-9908-2019-11-5-158-165).



- Drozdova A.A. 2016. Prospects of "big data" technology application in education. *Young Don Researcher*, 2(2): 37–39 (in Russia).
- Kolker Ya.M., Ustinova E.S. 2022. Towards infiltration of english into academic studies at non-linguistic departments. *Foreign Languages in Tertiary Education*, 1(60): 78–88 (in Russia). DOI: 10.37724/RSU.2022.60.1.008
- Kondratenko A.B., Kondratenko B.A. 2017. The possibilities of using big data in education in the era of digital society. *Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior Affairs of Russia*, 4 (50): 112–115 (in Russia).
- Kostina I.A. 2016. Issledovanie v sisteme Sketch Engine na primere glagolov fizicheskogo vospriyatiya v angliyskom yazyke [Research in the Sketch Engine system on the example of verbs of physical perception in English]. *Novaya nauka: Problemy i perspektivy*, 53(79): 106–111.
- Kudlaev M.S. 2018. Protsess tsifrovizatsii obrazovaniya v Rossii [The process of digitalization of education in Russia]. *Young Scientist*, 31(217): 3–6.
- Kuzina G.P. 2020. The concept of a digital transformation of a traditional university to a “digital university”. *E-Management*, 3 (2): 89–96 (in Russia). DOI: [10.26425/2658-3445-2020-2-89-96](https://doi.org/10.26425/2658-3445-2020-2-89-96)
- Mamedova G.A., Zeynalova L.A., Melikova R.T. 2017. Big data technologies in e-learning. *Open education*, 21(6): 41–48 (in Russia). DOI: [10.21686/1818-4243-2017-6-41-48](https://doi.org/10.21686/1818-4243-2017-6-41-48)
- Milenko N.N. 2023. Pedagogical design in conditions of digitalization of education. In: [Structural Modernization of Science as a Basis for Sustainable Development of Society]. Collection of articles on the results of the International Scientific and Practical Conference (Kazan, February 18, 2023). Ed. A.A. Sukiasyan. Sterlitamak, Ufa, Publ. Izdatel'stvo Agentstvo mezhdunarodnykh issledovaniy: 28–37.
- Mitrofanova O.A., Zakharov V.P. 2009. Avtomatizirovanny analiz terminologii v russkoyazychnom korpuse tekstov po korpusnoy lingvistike [Automated analysis of terminology in the Russian-language corpus of texts in corpus linguistics]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies]. Based on the materials of the annual International Conference "Dialogue 2009" (Bekasovo, May 27–31, 2009). Issue 8(15). Ed. A.E. Kibrik. M., Publ. RGGU: 321–328.
- Nagel' O. V. 2008. Corpus linguistics and its use in computer-based language teaching. *Yazyk i kul'tura*, 4: 53–59 (in Russia).
- Nesterenkov S.N., Makarov M.I., Yushchenko N.V., Radkevich A.D. 2019. Primenenie bol'shikh dannykh v elektronnom obrazovanii [Application of big data in e-education]. In: *BIG DATA and Advanced Analytics*. Collection of materials of the V International Scientific and Practical Conference (Minsk, March 13–14, 2019). At 2 pm. Ed. V.A. Bogush, B. Zibitsker, S.K. Dik, D.V. Likhachevsky, K.D. Yashin. Minsk, Publ. Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta informatiki i radioelektroniki. Part 2: 242–246.
- Novikova O.V. 2022. Mobile applications in english language teaching. In: *Innovatsii v professional'nom i professional'no-pedagogicheskom obrazovanii* [Innovations in professional and vocational education]. Proceedings of the 27th International Scientific and Practical Conference (Yekaterinburg, April 19–20, 2022). Ed. V.A. Fedorov. Ekaterinburg, Publ. Rossiyskogo gosudarstvennogo professional'no-pedagogicheskogo universiteta: 210–214.
- Rashchupkina A.S. 2022. Strategy for digital transformation of higher education. *Aktual'nye voprosy sovremennoy ekonomiki*, 6: 809–813 (in Russia).
- Sharandin S.E., Bulaeva M.N. 2023. BIG DATA in professional education. In: *Professional Identity of Youth in Innovative Region*. Materials of the All-Russian (National) Research and Application Conference Problems and Prospects (Krasnoyarsk, November 14–25, 2022). Krasnoyarsk, Publ. Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. Part 2: 225–227 (in Russia).
- Pollach I. 2012. Taming Textual Data: The Contribution of Corpus Linguistics to Computer-Aided Text Analysis. *Organizational Research Methods*, 15(2): 263–287. DOI: [10.1177/1094428111417451](https://doi.org/10.1177/1094428111417451)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.04.2023

Поступила после рецензирования 10.05.2023

Принята к публикации 10.06.2023

Received April 15, 2023

Revised May 10, 2023

Accepted June 10, 2023



ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Данько Юрий Владимирович, аспирант кафедры педагогического образования Севастопольского государственного университета, г. Севастополь, Россия

Косова Екатерина Ивановна, ассистент кафедры иностранных языков Севастопольского государственного университета, г. Севастополь, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yury V. Danko, postgraduate student of the pedagogical education department, Sevastopol state university, Sevastopol, Russia

Ekaterina I. Kosova, assistant of foreign languages department, Sevastopol state university, Sevastopol, Russia



УДК 378.046.4

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-2-242-251

Проблемы и перспективы развития системы дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров вузов России

¹ Ирхин В.Н., ² Ирхина И.В., ² Собянин Ф.И., ² Кравец А.О.

¹ Национальный государственный университет физической культуры,
спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта,
Россия, 190121, г. Санкт-Петербург, ул. Декабристов, 35

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 3008015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: V_irkhin@list.ru; irhina@bsu.edu.ru; sobyanin@bsu.edu.ru; bsu.kravets@gmail.com

Аннотация. Современная система дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров (ДПО НПК) вузов выступает необходимым условием, фактором и механизмом развития высшей школы страны, одним из катализаторов стабильности и социально-экономического роста в России. Совершенствование отечественного ДПО НПК вузов происходит многоаспектно, достаточно динамично и в то же время сложно и противоречиво, что требует глубокой и всесторонней научной рефлексии, осмысления характера, хода и вектора происходящих изменений, выстраивания на этой основе перспективных линий развития рассматриваемой системы. Цель исследования – выявление проблем и перспектив развития системы ДПО НПК вузов России. В работе сделана попытка вычлнить проблемы развития ДПО НПК вузов России на социально-педагогическом, теоретико-методологическом, программно-методическом, нормативно-правовом и организационно-управленческом уровнях. Представлены перспективы развития ДПО НПК вузов России, ключевым вектором из которых является движение к национально-целостной, адаптивной и универсальной образовательной модели, базирующейся на передовой методологической, программно-методической, нормативно-правовой, материально-технической, кадровой базе и организационно-управленческой основе.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, научно-педагогические кадры, университет, проблемы, перспективы, развитие

Для цитирования: Ирхин В.Н., Ирхина И.В., Собянин Ф.И., Кравец А.О. 2023. Проблемы и перспективы развития системы дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров вузов России. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(2): 242–251. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-242-251

Problems and Prospects of Development of the System of Additional Professional Education of Scientific and Pedagogical Personnel of Russian Universities

¹ Vladimir N. Irkhin, ² Irina V. Irkhina, ² Fedor I. Sobyanin, ² Anastasia O. Kravets

¹ Lesgaft National State University of Physical Education, Sports and Health,
35 Decembrists St., St. Petersburg 190121, Russia

² Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia

E-mail: V_irkhin@list.ru; irhina@bsu.edu.ru; sobyanin@bsu.edu.ru; bsu.kravets@gmail.com

Abstract. The modern system of additional professional education of scientific and pedagogical personnel (DPO NPK) of universities is a necessary condition, factor and mechanism for the development of higher education in the country, one of the catalysts for stability and socio-economic growth in Russia. The

improvement of the domestic DPO of the NPC of universities is multidimensional, multilevel, quite dynamic and, at the same time, complex and contradictory, which requires deep and comprehensive scientific reflection, understanding the nature, course and vector of the changes taking place, building on this basis promising lines of development of the system under consideration. The purpose of the study is to identify the problems and prospects for the development of the system of DPO RPC of Russian universities. The paper attempts to isolate the problems of the development of the DPO of the NPC of Russian universities at the socio-pedagogical, theoretical and methodological, program and methodological, regulatory and organizational and managerial levels. The prospects for the development of the DPO of the RPC of Russian universities are presented, the key vector of which is the movement towards a nationally holistic, adaptive and universal educational model based on advanced methodological, program-methodical, regulatory, material-technical, personnel base and organizational and managerial basis.

Keywords: additional professional education, scientific and pedagogical personnel, university, problems, prospects, development

For citation: Irkhin V.N., Irkhina I.V., Sobyenin F.I., Kravets A.O. 2023. Problems and Prospects of Development of the System of Additional Professional Education of Scientific and Pedagogical Personnel of Russian Universities. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2): 242–251 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-242-251

Введение

Происходящая в мире информационно-технологическая революция определяет требование к перманентному обновлению компетентностей научно-педагогических кадров вузов России, что обуславливает необходимость постоянного совершенствования системы дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров (ДПО НПК) в университетах страны в соответствии с вызовами времени. Решение обозначенной задачи невозможно без глубокого анализа проблем и перспектив развития системы ДПО НПК отечественных вузов. Отметим, что в последние годы ученые усилили внимание к данному вопросу. Так, исследование В.В. Шеховцова и И.Л. Гоника [2017] посвящено анализу проблем и тенденций развития дополнительного профессионального образования; А.А. Аниськина [2019] акцентирует внимание на проблемах развития и нормативной поддержки дополнительного профессионального образования в Российской Федерации; в работе Е.Н. Глубоковой [2016] обозначены перспективы реализации вариативных моделей повышения квалификации преподавателя современного вуза, И.А. Шумакова [2021] касается проблем развития системы ДПО НПК университета в аспекте управления маркетинговой деятельностью российских вузов. В коллективной монографии под редакцией А.Ю. Нагорновой (2020 г.), посвященной теории и практике современного высшего образования, отдельная глава посвящена системе ДПО НПК вузов России, в которой также затрагиваются интересующие нас вопросы [Салихова, Донина, 2020]; Е.С. Мироненко [2022] вскрывает проблемы и тенденции развития дополнительное профессиональное образование в современной России; П.А. Амбарова, Г.Е. Зборовский [2022] исследуют проблемы развития научного и коммуникативного сообщества российских университетов в контексте программы «Приоритет 2030», анализ современных моделей ДПО НПК в вузах России проведен в работе И.В. Ирхиной и А.О. Кравец [2022а].

Таким образом, анализ степени разработанности проблемы показывает, что задачи, связанные с проблемами и перспективами развития системы ДПО НПК вузов России в научных исследованиях специально не ставились, а освещались лишь фрагментарно, в увязке и второстепенном значении с основными исследовательскими целями, выдвинутыми авторами. Однако без рассмотрения и научного осмысления вышеуказанных вопросов выстроить современную систему ДПО НПК в вузах страны невозможно, что обнажает противоречие между социальной потребностью, запросами педагогической науки



и практики в изучении проблем и перспектив развития системы ДПО НПК вузов России и недостаточной разработанностью данной области научно-педагогических представлений.

В этой связи проблема исследования определяется следующим образом: каковы проблемы и перспективы развития системы ДПО НПК вузов России? Цель исследования авторы видят в выявлении проблем и перспективных направлений развития системы ДПО НПК вузов России на основе анализа научных исследований, изучения опыта учреждений, занимающихся повышением квалификации профессорско-преподавательского состава высшей школы.

Объекты и методы

Объектом исследования выступает противоречивый процесс и перспективы современного развития системы ДПО НПК вузов России. Методологическую основу исследования составили принципы научности, развития, детерминизма, системности, идеи о всеобщей связи и взаимообусловленности социально-экономических и образовательных процессов и явлений. Методами исследования являются: анализ научных исследований, законодательных и нормативных документов, статистических данных, опыта учреждений системы ДПО НПК вузов России, опрос, наблюдение, изучение документации, метод экспертных оценок и др.

Проблемы современной системы дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров в вузах России

Развитие современной отечественной системы дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров высшей школы происходит в условиях глобальных перемен в социально-экономической и социокультурной сферах жизни российского общества. А.М. Митина охарактеризовала современный период развития отечественного образования «не только обострением противоречий в дополнительном профессиональном образовании, но и приобретением этой формой образования особого социального статуса. Развитие дополнительного образования происходит в направлении переключения в режим разнообразной и мобильной системы образовательных услуг, интеграции традиционно сложившейся системы с учебными заведениями нового типа. Преимущества современной системы дополнительного образования состоят в ее гибкости, быстром отклике на меняющиеся потребности в рабочей силе, реализации уже актуализированных потребностей личности» [Митина, 2004].

Современная российская система ДПО НПК вузов уже сформировалась как целостное явление, однако идет напряженный и противоречивый процесс ее дальнейшего развития. Анализ проблем развития системы ДПО НПК вузов представлен в исследовании на социально-педагогическом теоретико-методологическом, программно-методическом, нормативно-правовом и организационно-управленческом уровнях.

Анализ проблем развития исследуемой системы *на социально-педагогическом уровне* свидетельствует о том, что на фоне объективно возрастающей потребности в высоко подготовленных, конкурентоспособных профессорско-педагогических кадрах вузов в настоящее время существует катастрофическая нехватка таких специалистов из-за проводимой в последнее десятилетие политики сокращения количества вузов в стране, внутривузовской оптимизации НПК, их старения, ухудшения состояния здоровья и общей профессиональной деградации, в том числе и в связи с возросшей интенсификацией труда. Так, по данным Ambarova P.A. и Zborovsky, G.E. (2022), за последние 20 лет численность НПК сначала росла (с 280 тыс. чел. в 2000/2001 уч. г. до 360 тыс. в 2010/2011 уч. г.), а затем сократилась в 1,5 раза и упала до 230 тыс. в 2019/2020 уч. г. [Амбарова, Зборовский, 2022].

Можно констатировать, что в условиях острейшего противостояния с коллективным Западом, усиливающегося технологического отставания от ведущих стран, учреждения

ДПО НПК вузов России должны принимать активное и непосредственное участие в подготовке кадров к решению задачи импортозамещения во всех сферах жизни, к осуществлению жизненно важного технологического прорыва, к чему существующая система пока недостаточно готова.

К социально-педагогическому уровню относятся проблемы, связанные с содержанием и процессом обучения научно-педагогических работников вузов на курсах повышения квалификации и переподготовки. В этой связи Л.Ф. Красинская отмечает, что дополнительные профессиональные программы должны быть вариативными, гибкими, в них должны учитываться потребности и затруднения разных категорий преподавателей вуза, касающиеся управления образовательным процессом на учебных занятиях, организации воспитательной работы со студентами, учебно-методической или административно-управленческой работы. На педагогическом уровне следует указать проблему использования преподавателями устаревших технологий обучения, недостаточно обеспечивающих интерактивное взаимодействие слушателей курсов повышения квалификации, что, безусловно, сказывается на качестве формирования педагогических компетенций [Красинская, 2011]. Наиболее перспективным, обеспечивающим адаптацию курсов к требованиям и практическим задачам научно-педагогических работников, является модульный подход, способствующий формированию индивидуального стиля педагогической деятельности на основе сложившегося опыта работы, развитию потребности в профессиональном развитии. Кроме того, модульность обучения предоставляет возможности выходить с разработанным модулем основной программы на привлекательный рынок дополнительных образовательных услуг.

Таким образом, внешние угрозы и вызовы, а также противоречивый характер развития образовательного процесса внутри самого ДПО НПК отечественных вузов предопределяют необходимость анализа проблем и принятия соответствующих мер по их решению на *организационно-управленческом уровне* развития рассматриваемой системы. В первую очередь, речь идет о выстраивании системы управления развитием ДПО НПК вузов на федеральном и региональном уровнях, о создании механизмов регулирования и координации отдельными структурами, учреждениями и региональными системами ДПО на всероссийском уровне и в перспективе выхода на всероссийское сообщество организаций, занимающихся ДПО повышением квалификации НПК вузов, чего нет в настоящее время.

Проведенный нами анализ практики дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров в вузах [Ирхина, Кравец, 2022а] показывает, что в России сложились и развиваются различные организационные модели функционирования системы ДПО НПК вузов (см. таблицу).

Опора на федеральный принцип управления (взамен доминирующего сегодня регионального принципа) позволила бы повысить роль отдельных отраслей в управлении качеством ДПО НПК вузов; выстроить эффективные механизмы взаимодействия с ДПО работодателями и частно-государственного партнерства; сделать такую систему более ясной и прозрачной для потребителя, дать ему возможность выбора программ (т.е. проводить конкурсы программ); «отфильтровать» низкопробные конторы, наживающиеся за счет демпингования на услугах по повышению квалификации; простимулировать работодателей и работников к повышению квалификации; спрогнозировать перспективные направления повышения квалификации НПК вузов; обеспечить подготовку кадров для системы ДПО НПК вузов; повысить количество и качество образовательных технологий, применяемых при организации обучения НПК и др.

Как показывает анализ деятельности системы ДПО НПК вузов России, в последние годы существенно обновилась ее *нормативно-правовая база*. Так, с 2013 года выполнение программ ДПО НПК вузов России стало обязательным для университетов, а в 2019 году статья 76 «Закона об образовании» закрепила «повышение статуса дополнительного профессионального образования», нацелив его «на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессиональное развитие человека» [Федеральный закон... 2012].



Организационные модели функционирования системы ДПО НПК вузов в России
 Organizational Models for the Functioning of the AVE System of Scientific and Technical Qualifications
 of Universities in Russia

Название организационной модели ДПО НПК вуза	Ведущие идеи и принципы, реализуемые в модели
«Сетевая модель»	Сетевое взаимодействие ДПО НПК университетов на разных уровнях, от регионального до международного; сетевое взаимодействие вузов с государственными и иными учреждениями, с промышленными организациями; создание «сетевой информационно-аналитической системы сопровождения повышения квалификации кадров на базе образовательных структур национальной нанотехнологической сети»; сочетание дистанционного электронного обучения с очными лабораторными практикумами в программах учебных курсов.
«Модель корпоративного образования»	Тесная интеграция академической науки и вуза; «принцип комплексной «командной» переподготовки и повышения квалификации преподавателей кафедры или целого факультета». Образовательный процесс строится вокруг совместного поиска слушателями путей решения общей для всех исследуемой проблемы, либо путем создания в ходе обучения временных исследовательских лабораторий или творческих микрогрупп, или посредством «выращивания практического опыта», когда в группу начинающих преподавателей включается опытный педагог-наставник.
«Компетентностная модель»	Ориентация на формирование профессиональных компетенций профессорско-преподавательского состава.
«Маркетинговая модель»	Маркетинговое управление деятельностью; наличие определенной «структуры: субъекты всех уровней маркетинг-менеджмента ДПО, ориентированных на маркетинговую поддержку и продвижение образовательных возможностей ДПО вуза; группы маркетинга персонала, отвечающие за обучение и вовлечение ППС в прямые маркетинговые взаимодействия с потенциальными слушателями курсов повышения квалификации».

Однако противоречивость происходящих в системе ДПО НПК вузов России изменений можно проиллюстрировать на примере профессионального стандарта Педагога профессионального образования, введенного в 2015 г., введенного приказом Минтруда, а затем отмененного с января 2020 г. [Об утверждении... 2015]. Профессиональный стандарт носил лишь рекомендательный характер. Его отмена была обусловлена необходимостью включить в образовательный процесс вузов не только остепененных преподавателей, но и опытных преподавателей-практиков. Таким образом делалась попытка усилить практикоориентированность профессиональной подготовки будущих специалистов, устранить дискриминацию важной части НПК, дав им возможности поделиться со студентами накопленным громадным опытом практической деятельности. В 2021 г. был разработан новый проект Профессионального стандарта, который, однако, так до сих пор не принят. Наряду с отсутствием соответствующего Профессионального стандарта, до сих пор не разработаны четкие требования к качеству результатов и программам; не определены источники финансирования повышения квалификации НПК вузов (возникает противоречие, когда вузы, научно-педагогические работники которых обязаны в соответствии с принятыми законами пройти обязательное повышение квалификации, не получают финансирования на обучение); отсутствует

механизм внешней независимой оценки качества системы ДПО НПК вузов. Несмотря на то, что в последнее время стали появляться новые типы образовательных учреждений: межотраслевые учебные центры, включая негосударственные, учебно-консультационные фирмы, центры делового образования и др., материально-техническая база системы ДПО НПК вузов продолжает отставать от современных требований.

Значительные обновления в последнее время наблюдаются в *программно-методической* блоке системы ДПО НПК вузов во всех регионах страны. Содержание образовательных программ и способы их реализации варьируются в зависимости от приоритетных задач, в первую очередь связанных с развитием определенных профессиональных компетенций и решением актуальных профессиональных задач. Усилилась психологизация программ; индивидуализация образовательного процесса (расширился спектр выбора слушателями предлагаемых программ обучения, возможность продвижения по образовательным модулям и индивидуальным образовательным маршрутам). На занятиях активно используются мультимедиа, методы мозгового штурма и проектов, деловые игры, тестирование и другие методы и средства обучения. Коронавирусная пандемия интенсифицировала использование систем дистанционного и электронного обучения.

Однако количество и качество программ ДПО по-прежнему не удовлетворяют потребностям заказчика, а содержание программ и технологии их реализации не соответствуют современным требованиям (остро стоит вопрос о разработке программ в области научно-исследовательской, инновационной деятельности и образовательного менеджмента). В ряде случаев наблюдается нарушение принципа преемственности программ ДПО и основного профессионального образования.

Анализ проблем развития системы ДПО НПК российских вузов на *теоретико-методологическом уровне* показывает дефицит современных научных концепций развития ДПО. Внимание исследователей, разрабатывающих в последние годы те или иные теоретико-методологические вопросы, сосредоточены на выявлении теоретико-практических предпосылок создания системы ДПО НПК, этапов и тенденций, факторов развития, разнообразных моделей функционирования современной системы ДПО НПК российских вузов; обосновании отдельных методологических подходов, например, модульного, компетентностного, применительно к вопросам повышения квалификации и переподготовки НПК российских вузов в условиях ДПО. Вместе с тем общим вектором теоретико-методологических исследований в данной области является движение от авторитарной к антрополого-гуманистической стратегии обучения взрослых, высококвалифицированных специалистов.

Перспективные направления развития дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров вузов России

По мере возрастания роли науки и высшей школы в жизни страны возрастает и значимость ДПО НПК вузов России. Анализ проблем развития данной системы образования на социально-педагогическом, теоретико-методологическом, программно-методическом, нормативно-правовом и организационно-управленческом уровнях позволяет определить перспективные направления развития ДПО НПК вузов России, ключевым вектором из которых является движение к национально-целостной, адаптивной и универсальной образовательной модели, базирующейся на передовой методологической, программно-методической, нормативно-правовой, материально-технической, кадровой базе и организационно-управленческой основе. Нуждается в разработке интегративная методология адаптивной модели ДПО НПК вузов России, представляющая собой синтез антрополого-гуманистического, андрогогического, системно-деятельностного, модульного, компетентностного и других подходов к подготовке высококвалифицированных кадров для высшей школы.



Организационно-управленческий аспект предполагает создание системы управления развитием ДПО НПК вузов, гармонично сочетающей принципы федерализации и регионализации, координации деятельности всех организаций, занимающихся ДПО повышением квалификации НПК вузов. Решение проблем программно-методического сопровождения деятельности рассматриваемой системы находятся в тесной увязке с разработкой методологических подходов в аспекте фундаментализации и индивидуализации, модульности, вариативности, гибкости обучения, непрерывности педагогической подготовки НПК, использования потенциала дидактик электронного обучения, наработок в сфере андрагогики.

Совершенствование нормативно-правовой базы системы повышения квалификации НПК вузов связано с решением комплекса проблем нормативно-правового регулирования ДПО; с разработкой и принятием Профессионального стандарта; с обеспечением нормативно-правовой основы финансирования и комплексной, качественной оценки работы учреждений ДПО НПК вузов.

Важным направлением развития системы ДПО НПК российских вузов на теоретико-методологическом уровне становится его «поворот» к конкретному человеку для удовлетворения его образовательных потребностей. Переориентация современной системы ДПО НПК на человека и его развитие, являясь важнейшей задачей, поставленной самой жизнью, становится логическим центром обновления исследуемой системы. В этой связи антропологический подход может быть использован в качестве ориентира для разработки отечественной концепции развития ДПО НПК вузов. Важной методологической задачей является решение проблемы гармонизации запросов работодателей и сиюминутных интересов рынка, с одной стороны, а, с другой стороны, стратегической направленностью на раскрытие сущностных сил человека. Учитывая сложность и многоаспектность решения задачи вывода национальной системы ДПО НПК российских вузов на современный уровень, предполагающий создание универсальной образовательной системы, методологическая основа ее развития должна быть, по нашему мнению, интегративной по своей сути, включающей системный, деятельностный, антропологический, аксиологический, андрагогический, компетентностный и модульный подходы. Научная проблема заключается в том, чтобы добиться синергетического эффекта от такой интеграции.

Заключение

По мере возрастания роли науки и высшей школы в жизни страны возрастает и значимость ДПО НПК вузов России. Анализ проблем развития данной системы образования на социально-педагогическом, теоретико-методологическом, программно-методическом, нормативно-правовом и организационно-управленческом уровнях позволяет определить перспективные направления развития ДПО НПК вузов России, ключевым вектором из которых является движение к национально-целостной, адаптивной и универсальной образовательной модели, базирующейся на передовой методологической, программно-методической, нормативно-правовой, материально-технической, кадровой базе и организационно-управленческой основе.

Нуждается в разработке интегративная методология адаптивной модели ДПО НПК вузов России, представляющая собой синтез антрополого-гуманистического, андрагогического, системно-деятельностного, модульного, компетентностного и др. подходов к подготовке высококвалифицированных кадров для высшей школы. Организационно-управленческий аспект предполагает создание системы управления развитием ДПО НПК вузов, гармонично сочетающей принципы федерализации и регионализации, координации деятельности всех организаций, занимающихся повышением квалификации и переподготовкой научно-педагогических работников вузов.

Совершенствование нормативно-правовой базы связано с разработкой и принятием Профессионального стандарта, обеспечением нормативно-правовой основы финансирования и оценки работы учреждений ДПО НПК вузов. Решение проблем программно-

методического сопровождения деятельности рассматриваемой системы находятся в тесной увязке с разработкой методологических подходов в аспекте фундаментализации и индивидуализации, модульности, вариативности, гибкости обучения, непрерывности педагогической подготовки НПК, использования потенциала дидактик электронного обучения, наработок в сфере андрагогики.

Список источников

- Об утверждении профессионального стандарта "Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования". 2015. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 08.09.2015 N 608н. Утратил силу с 13 июня 2020 года на основании приказа Минтруда РФ от 26.12.2019 N 832н. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420304273> (дата обращения 28.03. 2021)
- Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». 2012. Принят Государственной Думой 21.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция). Одобрен Советом Федерации 26.12.2012. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 26.04.2022)

Список литературы

- Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. 2022. Научно-педагогическое сообщество в российских вузах в условиях осуществления программы "Приоритет-2030": проблемы и перспективы. *Высшее образование в России*, 31(1): 59–71. DOI: [10.31992/0869-3617-2022-31-1-59-71](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-1-59-71)
- Аниськина А.А. 2019. Проблемы развития и нормативной поддержки дополнительного профессионального образования в Российской Федерации. *Дополнительное профессиональное образование в стране и мире*, 2(44): 1–6.
- Глубокова Е.Н. 2016. Вариативные модели повышения квалификации преподавателя современного вуза. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 179: 53–61.
- Ирхина И.В., Кравец А.О. 2022а. Анализ современных моделей дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров в университетах. *Вопросы журналистики, педагогики и языкознания*, 41 (3): 496–508. DOI: [10.52575/2712-7451-2022-41-3-496-508](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-3-496-508).
- Ирхина И.В., Кравец А.О. 2022б. Этапы развития системы дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров в вузах России. *Научный результат. Педагогика и психология образования*, 8(3): 17–27. DOI: [10.18413/2313-8971-2022-8-3-0-2](https://doi.org/10.18413/2313-8971-2022-8-3-0-2).
- Красинская Л.Ф. 2011. Особенности организации дополнительного профессионального образования преподавателей технического вуза. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, 13 (2–2): 296–299.
- Мироненко Е.С. 2022. Дополнительное профессиональное образование в современной России: проблемы и тенденции развития. *Образование и право*, 3: 164–175. DOI: [10.24412/2076-1503-2022-3-164-176](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-3-164-176)
- Митина А.М. 2004. Дополнительное профессиональное образование за рубежом: концептуальное становление и развитие. Москва, Наука, 304 с.
- Кравцова С.А., Косталанова Н.В., Долгих Ю.А., Сумароков В.К., Мамонов Е.А., Кузьменко А.В., Станкевич А.В., Сумарокова В.В. 2021. Проблемы дополнительного профессионального образования. В кн.: Педагогическое мастерство. Материалы XIX Международной научной конференции (г. Казань, 20–23 декабря 2021 г.). Под ред. И.Г. Ахметова. Казань, Молодой ученый: 57–60.
- Салихова А.А., Донина О.И. 2020. Основные признаки и личностно-ориентированный характер внутривузовской системы повышения квалификации педагогов. В кн.: Современное высшее образование: теория и практика. Под ред. А.Ю. Нагорновой. Ульяновск, Зебра: 546–556.
- Шеховцов В.В., Гоник И.Л. 2017. Проблемы и тенденции развития дополнительного профессионального образования. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки*, 9(3): 102–108. DOI: [10.14529/ped170311](https://doi.org/10.14529/ped170311)



Шумакова И.А. 2021. Управление маркетинговой деятельностью российских вузов в условиях развития национальных и глобальных образовательных рынков. Белгород, БелГУ, 365 с.

References

- Ambarova P.A., Zborovskiy G.E. 2022. Scientific and pedagogical community in Russian universities in the context of the program "Priority-2030" implementation: problems and prospects. *Higher Education in Russia*, 31(1): 59–71. DOI: [10.31992/0869-3617-2022-31-1-59-71](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-1-59-71)
- Anis'kina A.A. 2019. Problemy razvitiya i normativnoy podderzhki dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii [Problems of development and regulatory support of additional professional education in the Russian Federation]. *Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v strane i mire*, 2(44): 1–6.
- Glubokova E.N. 2016. Variable models training teacher of modern university. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 179: 53–61 (in Russia).
- Irkhina I.V., Kravets A.O. 2022a. Analysis of Modern Models of Additional Professional Education of Scientific and Pedagogical Personnel at Universities. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41 (3): 496–508 (in Russia). DOI: [10.52575/2712-7451-2022-41-3-496-508](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-3-496-508).
- Irkhina I.V., Kravets A.O. 2022b. Stages of development of the system of additional professional education of scientific and pedagogical personnel in Russian universities. *Research result. Pedagogic and psychology of education*, 8(3): 17–27 (in Russia). DOI: [10.18413/2313-8971-2022-8-3-0-2](https://doi.org/10.18413/2313-8971-2022-8-3-0-2).
- Krasinskaya L.F. 2011. Features of further vocational training organization of technical institution teachers. *Izvestiya of Samara scientific center of the Russian academy of sciences*, 13 (2–2): 296–299 (in Russia).
- Mironenko E.S. 2022. Additional professional education in modern Russia: problems and development trends. *Education and Law*, 3: 164–175 (in Russia). DOI: [10.24412/2076-1503-2022-3-164-176](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-3-164-176)
- Mitina A.M. 2004. Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie za rubezhom: kontseptual'noe stanovlenie i razvitie [Additional professional education abroad: conceptual formation and development]. Moscow, Publ. Nauka, 304 p.
- Kravtsova S.A., Kostalanova N.V., Dolgikh Yu.A., Sumarokov V.K., Mamonov E.A., Kuz'menko A.V., Stankevich A.V., Sumarokova V.V. 2021. Problemy dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya [Problems of additional professional education]. In: Pedagogicheskoe masterstvo [Pedagogical skill]. Proceedings of the XIX International Scientific Conference (Kazan, December 20–23, 2021). Ed. I.G. Akhmetov. Kazan', Publ. Molodoy uchenyy: 57–60.
- Salikhova A.A., Donina O.I. 2020. Osnovnye priznaki i lichnostno-orientirovannyi kharakter vnutrivuzovskoy sistemy povysheniya kvalifikatsii pedagogov [The main features and personality-oriented nature of the intra-university system of advanced training for teachers]. In: Sovremennoe vysshee obrazovanie: teoriya i praktika [Modern Higher Education: Theory and Practice]. Ed. A.Yu. Nagornova. Ul'yanovsk, Publ. Zebra: 546–556.
- Shekhovtsov V.V., Gonik I.L. 2017. Problems and development trends of continuing professional education. Bulletin of the South Ural State University. Ser. *Education. Educational Sciences*, 9(3): 102–108 (in Russia). DOI: [10.14529/ped170311](https://doi.org/10.14529/ped170311)
- Shumakova I.A. 2021. Upravlenie marketingovoy deyatelnost'yu rossiyskikh vuzov v usloviyakh razvitiya natsional'nykh i global'nykh obrazovatel'nykh rynkov [Management of marketing activities of Russian universities in the context of the development of national and global educational markets]. Belgorod, Publ. BelGU, 365 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.02.2023

Received February 20, 2023

Поступила после рецензирования 11.03.2023

Revised March 11, 2023

Принята к публикации 10.06.2023

Accepted June 10, 2023



ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ирхин Владимир Николаевич, профессор кафедры педагогики, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта, г. Санкт-Петербург, Россия

Ирхина Ирина Витальевна, профессор кафедры педагогики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Собянин Федор Иванович, профессор кафедры теории и методики физической культуры, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Кравец Анастасия Олеговна, аспирант кафедры педагогики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir N. Irkhin, Professor of the Department of Pedagogy, Lesgaft National State University of Physical Culture, Sports and Health, St. Petersburg, Russia

Irina V. Irkhina, Professor of the Department of Pedagogy of Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Fedor I. Sobyenin, Professor of the Department of Theory and Methods of Physical Culture, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Anastasia O. Kravets, Postgraduate Student of the Department of Pedagogy of Belgorod National Research University, Belgorod, Russia



УДК 37.03

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-2-252-268

Формирование имиджа будущего специалиста в образовательном процессе вуза

¹ Маматова С.И., ² Исаев И.Ф., ² Собянин Ф.И.,

¹ Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, 7

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: isaev@bsu.edu.ru; sobyenin@bsu.edu.ru; mamatova75@mail.ru

Аннотация. Психолого-педагогические исследования проблем имиджа будущего специалиста дают ответы на вопросы о том, как формируется имидж и какие факторы влияют на его формирование, что необходимо учесть при разработке стратегии и организации образовательного процесса в вузе, направленного на улучшение имиджа личности студента, преподавателя, в целом учебного заведения. Цель исследования состоит в обосновании имиджа студента как предмета психолого-педагогического исследования, в определении основных этапов и условий его формирования. В статье имидж студента как носителя ценностей своего учебного заведения раскрыт в контексте отношения к его внутреннему миру, проявляющемуся в различных видах деятельности и в поведении. В исследовании обоснованы этапы освоения позитивного имиджа студента: 1 этап – овладение имидж-знаниями; 2 этап – познание себя как студента университета; 3 этап – самопрезентация. Теоретически обосновано содержание каждого этапа формирования имиджа современного студента. Сделан вывод о том, что особенности формирования имиджа студента университета зависят не только от его индивидуальных особенностей, но и от таких проявлений имиджа университета как: характер межличностных отношений в системе «преподаватель-студент», личный имидж-пример преподавателей, статус университета, его представленность в российских и международных рейтингах и др. Теоретически обосновано содержание каждого этапа формирования имиджа современного студента.

Ключевые слова: имиджелогия, имидж студента, имидж вуза, педагогическая имиджелогия

Для цитирования: Маматова С.И., Исаев И.Ф., Собянин Ф.И. 2023. Формирование имиджа будущего специалиста в образовательном процессе вуза. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(2): 252–268. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-252-268

Forming the Image of a Future Specialist in the University Educational Process

¹ Svetlana I. Mamatova, ² Ija F. Isaev, ² Fedor I. Sobyenin,

¹ Belgorod State University of Arts and Culture,
7 Koroleva St, Belgorod 308033, Russia;

² Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia

E-mail: isaev@bsu.edu.ru; sobyenin@bsu.edu.ru; mamatova75@mail.ru

Abstract. Psychological and pedagogical studies of the problems of the image of a future specialist provide answers to questions about how the image is formed and what factors influence its formation, which must be considered when developing a strategy and organizing the educational process at a university aimed at improving the image of the personality of a student, teacher, in general image of the educational institution. The purpose of the study is to substantiate the student's image as a subject of psychological and pedagogical research, to determine the main stages and conditions for its formation. In the study, the authors proceed

from the fact that the image of a student is a means of achieving certain personal and professional goals that encourage appropriate social and professional behavior; the image of the university, in turn, is considered as a means of developing and implementing the strategic goals of the long-term development of an educational organization. In the article, the image of a student as a bearer of the values of the educational institution is revealed in the context of the attitude to its inner world, which is manifested in various activities and behavior. The study substantiates the stages of mastering a positive image of a student: stage 1 – mastering image-knowledge; stage 2 – cognition of oneself as a university student; stage 3 – self-presentation. The content of each stage of the formation of the image of a modern student is theoretically substantiated. It is concluded that the features of the formation of the image of a university student depend not only on his individual characteristics, but also on such manifestations of the university image as: the nature of interpersonal relations in the “teacher-student” system, personal image-example of teachers, the status of the university, its representation in Russian and international ratings, etc. The content of each stage of the forming the image of a modern student is theoretically substantiated.

Keywords: imageology, student's image, teacher's image, university's image, pedagogical imageology

For citation: Mamatova S.I., Isaev I.F., Sobyenin F.I. 2023. Forming the Image of a Future Specialist in the University Educational Process. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2): 252–268 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-252-268

Введение

Современный вуз предоставляет широкие возможности не только для получения определенной профессии, но и создает определенную среду для формирования личности и социальной позиции студента. Одним из ключевых аспектов этого процесса является формирование имиджа студента, как комплекса качеств и характеристик, которые связываются с личностью студента в глазах окружающих и формируют его статус и репутацию. Актуальность исследования имиджа студента обусловлена трансформационными процессами, происходящими в системе подготовки будущих специалистов в вузе [Исаев и др., 2022].

В наше время, когда конкуренция на рынке труда все больше возрастает, важность имиджа студента не может быть недооценена. Этот аспект становится особенно актуальным для тех, кто планирует продолжить свою карьеру в академической или бизнес-среде. Однако, формирование имиджа студента – это не только профессиональный вопрос, но и вопрос личностного роста и развития. Качественный имидж студента способствует его самоутверждению и формированию позитивной самооценки, что в свою очередь влияет на качество его жизни в целом.

Имиджелогия, как научное направление, достаточно активно разрабатывается, начиная с 2002 года [Перельгина, 2002; Турбовской, 2002; Шепель, 2005; Почепцов, 2006; Константинова, 2011; Симонова, 2012; Летина, 2015; Адилова, 2016; Горчакова, 2019; Целых, 2019]. Генезису и современному состоянию проблемы формирования профессионального имиджа посвящена работа Л.М. Семеновой [2015]. Результаты исследования в области имиджологии позволяют раскрыть многие аспекты взаимодействия личности и общества, формирования личности и общественного мнения, а также процессы социальной коммуникации в различных видах деятельности. Разработка стратегий формирования имиджа может быть полезна для различных сфер общественной жизни.

Проведенные исследования в области общей имиджологии инициируют исследования и в такой научной сфере как педагогическая имиджология, под которой мы понимаем отрасль педагогической науки, изучающей закономерности, тенденции, технологии формирования имиджа педагога, обучающегося, образовательной организации и особенности их восприятия в социальной и профессиональной среде.

Вопросам сущности и формирования педагогического имиджа посвящен ряд работ [Атаманская, 2016а, 2016б; Щербакова, Щербакова, 2018; Бегидова и др., 2019;



Шаруева, 2021; Лебедева, Лебедев, 2022; и др.]. Психологические аспекты формирования педагогического имиджа раскрываются в исследованиях [Калюжный, 2004; Краснюк, Овчинникова, 2019].

Для нас особый интерес представляют работы, в которых рассматриваются особенности формирования имиджа высшего учебного заведения, преподавателей высшей школы и студентов. Вопросы сущности, структуры и факторов формирования имиджа высшего образования и вуза рассматриваются в работах [Христофорова и др., 2011; Лекторова, 2017; Морозова, Сухачева, 2017; и др.].

Проблема создания имиджа преподавателя вуза находит отражение в исследованиях [Сысоева, 2017; Лукашенко, Ожгихина, 2019; Лободенко и др., 2022; и др.]. В исследовании М.А. Лукашенко и А.А. Ожгихиной, в частности, показано, что имидж преподавателя вуза – «это важная компетенция преподавателя, являющаяся результатом его целенаправленной работы и саморазвития» [Лукашенко, Ожгихина, 2019, с. 53], а его доминирующими характеристиками, с точки зрения студентов, выступают: «профессионализм и экспертность преподавателя в конкретной предметной области, педагогическая компетентность как способность реализовывать продуктивный образовательный процесс и эмоциональный интеллект» [Лукашенко, Ожгихина, 2019, с. 46].

В настоящее время накоплен значительный научный потенциал, посвященный разработке общих проблем формирования имиджа личности на этапе профессиональной подготовки [Семенова, 2009; Валеева, 2016; Лашкина, 2022; и др.]

Вопросам формирования имиджа будущих специалистов сферы образования посвящено исследование И.В. Федосовой [2016]; исследование Р.К. Серёжниковой, Л.Г. Васильева, В.А. Макаровой и Е.И. Хачикян [2018] посвящено выявлению специфических особенностей имиджетворческой деятельности будущего учителя в процессе профессиональной подготовки в университете. В исследовании проблемы формирования имиджа учителя начальных классов Н.В. Савченко рассматривает имидж в качестве средства саморазвития личности будущего учителя. Автор исходит из определения профессионального имиджа будущего учителя, данного В.Г. Орешкиным в описании тренинга формирования имиджа, как «формы жизненного проявления современного учителя, с помощью которой он, активизируя личностно-деловые качества, самоутверждается профессионально и личностно» [Савченко, 2019, с. 60].

Изучаются особенности формирования профессионального имиджа студента-будущего социального педагога: Н.А. Глузман [2017] обосновывает педагогические условия и описывает модель формирования профессионального имиджа; этапы формирования и содержание компетентностного компонента профессионального имиджа разрабатывает К.И. Атаманская [2016а, 2016б]. Ряд работ посвящены исследованию процесса формирования профессионального имиджа студентов театральных вузов и вузов искусств и культуры: формирование имиджа будущих педагогов-хореографов [Шевцова, 2020], формирование сценического имиджа будущих эстрадных исполнителей [Петренко, 2015] и др. Формированию имиджа студента-медика посвящены работы К.И. Юрина [2016]; построению модели специалиста по имиджелогии – работа Ю.В. Фроловой [2010]. О.В. Шкурко [2012] исследовал проблему востребованности имиджелогического знания будущими менеджерами и пришел к выводу о необходимости более глубокой разработки методологических основ имиджелогии и концептуальных подходов. Разработке концептуальных основ формирования имиджа будущего специалиста по связям с общественностью посвящено исследование Л.М. Семеновой [2010].

Однако исследований, посвященных изучению имиджа студента, как носителя имиджа вуза, явно недостаточно. В этой связи возрастает также актуальность психолого-педагогических исследований имиджа субъектов образовательного процесса, имиджа учебных заведений. Именно опора на педагогические и психологические знания создает необходимую теоретическую основу для дальнейших имиджевых исследований.

Педагогика и психология исследуют различные аспекты проблемы имиджа. Педагогика, в частности, изучает особенности формирования имиджа учреждения образования, преподавателя и обучающегося. Важно при этом, чтобы имидж учреждения образования был положительным, так как это влияет на привлекательность и репутацию учебного заведения. Также педагогика исследует, как преподаватели и студенты могут влиять на формирование имиджа учебного заведения, и как различные методы обучения влияют на формирование имиджа будущего специалиста. Психология исследует становление личностного имиджа и его влияние на поведение человека, а также особенности личностного имиджа в различных возрастных группах, как он влияет на социальное взаимодействие и какие механизмы помогают улучшить имидж личности.

Особое внимание психология и педагогика уделяют таким аспектам, как формирование имиджа лидера и влияние лидерских качеств на формирование имиджа личности. Имидж лидера важен для достижения успеха в различных областях, включая образование, медицину, бизнес, политику, общественную жизнь и т.д. Педагогика и психология в изучении проблем имиджа имеют общую цель - понять, как формируется имидж и какие факторы влияют на его формирование, чтобы в дальнейшем разработать стратегии, способствующие улучшению имиджа личности, учебного заведения, бизнеса или общественной организации.

Таким образом, анализ литературы по заявленной теме показал, что разные авторы дают различные определения понятию «имидж». Этот вопрос достаточно широко уже освещен в имеющейся специальной литературе. Для нашего исследования важно, что, во-первых, имидж рассматривается и как специально создаваемый определенной социальной группой образ и как создаваемый усилиями самой личности индивидуальный образ. При этом и типизированный и индивидуальный образ могут рассматриваться и как устойчивое представление об особых, специфических качествах и как некий синтетический образ, который складывается в сознании людей в отношении конкретного лица, организации или иного социального объекта.

Для интерпретации полученных эмпирических данных важным является понимание имиджа как информативного продукта, который, с одной стороны, содержит в себе значительный объём эмоционально окрашенной информации, а, с другой стороны, побуждает к определённому социальному поведению. Такое толкование имиджа позволило операционализировать процесс исследования, когда в качестве субъекта восприятия рассматривается не только студент, но и другие участники образовательного процесса в вузе; образ получающего университетское образование рассматривается не только с точки зрения когнитивных описаний, но и с точки зрения носителя ценностей высшего профессионального образования, т.е. ценностно-смыслового отношения к нему. Главное, оно позволяет исследовать имидж не только на уровне сущности и явления, но и на уровне практической реализации.

Теоретический анализ проблемы позволил также рассматривать имидж в качестве важной составляющей воспитанности студента и необходимого компонента профессионального воспитания будущих специалистов.

Наше исследование посвящено проблеме жизнедеятельности высшей школы, укрепления имиджа обучающихся и обучающихся во взаимодействии между собой и окружающей социальной средой. Имидж для студента предстает в качестве средства достижения определенных личностных и профессиональных целей; для университета имидж – средство достижения стратегических целей, ориентированных на перспективу развития вуза.

Подходы и методы исследования

Основными методологическими подходами в исследовании выступили: системный подход, позволяющий рассматривать, с одной стороны, личность как систему, с другой – личность, вписанную в систему социума (Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн, и др.); культурологический подход, позволяющий рассматривать личность будущего специалиста как носителя общей и профессиональной



культуры; акмеологический подход, обеспечивающий достижение человеком определенного жизненного, и профессионального акме; субъектно-деятельностный подход, в рамках которого личность рассматривается в качестве субъекта (Б.Г. Ананьев, А.В. Брушлинский, А.А. Деркач, Е.А. Климов; К.А. Славская, и др.).

Представления респондентов о современном студенте анализировались на основе методологического принципа трехаспектности, предложенного М.Г. Ярошевским и рассмотренного в контексте науки в статье М.Г. Ярошевского, А.В. Юревича и А.Г. Аллахвердян [2000].

В исследовании приняли участие 122 чел. (29 муж. и 93 жен.) в возрасте от 20 до 25 лет. Выборку составили студенты белгородских вузов. Для изучения системы представлений респондентов о современном студенте использовался метод самоописания (модифицированная методика Т. Куна) и метод опроса. В основу методов изучения социальных представлений была положена идея свободных ассоциаций и высказываний, которая рассматривается в качестве одного из необходимых элементов методов анализа социальных представлений.

Респондентам предлагалось сформулировать и записать до 20 суждений-ответов на словосочетание «Я как студент» и до 20 продолжений следующих предложений: «По-моему мнению, большинство белгородцев думают о современном студенте следующее...» и «По-моему мнению, большинство белгородцев относятся к студентам в современных условиях развития высшей школы следующим образом...». Студенты могли дать любое число ответов, не превышая 20, в любом порядке, не соблюдая никакой логики.

Кроме самоописания студентам предлагалось ответить на 7 вопросов: 1. Как Вы считаете, что отличает студентов Вашего вуза от студентов других вузов? 2. Как Вы оцениваете уровень образования, который получают студенты Вашего вуза? 3. Как Вы думаете, студенты Вашего вуза обладают запасом знаний и навыков, необходимых для успешной карьеры? 4. Какие качества характеризуют студентов Вашего вуза, на Ваш взгляд? 5. Как Вы думаете, студенты Вашего вуза принимают активное участие в общественно-политической жизни города, области? Почему? 6. Как Вы думаете, почему он считается одним из лучших вузов в стране? 7. Как Вы думаете, соответствует ли стереотип об обучении в Вашем вузе реальности? Если нет, то в чем конкретно различия, на ваш взгляд?

Формулировки задания для самоописания и описания образа студента глазами других – жителей Белгорода связаны с неосознаваемой студентами-респондентами актуализацией когнитивного и эмоционального компонентов установки и по отношению к себе, и по отношению к студентам своего вуза. Сконструированная таким образом методика исследования направлена на исследование семантического поля студентов-участников исследования, на выделение часто повторяющихся его элементов. Благодаря чему и было определено центральное ядро социальных представлений о студентах вуза.

Оценка самоописаний и ответов осуществлялась с помощью процедуры контент-анализа. Одно суждение студента рассматривалось в качестве единицы контекста, а основной категорией – понятие «представление о современном студенте вуза».

Обсуждение результатов исследования

Всего в исследовании было получено 2 049 суждений, из них 947 суждений в самоописании и 1 102 суждения в косвенном описании образа современного студента. В самоописании максимальное число студентов (43 чел., что составило 35,3 % выборки, написали по 7 суждений; пять человек назвали минимальное количество суждений равное трем, и три человека – максимальное количество суждение равное 20. В косвенном описании образа современного студента максимальное количество респондентов (39 чел. или 32,0 %) использовали 9 суждений. При этом, если в самоописании минимальное количество равно трем суждениям, то в косвенном описании начинается с пяти суждений; диапазон суждений в косвенном описании шире, чем в самоописании: если в самоописании основная масса

студентов, описывая свой образ, использовали от 5 до 11 суждений, то в косвенном описании – от 5 до 17 суждений. Результаты контент-анализа позволили все суждения-номинации отнести к 47 категориям, объединенным в группы по разным основаниям.

Выделение категорий, их объединение в группы и проведение качественного анализа показал следующее. В структуре самоописания наибольший процент из всех суждений, имеющих отношение имеют такие категории, как «Самообучение», «Равноправная коммуникационная стратегия», «Карьерная перспектива» и «Психологическая культура» (281 суждение, что составило 29,7 % от всех суждений самоописания). При этом первые два места принадлежат категориям «Самообучение» и «Психологическая культура», которые отражают не столько реальное положение, сколько виртуальное, отражающее потребности современных студентов в изменении организации образовательного процесса в высшей школе. Такие изменения на уровне сознания студентов видятся в повышении их роли и ответственности за результаты собственной учебно-профессиональной деятельности, важнейшим фактором успешности которой объективно является владение оптимальным уровнем психологической культуры.

В соответствии с принципом трехаспектности все категории были объединены в три группы: в 1 группу (предметно-профессиональный аспект) были отнесены категории, отражающие логику профессионального развития, во 2 группу (социально-студенческий аспект) – категории, характеризующие студенчество и в 3 группу (личностно-психологический) – категории, раскрывающие индивидуально-личностные особенности респондента.

Раскроем содержание каждой группы категорий. В первую группу были включены параметры, характеризующие студентов в контексте перспектив профессионального развития: академические представления, учебные стратегии, ожидания от обучения, представления о качестве образования и о профессиональном будущем. Среди позитивных наиболее часто в этой группе встречаются номинации, характеризующие приверженность к самостоятельному обучению, предпочтение лекционных форм обучения и карьерные перспективы. Сочетание первых двух номинаций, с нашей точки зрения, характеризует такую выбираемую студентами учебную стратегию, как стратегию самообучения с включением двух видов лекций: вводной (-ых) и обобщающей (-их). Среди представлений с негативным оттенком чаще других встречаются суждения о существующей в вузе системе организации учебного процесса и учебных материалах, используемых для обучения. Сопоставляя эти суждения студентов, можно утверждать, что учебная стратегия виртуальна, а негативные суждения свидетельствуют о понимании студентами, с одной стороны, необходимости, в том числе и для карьерной перспективы, именно такой стратегии обучения, а с другой стороны, невозможности ее реализовывать в современных условиях функционирования высшей школы.

Во вторую группу были включены параметры, характеризующие студентов в контексте социальных представлений, коммуникативных стратегий, интересов и хобби, отношения к социокультурным процессам и преобразованиям. Контент-анализ позволил получить информацию о том, что большинство номинаций показывает, как студент видит себя в социальной роли и взаимоотношениях с другими студентами, преподавателями, персоналом вуза и обществом в целом и какие коммуникационные стратегии использует для достижения целей и взаимоотношений со студентами и преподавателями. Среди номинаций в этой группе чаще встречаются номинации, имеющие отношение к социальному статусу, социальной адаптации и коммуникационной стратегии взаимоотношений с преподавателями. При этом студенты не только описывают свой статус, но и высказывают свое отношение к нему; описывают не только имеющуюся, но и желаемую коммуникационную стратегию взаимоотношений с преподавателями. Студенты отмечают «средний уровень» отношения к ним со стороны и студентов, и преподавателей, а хотели бы иметь «более высокий статус». Взаимоотношения с преподавателями они оценивают, как «зависимые». Особое внимание студенты уделяют лекциям. Они считают, что преподаватели ориентируются на тему занятий, а не на студентов, на уровень их подготовленности и понимания темы.



Проведя сравнительный анализ описаний студентами образа своей учебно-профессиональной деятельности и образа себя и своих коммуникационных стратегий в системе взаимоотношений, мы пришли к следующему выводу. Студентов, в первую очередь, не устраивает и организация учебного процесса, и система взаимоотношений с преподавателями. Они хотели бы изменить и учебную, и связанную с ней коммуникационную стратегию: учебная стратегия, как стратегия самообучения, требует изменения и коммуникационной стратегии взаимодействия с преподавателями, в частности, во время лекций. Суть коммуникации с преподавателями во время лекции будет заключаться в предварительном изучении студентами нового материала: прежде чем идти на занятия, студент самостоятельно изучает материал и составляет список вопросов, которые он задаст преподавателю во время лекции. В таком случае преподаватель будет отвечать на действительно, а не будто бы, заданные вопросы студентов.

В третью группу были включены категории, характеризующие индивидуально-психологические особенности студента. Психологические представления позволили оценить то, как студенты видят себя как личность, свои характеристики, качества, таланты, интересы и потребности. В этой группе наиболее представленными в образе «Я – студент» оказались такие психологические образования, как потребность в самопознании, в саморегулировании, в саморазвитии, в самопринятии, в уверенности. То есть студенты реже описывали конкретные качества личности, типа «ответственный» и др., чаще – потребности развиваться, совершенствоваться лично и профессионально. Среди позитивных номинаций чаще всего встречается стремление к самопознанию; к саморегуляции своих мыслей, эмоций и действий; к саморазвитию и самосовершенствованию, а среди негативных самоописаний – отсутствие знаний и умений удовлетворять такие потребности. Студенты пишут: «хочу развиваться сам и лично, и профессионально, но не знаю, как это делать», «хочу лучше узнать свои возможности и способности, но у меня не получается узнать» и т.п. Такое описание студентами себя свидетельствует, с одной стороны, о неоптимальном развитии психологической культуры, с другой, – о готовности студентов совершать внутреннюю работу по самосовершенствованию в процессе самовоспитания [Маматова, 2022].

Таким образом, представления студента о себе как о студенте, включая академические, социальные и психологические, являются важными факторами для понимания процесса обучения и позволяют эффективно разрабатывать методы и подходы к обучению студентов. Анализ указанных параметров поможет более детально охарактеризовать студентов в контексте учебного процесса, социальных взаимодействий, перспектив профессионального и личностного развития. Эти параметры важны для разработки индивидуальных программ и подходов к обучению студентов, к развитию их профессиональных и личностных качеств, а также для совершенствования процесса образования в целом.

Контент-анализ косвенного описания студентами образа студента, показал, как общее с самоописанием, так и различное.

Общее заключается в том, что все суждения также можно разнести по трем группам: описания предметно-профессионального характера, социального и личностно-психологического.

Различия заключаются в том, что, во-первых, количество суждений в косвенном описании образа студента на 155 суждений больше, чем в самоописании, во-вторых, описания первых двух групп более формализованы, в-третьих, больше выделено конкретных личностно-психологических особенностей студента, в-четвертых, добавлены позитивные и негативные аспекты студенческой жизни и, в-пятых, описаны внешние признаки образа студента. Более открытое выражение студентами субъективной позиции связано с тем, что в предложениях представлена ссылка на большинство и, соответственно, при ответах срабатывал механизм разделенной ответственности за групповое решение, хорошо известный в социальной психологии. Проявлялось это в том, что в каждом суждении студента как бы отражалась точка зрения большинства белгородцев, в силу чего и происходило снижение его ответственности за сказанное.

В косвенном описании образа студента респонденты часто не разделяли ответы на когнитивные («По-моему мнению, большинство белгородцев думают ...») и эмоциональные («По-моему мнению, большинство белгородцев относятся к студентам...») аспекты преставлений, в одном ответе были и когнитивные параметры, и эмоциональные оценки.

В структуре косвенного описания респондентами образа студента наибольший процент из всех суждений имеет одна категория первой группы («Учебная нагрузка», вызывающая стресс и утомление) и три категории третьей группы («Креативный», «Умный», «Самостоятельный»). На эти четыре категории приходится 35,2 % от всех суждений.

Сравнение доминирующих категорий в самоописании и в косвенном описании свидетельствует о том, что в самоописании чаще встречаются предметно-профессиональные, или академические, категории, а в косвенных описаниях – личностно-психологические категории. Если в первом случае личностно-психологические категории являются интегральными представлениями (психологическая культура как системное личностное образование), то во втором – одноэлементными представлениями. Таким образом, студенту проще описать себя в контексте деятельности, которые он выполняет (учебно-профессиональная деятельность, хобби, спорт и т.п.) и в контексте социальных отношений (коммуникативные стратегии в отношениях с преподавателями, другими студентами), нежели в контексте внутреннего мира (свои личностные качества, эмоции, внутренние состояния).

Респонденты описывают позитивные и негативные аспекты студенческой жизни, понимая, что они оказывают серьезное влияние на личность студента и его развитие. Позитивные аспекты студенческой жизни чаще описывают такими категориями, как: «образование», «новые возможности», «исследования», «развлечения и свободное время». В группу «Образование» вошли суждения о возможности изучать те предметы, которые вызывают интерес; получать новые знания и развивать новые навыки, которые студенты могут применять в профессиональной деятельности после окончания университета и др. В группу «Исследования» вошли суждения о возможности заниматься исследованиями; участвовать в исследовательских проектах; создавать свои стартапы и т.п. Все это помогает студентам получить ценный опыт объективных исследований и научиться критически мыслить. В группу «Развлечения и свободное время» были включены суждения о широких возможностях для общения и взаимодействия с другими: участие в спортивных мероприятиях и заседаниях студенческого клуба, посещение культурных мероприятий, совместные проекты и проведение времени со своими друзьями помогают студентам налаживать новые связи и развивать свой круг общения.

Анализ суждений о позитивных аспектах образа студенческой жизни показывает, что в целом студенческий образ жизни предоставляет множество возможностей для личностного и профессионального развития, а также для общения и развлечений. Однако, как и в любом другом образе жизни, существуют и свои сложности и вызовы.

Среди негативных аспектов чаще всего студенты выделяют учебную нагрузку, социальное давление и проблемы с идентичностью. Считаем, что респонденты объективно оценивают трудности и проблемы, с которыми сталкиваются студенты. Большая учебная нагрузка действительно может вызывать утомление и стресс и приводить к нарушению здоровья, снижению работоспособности, что, в свою очередь, негативно сказывается на общем самочувствии и успеваемости студентов. Студенческая жизнь связана с определенными социальными ожиданиями и стереотипами, которые могут оказывать давление на студентов. Социальное давление может проявляться, например, в виде необходимости участвовать во всех студенческих мероприятиях, чтобы быть в «топе», или в принудительной социализации с другими студентами. Как и любой образ жизни, студенческий стереотип может вызывать у некоторых студентов проблемы социальной идентичности. Некоторые студенты могут чувствовать дискомфорт от того, что они не соответствуют стереотипу «идеального студента», а это, в свою очередь, может влиять на их самооценку и уверенность в себе.



Таким образом, студенческий образ жизни не лишен негативных аспектов. Однако, как правило, преимущества студенческого образа жизни перевешивают негативные аспекты, так как он предоставляет не только учебу, но и возможность развития личности и взаимодействия с другими людьми.

В описании внешних признаков студента респонденты выделяют возраст («молодой человек», «человек среднего возраста»), стиль одежды («современно одет», «стиль от классического до молодежного») и информационные средства («почти всегда с ноутбуком или планшетом»).

Таким образом, обобщенные результаты представления студента о себе «Я как студент» и косвенного представления о студенте, включая академические, социальные, психологические, профессиональные и мировоззренческие, учебные стратегии, интересы и хобби, ожидания от обучения и коммуникационные стратегии, являются важными факторами для понимания процесса обучения и позволяют эффективно разрабатывать методы и подходы к обучению студентов.

Выявленные особенности представлений об «идеальном современном студенте» легли в основу разработки модели формирования имиджа студента-будущего профессионала.

При определении путей формирования имиджа студента-будущего профессионала мы исходили из ряда обстоятельств, имеющих, на наш взгляд, принципиальное значение. Во-первых, современное высшее образование ориентировано на самоопределение, самореализацию и саморазвитие личности. Во-вторых, носителями имиджа профессии выступают выпускники, качество профессиональной деятельности которых является следствием качества образования, полученного ими в конкретном образовательном учреждении. В-третьих, успешная конкуренция выпускников высших учебных заведений на рынке труда требует создания имиджа, соответствующего, целесообразного и адекватного и полученной профессии, и ступени профессионализации: имидж студента, имидж профессионала.

В ходе исследовательской деятельности нами выделены этапы освоения позитивного имиджа студента университета:

I этап – этап овладения имидж-знаниями. Главная цель этапа – оказание помощи студентам в овладении имидж-знаниями и использовании их в межличностном общении, во взаимодействии с преподавателями, представителями профессиональных сообществ. Результат данного этапа – овладение знаниями, включающими имидж личности; структуру имиджа и его составляющие; технологии формирования имиджа.

II этап – этап познания себя как студента университета. С психологической точки зрения этот этап связан с «внедрением» в «Я-образ» образа «Я как студент». Анализ самоописаний студентов показывает, что в образе «Я-студент» у 29,5 % (36 чел.) доминируют такие описания, которые не только не содержат эмоционально привлекательной информации, но и не отражают стремление студентов вести себя, как подобает студенту университета. По частоте встречаемости у этой группы студентов специфически «студенческие» самоописания распределились следующим образом: название факультета, на котором учится студент – 1 место; отражение специфики организации учебного процесса в университете («хожу на лекции», «выступаю на семинарах» и т.п. – 2 место и отношение («хорошо учусь», «учусь удовлетворительно», «добросовестно посещаю занятия» и т.п.) – 3 место. Эти данные свидетельствуют о том, что у обучающихся недостаточно сформирован и внешний, и внутренний позитивный имидж студента университета.

На этом этапе формирования имиджа важно создать условия для осознания студентом своих качеств, убеждений, потребностей, ценностей и понимания того, как это отражается на его поведении и поступках. Этот этап включает в себя самоанализ, самопознание, понимание своих сильных и слабых сторон. Связь между развитием «Я-концепции» студента и формированием его имиджа характеризуется тем, что «Я-концепция» представляет собой самооценку и понимание собственной личности, а имидж – это то, что студент

демонстрирует окружающим. Таким образом, развитие «Я-концепции», во-первых, позволяет студенту лучше понимать свои качества и убеждения, которые формируют имидж; во-вторых, помогает формировать имидж, который соответствует личности и реальности. Имидж, в свою очередь, может быть использован в качестве инструмента для повышения самооценки, развития уверенности в себе, совершенствования «Я-концепции».

Развитие Я-концепции помогает студенту лучше понимать свои сильные и слабые стороны. Это значит, что студент, который развивает свою Я-концепцию, может сформировать имидж, который не только соответствует его личности, но и учитывает его возможности и преимущества. Важность развития Я-концепции в формировании имиджа подчеркивает и тот факт, что имидж может варьироваться в зависимости от ситуации и окружения, но при этом он всегда должен быть основан на настоящих качествах и ценностях студента.

Развитие Я-концепции и формирование имиджа являются важными компонентами успешного личностного роста и развития. Студент, который стремится к развитию своей Я-концепции и формированию имиджа, может более успешно достигать своих целей и удовлетворения в жизни в целом. «Я-концепция» и формирование имиджа представляют собой, с одной стороны, взаимосвязанные процессы, которые помогают студенту достичь лучшей гармонии с самим собой и окружающим миром, с другой стороны, составляют содержание второго этапа формирования имиджа студента.

Главным результатом специально организованной работы над имиджем является создание у студентов нового образа при вхождении в социальную ситуацию развития. Однако успешное формирование положительного образа «Я - студент» зависит и от таких субъективных факторов, как: уверенность студента в наличии способностей обучаться в вузе выбранной специальности, осознание собственной значимости и убежденность в том, что другие его принимают и готовы к взаимодействию с ним.

Таким образом, работа с «Я-концепцией» студентов в контексте имиджа предполагает реализацию таких функций имиджа, как лично возвышающая и психотерапевтическая. Первая связана с познанием собственного внутреннего потенциала и переоценкой «Я»; вторая – с обретением студентами уверенности в себе и связанным с этим психологическим комфортом.

Кроме этого, успешность данного этапа освоения обучающимися имиджа студента во многом определяется сформированностью позитивного имиджа университета, который также не появляется сам собой и не существует сам по себе. Формирование положительного имиджа университета – это сложный и многосторонний процесс, все части которого взаимосвязаны и взаимозависимы. Он создается образовательной, научно-исследовательской, просветительской деятельностью университета, направленной на качественную подготовку специалистов, практикой межличностных и деловых отношений, рекламно-информационной работой, ориентированной на определенные целевые группы (старшеклассники и их родители, молодежь, работодатели и др.).

III этап – этап самопрезентации. Главная цель данного этапа – обучить студентов умению преподнести себя другим, подчеркивая свои достоинства как студента высшего учебного заведения. Обучение самопрезентации – это обучение преднамеренно выстроенным моделям поведения. Выстраивая модели поведения, важно учитывать факторы самопрезентации. Существуют разные факториальные теории самопрезентации: мотивационные, ситуационные и теории, учитывающие и мотивационные, и ситуационные факторы [Апракина, 2002].

В рамках мотивационных теорий главное – формировать у студентов мотивы самопрезентации. При их формировании необходимо учитывать, что к самопрезентации могут побуждать разные мотивы: от желания формировать у других позитивное отношение к себе до стремления к превосходству, к власти. Некоторые авторы считают, что специфическими мотивами самопрезентации в рамках имиджа выступают: привлечение внимания и проявление индивидуальности. С нашей точки зрения, создание условий для



актуализации и удовлетворения потребностей в проявлении студентами индивидуальности с целью привлечения к себе внимания является одной из задач организации образовательного процесса в вузе.

Допустимые границы самопрезентации студента задают не сами по себе социальные и профессиональные нормы и ценности, принятые в вузе. Особая роль в этом принадлежит рефлексивной самооценке. Рефлексивная самооценка, как результат осознания себя в качестве объекта оценки другими, способствует осознанию студентом соответствия своих действий и своего поведения собственным представлениям об этике, в том числе и профессиональной.

Обучение студентов разным технологиям самопрезентации происходит в процессе создания и выбора моделей поведения и исполнении различных ролей в конкретных моделируемых жизненных и профессиональных ситуациях.

На этом этапе студент начинает формировать свой имидж, опираясь на осознание своих позиций и взглядов. Успешное формирование имиджа зависит от того, насколько хорошо студент не только осознает свою «Я-концепцию», ее обращенность к другим, но и умеет ее лучшие качества проявлять в процессе общения и взаимодействия с другими. Осознанию студентом полезности становиться в глазах других «совершенной» личностью способствуют имидж-знания, полученные на первом этапе, и знание себя, своих потребностей и возможностей – на втором этапе.

Успешность этапа самопрезентации определяется тем, насколько успешно реализуется функция комфортности межличностных отношений и в системе «студент-студент», и в системе «преподаватель-студент».

Установлено, что особенности становления имиджа студента университета зависят не столько от индивидуальных особенностей, сколько от составляющих имиджа университета, таких как: характер межличностных отношений в системе «преподаватель-студент», личный имидж-пример преподавателей, статус университета, его представленность в российских и международных рейтингах и др.

Определено, что основанием для эффективного формирования имиджа студента университета служит не сам по себе имидж университета, а показатель уровня доверия студентов к университету. В свою очередь, доверие и обучающихся, и общественности к университетскому образованию и к конкретному университету укрепляют: согласованность университетского образования и деятельности университета с ожиданиями и потребностями студентов, их родителей и, главное, работодателей, а также культуросообразный уклад жизни университета.

Особое место в формировании имиджа занимает развитие специфического «имиджевого» мышления, суть которого заключается в умении рассуждать и действовать в межличностном пространстве, прогнозируя реакции со стороны других людей и соотнося свои действия с этими реакциями. При этом оптимальные модели поведения, привлекательного имиджа базируются на глубокой социальности человека, на умении устанавливать благоприятные отношения с людьми, на жизнелюбии и увлеченности трудом. Последние не только обеспечивают привлекательность имиджа студента, но и являются приоритетными факторами, позволяющими им сберечь собственное здоровье.

Заключение

Имидж студента представляет собой эмоционально окрашенную систему представлений о предметно-профессиональном, социальном и личностно-профессиональном аспектах его жизни и деятельности. Будучи информативным продуктом, имидж, сформированный у студента, побуждает его к определенному социальному поведению, а имеющийся у других – к определенному взаимодействию с ним.

Формирование имиджа студента рассматривается в качестве основы построения им в будущем конструктивных отношений в профессиональной деятельности.

Педагогическая сущность процесса формирования имиджа заключается в создании устойчивого образа профессионала, который формируется в сознании студентов и ассоциируется с определенными качествами, ценностями и стилем поведения. В контексте научно-педагогической деятельности преподавателя вуза формирование имиджа будущего специалиста предполагает создание позитивного восприятия студентом собственных профессиональных и личностных качеств. С этой точки зрения необходима такая организация образовательного процесса в вузе, которая способствовала бы научению студентов строить и управлять собственным имиджем студента-будущего профессионала.

Управление имиджем неразрывно связано с умением студента создавать позитивный образ, фиксирующий лучшие его деловые и личностные качества. Следовательно, развитие имиджевой компетентности и имиджевой культуры будущего специалиста является важной составляющей его профессиональной подготовки. Развитие имиджевой культуры будущего специалиста является актуальной задачей и в силу того, что в будущем такой специалист сможет создавать не только имидж конкретной образовательной организации, в которой он обучался, но и имидж высшего образования и имидж специалиста в соответствующей области в России и за рубежом.

Одним из условий успешного формирования имиджа студента является знание того, какие представления образа современного студента носят направляющий, побуждающий и смыслообразующий характер. В исследовании показано, что для изучения системы представлений студентов целесообразно использовать метод самоописания и метод косвенного описания образа студента, для анализа описаний - метод контент-анализа с разделением представлений на предметно-профессиональные, социальные и личностно-психологические аспекты и с возможным выделением представлений об учебных и коммуникативных стратегиях, ожиданиях от обучения, интересах и хобби и о личностных качествах.

Проведение анализа описаний студентами образа современного студента позволит не только лучше узнать, как студент видит себя в контексте учебного процесса, социальных взаимоотношений, профессиональной деятельности и мировоззрения, но и понять какие учебные и профессиональные умения и навыки востребованы студентами, как они воспринимают свой социальный статус и будущую профессиональную деятельность, какие ценности и отношения формируются у молодых людей сегодня. Такая информация может быть полезной и для разработки индивидуальных программ, и подходов к обучению студентов, для развития их профессиональных и личностных качеств, и для проектирования образовательных программ и формирования социальной и профессиональной идентичности студентов, и, в целом, для совершенствовании процесса высшего образования в целом. Как показывают результаты нашего исследования, современные студенты психологически готовы к серьезным изменениям в системе высшего образования, о чем свидетельствует и «идеальный образ студента», описанный реальными студентами разных вузов, и образ студенческой жизни с ее позитивными и негативными аспектами.

Список литературы

- Адилова Л.Ф. 2016. Теоретические подходы к процессу формирования имиджа. В кн.: Россия: тенденции и перспективы развития. Выпуск 11. Под ред. В.И. Герасимова. Москва, Институт научной информации по общественным наукам РАН. Часть 3: 625–638.
- Апраксина М.В. 2002. Теоретические аспекты самопрезентации. В кн.: Шепель В.М. Имиджелогия. Как нравиться людям. Под ред. В.М. Шепеля. Москва, Народное образование. URL: http://evartist.narod.ru/text9/19.htm#%D0%B7_06 (дата обращения: 16.04.2023).
- Атаманская К.И. 2016а. Компетентностный компонент профессионального имиджа социального педагога. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, 1(10): 82–84.



- Атаманская К.И. 2016б. Этапы формирования профессионального имиджа социального педагога в процессе профессиональной подготовки. В кн.: Современные образовательные технологии и системы контроля качества преподавания исторических и гуманитарных, социологических и психолого-педагогических и технических дисциплин в условиях реализации ФГОС. Материалы научно-практической конференции (г. Москва – г. Краснодар, 26 марта 2016 г.). *Историческая и социально-образовательная мысль*, S1: 9–15.
- Бегидова С.Н., Агошкова О.В., Манжос Л.В. 2019. Имиджформирующие характеристики современного педагога. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология*, 1(233): 15–21.
- Валева О.Н. 2016. Методологическая основа формирования личностно-профессионального имиджа студента. *Профессиональное образование в России и за рубежом*, 2(22): 152–155.
- Глузман Н.А. 2017. Формирование профессионального имиджа социального педагога. *Образование и наука*, 19 (9): 52–69. DOI: [10.17853/1994-5639-2017-9-52-69](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-9-52-69)
- Горчакова В.Г. 2019. Имиджелогия. Теория и практика. Москва, Юнити-Дана, 335 с.
- Исаев И.Ф., Кормакова В.Н., Макотрова Г.В. и др. 2022. Педагогическое образование: трансформационные процессы, компетенции, технологии. Под ред. И.Ф. Исаева. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 296 с.
- Калюжный А.А. 2004. Психология формирования имиджа учителя. Под ред. Ю.А. Швеца. М., Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 222 с.
- Константинова В.Г. 2011. Феномен имиджа в научных исследованиях. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Ювенология. Социокинетика*, 17(4): 221–225.
- Краснюк Л.В., Овчинникова Л.А. 2019. Психологические аспекты формирования педагогического имиджа. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 8-2(27): 342–346. DOI: [10.26140/anip-2019-0802-0077](https://doi.org/10.26140/anip-2019-0802-0077)
- Лашкина И.А. 2022. Формирование профессионального имиджа студента в образовательной организации высшего образования. *Проблемы современного педагогического образования*, 77(3): 127–130.
- Лебедева И.В., Лебедев Н.Е. 2022. Имидж педагога как атрибут его профессионального профиля. *Проблемы современного педагогического образования*, 77(3): 130–132.
- Лекторова Ю.Ю. 2017. Проектирование имиджа вуза в контексте общественных ожиданий. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*, 3: 69–86. DOI: [10.15593/2224-9354/2017.3.6](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2017.3.6)
- Летина Н.Н. 2015. Имидж в культурологическом дискурсе. *Ярославский педагогический вестник*, 1(2): 52–57.
- Лободенко Л.К., Цырикова Н.П., Череднякова А.Б., Лободенко Н.А. 2022. Формирование имиджа преподавателя вуза в цифровом информационно-коммуникационном пространстве. *Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки*, 14(4): 30–55. DOI: [10.14529/ped220404](https://doi.org/10.14529/ped220404)
- Лукашенко М.А., Ожгихина А.А. 2019. Имидж преподавателя вуза: мнения и приоритеты студентов. *Высшее образование в России*, 28(1): 46–56. DOI: [10.31992/0869-3617-2018-27-12-46-56](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-12-46-56)
- Маматова С.И. 2022. Психологическая культура как личностный предиктор психологического благополучия. В кн.: Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики. Сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Белгород, 18 февраля 2022 г.). Под ред. Н.В. Посоховой. В 5-ти томах. Белгород, БГИИК. Том 3: 356–360.
- Морозова Е.А., Сухачева А.В. 2017. Имидж Кемеровского государственного университета глазами преподавателей. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*, 2(4): 22–28.
- Перельгина Е.Б. 2002. Психология имиджа. Москва, Аспект Пресс, 223 с.
- Петренко Е.В. 2015. Формирование сценического имиджа эстрадных певцов. *Преподаватель XXI век*, 3-1: 108–116.

- Почепцов Г.Г. 2006. Имиджелогия. СПб, Релф-бук, 576 с.
- Савченко Н.В. 2019. Формирование профессионального имиджа будущего учителя начальной школы. *Балканское научное обозрение*, 3-1(3): 60–62.
- Семенова Л.М. 2009. Генезис и современное состояние проблемы формирования профессионального имиджа. *Вестник Томского государственного университета*, 326: 194–199.
- Семенова Л.М. 2010. Концептуальные основы формирования профессионального имиджа будущего специалиста по связям с общественностью. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*, 3: 160–169.
- Семенова Л.М. 2015. Курс имиджмейкинга в вузе: структурно-содержательный и дидактический аспекты. *Общество: социология, психология, педагогика*, 2: 28–32.
- Серёжникова Р.К., Васильев Л.Г., Макарова В.А., Хачикян Е.И. 2018. Имиджетворчество будущего педагога как основа педагогического профессионализма. *Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогические науки*, 13(2): 85–92. DOI: [10.21209/2542-0089-2018-13-2-85-92](https://doi.org/10.21209/2542-0089-2018-13-2-85-92)
- Симонова И.Ф. 2012. Педагогика имиджа. СПб, Ультра Принт, 304 с.
- Сысоева Е.Ю. 2017. Рефлексивный анализ имидж-образующих характеристик преподавателя вуза. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 6–4 (21): 209–213.
- Турбовский Я.С. 2002. Философия имиджелогии. В кн.: Шепель В.М. Имиджелогия. Как нравится людям. Под ред. В.М. Шепеля. Москва, Народное образование. URL: http://evartist.narod.ru/text9/19.htm#%D0%B7_03 (дата обращения: 16.04.2023).
- Федосова И.В. 2016. Формирование педагогического имиджа у будущих специалистов сферы образования. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 5–2(15): 162–166.
- Фролова Ю.В. 2010. Основные характеристики модели специалиста по имиджелогии в современной России. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 2(34): 175–179.
- Христофорова И.В., Колгушкина А.В., Александрова Н.С., Раздымаха Ю.Ю. 2011. Сущность и структура имиджа высшего образования. *Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса*, 5(1): 45–52.
- Шаруева Е.В. 2021. Организационно-педагогические условия формирования профессионального имиджа учителя в контексте стандартизации образования. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки*, 18(2): 101–112. DOI: [10.17673/vsgtu-pps.2021.2.8](https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2021.2.8)
- Шевцова М.М. 2020. Изучение роли имиджа при подготовке будущих педагогов-хореографов. *Научно-педагогическое обозрение*, 6(34): 160–171. DOI: [10.23951/2307-6127-2020-6-160-171](https://doi.org/10.23951/2307-6127-2020-6-160-171)
- Шепель В.М. 2005. Имиджелогия: секреты личного обаяния. Ростов н/Д, Феникс, 472 с.
- Шкурко О.В. 2012. Востребованность имиджелогического знания у будущих менеджеров. *Сибирский торгово-экономический журнал*, 15: 65–69.
- Щербакова Е.В., Щербакова Т.Н. 2018. Способы формирования профессионального имиджа современного учителя. *Проблемы современного педагогического образования*, 60–1: 411–415.
- Юрин К.И. 2016. Формирование имиджа современного студента-медика. *Бюллетень медицинских интернет-конференций*, 6(1): 216.
- Ярошевский М.Г. Юревич А.В., Аллаhverдян А.Г. 2000. Программно-ролевой подход и современная наука. *Вопросы психологии*, 6: 3–18.

References

- Adilova L.F. 2016. Teoreticheskie podkhody k protsessu formirovaniya imidzha [Theoretical approaches to the process of image formation]. In: Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya [Russia: trends and development prospects]. Issue 11. Part 3. Ed. V.I. Gerasimov. Moscow, Publ. Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN: 625–638.
- Apraksina M.V. 2002. Teoreticheskie aspekty samoprezentatsii [Theoretical aspects of self-presentation]. In: Shepel V.M. Imidzhelogiya. Kak nraiv'tsya lyudyam [Imagelogy. How to please people]. Ed. V.M. Shepel. Moscow, Publ. Narodnoe obrazovanie. Available at: http://evartist.narod.ru/text9/19.htm#%D0%B7_06 (accessed: 16 April, 2023).



- Atamanskaya K.I. 2016a. Competence component of the professional image of the social teacher. *Newsletter of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 1(10): 82–84 (in Russia).
- Atamanskaya K.I. 2016b. Stages of formation of professional image of social educator in training. In: *Sovremennye obrazova-tel'nye tekhnologii i sistemy kontrolya kachestva prepodavaniya istoricheskikh i gumanitarnykh, sotsiologicheskikh i psikhologo-pedagogicheskikh i tekhnicheskikh dis-tsiplin v usloviyakh realizatsii FGOS [Modern educational technologies and quality control systems for teaching historical and humanitarian, sociological and psychological-pedagogical and technical disciplines in the context of the implementation of the Federal State Educational Standard]. Materials of the scientific and practical conference (Moscow – Krasnodar, March 26, 2016). Historical and Social-Educational Idea*, S1: 9–15.
- Begidova S.N., Agoshkova O.V., Manzhos L.V. 2019. Image-making characteristics of the contemporary teacher. *The Bulletin of the Adyghe State University. Series 3: Pedagogy and Psychology*, 1(233): 15–21 (in Russia).
- Valeeva O.N. 2016. Methodological basis of students' personal-professional image formation. *Professional Education in Russia and abroad*, 2(22): 152–155 (in Russia).
- Gluzman N.A. 2017. Professional image formation of a future social care teacher. *The Education and Science Journal*, 19(9): 52–69 (in Russia). DOI: [10.17853/1994-5639-2017-9-52-69](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-9-52-69)
- Gorchakova V.G. 2019. *Imidzhelogiya. Teoriya i praktika [Imagology. Theory and practice]*. Moscow, Publ. Yuniti-Dana, 335 p.
- Isaev I.F., Kormakova V.N., Makotrova G.V. i dr. 2022. *Pedagogicheskoe obrazovanie: transformatsionnye protsessy, kompetentsii, tekhnologii [Pedagogical Education: Transformational Processes, Competencies, Technologies]*. Ed. I.F. Isaev. Belgorod, Publ. ID «BelGU» NIU «BelGU», 296 p.
- Kalyuzhnyy A.A. 2004. *Psikhologiya formirovaniya imidzha uchitelya [Psychology of teacher's image formation]*. Ed. Yu.A. Shvets. Moscow, Publ. Gumanitarnyy izdatel'skiy tsentr VLADOS, 222 p.
- Konstantinova V.G. 2011. Fenomen imidzha v nauchnykh issledovaniyakh [Image Phenomenon in Scientific Research]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Yuvnologiya. Sotsiokinetika*, 17(4): 221–225.
- Krasnyuk L.V., Ovchinnikova L.A. 2019. Psychological aspects of formation of pedagogical image. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 8-2(27): 342–346. DOI: [10.26140/anip-2019-0802-0077](https://doi.org/10.26140/anip-2019-0802-0077)
- Lashkina I.A. 2022. Building a student's professional image in higher education institutions. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 77(3): 127–130.
- Lebedeva I.V., Lebedev N.E. 2022. Teacher's image as an attribute of his professional profile. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 77(3): 130–132.
- Lektorova Yu.Yu. 2017. University image design in the context of public expectations. *Perm national research polytechnic university. Sociology and Economics Bulletin*, 3: 69–86 (in Russia). DOI: [10.15593/2224-9354/2017.3.6](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2017.3.6)
- Letina N.N. 2015. Image in the culturological discourse. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 1(2): 52–57 (in Russia).
- Lobodenko L.K., Tsyrikova N.P., Cherednyakova A.B., Lobodenko N.A. 2022. Shaping the image of academic staff in digital information and communication space. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Education. Educational Sciences*, 14(4): 30–55 (in Russia). DOI: [10.14529/ped220404](https://doi.org/10.14529/ped220404)
- Lukashenko M.A., Ozhgikhina A.A. 2019. Image of a university professor: students' views and priorities. *Higher Education in Russia*, 28 (1): 46–56 (in Russia). DOI: [10.31992/0869-3617-2018-27-12-46-56](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-12-46-56)
- Mamatova S.I. 2022. *Psikhologicheskaya kul'tura kak lichnostnyy prediktor psikhologi-cheskogo blagopoluchiya [Psychological culture as a personal predictor of psychological well-being]*. In: *Nauka. Kul'tura. Iskusstvo: aktual'nye problemy teorii i praktiki [Science. Culture. Art: Actual Problems of Theory and Practice]*. Collection of materials of the All-Russian (with international participation) scientific and practical conference (Belgorod, February 18, 2022). Ed. N.V. Posokhova. In 5 volumes. Belgorod, Publ. BGIK Vol. 3: 356–360.
- Morozova E.A., Sukhacheva A.V. 2017. The image of the Kemerovo state university as viewed by the academic staff. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences*, 2(4): 22–28 (in Russia).
- Perelygina E.B. 2002. *Psikhologiya imidzha [Image psychology]*. Moscow, Publ. Aspekt Press, 223 p.

- Petrenko E.V. 2015. Formation of the stage image of pop singers. *Prepodavatel XXI vek*, 3-1: 108–116 (in Russia).
- Pocheptsov G.G. 2006. *Imidzhelogiya [Imagelogy]*. SPb, Publ. Relf-buk, 576 p.
- Savchenko N.V. 2019. Formation of the professional image of the future teacher in the primary school. *Balkan Scientific Review*, 3-1(3): 60–62 (in Bulgaria).
- Semenova L.M. 2009. The genesis and modern state of the problem of professional image-forming. *Tomsk State University Bulletin*, 326: 194–199 (in Russia).
- Semenova L.M. 2010. Conceptual principles of developing professional image in future public relations specialists. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*, 3: 160–169.
- Semenova L.M. 2015. Mage-making course in high school: structural informative and didactic aspects. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2: 28–32 (in Russia).
- Serezhnikova R.K., Vasil'ev L.G., Makarova V.A., Khachikyan E.I. 2018. The Imagecreativity of the Future Teacher as the Basis of Pedagogical Professionalism. *Scholarly Notes of Transbaikals State University. Series Pedagogical Sciences*, 13–2: 85–92 (in Russia). DOI: [10.21209/2542-0089-2018-13-2-85-92](https://doi.org/10.21209/2542-0089-2018-13-2-85-92)
- Simonova I.F. 2012. *Pedagogika imidzha [Image Pedagogy]*. SPb, Publ. Ul'tra Print, 304 p.
- Sysoeva E.Yu. 2017. The reflective analysis of image-making characteristics of a university teacher. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 6-4(21): 209–213 (in Russia).
- Turbovskiy Ya.S. 2002. *Filosofiya imidzhelologii [Philosophy of imageology]*. In: Shepel V.M. *Imidzhelogiya. Kak nraivit'sya lyudyam [Imagelogy. How to please people]*. Ed. V.M. Shepel. Moscow, Publ. Narodnoe obrazovanie. Available at: http://evartist.narod.ru/text9/19.htm#%D0%B7_03 (accessed: 16 April, 2023).
- Fedosova I.V. 2016. The forming of pedagogical public image of future education specialists. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 5-2(15): 162–166 (in Russia).
- Frolova Yu.V. 2010. Osnovnye kharakteristiki modeli spetsialista po imidzhelologii v sovremennoy Rossii [Main Characteristics of the Image Specialist Model in Contemporary Russia]. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 2(34): 175–179.
- Khristoforova I.V., Kolgushkina A.V., Aleksandrova N.S., Razdymakha Yu.Yu. 2011. Essence and structure of the image of higher education. *Vestnik Assotsiatsii vuzov turizma i servisa*, 5 (1): 45–52.
- Sharueva E.V. 2021. Organizational and pedagogical conditions of formation of teacher's professional image in the context of education standartization. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Psychological and Pedagogical Sciences*, 18(2): 101–112 (in Russia). DOI: [10.17673/vsgtu-pps.2021.2.8](https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2021.2.8)
- Shevtsova M.M. 2020. Studying the role of image for training future teachers-choreographers. *Pedagogical Review*, 6(34): 160–171 (in Russia). DOI: [10.23951/2307-6127-2020-6-160-171](https://doi.org/10.23951/2307-6127-2020-6-160-171)
- Shepel' V.M. 2005. *Imidzhelogiya: sekrety lichnogo obayaniya [Imageology: secrets of personal charm]*. Rostov n/D, Publ. Feniks, 472 p.
- Shkurko O.V. 2012. Demand imidjelogicheskogo knowledge of future managers. *Sibirskiy torgovo-ekonomicheskij zhurnal*, 15: 65–69.
- Shcherbakova E.V., Shcherbakova T.N. 2018. Methods of forming the professional image of a modern teacher. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 60-1: 411–415.
- Yurin K.I. 2016. Formirovanie imidzha sovremennogo studenta-medika [Formation of the image of a modern medical student]. *Bulletin of Medical Internet Conferences*, 6(1): 216. Available at: <http://medconfer.com/files/archive/Bulletin-of-MIC-2016-01.pdf> (accessed: 11 March, 2023).
- Yaroshevskiy M.G., Yurevich A.V., Allakhverdyan A.G. 2000. Programmno-rol'evoy podkhod i sovremennaya nauka [Role-playing approach and modern science]. *Voprosy psikhologii*, 6: 3–18.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.04.2023

Поступила после рецензирования 17.05.2023

Принята к публикации 10.06.2023

Received April 25, 2023

Revised May 17, 2023

Accepted June 10, 2023



ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маматова Светлана Ильинична, старший преподаватель кафедры педагогики и методики профессионального образования, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия

Исаев Илья Федорович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Собянин Федор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики физической культуры, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE ATHORS

Svetlana I. Mamatova, Senior Lecturer, Department of Pedagogy and Methods of Professional Education, Belgorod State University of Arts and Culture, Belgorod, Russia

Ilya F. Isaev, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy of Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Fedor I. Sobyenin, Doctor of Pedagogical, Professor, Professor of the Department of Theory and Methods of Physical Culture, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 378.1

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-2-269-279

Дистанционное обучение в образовательной системе высшей школы: опыт осмысления и приоритетные направления совершенствования

Краснобаева-Черная Ж.В., Бороденко Л.Н.

Приазовский государственный технический университет,
Российская Федерация, ДНР, 87500, г. Мариуполь, ул. Университетская, 7
E-mail: zh.krasnobaieva@gmail.com; lusi11271@gmail.com

Аннотация. Необходимость анализа публикаций, посвященных вопросам «плюсов» и «минусов» дистанционного обучения в период пандемии COVID-19 и постпандемийный период, обусловлена тем, что данный формат обучения перестал быть инновацией и стал полноценной составляющей образовательной системы высшей школы, а значит будет развиваться. Важность анализа информации о дистанционном обучении на веб-страницах официальных сайтов учреждений высшего профессионального образования с организацией дистанционных форм обучения мотивирована изучением комплекса их преимуществ, сформированного вузами, и соответствия предложений происходящему на практике. Результаты исследования показали, что дистанционное обучение: 1) соответствует процессу цифровизации образовательной среды; 2) характеризуется выходом на новый уровень развития с такими перспективами: формирование дидактических компетенций участников дистанционного обучения; разработка учебных материалов, направленных на интерактивность занятий и динамичность системы оценивания для усиления вовлеченности обучающихся; создание психологического комфорта личности и уверенной личной мотивации; стабильное финансирование цифровых технологий и цифрового оборудования вузов; повышение уровня компьютерной грамотности; создание комплекса упражнений лечебно-профилактического характера для увеличения двигательной активности студентов и преподавателей.

Ключевые слова: высшая школа, дистанционное обучение, дистанционные образовательные технологии, электронное обучение, официальный веб-сайт вуза, пандемия

Для цитирования: Краснобаева-Черная Ж.В., Бороденко Л.Н. 2023. Дистанционное обучение в образовательной системе высшей школы: опыт осмысления и приоритетные направления совершенствования. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(2): 269–279. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-269-279

Distance Learning in the Educational System of Higher Education: The Experience of Understanding and Priority Areas for Improvement

Zhanna V. Krasnobaeva-Chernaya, Lyudmila N. Borodenko

Priazovsky State Technical University
7 University St, Mariupol 87500, DPR, Russian Federation
E-mail: zh.krasnobaieva@gmail.com; lusi11271@gmail.com

Abstract. The purpose of the study is to comprehend the modern experience of distance learning in the educational system of higher education and to identify priority areas for its improvement. This format of education has ceased to be an innovation and has become a full-fledged component of the educational



system of higher education, which means it will develop. This necessitates the analysis of publications that are devoted to the advantages, disadvantages, opportunities and risks of distance learning during the COVID-19 pandemic and the post-pandemic period. The importance of analyzing information about distance learning on the web pages of the official websites of institutions of higher professional education with the organization of distance learning forms is motivated by the study of the complex of their advantages that formed higher educational institutions and the compliance of proposals with what is happening in practice. The relevance of the article determines the demand for distance learning and the need to determine vectors for its improvement to improve the quality of higher education in Russia. The main topic of scientific articles on distance learning 2020-2022 is a meaningful analysis of its “pluses” and “minuses”, taking into account the experience of the widespread introduction of this form of education into the practice of higher education in Russia and relying on sociological surveys of specific participants in distance learning. The official websites of universities provide information on distance learning with an emphasis on its advantages and compliance with the process of digitalization of the educational environment. The results of the study showed that distance learning is characterized by reaching a new level of development with the following prospects: the formation of didactic competencies of distance learning participants; development of educational materials aimed at the interactivity of classes and the dynamism of the assessment system to enhance the involvement of students; creation of psychological comfort of the individual and confident personal motivation; stable financing of digital technologies and digital equipment of universities; increasing the level of computer literacy; creation of a complex of exercises of a therapeutic and prophylactic nature to increase the motor activity of students and teachers.

Keywords: higher education, distance learning, distance learning technologies, e-learning, university official website, pandemic

For citation: Krasnobaeva-Chernaya Zh.V., Borodenko L.N. 2023. Distance Learning in the Educational System of Higher Education: The Experience of Understanding and Priority Areas for Improvement. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2): 269–279 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-269-279

Введение

Пандемия COVID-19 показала востребованность дистанционного образования в высшей школе, активизировала заинтересованность данной формой обучения, но главное – обострила научные дискуссии с применением социологических опросов о преимуществах и недостатках этого формата взаимодействия преподавателя и студента, что позволило дополнить и развить теоретико-методологические и практические аспекты онлайн-обучения. Так, эмпирические исследования направлены на выявление общих проблем перехода на дистант в системе отечественного высшего образования, например, исследование И.А. Алешковского с соавторами «Мнение студентов вузов России о вынужденном дистанционном обучении» [Алешковский и др., 2020]; критическое осмысление итогов эксперимента по оценке качества онлайн-обучения, полученных исследователями «Высшей школы экономики» [Дождиков, 2020]; определение количественных характеристик возможностей и угроз, возникающих в результате спонтанного расширения объемов дистанционного обучения в результате пандемии и мер противодействия ее распространению на основании мнений экспертного сообщества [Ендовицкий и др., 2022]; установление связи между предпочтениями студентами дистанционного или традиционного обучения с отчуждением от учебы и эмоциональным выгоранием с учетом субъективной оценки успешности учебы, самоконтроля и академического контроля [Неврюев и др., 2022] и др.

Акцентируем внимание на таких основных моментах: 1) необходимость анализа публикаций, посвященных вопросам преимуществ, недостатков, возможностей и рисков дистанционного обучения в период пандемии COVID-19 и постпандемийный период (см. работы [Михайлов, Денисова, 2020; Яруллина, 2020; Гнитецкая, Дроздова, 2021; Микиденко, Сторожева, 2021; Соловов, Меньшикова, 2021; Ахметов, 2022] и др.), обусловлена тем, что данный формат обучения перестал быть инновацией и стал полноценной

составляющей образовательной системы высшей школы, а значит будет развиваться; 2) важность анализа информации о дистанционном обучении на веб-страницах официальных сайтов учреждений высшего профессионального образования с организацией дистанционных форм обучения мотивирована изучением комплекса их преимуществ, сформированного вузами, и соответствия предложений происходящему на практике. Поскольку такой вид обучения остается востребованным, уже сейчас необходимо определять векторы его совершенствования (развитие плюсов, нивелирование минусов) для повышения качества высшего образования в России, что обуславливает актуальность данной статьи.

Цель исследования: осмысление опыта дистанционного обучения в образовательной системе высшей школы и определение приоритетных направлений его совершенствования.

Объектом исследования является дистанционное обучение как форма образования в высшей школе. Для достижения поставленной цели использовались методы: а) дефиниционный анализ, б) метод критического анализа отечественной научной литературы 2020–2022 гг., в) метод теоретического анализа информации на официальных веб-сайтах вузов России, г) метод верификации результатов и выводов.

Терминологические основы исследования

Первичный анализ научной литературы показал, что параллельно с термином «дистанционное обучение» (далее ДО) [Алешковский и др., 2020; Кирилова 2020; Михайлов, Денисова, 2020; Неврюев и др., 2022; Шнейдер, 2020], который сохраняет доминирование, в научной литературе по данной проблематике, активно функционируют термины «цифровое обучение», «цифровой образовательный процесс» [Яруллина, 2020], «цифровая среда обучения» [Днепровская, Шевцова, 2020], «цифровая образовательная среда» [Гнитецкая, Дроздова, 2021; Шаховалова и др., 2022] (а также «цифровые технологии в образовании» [Микиденко, Сторожева, 2021]; «цифровые образовательные ресурсы» [Соловов, Меньшикова, 2021; Ахметов, 2022]), «онлайн-обучение» [Дождиков, 2020], «онлайн-образование» [Дождиков, 2020; Напсо, 2020] и «электронное дистанционное обучение» [Соловов, Меньшикова, 2021]. При этом в правовом поле до сегодняшнего дня регламентировано использование только понятий «дистанционные образовательные технологии» (образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников) и «электронное обучение» (организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников) (Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Федеральный закон..., 2012]).

Таким образом, правовое содержание понятий «дистанционные образовательные технологии» и «электронное обучение» позволяют вузам осуществлять деятельность в рамках ДО и отображать соответствующую информацию на официальных веб-сайтах. Под официальным веб-сайтом вуза понимаем «принадлежащий вузу веб-сайт, предназначенный для всестороннего и достоверного информирования (от имени руководства) внешних и внутренних посетителей о деятельности вуза, а также представляющий посетителям сайта всю необходимую для обеспечения взаимодействия с вузом, его руководством или его подразделениями справочную информацию» [Полтавец, 2010].

Дистанционное обучение в научной литературе 2020–2022 гг.

Сегодня на страницах научных изданий наблюдается новый виток осмысления проблем ДО с учетом опыта широкого внедрения данного формата обучения в практику



российского высшего образования в период пандемии COVID-19, даются оценки рисков для общего и психологического здоровья участников процесса, высказываются предостережения перехода на ДО и предлагаются пути решения. Изучение научных статей 2020–2022 гг. по данной проблематике позволяет осуществить комплексный анализ ДО.

1. *Дидактический аспект ДО.* А.В. Соловов и А.А. Меньшикова анализируют дидактические аспекты опыта использования методов и технологических средств электронного ДО в период коронавирусной пандемии, оценку потенциального позитива и реального негатива этого процесса. Нельзя не согласиться с авторами статьи в том, что «слишком много потрачено ресурсов (материальных и духовных), чтобы вновь полностью вернуться в ставшие «тесноватыми» для многих учащихся и педагогов стены традиционных учебных заведений с их уже неадекватной развитию современного общества классно-урочной системой обучения» [Соловов, Меньшикова, 2021, с. 67]. Сегодня важно правильно оценивать возможные негативные аспекты электронного ДО и разработать грамотные методики с учетом «психологических и дидактических аспектов ЭДО [электронного дистанционного обучения], связанных с мотивацией учащихся, разработкой интерактивных ЦОР [цифровых образовательных ресурсов], геймификацией, подготовкой педагогов и др.» [Соловов, Меньшикова, 2021, с. 67].

2. *Педагогический аспект ДО.* О.В. Михайлов и Я.В. Денисова рассматривают педагогические проблемы и приходят к выводу о том, что ДО «может стать преобладающим только в совершенно уникальных ситуациях, при которых «живое» общение между людьми вообще и преподавателями и студентами в частности по тем или иным причинам должно быть сведено к минимуму или даже вообще быть исключено» [Михайлов, Денисова, 2020, с. 65]. На взгляд авторов, ДО следует рассматривать лишь как «полезное дополнение, вносящее свой колорит и разнообразие в весьма непростой сам по себе процесс обучения и делающее его более занимательным и интересным для обучающихся» [Михайлов, Денисова, 2020, с. 73].

Н.Л. Микиденко и С.П. Сторожева ставят перед собой цель – определить возможности и риски, преимущества и ограничения использования цифровых технологий в образовании на основе выявления мнений участников, непосредственно вовлеченных в образовательный процесс. Основная гипотеза сводилась к тому, что «рассогласованность между имеющимися компетенциями участников образовательного онлайн-процесса и необходимыми компетенциями для эффективной организации и участия в образовательном процессе в совокупности с ограничениями в доступности цифровых технологий определяют ключевые риски образования онлайн и точки роста участников образовательного процесса» [Микиденко, Сторожева, 2021, с. 23]. Проведенный опрос подтвердил обозначенное противоречие между онлайн-образованием и экстренным ДО: «1. Онлайн-обучение переносит усилия преподавателя в подготовительный период, на подготовку и проектирование учебных материалов. Трудоемкость подготовки учебных материалов снижает заинтересованность преподавателей работой на дистанционных программах в целом. Поэтому экстренный переход в онлайн потребовал от преподавателей концентрации усилий на создании учебных материалов. 2. В преподавательском сообществе сохраняется оценка образования с применением дистанционных образовательных технологий как менее качественного в сравнении с очным. Это обуславливает необходимость выработки оснований для оценивания образовательных результатов, выбора фокуса оценивания, что может изменить общие подходы к результатам обучения, включающим не только знаниевую компоненту» [Микиденко, Сторожева, 2021, с. 31].

3. *Психологический аспект ДО.* Исследование Л.Р. Яруллиной [Яруллина, 2020], направленное на выявление психологических эффектов, вызванных трансформацией высшего образования в цифровую эпоху и определение приоритетных направлений психологической поддержки в условиях цифрового образовательного процесса, позволяет констатировать: 1) отсутствуют психологическая и педагогическая теории цифрового обучения,

которые послужили бы фундаментом в процессе преподавания в высшей школе и позволили бы найти оптимальное сочетание традиционной и виртуальной формы обучения; 2) происходит трансформация дидактики высшего образования, предъявляются новые требования к качеству обучения, новая модель обучения требует новых компетенций от преподавателя, поддерживающих его конкурентоспособность на рынке образовательных услуг, появляются новые ориентиры цифрового обучения, требующие особой психологической подготовленности преподавателей для работы на опережение в кризисных ситуациях, с одной стороны, и студентов, отвечающих требованиям работодателя в условиях цифровой экономики; 3) большая часть психологических рисков связана с перестройкой межличностных коммуникаций субъектов образовательного процесса (цифровое общение лишено перцептивного компонента; информационные ресурсы не способны в полной мере осуществлять рефлексивную, эмпатию между преподавателем и студентами, нет перцептивного взаимодействия между студентами; информация не дает полного знания; деградирует речь); 4) существует угроза нарушения информационно-психологической безопасности личности, которая обеспечивает психологический комфорт личности студента и преподавателя, позитивное развитие и психическое здоровье в процессе педагогического взаимодействия; 5) происходит смена ролей субъектов образовательного процесса («субъект-субъектное» взаимодействие меняет свое поле, оно опосредовано цифровыми средствами); 6) формируется новый тип студента (смена ракурса ценностных ориентаций, социальных установок, мировоззрения, типа мышления).

И.А. Алешковский, А.Т. Гаспаровичи, О.В. Крухмалева, Н.П. Нарбут считают, что ДО характеризуется психологическими проблемами «ведь далеко не каждый может самостоятельно организовать себя, свое рабочее время для прохождения регулярного обучения. Отсутствие уверенной личной мотивации, как минимум, скажется на качестве образования, а возможно, станет причиной, по которой его не удастся завершить» [Алешковский и др., 2020, с. 96].

А.Н. Неврюев, О.А. Сычев и И.Р. Сариева изучают связь отношения к ДО студентов с отчуждением от учебы и эмоциональным выгоранием и подчеркивают, что предпочтения в выборе дистанционной или традиционной формы обучения отражают мотивационно-смысловые и регуляторные особенности учебной деятельности студентов. С практической точки зрения важными представляются полученные данные о том, что «переход к дистанционному обучению в вузе для большинства студентов выглядит малопривлекательной альтернативой традиционному обучению, угрожающей качеству образования, в то время как смешанное обучение оценивается значительно позитивнее. Это позволяет говорить о том, что в ситуациях, подобных пандемии, требующих выбора между дистанционным и смешанным обучением, использование второй формы в вузах представляется более оправданным» [Неврюев и др., 2022, с. 143].

4. *Финансово-экономический аспект ДО.* Критический анализ А.В. Дождикова финансового аспекта, субъективной составляющей, негативных последствий поспешной цифровизации, рисков для физического и психического здоровья обучающихся онлайн говорит о преждевременности полной замены онлайн-образованием традиционных форм обучения. Автор акцентирует внимание на том, «что только по результатам исследования на большой выборке с учетом многих факторов и исключением субъективных пристрастий и предпочтений можно получить результаты, пригодные для поэтапного внедрения онлайн-технологий в образование» [Дождиков, 2020, с. 27–28]. В дальнейшем систему подобных экспериментов и опросов, по мнению ученого, «должна заменить аналитическая программа, рассчитывающая и сопоставляющая результаты образовательной деятельности на основе «больших оценочных данных», генерируемых во время прохождения студентами учебных курсов, создаваемых преподавателями, и электронными оценочными средствами» [Дождиков, 2020, с. 28].



5. *Технологический аспект ДО.* Д.А. Ендовицкий, И.Е. Рисин, Ю.И. Трещевский и Е.А. Руднев в эмпирическом исследовании анализируют позиции трех групп экспертов: работодателей, преподавателей вузов и студентов. По мнению экспертов, ДО предоставляет студентам ограниченный перечень возможностей: «Прежде всего – повышение уровня компьютерной грамотности. В отношении этой возможности мнения экспертов практически однозначны. Из этого необходимо сделать и другой вывод: освоение компьютерных технологий необходимо усилить и при очной форме обучения. Не стоит полагаться на владение ими «по умолчанию». То же необходимо отметить и в отношении преподавательского состава. Возможность учиться без помех для основной деятельности и в различных географических точках работодатели считают значимой. Преподаватели и студенты оценивают ее гораздо ниже, из чего следует определенный разрыв в понимании необходимых навыков будущего работника представителями высшей школы и бизнеса. Надо полагать, что условия пандемии уже поставили работодателей в условия, когда способность работать в удаленном режиме стала важной компетенцией работника» [Ендовицкий и др., 2022, с. 95].

6. *Медико-биологический аспект ДО.* Исследование предыдущего коллектива авторов затрагивает и проблему влияния ДО на здоровье участников образовательного процесса: «В первую очередь, все группы экспертов единодушно отметили негативное влияние данной формы обучения на здоровье обучающихся. Следовательно, необходима разработка принципиально новых методических приемов, позволяющих целенаправленно проводить мероприятия, компенсирующие недостаток физической активности у студентов не только в период вынужденной изоляции, но и в условиях очного обучения» [Ендовицкий и др., 2022, с. 95]. М.Л. Листкова говорит об ограничивающей двигательной активности студентов и преподавателей в процессе ДО и настаивает на увеличении физической активности за счет привлечения к самостоятельным занятиям физической культурой. В режим двигательной активности автор рекомендует «включать средства и методы направленного профилактического воздействия: упражнения на дыхание, закаливающие водные процедуры, упражнения аутотренинга» и считает, что «программно-методическое сопровождение, состоящее из комплекса средств и методик оздоровительного характера, в условиях дистанционного общения преподавательского состава со студентами способствует созданию условий для укрепления здоровья студентов, устойчивости иммунной системы в противодействии простудным и вирусным заболеваниям» [Листкова, 2021, с. 112–113].

Дистанционное обучение на официальных веб-сайтах вузов России

Ряд вузов России предлагает учиться удаленно, то есть по программам удаленного образования (РУТ МИИТ, НИУ МЭИ, Финансовый университет, РосНОУ, НИТУ «МИСиС», РГСУ, МГППУ (Москва); СЗИУ РАНХиГС, СПбГУПТД, СПбУТУиЭ (Санкт-Петербург), Поволжский ГУФКСиТ, СибГУТИ, УрФУ, КФУ, ЧелГУ, ТюмГУ, ОмГТУ (регионы) и др.).

На официальных веб-сайтах вузов указаны следующие преимущества удаленного образования: 1) доступ к образованию открыт в любой точке мира; равные возможности получения образования независимо от места проживания, состояния здоровья, элитарности и материальной обеспеченности обучаемого; параллельное с профессиональной деятельностью обучение; учебные материалы легко доступны, а взаимодействие с преподавателями осуществляется быстро и эффективно; использование в образовательном процессе новейших достижений информационных и телекоммуникационных технологий; повышение творческого и интеллектуального потенциала за счет самоорганизации, стремления к знаниям, умения взаимодействовать с компьютерной техникой и самостоятельно принимать ответственные решения [Технологии ДО, 2023]; 2) доступность как независимость от географического и временного положения; индивидуальный темп как самостоятельное планирование времени, места и продолжительности занятий; мобильность как эффективная и многообразная реализация обратной связи между преподавателем и обучаемым;

технологичность как использование новейших достижений информационных и телекоммуникационных технологий (текстовый и аудиовизуальный учебный материал); профессиональная интеграция; социальное равноправие; творчество [Дистанционное обучение, 2023б]; 3) массовость и доступность профильной подготовки; вариант обучения для каждого вне зависимости от социального статуса и региона проживания; свободное совмещение с другими видами деятельности; мобильность образовательного процесса; параллельное освоение цифровых технологий и программ; развитие дисциплинированности и ответственности [Что такое ..., 2023].

Дистанционные образовательные технологии, применяемые в учебном процессе Поволжского института управления им. П.А. Столыпина, основаны на использовании глобальных и локальных компьютерных сетей для обеспечения доступа студента к информационным образовательным ресурсам вуза независимо от его места нахождения, с целью повышения эффективности учебного процесса за счет использования активных методов обучения и индивидуализации образовательных траекторий [Дистанционное обучение, 2023б]. Деятельность по организации ДО осуществляет Центр дистанционного обучения.

Факультет ДО Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники [Дистанционное обучение..., 2023] использует платформу «Система дистанционного обучения» или «Современная система электронного обучения» с такими возможностями: смотреть видеолекции, изучать учебные материалы по дисциплине, выполнять виртуальные лабораторные работы, выполнять контрольные работы, обсуждать учебные вопросы с однокурсниками, принимать участие в вебинарах, сдать экзамен по учебному плану в период сессии.

Интернет-институт Тульского государственного университета [Технология обучения, 2023] реализует программы высшего образования с применением дистанционных образовательных технологий. Процесс обучения основан на использовании особой виртуальной среды – системы ДО «Moodle» (учебники в электронном виде; презентации MS Power Point; flash-компоненты; видео-лекции; ссылки на необходимые ресурсы). Консультации с преподавателем происходят посредством общения на форумах, по электронной почте, а также с помощью онлайн-чата.

В Университете «Синергия» ДО осуществляется с помощью различных форм телекоммуникации: чат-занятий, веб-форумов, телеконференций, полноценных образовательных платформ. Каждый ученик имеет личный кабинет с функцией: отметки пройденного материала; самопроверки тестированием после изучения конкретной темы; загрузки выполненных практических заданий; отображения успеваемости [Что такое..., 2023].

Образовательный процесс на Цифровом подготовительном факультете Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы ведется полностью через цифровую платформу. Реализация проекта в подобном формате позволяет сделать обучение более гибким для слушателя [Цифровой подготовительный..., 2006–2023].

ДО в Амурском государственном университете реализуется по следующим уровням образования: общеобразовательные программы; программы среднего профессионального образования; программы высшего профессионального образования; программы дополнительного профессионального образования. Совершенствование системы ДО и развитие его локальной нормативно-методической базы в АмГУ происходит через внедрение новых образовательных программ, основанных на технологиях электронного обучения, в том числе совместно с ведущими российскими университетами и научными организациями. Такое партнерство в рамках онлайн-образования позволяет реализовать важные задачи, среди которых: создание современной и безопасной цифровой среды; содействие росту привлекательности образовательных программ за счет кооперации с партнерами; восполнение недостающих кадровых ресурсов требуемой квалификации; оптимизация затрат на реализацию основных образовательных программ; увеличение вариативности предложенных курсов для студентов; обеспечение гибкости планирования учебного процесса и возможность



применения индивидуальной образовательной траектории; повышение качества обучения студентов и обновление содержания основных образовательных программ; применение независимого контроля знаний обучающихся; усиление привлекательности своих образовательных программ; высвобождение части времени преподавателей для научной работы без увеличения штатной численности сотрудников и др. [Дистанционное обучение, 2023a].

Заключение

Результаты исследования демонстрируют: 1) основной темой научных статей 2020–2022 гг., посвященных ДО, является содержательный анализ его «плюсов» и «минусов» (угроз и возможностей) с учетом опыта широкого внедрения данной формы обучения в практику высшего образования России и опорой на социологические опросы конкретных участников ДО, что позволяет говорить о новом этапе осмысления теоретических, методологических и практических проблем ДО в высшей школе; 2) на официальных веб-сайтах вузов представлена информация о ДО с акцентом на его преимуществах, достоинствах и соответствии процессу цифровизации образовательной среды в целом, что направлено на привлечение студентов для обучения в данном формате.

Таким образом, ДО является неотъемлемой частью образовательной системы высшей школы и характеризуется выходом на новый уровень развития с четким определением и пониманием важности приоритетных направлений совершенствования: а) формирование компетенций участников ДО (дидактический аспект); б) разработка учебных материалов, направленных на интерактивность занятий и динамичность системы оценивания для усиления вовлеченности обучающихся (педагогический аспект); в) создание психологического комфорта личности и уверенной личной мотивации участников ДО (психологический аспект); г) стабильное финансирование цифровых технологий и цифрового оборудования вузов (финансово-экономический аспект); д) повышение уровня компьютерной грамотности участников ДО (технологический аспект); е) создание комплекса упражнений лечебно-профилактического характера для увеличения двигательной активности участников ДО (медико-биологический аспект).

Список источников

- Дистанционное обучение. 2023а. Сайт Амурского образовательного университета. URL: <https://www.amursu.ru/obrazovanie/distsionnoe-obuchenie/> (дата обращения: 03.05.2023).
- Дистанционное обучение. 2023б. Сайт Поволжского института управления имени П.А. Столыпина. URL: https://piu.ranepa.ru/studentam-i-slushateliam/distsionnoe-obuchenie.php?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 03.05.2023).
- Дистанционное обучение ФДО ТУСУР. 2023. Сайт Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. URL: <https://fdo.tusur.ru/study/chto-takoe-distsionnoe-obrazovanie-fdo-tusur/> (дата обращения: 03.05.2023).
- Технологии ДО. 2023. Институт открытого и дистанционного образования. Сайт Южно-Уральского государственного университета. URL: <https://ode.susu.ru/about/technology-to/> (дата обращения: 03.05.2023).
- Технология обучения. 2023. Сайт Интернет-института Тульского государственного университета. URL: <https://i-institute.org/academics/technology> (дата обращения: 27.04.2023).
- Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». 2012. Принят Государственной Думой 21.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция). Одобрен Советом Федерации 26.12.2012. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 15.01.2023).
- Цифровой подготовительный факультет. 2006-2023. Сайт Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. URL: <https://www.rudn.ru/education/schools-and-departments/faculties/cifrovoy-podgotovitelnyy-fakultet-2> (дата обращения: 03.05.2023).

Что такое дистанционная форма обучения. 2023. Сайт Университета «Синергия». URL: https://synergy.ru/about/education_articles/distanczionnoe_obrazovanie/chto_takoe_distanczionnaya_forma_obucheniya (дата обращения: 03.05.2023).

Список литературы

- Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е. 2020. Студенты вузов России о дистанционном обучении: оценка и возможности. *Высшее образование в России*, 29(10): 86–99. DOI: [10.31992/0869-3617-2020-29-10-86-100](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-10-86-100)
- Ахметов С.И. 2022. Использование цифровых образовательных ресурсов для развития самостоятельности у подростков. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 41(1): 60–66. DOI: [10.52575/2712-7451-2022-41-1-60-66](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-1-60-66).
- Гнитецкая Т.Н., Дроздова Е.М. 2021. Качество естественно-научного образования в условиях цифровизации образовательной среды. *Общество. Коммуникация. Образование*, 12(1): 56–64. DOI: [10.18721/GHSS.12105](https://doi.org/10.18721/GHSS.12105)
- Днепрова Г.В., Шевцова И.В. 2020. Открытые образовательные ресурсы и цифровая среда обучения. *Высшее образование в России*, 29(12): 144–155. DOI: [10.31992/0869-3617-2020-29-12-144-155](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-12-144-155)
- Дождиков А.В. 2020. Онлайн-обучение как e-learning: качество и результаты (критический анализ). *Высшее образование в России*, 29 (12): 21–32. DOI: [10.31992/0869-3617-2020-29-12-21-32](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-12-21-32)
- Ендовицкий Д.А., Рисин И.Е., Трещевский Ю.И., Руднев Е.А. 2022. Дистанционное обучение – дисбаланс возможностей и угроз. *Высшее образование в России*, 31(1): 89–97. DOI: [10.31992/0869-3617-2022-31-1-89-97](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-1-89-97)
- Кирилова С.А. 2020. Эмоциональное выгорание педагога в условиях вынужденного перехода к дистанционному обучению: причины и профилактика. *Научное мнение*, 7–8: 76–82. DOI: [10.25807/PBH.22224378.2020.7.8.76.82](https://doi.org/10.25807/PBH.22224378.2020.7.8.76.82)
- Листкова М.Л. 2021. Содержание средств и методик физического воспитания студентов в режиме дистанционного обучения в период пандемии. *Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта*, 16(1): 109–114. DOI: [10.14526/2070-4798-2021-16-1-109-114](https://doi.org/10.14526/2070-4798-2021-16-1-109-114).
- Микиденко Н.Л., Сторожева С.П. 2021. Цифровые технологии в образовании: возможности и риски, преимущества и ограничения. *Профессиональное образование в современном мире*, 11(1): 23–34. DOI: [10.20913/2618-7515-2021-1-12](https://doi.org/10.20913/2618-7515-2021-1-12)
- Михайлов О.В., Денисова Я.В. 2020. Дистанционное обучение в российских университетах: «шаг вперед, два шага назад»? *Высшее образование в России*, 29(10): 65–76. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-10-65-76>
- Напс М.Д. 2020. Дистанционное образование / обучение: некоторые аспекты. *Образовательные технологии*, 4: 62–68.
- Неврюев А.Н., Сычев О.А., Сариева И.Р. 2022. Связь отношения к дистанционному обучению студентов с отчуждением от учебы и эмоциональным выгоранием. *Психологическая наука и образование*, 27(1): 136–146. DOI: [10.17759/pse.2022270111](https://doi.org/10.17759/pse.2022270111)
- Полтавец А.В. 2010. Веб-сайт вуза как эффективный инструмент обеспечения вузовской деятельности. *Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право*, 3(12): 14–23.
- Соловов А.В., Меньшикова А.А. 2021. Коронавирусные зигзаги электронного дистанционного обучения. *Высшее образование в России*, 30(6): 60–69. DOI: [10.31992/0869-3617-2021-30-6-60-69](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-6-60-69)
- Шаховалова Е.Г., Шаховалов Н.Н., Кутькина О.П. 2022. Цифровая грамотность преподавателей вузов творческой направленности: проблемы, перспективы. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 41(3): 532–542. DOI: [10.52575/2712-7451-2022-41-3-532-542](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-3-532-542).
- Шнейдер Л.Б. 2020. Реальности дистанционного обучения в контексте пандемии. *Высшее образование сегодня*, 29(7): 18–23. DOI: [10.25586/RNU.HET.20.07.P.18](https://doi.org/10.25586/RNU.HET.20.07.P.18)
- Яруллина Л.Р. 2020. Цифровое обучение в высшей школе: психологические риски и эффекты. Мир науки. *Педагогика и психология*, 6(8). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/42PSMN620.pdf> (дата обращения: 17.01.2023)



References

- Aleshkovskiy I.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V., Narbut N.P., Savina N.E. 2020. Russian University Students about Distance Learning: Assessments and Opportunities. *Higher Education in Russia*, 29(10): 86–99 (in Russian).
- Akhmetov S.I. 2022. Using Digital Educational Resources to Develop Self-reliance in Adolescents. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(1): 60–66 (in Russian). DOI: [10.52575/2712-7451-2022-41-1-60-66](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-1-60-66).
- Gnitetskaya T.N., Drozdova E.M. 2021. Quality of science education in a digitalized educational environment. *Society. Communication. Education*, 12(1): 56–64 (in Russian). DOI: [10.18721/GHSS.12105](https://doi.org/10.18721/GHSS.12105)
- Dneprovskaya G.V., Shevtsova I.V. 2020. Open Educational Resources in the Development of Digital Learning Environment. *Higher Education in Russia*, 29(12): 144–155 (in Russian). DOI: [10.31992/0869-3617-2020-29-12-144-155](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-12-144-155)
- Dozhdikov A.V. 2020. Online Learning as e-Learning: The Quality and Results (Critical Analysis). *Higher Education in Russia*, 29(12): 21–32 (in Russian). DOI: [10.31992/0869-3617-2020-29-12-21-32](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-12-21-32)
- Endovitskiy D.A., Risin I.E., Treshchevskiy Yu.I., Rudnev E.A. 2022. Distance Education: Imbalance between Possibilities and Threats. *Higher Education in Russia*, 31(1): 89–97 (in Russian). DOI: [10.31992/0869-3617-2022-31-1-89-97](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-1-89-97)
- Kirilova S.A. 2020. Emotional burnout of teachers under the forced transition to distance learning: reasons and prevention. *Nauchnoe mnenie*, 7–8: 76–82. DOI: [10.25807/PBH.22224378.2020.7.8.76.82](https://doi.org/10.25807/PBH.22224378.2020.7.8.76.82)
- Listkova M.L. 2021. Content of means and methodologies of students' physical upbringing in distance learning regime during pandemic. *Russian Journal of Physical Education and Sport*, 16(1): 109–114. DOI: 10.14526/2070-4798-2021-16-1-109-114.
- Mikidenko N.L., Storozheva S.P. 2021. Digital technologies in education: opportunities and risks, advantages and limitations. *Professional education in the modern world*, 11(1): 23–34 (in Russian). DOI: [10.20913/2618-7515-2021-1-12](https://doi.org/10.20913/2618-7515-2021-1-12).
- Mikhaylov O.V., Denisova Ya.V. 2020. Distance Learning at Russian Universities: “Step Forward, Two Steps Back”? *Higher Education in Russia*, 29(10): 65–76 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-10-65-76>
- Napso M.D. 2020. Distantionnoe obrazovanie / obuchenie: nekotorye aspekty [Distance education / training: some aspects]. *Obrazovatel'nye tekhnologii*, 4: 62–68.
- Nevryuev A.N., Sychev O.A., Sarieva I.R. 2022. The Relationship between the Students' Attitude toward Distance Learning, Alienation from Studying and Emotional Burnout. *Psychological science and education*, 27(1): 136–146 (in Russian). DOI: [10.17759/pse.2022270111](https://doi.org/10.17759/pse.2022270111)
- Poltavets A.V. 2010. High school web site as the effective tool of maintenance of high school activity. *Nauchnyy vestnik Ural'skoy akademii gosudarstvennoy sluzhby: politologiya, ekonomika, sotsiologiya, pravo*, 3(12): 14–23.
- Solovov A.V., Men'shikova A.A. 2021. Coronavirus Zigzags of Electronic Distance Learning. *Higher Education in Russia*, 30(6): 60–69 (in Russian). DOI: [10.31992/0869-3617-2021-30-6-60-69](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-6-60-69)
- Shakhovalova E.G., Shakhovalov N.N., Kut'kina O.P. 2022. Digital Literacy of University Teachers of Creative Orientation: Problems, Prospects. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(3): 532–542 (in Russian). DOI: [10.52575/2712-7451-2022-41-3-532-542](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-3-532-542).
- Shneyder L.B. 2020. Realities of remote studying in the context of pandemic. *Higher Education Today*, 29(7): 18–23 (in Russian). DOI: [10.25586/RNU.HET.20.07.P.18](https://doi.org/10.25586/RNU.HET.20.07.P.18)
- Yarullina L.R. 2020. Digital learning in higher school: psychological risks and effects. *World of Science. Pedagogy and psychology*. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 6(8) (in Russian). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/42PSMN620.pdf> (accessed: January 17, 2023).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 02.04.2023

Поступила после рецензирования 04.05.2023

Принята к публикации 10.06.2023

Received April 02, 2023

Revised May 04, 2023

Accepted June 10, 2023



ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Краснобаева-Черная Жанна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры перевода, Приазовский государственный технический университет, г. Мариуполь, Россия

Бороденко Людмила Николаевна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой перевода, Приазовский государственный технический университет, г. Мариуполь, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zhanna V. Krasnobaeva-Chernaya, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Translation, Priazov State Technical University, Mariupol, Russia

Lyudmila N. Borodenko, Candidate of Philology, Head of the Department of Translation, Priazov State Technical University, Mariupol, Russia



УДК 371.64 + 37.2

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-2-280-289

Цифровые технологии вовлечения школьников в учебный процесс: геймификация и сторителлинг

¹ Лапина М.А., ² Кормакова В.Н., ² Ирхин В.Н., ² Макотрова Г.В.

¹ Северо-Кавказский федеральный университет,
Россия, 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1;

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: mlapina@ncfu.ru; kormakova@bsu.edu.ru; irhin@bsu.edu.ru

Аннотация. Вызовы времени побуждают к широкому использованию цифровых технологий, что становится личной потребностью каждого человека независимо от возрастного ценза, необходимостью для профессиональных сообществ, производственных коллективов. Авторы статьи исходят из положения о том, что вовлечение в обучение в условиях цифровой трансформации общества и образования, использования цифровых технологий геймификации, сторителлинга, виртуальной и дополненной реальности сегодня активно используется в науке, производственной сфере деятельности, в образовании. Цель исследования заключается в том, чтобы на полученном эмпирическом материале проанализировать возможности применения цифровых технологий с целью вовлечения школьников в учебный процесс. В процессе исследования рассмотрен уровень познавательной мотивации учения школьников и их отношение к учению в условиях применения цифровых и дистанционных технологий на основе сетевых ресурсов Интернета. Сделан вывод о том, что в настоящее время цифровое обеспечение учебного процесса в школе широко используется для формирования и развития личности обучающегося.

Ключевые слова: среднее общее образование, школьники, цифровая трансформация образования, цифровые технологии

Для цитирования: Лапина М.А., Кормакова В.Н., Ирхин В.Н., Макотрова Г.В. 2023. Цифровые технологии вовлечения школьников в учебный процесс: геймификация и сторителлинг. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(2): 280–289. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-280-289

Digital Technologies for Involving Schoolchildren in the Educational Process: Gamification and Storytelling

¹ Maria A. Lapina, ² Valentina N. Kormakova, ² Vladimir N. Irhin, ² Galina V. Makotrova

¹ North-Caucasus Federal University,
1 Pushkin St, Stavropol 355017, Russia

² Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia

E-mail: mlapina@ncfu.ru; kormakova@bsu.edu.ru; irhin@bsu.edu.ru

Abstract. The challenges of the time encourage the widespread use of digital technologies, which is a personal need of every person regardless of age, a necessity for professional communities, production teams. The authors of the article proceed from the position that involvement in learning in the conditions of digital transformation of society and education, the use of digital technologies of gamification, storytelling, virtual and augmented reality is actively used today in science, industrial activity, and education. The purpose of the study is to analyze the possibilities of using digital technologies with the aim

of involving schoolchildren in the learning process based on the empirical material obtained. In the course of the research, the level of cognitive motivation of schoolchildren's teaching and their attitude to learning in the conditions of using digital and digital technologies based on Internet network resources is considered. It is concluded that at present, digital support of the educational process at school is widely used for the formation and development of the student's personality.

Key words: general secondary education, schoolchildren, digital transformation of education; digital technologies

For citation: Lapina M.A., Kormakova V.N., Irhin V.N., Makotrova G.V. 2023. Digital Technologies for Involving Schoolchildren in the Educational Process: Gamification and Storytelling. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2): 280–289 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-280-289

Введение

Модернизация образовательного процесса на основе новых цифровых технологий позволит значительно улучшить традиционные и сформировать качественно новые образовательные результаты, развивать когнитивный потенциал обучающихся. Благодаря применению информационно-коммуникационных и цифровых технологий у учителей появляется реальная возможность «управлять учебным процессом, обеспечивая обучаемого необходимым учебным инструментарием, информацией и коммуникациями, стимулируя его высокую личностную включенность и деятельность самообучения» [Шутенко, 2022, с. 144]. Специфика этих технологий и средств состоит в том, что они не просто транслируются учителями или открываются обучающимся, но находятся в области интерактивного взаимодействия, в процессе которого обучающими и обучающимися активно создаются и критически исследуются новые знания [Опалько, 2016; Петрищев, 2019]. При этом обучающиеся ощущают себя активными участниками процесса обучения, получают необходимые знания, анализируют, сопоставляют, находятся в постоянном эвристическом поиске [Chee T.S., 2011; Бородкина, 2018].

Тем не менее современное поколение обучающихся весьма прагматично относится к процессу познания. Учителю иногда нелегко удержать их внимание, мотивировать к деятельности, если они не имеют возможности подтвердить, что полученные знания можно применить «здесь и сейчас». Педагог должен понимать, что работать в условиях дефицита учебной мотивации и толерантности следует иначе; этими процессами необходимо управлять. В связи с этим педагог призван искать новые подходы, направленные на повышение уровня устойчивой познавательной мотивации, вовлечение обучающихся в учебный процесс, создание условий для эффективного обучения, отвечающих индивидуальным потребностям обучающихся [d'Aquin M., 2016].

Цифровизация образования как комплексное модернизированное движение по развитию и трансформации процесса обучения охватывает все значимые аспекты традиционной образовательной системы, способствует вовлечению школьников в учебный процесс [Постановление... 2020; Бойцова, 2014; Елисеев.; Игнатова, Докучаев, 2017; Кормакова, Сатлер, Чернявских, 2021; Мечты о новой школе]. Отметим, что традиционно цифровое обучение понимается и представляется как дистанционное образование с использованием современных сервисов коммуникации: Skype, Zoom, ВВ, Discord и др. Однако надо понимать, что оно гораздо обширнее [Асмолов, Семенов, Уваров, 2010; Инновационные подходы в науке и образовании, 2017; Козлова, 2019; Федеральный..., 2019-2024; Санько, 2020]. Современные информационные технологии можно также рассматривать как дополнительный инструмент, позволяющий организовать учебный процесс и интереснее, и эффективнее [Кормакова и др., 2021]. Несмотря на многие преимущества, процессы цифровизации общества и в частности образования имеют свои проблемные точки. Например, государство нуждается в грамотных специалистах в IT-сфере, требуются квалифицированные кадры,



которые должны сделать весомый вклад в развитие цифровой экономики, отечественных информационных систем, принять деятельное участие в технологическом развитии, «прорыве» страны. Согласно имеющимся статистическим данным более 60 % российских компаний не имеют возможности перейти к цифровизации своего бизнеса вследствие отсутствия именно квалифицированных IT-специалистов (такие специалисты составляют лишь 2 % трудоустроенного населения). Поэтому для роста и развития кадрового потенциала государство активно «продвигает» программы, направленные на цифровизацию образования» [Распоряжение..., 2021].

В нашем исследовании мы опирались на теоретические обоснования применения информационных технологий в образовании [Андреев, 2002]; электронной информационно-образовательной среды как педагогической системы [Асмолов, Семенов, Уваров, 2010; Манифест, 2015]; инновационных подходов в образовании [Буденкова, 2011], электронного и смешанного обучения [Полат, Бухаркина, 2010; Уваров, 2018], индивидуальной образовательной траектории в учебном процессе [Бордовский, Нестеров, Трапицын, 2001], инклюзивности в образовании [Вохмянин, 2017]; концептуальных вопросов применения в учебном процессе обучающих средств на основе информационных, в том числе дистанционных технологий [Карманова, 2017; Деркач, 2010; Erica Lasola-Caramol; Donald Clark, 2016]. Интерес для нашего исследования представляет рассмотрение электронной информационно-образовательной среды как «открытой педагогической системы, направленной на формирование творческой, интеллектуально и социально развитой личности» [Асмолов, Семенов, Уваров, 2010, с. 36]. Исследователи едины в том, что использование такой среды значительно расширяет возможности взаимодействия педагогов и школьников, обеспечивает предоставление равных возможностей участия в образовательном процессе всем его субъектам.

В этой связи поднимается вопрос о цифровой школе как новой концепции для общеобразовательных организаций. Преимущественно такая школа имеет необходимое технологическое и программное обеспечение образовательного процесса. Известно: школы, интенсивно использующие информационные технологии (например, методику совместных экспериментальных исследований обучающегося и учителя; виртуальную и дополненную реальность; 3-D моделирование; робототехнику; геймификацию; технологию использования малых средств информатизации; мультимедийный, интерактивный и электронный контент и др.), значительно «выигрывают» в техническом и технологическом обеспечении, «здесь уровень компетентности учителей, которые способны эффективно работать с новыми цифровыми средствами, на порядок выше» [Кормакова, Клепикова, Лапина, 2021]. В тех образовательных организациях, где «запущен» процесс цифровизации образования, активно используются интерактивные доски, что оптимизирует организацию учебных занятий. Появляется возможность содержательного, методического, технологического, организационного разнообразия: презентации, медиа материалы, видео-уроки вызывают интерес к предмету; внедрение электронных дневников оптимизируют контроль и руководство; рейтинговая система оценивания повышает ответственность; цифровые пропуска повышают уровень безопасности и т.д.

Цель исследования – обоснование возможности применения цифровых технологий для вовлечения школьников в учебный процесс. Задачи исследования – анализ уровня познавательной мотивации учения школьников, их отношения к учению в условиях применения цифровых и дистанционных технологий.

Объекты и методы исследования

Экспериментальная работа с обучающимися 5–7 классов (всего 84 чел.: 5 кл. – 26 чел.; 6 кл. – 30 чел.; 7 кл. – 28 чел.) проводилась на базе общеобразовательных организаций г. Белгород и г. Ставрополь с целью анализа и проверки гипотезы об эффективности применения цифровых технологий с целью вовлечения школьников в учебный процесс.

Для достижения поставленной цели применялся комплекс научных методов: методы анализа и синтеза использовались в работе с теоретическими источниками; педагогическое наблюдение, педагогический анализ учебных занятий, анкетирование, беседы с обучающимися. Были разработаны критерии для исследования уровней вовлеченности школьников в учебный процесс: уровень мотивационного достижения, уровень познавательной активности и уровень эмоциональной рефлексии. Первые два уровня измерялись нами с использованием методики диагностики учебной мотивации школьников и определения их эмоционального отношения к учению [Методика диагностики..., 1987]. На уровне эмоциональной рефлексии оценивалось настроение, эмоциональное восприятие школьниками учебного материала.

Результаты и их обсуждение

В основе вовлечения школьников в обучение лежит «призыв» к действию, организации непосредственно самого действия и обратной связи. Организация обратной связи в вовлекающем обучении основывается на формирующем оценивании, которое помогает учителю получить информацию о том, насколько успешно обучаются его ученики. Отсюда важнейшей составляющей учебного процесса и профессионализма учителя является грамотное использование технологии вовлечения школьников в обучение на основе Интернет-сервисов» [Kormakova, Klerikova, Musaelian, 2021, с. 19]. Так, например, инновационной технологией вовлечения школьников в обучение является геймификация, в ходе которой осуществляется отбор, формирование привлекательных элементов деятельности обучающихся, интеграция их в электронной образовательной среде. Геймификация (играизация, игрофикация) как метод внедрения игровых элементов, техник, форм в любой неигровой контекст дает возможность в ходе обучения использовать подходы и инструменты, свойственные играм, с целью повышения познавательного интереса и вовлеченности в учебный процесс. Данный метод и его применение в образовании – явление не новое, однако он приобрел новое содержание и значение в связи применением цифровых технологий» [Никитин, 2018]: «динамика, мотивация, вознаграждение, взаимодействие» [Иванько, 2018]. Ученые сходятся во мнении: «игра (цикл задача-достижение-награда) способствует выработке допамина в мозгу, что усиливает наше желание играть». Основным смыслом геймификации в обучении заключается в том, чтобы: 1) «захватить» и сохранить внимание обучающихся [Павлова; Klerikova, Kormakova, Musaelian, Prokopenko, 2018; Stephanie Karaolis. 2019], 2) «поднять проблему», 3) увлечь, 4) обучать с интересом [Kormakova, Klerikova, Musaelian, Baybikowa, Lapina, 2019; Pranjalee Lahri, 2014]. Этому способствуют основные подходы геймификации: быстрый отклик (позволяет быстро организовать обратную связь), статусный марафон (способствует повышению учебной мотивации), моделируемое открытие (позволяет эффективно организовать учебный процесс), сюрприз (интересная подача учебного материала), вау-эффект (инструмент обучения, помогающий вызвать эмоциональный отклик) и визуальный сторителлинг [Логонова, 2015].

Например, технология совместных экспериментальных исследований направлена на формирование умений поиска и работы с информацией, использования информационных систем, помогающих освоить метод естественного познания. Благодаря данной технологии совместная исследовательская деятельность педагога и обучающегося в рамках образовательной программы на основе проблемно-поискового подхода «предоставляет возможность реализации процесса научного познания: факт – проблема – гипотеза – эксперимент – факт» [Инновационные подходы..., с. 135].

Технология «малые средства информатизации» (МСИ) позволяет использовать цифровые системы в том случае, когда частое взаимодействие с компьютерами не

представляется возможным. Данная технология обеспечивает малые формы информатизации: электронные опросы и тесты, интерактивные словари, цифровые калькуляторы, что позволяет повысить эффективность образовательного процесса. Преимуществами МСИ являются: мобильность, гибкость использования, ориентированность на результат, компактность [Козлова, 2019].

Применение визуальных IT-технологий «виртуальная и дополненная реальность» вызывают большую заинтересованность у обучающихся благодаря возможности увидеть необходимую информацию: обучающие видео, инструкции по созданию поделок, решению сложных задач; видеоматериалы (лекции, видео-уроки, фильмы, мастер-классы) [Kormakova, Chernyavskikh, Trikula, Satler, 2023]. Дополненная реальность (AR – англ. augmented reality) обеспечивает уникальный способ подачи информации и усвоению образовательного материала; у обучающихся создается ощущение присутствия, неделимой связи виртуального и реального. Это акцентирует внимание и повышает восприимчивость любого рода информации. Виртуальные образы придают процессу обучения более яркие краски, делают изучаемый материал более наглядным и запоминающимся [Кормакова, Сатлер, Чернявских, 2021]. VR-технологии (VR – англ. virtual reality) позволяют полностью погрузиться в тот смоделированный мир, где происходит взаимодействие с виртуальными объектами с помощью слуха, зрения, осязания, иногда обоняния. Такое погружение, осуществляемое «благодаря внедрению специальных программных средств и устройств» [Кормакова, Сатлер, Чернявских, 2021], дает уникальную возможность «участвовать» в исторических событиях, применив на практике VR-шлем: ведь «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» [Кормакова, Сатлер, Чернявских, 2021; Кормакова, Клепикова, Лапина, 2021].

В ходе исследования на основе диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к процессу учения (модификация А.Д. Андреевой) был подсчитан суммарный балл по формуле: $PA + MD + (-T) + (-G)$, где PA – балл по шкале познавательной активности; MD – балл по шкале мотивации достижения; T – балл по шкале тревожности; G – балл по шкале гнева.

В соответствии с применяемой методикой были выделены «уровни мотивации учения школьников»:

I уровень – продуктивная мотивация с выраженным преобладанием познавательной мотивации учения и положительным эмоциональным отношением к нему (28–40 баллов);

II уровень – средний уровень с несколько сниженной познавательной мотивацией (21–27 баллов);

III уровень – сниженная мотивация, переживание «школьной скуки», отрицательное эмоциональное отношение к учению (10–20 баллов)» [Kormakova, Klepikova, Musaelian, 2021, с. 21].

Для определения уровня эмоциональной рефлексии в конце урока подводились итоги, где каждый обучающийся оценивал собственный «вклад в достижение задач урока» [Edward de Bono, 1985], а также собственную активность, эффективность работы класса, полезность форм работы согласно методике «Дерево творчества». В результате применения данного диагностического инструментария среди обучающихся произошли заметные изменения по сравнению с начальным этапом исследования: обучающиеся не желали уходить с урока, активно интересовались повторным проведением занятий подобного рода; наблюдалась положительная динамика познавательной мотивации учения, положительного эмоционального отношения к учебному процессу.

Положительные эмоции, вызванные новыми подходами в обучении, основанными на использовании сетевых ресурсов Интернета, формируют учебный опыт ученика и влияют на его возможности и веру в достижение успеха (см. таблицу) [Kormakova, Klepikova, Musaelian, 2021].

Результаты диагностики мотивации учения
и эмоционального отношения к учению (%)

Критерии	Уровень III		Уровень II		Уровень I	
	Было	Стало	Было	Стало	Было	Стало
мотивационного достижения	21	7	13	16	66	77
познавательной активности	14	9	37	20	49	71
эмоционального отношения к учению	9	6	34	14	57	80

Заключение

Полученные в исследовании результаты позволили зафиксировать повышение уровня мотивации учения и эмоционального отношения школьников к процессу учения. Как показал опыт работы авторов данного исследования, вовлечение школьников в обучение будет эффективным, если широко используются разнообразные цифровые и дистанционные технологии на основе сетевых ресурсов Интернета и прежде всего визуальный сторителлинг и геймификация с ее основными подходами: быстрым откликом, статусным марафоном, моделируемым открытием, сюрпризом, вау-эффектом.

Применение таких технологий способствует повышению: 1) мотивации учения и эмоционального отношения школьников к процессу учения; 2) организационного и учебно-методического обеспечения учебного процесса; 3) уровня сформированности информационной культуры и учебно-познавательного интереса обучающихся, являясь эффективным средством создания технологичной, развивающей информационно-образовательной среды.

Однако этот процесс будет более успешным, если уровень компетентности педагогов будет соответствовать вызовам времени. По этой причине полагаем, что требуют пересмотра и корректировки система повышения квалификации учителей. Это актуализирует перспективы для дальнейших исследований в данном направлении.

Список источников

- Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1836 О государственной информационной системе «Современная цифровая образовательная среда». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74822854/?ysclid=lh1renvsx4687117715> (дата обращения 03.04.2023)
- Распоряжение Правительства РФ от 2 декабря 2021 г. № 3427-р Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения РФ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403075723/?ysclid=lh0p66iswb719800533#review> (дата обращения 24.03.2023)
- Федеральный проект «Цифровая образовательная среда». 2019. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/?ysclid=lh0pk0eosa79531162> (дата обращения 03.04.2023)
- Бородкина Н.В. 2018. Формирующее оценивание в школе. Учебное пособие. Ярославль, ГАУ ДПО ЯО ИРО: 117 с.
- Манифест о цифровой образовательной среде. 2015. URL: <http://manifesto.edutainme.ru/> (обращение 12.04.2023).
- Методика диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к учению (модификация А.Д. Андреевой). 1987. URL: http://tropinkaksebe7.blogspot.com/p/blog-page_10.html (дата обращения 12.04.2023).
- Мечты о новой школе: какую стратегию цифровой трансформации подготовили для образования. URL: <https://skillbox.ru/media/education/mechty-o-novoy-shkole/?ysclid=lh23sb4qe1218033797>



- Павлова С.А. Вовлечение в обучение. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=684&v=O7fi481nX-g&feature=emb_logo (обращение 05.04.2023)
- Полат Е.С., Бухаркина М.Ю. 2010. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. Учебное пособие для студентов вузов. 3-е изд., стер. Москва, Издательский центр Академия: 368 с.
- Санько А.М. 2020. Средства обучения в условиях цифровизации образования: учебное пособие. Самара, Издательство Самарского университета: 100 с.
- Edward de Bono. 1985. Six Thinking Hats: An Essential Approach to Business Management. Little, Brown, & Company. URL: https://4brain.ru/books/6-shyap.php?ici_source=ba&ici_medium=link (дата обращения 04.04.2023)

Список литературы

- Андреев А.А. 2002. Педагогика высшей школы. Новый курс. Москва, Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права, 264 с.
- Асмолов А.Г., Семенов А.Л., Уваров А.Ю. 2010. Российская школа и новые информационные технологии: взгляд в следующее десятилетие. М., ФИРО и ВЦРА, 68 с.
- Бойцова Е.Г. 2014. Формирующее оценивание образовательных результатов учащихся в современной школе. *Человек и образование*, 1(2).
- Бордовский Г.А., Нестеров А.А., Трапицын С.Ю. 2001. Управление качеством образовательного процесса. СПб, Изд-во РГПУ им.А. И. Герцена, 359 с.
- Буденкова Е.А., И.П. Цвелюх И.П. 2011. Обучение в сотрудничестве средствами Веб 2.0. *Высшее образование в России*, 11: 117–124.
- Вохмянин А. Инклюзивное образование в России: преодоление скепсиса, бюрократии и правовой дискриминации. URL: <http://libinform.ru/read/articles/Inklyuzivnoe-obrazovanie-v-Rossii-preodolenie-skepsisa/> (дата обращения 25.03.2023)
- Деркач А.М. 2010. Кейс-метод в обучении. *Специалист*. 4: 22–23.
- Елисеев Н. Цифровые образовательные продукты и сервисы для современного образования. URL: <https://docplayer.com/78934076-Cifrovye-obrazovatelnye-produkty-i-servisy-dlya-sovremennogo-obrazovaniya.html> (Дата обращения: 03.04.2023).
- Иванько А.Ф., Иванько М.А., Бурцева М.Б. 2018. Дополненная и виртуальная реальность в образовании. *Молодой ученый*, 37(223): 11–17.
- Игнатова Н.Ю., Докучаев С.В. 2017. Образование в цифровую эпоху: монография. Нижний Тагил, НТИ (филиал) УрФУ, 128 с.
- Карманова Е.Д. Применение игрового подхода в обучении. Научное сообщество студентов XXI столетия. Сборник трудов XLVIII международной научно-практической конференции. *Гуманитарные науки*, 11(48): 104–107.
- Кормакова В.Н., Сатлер О.Н., Чернявских С.Д. 2021. Применение VR/AR технологий в среднем общем образовании: проблемы и перспективы. Дистанционные образовательные технологии. Сборник трудов VI Международной научно-практической конференции (Ялта, 20–22 сентября 2021 г.). Симферополь, Издательство Типография «Ариал»: 154–157.
- Кормакова В.Н., Клепикова А.Г., Лапина М.А. 2021. ИКТ-компетентность педагога в условиях цифровой трансформации образования. Информационные системы и технологии в моделировании и управлении. Сборник трудов VI Международной научно-практической конференции (Ялта, 24–26 мая 2021 г.). Симферополь, Издательство Типография «Ариал»: 353–364.
- Логинова А.В. 2015. Особенности использования и принципы функционирования педагогической модели «перевернутый класс». *Молодой ученый*, 9: 1114–1119.
- Никитин С.И. Геймификация, игрофикация, играизация в образовательном процессе. *Молодой ученый*, 9(113): 1159–1162.
- Опалько С.Г. 2016. Цифровая педагогика в системе образования. *Успехи современной науки*, 12(2): 95–97.
- Петрищев И.О. 2019. Цифровая педагогика как фактор повышения качества образовательных услуг в РФ. *Мир науки, культуры, образования*, 6(79): 339–341.
- Уваров А.Ю. 2018. Образование в мире цифровых технологий: на пути к цифровой трансформации. Москва, Издательский дом ГУ-ВШЭ: 168 с.

- Шутенко Е.Н., Шутенко А.И., Воротынцева Д.А. 2022. Инфлюативная модель активизации личностного потенциала студентов посредством применения информационных технологий в вузовском обучении. *Перспективы науки и образования*, 5(59): 143–165. DOI: [10.32744/pse.2022.5.9](https://doi.org/10.32744/pse.2022.5.9)
- Klepikova A.G., Kormakova V.N., Musaelian E.N., Prokopenko Y.A. 2018. Quality Management Principles of Scientific and Methodological Support for Students' Activity within E-Learning Environment. Multidisciplinary Symposium on Computer Science and ICT. Stavropol, Russia, October 15: 63–75.
- Kormakova V., Klepikova A., Musaelian E., Baybikowa G., Lapina M. 2019. Formation of ICT – Competencies of postgraduate students of teacher education based on interactive techniques CEUR Workshop Proceedings. Proceedings of the International Scientific Conference Innovative Approaches to the Application of Digital Technologies in Education and Research (SLET-2019) (Stavropol-Dombay, Russia, May 20–23, 2019). Vol. 2494: 11–21.
- Kormakova V.N., Klepikova A.G., Musaelian E.N. 2021. “New Approaches to Managing the Internet-Based Student Engagement Technology”. *Research Result. Pedagogy and Psychology of Education*, 7(2): 18–28. DOI: [10.18413/2313-8971-2021-7-2-0-2](https://doi.org/10.18413/2313-8971-2021-7-2-0-2)
- Kormakova V.N., Chernyavskikh S.D., Trikola L.N., Satler O.N. 2023. Digitalization In Stem Education: Experience Of Empirical Research. *Research Result. Pedagogy And Psychology Of Education*, 1(9): 3–13. DOI: [10.18413/2313-8971-2023-9-1-0-01](https://doi.org/10.18413/2313-8971-2023-9-1-0-01)
- Donald Clark. Gaming Design For Elearning. URL: <http://goo.gl/fb/QZ2hbZ> (дата обращения: 25.03.2023)
- Erica Lasola-Caramol. 4 Ways Gamification Transforms eLearning Experiences. URL: <https://elearningindustry.com/4-ways-gamification-transforms-elearning-experiences>. (дата обращения: 24.03.2023)
- Chee T.S., Divaharan S., Tan L., Mun C.H. 2011. Self-directed learning with ICT: Theory, practice and assessment. Singapore: Ministry of Education: 116.
- d'Aquin M. 2016. On the use of linked open data in education: Current and future practices. Open data for education: Linked, shared and reusable data for teaching and learning. Switzerland: Springer International Publishing: 112–114.
- Pranjalee Lahri. Games vs Game-based Learning vs Gamification. URL: <https://www.upsidelearning.com/blog/index.php/2015/05/21/games-vs-game-based-learning-vs-gamification> (дата обращения: 18.03.2023)
- Stephanie Karaolis. 2019. How to win at gamification in elearning, every time. URL: <https://www.elucidat.com/blog/elearning-gamification/> (дата обращения 29.03.2023)

References

- Andreev A.A. 2002. Pedagogy of higher education. A new course. Moscow, Moscow International Institute of Econometrics, Informatics, Finance and Law, 264 p. (in Russian).
- Asmolov A.G., Semenov A.L., Uvarov A.Yu. 2010. The Russian School and new information technologies: a look into the next decade. M., FIRO and VCRA, 68 p. (in Russian).
- Boytsova E.G. 2014. Formative assessment of students' educational results in a modern school. *Man and Education*, 1(2). (in Russian).
- Bordovsky G.A., Nesterov A.A., Trapitsyn S.Yu. 2001. Quality management of the educational process. St. Petersburg, Publishing House of A. I. Herzen RSPU, 359 p.
- Budenkova E.A., I.P. Tsvelyukh I.P. 2011. Learning in cooperation by means of Web 2.0. *Higher Education in Russia*, 11: 117–124 (in Russian).
- Vokhmyanin A. Inclusive Education in Russia: Overcoming Skepticism, Bureaucracy and Legal discrimination. (in Russian). URL: <http://libinform.ru/read/articles/Inklyuzivnoe-obrazovanie-v-Rossii-preodolenie-skepsisa/> (accessed 25.03.2023)
- Derkach A.M. 2010. A case method in teaching. *Specialist*. 4: 22–23.
- Eliseev N. Digital educational products and services for modern education. (in Russian). URL: <https://docplayer.com/78934076-Cifrovye-obrazovatelnye-produkty-i-servisy-dlya-sovremennogo-obrazovaniya.html> (Accessed: 03.04.2023).
- Ivanko A.F., Ivanko M.A., Burtseva M.B. 2018. Augmented and virtual reality in education. *Young Scientist*, 37(223):11–17 (in Russian).



- Ignatova N.Yu., Dokuchaev S.V. 2017. Education in the Digital Age: a monograph. Nizhny Tagil, NTI (branch) of UrFU, 128 p. (in Russian).
- Karmanova E.D. Application of the game approach in teaching. Scientific community of students of the XXI century. *Proceedings of the XLVIII International Scientific and Practical Conference. Humanities*, 11(48): 104–107 (in Russian).
- Kormakova V.N., Sutler O.N., Chernyavskikh S.D. 2021. Application of VR/AR technologies in secondary general education: problems and prospects. Distance learning technologies. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference (Yalta, September 20-22, 2021). Simferopol, Publishing House Printing House "Arial": 154–157 (in Russian).
- Kormakova V.N., Klepikova A.G., Lapina M.A. 2021. ICT competence of a teacher in the conditions of digital transformation of education. Information systems and technologies in modeling and management. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference (Yalta, May 24-26, 2021). Simferopol, Publishing House Printing House "Arial": 353–364 (in Russian).
- Loginova A.V. 2015. Features of the use and principles of functioning of the pedagogical model "inverted classroom". *Young Scientist*, 9: 1114–1119 (in Russian).
- Nikitin S.I. Gamification, gamification, gamification in the educational process. *Young Scientist*, 9(113): 1159–1162 (in Russian).
- Opalko S.G. 2016. Digital pedagogy in the education system. *Successes of Modern Science*, 12(2): 95–97.
- Petrishchev I.O. 2019. Digital pedagogy as a factor in improving the quality of educational services in the Russian Federation. *The World of Science, Culture, Education*, 6(79): 339–341 (in Russian).
- Uvarov A.Yu. 2018. Education in the world of digital technologies: on the way to digital transformation. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics: 168 p. (in Russian).
- Shutenko E.N., Shutenko A.I., Vorotyntseva D.A. 2022. An influential model of activating students' personal potential through the use of information technologies in university education. *Prospects of Science and Education*, 5(59): 143–165 (in Russian). DOI: [10.32744/pse.2022.5.9](https://doi.org/10.32744/pse.2022.5.9)
- Klepikova A.G., Kormakova V.N., Musaelian E.N., Prokopenko Y.A. 2018. Quality Management Principles of Scientific and Methodological Support for Students' Activity within E-Learning Environment. Multidisciplinary Symposium on Computer Science and ICT. Stavropol, Russia, October 15: 63–75.
- Kormakova V., Klepikova A., Musaelian E., Baybikova G., Lapina M. 2019. Formation of ICT – Competencies of postgraduate students of teacher education based on interactive techniques CEUR Workshop Proceedings. Proceedings of the International Scientific Conference Innovative Approaches to the Application of Digital Technologies in Education and Research (SLET-2019) Stavropol-Dombay, Russia, May 20–23, 2019. Vol. 2494: 11–21.
- Kormakova V.N., Klepikova A.G., Musaelian E.N. 2021. "New Approaches to Managing the Internet-Based Student Engagement Technology". *Research Result. Pedagogy and Psychology of Education*, 7(2): 18–28. DOI: [10.18413/2313-8971-2021-7-2-0-2](https://doi.org/10.18413/2313-8971-2021-7-2-0-2)
- Kormakova V.N., Chernyavskikh S.D., Trikola L.N., Satler O.N. 2023. Digitalization In Stem Education: Experience Of Empirical Research. *Research Result. Pedagogy And Psychology Of Education*, 1(9): 3–13. DOI: [10.18413/2313-8971-2023-9-1-0-01](https://doi.org/10.18413/2313-8971-2023-9-1-0-01)
- Donald Clark. Gaming Design For Elearning. URL: <http://goo.gl/fb/QZ2hbZ> (accessed: 03/25/2023)
- Erica Lasola-Caramol. 4 Ways Gamification Transforms eLearning Experiences. URL: <https://elearningindustry.com/4-ways-gamification-transforms-elearning-experiences>. (accessed: 03/24/2023)
- Chee T.S., Divaharan S., Tan L., Mun C.H. 2011. Self-directed learning with ICT: Theory, practice and assessment. Singapore: Ministry of Education: 116.
- d'Aquin M. 2016. On the use of linked open data in education: Current and future practices. Open data for education: Linked, shared and reusable data for teaching and learning. Switzerland: Springer International Publishing: 112–114.
- Pranjalee Lahri. Games vs Game-based Learning vs Gamification. URL: <https://www.upsidelearning.com/blog/index.php/2015/05/21/games-vs-game-based-learning-vs-gamification> (accessed: 03/18/2023)
- Stephanie Karaolis. 2019. How to win at gamification in elearning, every time. URL: <https://www.elucidat.com/blog/elearning-gamification/> (accessed 29.03.2023)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 02.04.2023
Поступила после рецензирования 04.05.2023
Принята к публикации 10.06.2023

Received April 02, 2023
Revised May 04, 2023
Accepted June 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лапина Мария Анатольевна, заместитель директора по международной деятельности, заведующий базовой кафедрой комплексного обеспечения информационной безопасности автоматизированных систем института цифрового развития, Северо-Кавказский Федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Кормакова Валентина Николаевна, профессор кафедры педагогики факультета психологии педагогического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Ирхин Владимир Николаевич, профессор кафедры теории и методики физической культуры факультета физической культуры и спорта, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Макотрова Галина Васильевна, профессор кафедры педагогики факультета психологии педагогического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria A. Lapina, Deputy Director for International Affairs, Head of the Basic Department of Integrated Information Security of Automated Systems, Institute of Digital Development, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Valentina N. Kormakova, Professor of the Department of Pedagogy, Faculty of Psychology, Pedagogical institute, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Vladimir N. Irkhin, Professor of the Department of Theory and Methodology of Physical Culture, Faculty of Physical Culture and Sports, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Galina V. Makotrova, Professor of the Department of Pedagogy, Faculty of Psychology, Pedagogical institute, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia



ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

УДК 811'373

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-2-290-300

The Linguocognitive Paradigm for the Study of Biblical Phraseology

Anna D. Bakina

I.S. Turgenev Oryol State University,
95 Komsomolskaya St, Oryol 302026, Russia
E-mail: heart-anna@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research is due to the insufficient study of the conceptual space of biblical phraseology, on the one hand, and the growing interest in the Biblical phraseological vocabulary in terms of its semantic interpretation and functioning, on the other hand. The authors present the study of the biblical picture of the world by means of the phraseology of the national language in the light of linguocognitive and linguocultural approaches. The application of these approaches expands the understanding of the peculiarities of the conceptualization of phraseological space in general and the biblical space in particular. The results of the study showed that the biblical conceptsphere is a complexly organized construct, which is a fragment of a picture of the world formed on the basis of biblical texts. Based on the developed thematic rubric of phraseological units of biblical etymology, the structure of the biblical conceptual sphere, actualized by phraseological units, is presented. The scientific novelty of the research lies in the fact that for the first time an attempt has been made to describe the biblical picture of the world by phraseological means and to group phraseological units in accordance with the selected biblical concepts that they verbalize.

Keywords: linguocognitive research, biblical phraseology, concept, biblical world picture, biblical conceptsphere

For citation: Bakina A.D. 2023. The Linguocognitive Paradigm for the Study of Biblical Phraseology. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2): 290–300 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-290-300

Лингвокогнитивная парадигма исследования библейской фразеологии

Бакина А.Д.

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,
Россия, 302026, г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95
E-mail: heart-anna@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, недостаточной изученностью концептуального пространства библейской фразеологии, с другой, неугасаемым интересом к библейской фразеологической лексике в аспекте ее семантической интерпретации и функционирования. До сих пор библейские концепты не подвергались тщательному анализу, были проведены лишь единичные научные исследования, посвященные описанию таких культурных концептов, как «истина», «свет/тьма», «рай/ад» и т.д. В качестве методов исследования были избраны следующие: метод фразеологической идентификации, метод лексико-семантического

анализа, метод компонентного анализа, методы концептуального анализа, контекстуальный метод, поисковый корпусный метод. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые предпринимается попытка описать библейскую картину мира фразеологическими средствами и сгруппировать фразеологизмы согласно выделенным библейским концептам, которые они вербализуют. Одним из фундаментальных понятий, которым мы оперируем в рамках данного исследования, является понятие *концепта*, которое помогает нам установить, что представляет собой библейский концепт, и найти различия между культурными и библейскими концептами. Многообразие библейских концептов требует их организации в упорядоченную структуру, которую можно представить в виде концептосферы. Результаты исследования позволили заключить, что библейская концептосфера – это сложно-организованный конструкт, представляющий собой фрагмент картины мира, сформированной на основе библейских текстов. На основе разработанной тематической рубрикации фразеологических единиц библейской этимологии представлена структура библейской концептосферы, актуализированная фразеологическими единицами.

Ключевые слова: лингвокогнитивные исследования, библейская фразеология, концепт, библейская картина мира, библейская концептосфера

Для цитирования: Bakina A.D. 2023. The linguocognitive paradigm for the study of biblical phraseology. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2): 290–300 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-290-300

Introduction

The popularisation of linguocognitive researches has allowed us to focus on the study of various aspects of phraseology within a cognitive approach (see, i.e., N.F. Alefirenko [Alefirenko, 2010, 2016]; A.N. Baranov, D.O. Dobrovolsky [Baranov, Dobrovolskiy, 1990, 2008]; N.N. Boldyrev [Boldyrev, 2019]; V.I. Karasik [Karasik, 2002]; Yu.S. Stepanov [Степанов, 1997], V.N. Teliya [Teliya, 1996], I.V. Zyкова [Zykova, 2015]; J.-P. Colson [Colson, 2008], S. Fiedler [Fiedler, 2013], R.W. Gibbs [Gibbs, 1990], R. Langacker [Langacker, 1988], A. Langlotz [Langlotz, 2006], W. Mieder [Mieder, 2018], etc.). Of tremendous scientific interest are the studies related to the consideration of biblical concepts, namely their formation, development, transformation, typology; the description of the frame specificity of phraseological units of biblical origin, perception and interpretation of the conceptual picture of the Bible, mutual influence of general cultural concepts and biblical ones (see, i.e., [Orlova, 2008; Mzhel'skaya, 2008]).

In the course of our study of biblical phraseology from the position of linguocognitive approach the following notions are considered: cognition; categorization; concept; cultural constants; conceptosphere; script; frame; language picture of the world.

We proceed from the premise that in the basis of conceptual system there are *primary/fundamental* concepts from which the *secondary/subsequent* concepts of the national conceptosphere were formed and thus developed. Concepts are subjected to constant refinement and modification. They are a part of the system and can be influenced by other concepts, as well as change themselves.

The biblical conceptosphere is a complexly organised construct, which is a fragment of the world picture, formed on the basis of biblical texts, namely, of Hebrew and Greek origin, and consists of a set of concepts, which can be connected by relations of interrelation, opposition, hierarchical relations, and also be thematically grouped. The conceptual fabric, woven into the set of concepts, forms the united conceptosphere, capable to reflect a picture of the world by means of using biblical phraseological units, verbalising biblical concepts.

Materials and Methods

The material for the study of the conceptosphere of biblical phraseology included 400 biblical phraseological units (English, German and Russian equivalents and analogues) extracted from the modern biblical dictionaries (see, [Адамия, 2019а, 2019б; Федуленкова и др., 2008]). The material of the contextual use of phraseological units, verbalising the basic concepts, amounts to 500 contexts.



The following research methods were used in the study: one of the fundamental methods of cognitive linguistics – the method of conceptual analysis; the method of phraseological identification, developed by A.V. Kunin [Kunin, 1986], which we used to separate biblical phraseological units from stable word combinations of non-phraseological character, and the method of phraseological description applied to describe the phraseological system and its inherent asymmetry, covering a number of procedures such as componential analysis of phraseological units and analysis of phraseological meaning. The method of componential analysis made it possible to analyse in detail the semantic structure of the phraseological units under study. The search corpus method [Bakina, 2022] was used to detect all types of the phraseological variants.

Besides, comparative method, which allowed to compare phraseological units of biblical etymology in English and German, and lexico-semantic analysis were additionally used in the study.

Discussion

The study of phraseology in the linguocognitive aspect allows us to define phraseological units as “microtexts, in the nominative basis of which, associated with the situational nature of the denoted, are drawn during its conceptualization all types of information characteristic of the display of the situation in the text, but presented in phraseological units as a ‘convolution’, ready for use as text in text” [Teliya, 1996, p. 8].

Unlike the language picture of the world which is a composition of the world picture fragments in some semantic space, able to determine the volume of the units included in them, evaluate the connections and relations between individual fragments, the conceptual picture of the world, formed on the basis of knowledge as a reflection of human cognitive activity, is understood as a set of models that allow structuring knowledge about the world. General cultural conceptosphere includes a whole bulk of biblical concepts, the main part of which forms an independent conceptosphere of biblical phraseology.

In view of the specificity of the object, namely phraseological units originating from biblical texts and stories, defining the boundaries of the conceptual field as well as the variety of concepts of biblical phraseology is one of the primary objectives. Defining a concept is not an easy task due to the ambiguous interpretation of the term and concept by various linguists.

Thus, the concept is richer in content than the notion and “is inextricably connected with the world of culture, as it represents as if a clot of culture in human consciousness; a way of representation of culture in human mental world...” [Степанов, 1997, с. 45].

Within the framework of the logical approach to the study of concepts, the latter can be defined as concepts of practical philosophy arising “...as a result of the interaction of such factors as national tradition and folklore, religion and ideology, life experience and images of art, feelings and value systems” [Arutyunova, 1998, p. 3], then they form “...a cultural layer mediating between the individual and the world” [Ibid.]

The predominant part of modern researchers consider the most important in understanding the phenomenon of the concept to be that the concept contains the ‘imprint’ of culture. It is important to understand that the concept is first of all “a unit of collective knowledge/consciousness (referring to the highest spiritual values)”, it is a unit “having linguistic expression and marked by linguocultural specificity. It is a culturally marked verbalised meaning represented in terms of expression by a number of its realisations” [Кубрякова и др., 1997, с. 102].

V.I. Karasik defines a cultural concept as a multi-dimensional semantic formation, in which the value, image and conceptual side are distinguished” [Karasik, 2002, p. 91]. An important property of the concept is its high degree of abstraction, which, in particular, is pointed out by V.V. Krasnykh who defines it as “a maximally abstracted idea of a cultural object that has no visual prototypical image”, “a kind of coiled deep ‘meaning’ of the object” [Krasnykh, 2003, p. 272].

The concept is a component of the cultural code. This thesis is explained in detail in the work of A. V. Papsheva. The author points out that “the system of linguocultural concepts (conceptosphere) is presented as a linguocultural code; concepts, which are brought down by language units, act as signs-units of the linguocultural code” [Papsheva, 2010, p. 49].

Thus, the definition of the ‘concept’ should include such characteristics as relevance to the mental sphere of a person, connection with national culture, discreteness, linguistic (verbal) expression.

Results

We define a biblical phraseological unit after prof. T.N. Fedulenkova, as a “stable, reproducible word combination or a sentence with a fully or partially reinterpreted meaning derived from a biblical prototype and borrowed from a biblical text or a biblical story/plot” [Fedulenkova, 2016, p. 23]. Thus, we applied this definition to single out at least 400 phraseological units of biblical origin that serve to verbalise biblical concepts which can form a conceptual sphere of the Bible.

Initially, we hypothesised that the biblical conceptosphere is theocentric and one of the core clusters will be the cluster *GOD and DIVINE POWERS* which is represented by the elements: *God, Divine nature, Divine powers*. Nevertheless, this hypothesis was disproved in the process of practical analysis. Thus, the anthropocentrism of the biblical conceptosphere has been revealed.

As we know, anthropocentrism implies that man becomes a point of reference in the study of certain phenomena. The principle of anthropocentrism applied in phraseology is constituted in the idea that phraseological units are studied in relation to humans. The human factor is fundamental. The centre of the biblical picture of the world is also a HUMAN being.

One of the most actual problems of modern cognitive linguistics is the identification and comparison of key concepts of different cultures in the aspect of allocation and distribution of their features, taking into account their further structuring in the semantic spaces of the lexemes, serving for objectification of concepts in the language pictures of the world.

Key concepts of culture are nuclear (basic) units of the world picture, which have existential significance both for an individual linguist and for the linguistic and cultural community as a whole. Key culture concepts include such abstract names as conscience, fate, will, share, sin, law, freedom, intelligentsia, homeland, etc.

There are many ways of grouping concepts (see, i.e., [Степанов, 1997], [Teliya, 1996], [Maslova, 2004], [Karasik, 2002]), which are composed according to the sphere of the value content reflected in them: by meanings, by cultural features. For example, there is the philosophical category, which includes concepts such as *space, time, fact, cause, movement*, etc. There is also the social category, in which we can find *justice, freedom, right, faith, wealth* and many other concepts, which, as we can judge from their purpose, are directly related to society, the individual. The group of concepts, which was identified by V.A. Maslova represent the category of national culture (for example, in Russian culture – intelligentsia, sobornost, etc.) and culturally specific category (potato – «картошка») [Maslova, 2004]. The category of world order and world outlook was singled out by the famous Russian philologist T.B. Radbil. It includes such concepts as God, the world and other concepts of mythological and religious nature. The scientist also distinguished anthropological concepts describing human attributes – individual, gender, family, social, production (*man / woman, clan / family*); ethical concepts (*crime / punishment, sin, exploit*); *aesthetic concepts (harmony, beauty)*; psychological concepts reflecting different aspects of the inner world of man and ethnicity (*daring, longing*), etc. [Radbil', 2010].

Biblical concepts, given this grouping of concepts, constitute a separate conceptual layer. The biblical source concepts are formed within the corresponding precedent situation, forming its cognitive matrix, i.e. the system of interrelated cognitive contexts or areas of object conceptualisation. The cognitive, or as it is also called, conceptual matrix also reflects the plot and key



cognitive lines of the Bible text in the minds of native speakers, as well as contributes to their use in various types of discourse.

Biblical concepts are based on constant reference to biblical situations. Even at significant distortions, the biblical text, unlike, say, any other precedent text, preserves its conceptual connections with the original text and the universal interlingual character of the key concepts. The abundance and heterogeneity of the whole mass of biblical concepts allows organising them into a separate conceptual space.

In order to come close to the potential allocation of all the concepts forming the biblical conceptosphere, it is necessary to identify the classes, separate thematic groups of the vocabulary of the biblical texts. Based on a clear thematic rubrication, one can identify the phraseological units of biblical origin, with the help of which biblical concepts are verbalised.

The problem of biblical anthropocentrism, as well as questions of the relationship between man and nature, remains very topical today. According to the Christian faith, the cosmos is arranged hierarchically and the head of this cosmos was the first man on earth created by God, Adam. It is considered, that all visible and invisible set of plants and animals was created by God for the sake of the Man. The original mission of man, created by God, was to have dominion over creation: “And God blessed them, and God said unto them, Be fruitful and multiply, and fill the earth, and possess it...” [King James ..., 2022, Genesis 1: 28].

No matter how small and weak MAN is, he is “God’s creation from the dust of the earth” – the only creation capable of thinking, which radically distinguishes him from all other created things. Being created “in the image and likeness of God”, the MAN becomes “the crown of creation”. The Bible puts a MAN at the head of all created things. Though greatness and size of the universe are huge, they cannot be an argument against anthropocentrism of the Bible. The ‘Biblical history’ itself is all about the MAN.

As a result of our analysis of biblical phraseology on the basis of semantic features we have identified two large thematic groups:

1. *Man and his relations with the outer world;*
2. *Outer animate and inanimate world.*

Each rubric includes a number of groups, which in turn will be divided into subgroups. We are mostly sure that the number of groups and subgroups highlighted and presented as an illustrative example is not finite. In this case, we limited ourselves to the most common groups. For example, the rubric “Man and his relations with the surrounding world” would include such groups as: Man as a representative of the human race; Man’s character, his feelings and emotions; Zoo-semisms, i.e. comparisons of man with an animal with positive or negative colouring; Group of phraseological expressions containing biblical names (anthroponyms and toponyms); Social characteristics of Man and his attitude to the surrounding world; Inevitability of fate, sufferings of Man on his earthly way. The rubric “Living and non-living world surrounding Man” includes the following thematic groups: Phenomena and states of the external world; Abstract concepts with subgroups Wealth/Power and Poverty; Labour/Work and Sloth; Faith; Love; Time; Life and Death; Sins and Vices, Punishment for Sins/Heaven and Hell; Truth/Truth; Subgroup Objects and Objects includes, for example, Bread/Food; Weapons.

In the frames of anthropocentrism of the Bible and the biblical conceptosphere the fundamental and central concept MAN with a branched structure of the concepts, verbalized by phraseological units of biblical origin, is put forward. The **core concept** *Man* is represented by the inter-related concepts: *human nature; human character; man as a part of society; human deeds, human fate*. See the biblical phraseological units in English, German and Russian:

1. *Human nature/die menschliche Natur: the old Adam/der alte Adam/«ветхий» Адам; a man born of woman/der Mensch, vom Weibe geboren/рожденный женщиной, смертный; the weaker vessel/das schwächere Geschlecht/«слабый пол»; lord of creation/der Herr von dem Schaffen (des Schaffens)/«венец творения», мужчина; David and Jonathan/David und Jonathan/Давид и Ионафан, неразлучные друзья; etc.*

2. **Human character/der menschliche Charakter:** *Balaam's ass/Bileams (Balaams, Walaams) Eselin; Bileams (Balaams, Walaams) störrischer Esel/ «Валаамова ослица», упрямый человек (который вдруг запротестовал); clay in smb's hands (or in the hands of smb)/(Der) Ton in j-s Hand/«глина в чьих-либо руках», мягкий, податливый человек; have itching ears/die Ohren jücker/быть любителем новостей, быть падким на сплетни;*

3. **Man as part of society/das Individuum als Teil der Gesellschaft:** *a brand from (out of) the fire (a brand plucked out of the fire, a brand from the burning)/ein Brandscheit, das aus dem Feuer gerettet ist/человек, спасенный от грозящей ему опасности; a citizen of no mean city/ein Bürger einer namhaften Stadt/достопочтенный гражданин; Do as you would be done/Tue den anderen Leuten, wie du willst, daß sie dir tun sollen/Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой;*

4. **Human destiny, fate, trials/Prüfungen und menschliche Schicksale:** *drain the cup of bitterness to the dregs/den bitteren Kelch (Becher) des Leidens bis auf den Grund (bis zur Neige, bis auf den Grund, bis zum Ende, bis zur Hefe) leeren (trinken)/испить горькую чашу до дна; let this cup pass from me; make the cup run over/j-m voll einschenken/да минует меня чаша сия; etc.*

Slightly further from the core is the multi-level concept **the outer world and man's relations with the outer world**, represented by a group of concepts such as:

5. **God, divine forces:** *(God is) all in all/alles in allem/Бог есть все во всем; the holy of holies/Allerheiligster/святая святых; the wrath of God/das Zorn Gottes/гнев Божий; to call down the wrath of God on smb's head/das Zorn Gottesrufen/призывать кару Господню на чью-либо голову; every creature of God/всякое творение Божие; the Rock of Ages /ein Fels ewiglich/«твердыня вечная», Христос; the Kingdom of God/das Reich Gottes/Царствие Божие;*

6. **Natural forces:** *earth, fire, water, wind: a land flowing with milk and honey (a land of milk and honey)/Ein Land, darin Milch und Honig fließt/страна изобилия, «молочные реки, кисельные берега»; the land of promise (the promised land)/das verheißene Land/земля обетованная; the four corners of the earth (or world)/ die vier Enden der Erde/четыре стороны света, весь мир; abomination of desolation/der Greuel der Verwüstung/мерзость запустения; on the face of the earth/auf dem ganzen Erdboden/в целом мире, на «белом» свете; heap coals of fire on smb's head/Feurige Kohlen auf j-s Haupt häufen/присыпать кого-либо, отплатив добром за зло; fire and brimstone/Schwefel und Feuer/die Ängste der Hölle/адские муки; go through fire and water (go through (the) fire/in Feuer und Wasser geraten/пройти сквозь огонь и воду, выдержать любые испытания; be in deep water(s)/in tiefen Wassern sein/находиться в трудном или опасном положении; (as) unstable as water/Wie Wasser aufwallen/неустойчивый, непостоянный; (as) weak as water/weich/слабохарактерный, малодушный; hell and high water (without a German equivalent)/тяжкие испытания; etc.*

7. A conceptual cluster **abstract concepts** with the concepts:

7.1 **Time:** *one's hour has come (or struck; one's hour is come)/j-s Stunde war (ist) gekommen/час настал, пробил; for everything there is a season; there is a time for all things/Alles hat seine Zeit, Alles (Jegliches, jedes Ding) zu seiner Zeit/Всему свое время; Alpha and Omega/das A und O; (auch:) das A und das O (ugs.); von A bis Z (ugs.)/Альфа и Омега, начало и конец; to sleep a perpetual sleep/ in die Ewigkeit einzugehen/заснуть вечным сном; as old as Methuselah/so alt wie Methuschelach/стар как Мафусаил; smb's days are numbered/jmnds. Tage sind gezählt/чью-либо дни сочтены; in season and out of season/zur Zeit oder zu Unzeit/постоянно, все время; etc.*

7.2 **Wealth/power and poverty:** *the golden calf/das goldene Kalb/«золотой телец»; worship the golden calf/das goldene Kalb anbeten/поклоняться «золотому тельцу»; the crumbs which fell from the rich man's table/das, was von des Reichen Tische fiel/крохи с барского стола; have nowhere to lay one's head/[nicht wissen, wo man] sein [müdes] Haupt betten [soll (kann)]/негде голову преклонить; the mammon of unrighteousness/der ungerechte*



Mammon/«Мамона неправедности»; loaves and fishes/Gerstenbrote (Brote) und Fische/земные блага; the flesh-pots of Egypt/die Fleischtöpfe in (aus/von) Ägypten/материальные блага;

7.3 Labour/laziness and work: *the labour of one's hands/die Mühe/труд чьих-либо рук; a labour of love/(die) Arbeit in der Liebe/бескорыстный труд; eat the bread of idleness/(sein) Brot mit Faulheit essen/вести праздную жизнь; reap where one has not sown/Schneiden, wo du nicht gesät hast/пожинать плоды чужого труда; the labourer is worthy of his hire/der Arbeiter ist seines Lohnes wert/трудящийся достоин награды за труды свои.*

7.4 Faith: *faith moves mountains /der Glaube versetzt Berge (kann Berge versetzen)/Вера горами движет; fall from grace/aus der Gnade fallen/отойти от истинной веры; a fisher of men/Menschenfischer/проповедник, миссионер; spiritual father/der geistliche Vater/духовный отец.*

7.5 Love: *Love your neighbour as yourself /Liebe deinen Nächsten wie dich selbst/Возлюби ближнего своего как самого себя; the voice of the turtle/die Stimme der Turteltaube/зов любви; Thou shalt not make into thee any graven image / not to make a graven image/make for oneself a graven image / to bow the knee to Baal/jmdn (etw.) vergöttern; jmdn (etw.) anbeten/Не сотвори себе кумира; God is Love/Gott ist die Liebe (und wer in der Liebe bleibt, der bleibt in Gott und Gott in ihm)/Бог есть Любовь; etc.*

7.6 Life and death: *the breath of (one's) life (the breath of one's or the nostrils)/der Oden des Lebens/смысл жизни; give (or lay down) one's life; the life of one's countenance/пожертвовать жизнью; the staff of life/der Vorrat an Brot/хлеб насущный; the tree of life/der Baum des Lebens/древо жизни; a living dog is better than a dead lion/Ein lebender Hund ist besser als ein toter Löwe/Живая собака лучше мертвого льва; in the land of the living/im Lande der Lebendigen/на этом свете; the valley of the shadow (of death; т.ж. the valley of the shadows)/das finstere Tal/«долина смертной тени», гибель; the wages of sin is death/der Sünde Sold ist Tod/Возмездие за грех – смерть; dead and buried (dead and gone)/gestorben und begraben/умер и погребен; let the dead bury their dead/die Toten ihre Toten begraben lassen/пусть мертвые хоронят мертвых; etc.*

7.7 Sins and vices, punishment for sins: *the Whore of Babylon/die Hure von Babylon/«вавилонская блудница»; lusts of the flesh/des Fleisches Lust/похоти плоти; The wages of sin is death/der Sünde Sold ist Tod/Возмездие на грех – смерть; forbidden fruit (is sweetest)/eine verbotene Frucht; Verbotene Früchte sind süß/запретный плод (сладок); Sodom and Gomorrah/Sodom und Gomorra/Содом и Гоморра; the curse of Cain/Der Fluch, die Verwünschung, die Verdammnis von Kain/проклятие Каина; etc.*

7.8 Heaven and hell: *the Judgment day/Dies irae/Судный день; the Old Serpent/Schlangen-Versucher/змей-искуситель; fire and brimstone/Schwefel und Feuer/die Ängste der Hölle/адские муки; manna from heaven/Manna vom Himmel/манна небесная; garden of Eden/der Garten Eden/райский уголок; evil communications corrupt good manners/Böse Geschwätze verderben gute Sitten/Худые сообщества развращают добрые нравы; the dog returns to his vomit/Der Hund frißt wieder, was er gespien hat/Человек снова предаётся прежнему порокам; the Father of lies/der Vater der Lüge/«отец лжи»; fall from grace/aus der Gnade fallen/сойти с праведного пути.*

7.9 Truth: *What is the truth?/Was ist die Wahrheit?/Что есть истина?; Truth will set you free/Правда вас освободит; sift the grain (or wheat) from the chaff/die Spreu von Weizen sondern (trennen, scheiden)/отделять зерна от плевел; the scales fell from smb's eyes/Es fiel von j-s Augen wie Schuppen/челена с глаз упала; open one's eyes to smth/j-m die Augen öffnen/открыть глаза на что-либо; etc.*

Thus, with the help of the thematic rubrication of phraseological units we managed to identify the core and peripheral concepts which fill the conceptsphere of biblical phraseology, confirming its anthropocentrism. The concept MAN occupies the central position in the conceptual space of the Bible (man as a representative of the human race; man as a part of society; character

and inner world of man; deeds and destiny of MAN) and unites several near-core concepts. Biblical phraseological units, verbalising these concepts, reflect ‘man’, namely, his inner world, habits, attitudes, intentions, activities and ways of achievement). In most cases, the meaning of biblical phraseological units of this group is entirely based on metaphorical transfer and associations, the transfer of a set of features of the biblical image to the corresponding object of reality. Here we are dealing with a multi-stage nomination, a constant reinterpretation of meaning.

Slightly further from the core is the multilevel concept “Outside world and man’s relations with the outside world”, represented by a cluster of concepts such as God, divine forces, natural forces/spheres; including such concepts as earth, fire, water and wind; conceptual cluster abstract concepts, with the concepts time, wealth / power and poverty, labour / laziness and work, faith, love, life, death, sins and vices, punishment for sins / heaven and hell, truth.

As it may have been noticed, some of the phraseological units enter several conceptual groups because concepts they represent are interconnected, on the one hand. On the other hand, these biblical units may be interpreted as having a complicated semantic structure, thus being able to reflect more than one concept.

Conclusion

Based on the above, we conclude that biblical phraseology of a particular national language is represented by a number of concepts, which are formed into a kind of conceptsphere, which determines the specificity of refraction and reflection of information about the world through the use of phraseological units of biblical etymology.

Linguocognitive analysis of biblical phraseological units allowed us to identify biblical concepts on the basis of cognitive features of these concepts. The lexico-semantic and conceptual analysis revealed an anthropocentric orientation of conceptual space of biblical phraseology.

It is the preliminary thematic rubrication of biblical phraseological units that contributed to the structuring of the conceptual space of biblical phraseology.

The prospect of research of phraseological units of biblical etymology in the framework of linguocognitive approach is seen in further revealing of structural and content filling of biblical conceptsphere, detailed analysis and description of biblical concepts in their connection with each other by relations of synonymy, antonymy, hyperonymy, and also comparing conceptspheres of biblical phraseology in different languages with regard to revealing of national specific and universal in interpretation of biblical picture of the world by means of phraseology of different languages.

Thus, taking into account the above conclusions and the example of the conceptual field of the Bible, represented by biblical phraseological units, we can speak about the objective possibility of organising information and knowledge in the form of biblical concepts, formed into a single whole, i.e. the conceptsphere of biblical phraseology.

Список источников

- Адамия З.К. 2019а. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. Т. 1: А–О. Под ред. Е.Е. Иванова [и др.]. Могилев, МГУ имени А.А. Кулешова, 288 с.
- Адамия З.К. 2019б. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. Т. 2: П–Я. Под ред. Е.Е. Иванова [и др.]. Могилев, МГУ имени А.А. Кулешова, 308 с.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Т., Лузина Л.Г. 1997. Краткий словарь когнитивных терминов. Под ред. Е.С. Кубряковой. М., Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 245 с.
- Степанов Ю.С. 1997. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., Языки русской культуры, 824 с.



Федуленкова Т.Н., Мартюшова Е.В., Боннемарк М. 2008. Англо-немецко-шведский словарь библейской фразеологии. Архангельск, Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 166 с.
King James Bible. The Preserved and Living Word of God. 2022. King James Bible online. Available at: www.kingjamesbibleonline.org (accessed: November 26, 2022).

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф. 2010. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. Москва, Флинта, 288 с.
- Алефиренко Н.Ф. 2016. Живое слово дороже мертвой буквы: Язык в свете лингвистического постмодернизма. В кн.: Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка. Сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, приуроченной к юбилею Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Белгородского государственного университета Николая Федоровича Алефиренко (Белгород, 11–12 января 2016 г.). Белгород, Эпицентр: 31–38.
- Арутюнова Н.Д. 1998. Язык и мир человека. М., Языки русской культуры, 895 с.
- Бакина А.Д. 2022. Технология применения поискового корпусного метода в исследовании библейской фразеологии английского, немецкого и русского языков. В кн.: INTERLINGUA-2022. Сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции, (Липецк, 18–19 мая 2022 г.). Липецк, Издательство Липецкого государственного технического университета: 12–18.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. 1990. Структуры знаний и их лингвистическая онтологизация в значении идиомы. В кн.: Исследования по когнитивным аспектам языка. Труды по искусственному интеллекту. Серия: Tartu Ülikooli toimetised, 903: 20–36.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. 2008. Аспекты теории фразеологии. Москва, Знак, 656 с.
- Болдырев Н.Н. 2019. Доминантный принцип организации языкового сознания. *Когнитивные исследования языка*, 37: 37–44.
- Зыкова И.В. 2015. Концептосфера культуры и фразеология: теория и методы лингвокультурологического изучения. М., Ленанд, 380 с.
- Карасик В.И. 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, Перемена, 477 с.
- Красных В.В. 2003. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., ИТДГК Гнозис, 375 с.
- Кунин А.В. 1986. Курс фразеологии современного английского языка. Москва, Высшая школа, 336 с.
- Маслова В.А. 2004. Лингвокультурология. М., Academia, 202 с.
- Мжельская О.К. 2008. Семантическая специализация и концептуализация заимствований: на материале ономастических компонентов библейской фразеологии. Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 151 с.
- Орлова Н.М. 2008. Библиейский текст как прецедентный феномен. Под ред. Л. В. Балашовой. Саратов, Саратовский гос. социально-экономический ун-т, 350 с.
- Папшева А.В. 2010. Применение категории «код» в лингвокультурологии. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, 12(3–2): 492–494.
- Радбиль Т.Б. 2010. Основы изучения языкового менталитета. М., Флинта, Наука, 328 с.
- Телия В.Н. 1996. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., Школа «Языки русской культуры», 288 с.
- Федуленкова Т.Н. 2016. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения. Москва, ИД Академии Естествознания, 146 с.
- Colson J.-P. 2008. Cross-linguistic phraseological studies: an overview. In: *Phraseology. An interdisciplinary perspective*. Eds. S. Granger, F. Meunier. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins Publishing Company: 191–206. DOI: [10.1075/z.139.19col](https://doi.org/10.1075/z.139.19col)
- Fiedler S. 2013. Phraseological Units of Biblical Origin in English and German. In: *Research on Phraseology Across Continents. Intercontinental dialogue on phraseology*. Vol. 2. Eds. J. Szerszunowicz, B. Nowowiejski & K. Yagi, T. Kanzaki. Bialystok, University of Bialystok Publishing House: 228–247.
- Gibbs R.W. 1990. Psycholinguistic studies on the conceptual basis of idiomaticity. *Cognitive Linguistics*, 1(4): 417–451. DOI: [10.1515/cogl.1990.1.4.417](https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.4.417)
- Langacker R.W. 1988. A view of linguistic semantics. In: *Topics in cognitive linguistics*. Ed. B. Rudzka-Ostyn. Amsterdam, John Benjamins: 49–90. DOI: [10.1075/cilt.50.04lan](https://doi.org/10.1075/cilt.50.04lan)



- Langlotz A. 2006. Idiomatic creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English. Amsterdam, John Benjamins Publishing, 325 p.
- Mieder W. 2018. "It's a Small World": From Widespread Idioms to Widespread Proverbs. In: Modern Phraseology Issues: Monograph in Memory of Elisabeth Piirainen. Ed. T. Fedulenkova. Arkhangelsk, München: 74–97.

References

- Alefrenko N.F. 2010. Lingvokul'turologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka [Linguoculturology: value-semantic space of language]. Moscow, Publ. Flinta, 288 p.
- Alefrenko N.F. 2016. Zhivoe slovo dorozhe mertvoy bukvy: Yazyk v svete lingvisticheskogo postmodernizma [A living word is more precious than a dead letter: Language in the light of linguistic postmodernism]. In: Kognitivno-diskursivnye strategii razvitiya yazyka [Cognitive-Discursive Strategies for Language Development]. Collection of scientific papers on the results of the International Scientific Conference dedicated to the anniversary of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor of the Belgorod State University Nikolai Fedorovich Alefirenko (Belgorod, January 11–12, 2016). Belgorod, Publ. Epitsentr: 31–38.
- Arutyunova N.D. 1998. Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world]. M., Publ. Yazyki russkoy kul'tury, 895 p.
- Bakina A.D. 2022. Tekhnologiya primeneniya poiskovogo korpusnogo metoda v issledovaniyakh bibleyskoy frazeologii angliyskogo, nemetskogo i russkogo yazykov [Technology of applying the corpus search method in the study of biblical phraseology in English, German and Russian]. In: INTERLINGUA-2022. Collection of scientific papers of the II International Scientific and Practical Conference, (Lipetsk, May 18–19, 2022). Lipetsk, Publ. Izdatel'stvo Lipetskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta: 12–18.
- Baranov A.N., Dobrovolskiy D.O. 1990. Struktury znaniy i ikh lingvisticheskaya ontologizatsiya v znachenii idiomy [Structures of knowledge and their linguistic ontologization in the meaning of idiom]. In: Issledovaniya po kognitivnym aspektam yazyka. Trudy po iskusstvennomu intellektu [Research on the Cognitive Aspects of Language. Works on artificial intelligence.]. *Seriya: Acta et commentationes Universitatis Tartuensis*, 903: 20–36.
- Baranov A.N., Dobrovolskiy D.O. 2008. Aspekty teorii frazeologii [Aspects of the theory of phraseology]. Moskva, Publ. Znaniya, 656 p.
- Boldyrev N.N. 2019. Dominant principle of linguistic cognition organization. *Cognitive studies of language*, 37: 37–44 (in Russian).
- Zykova I.V. 2015. Kontseptosfera kul'tury i frazeologiya: teoriya i metody lingvo-kul'turologicheskogo izucheniya [Concept sphere of culture and phraseology: theory and methods of linguo-culturological study]. M., Publ. Lenand, 380 p.
- Karasik V.I. 2002. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Publ. Peremena, 477 p.
- Krasnykh V.V. 2003. «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost' ["Own" among "strangers": myth or reality]? M., Publ. ITDGK Gnozis, 375 p.
- Kunin A.V. 1986. Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka [Modern English Phraseology Course]. Moscow, Publ. Vysshaya shkola, 336 p.
- Maslova V.A. 2004. Lingvokul'turologiya [Linguistics]. Moscow, Publ. Academia, 202 p.
- Mzhel'skaya O.K. 2008. Semanticheskaya spetsializatsiya i kontseptualizatsiya zaimstvovaniy: na materiale onomasticheskikh komponentov bibleyskoy frazeologii [Semantic Specialization and Conceptualization of Borrowings: Based on Onomastic Components of Biblical Phraseology]. Dis. ... cand. philol. Sciences. Omsk, 151 p.
- Orlova N.M. 2008. Bibleyskiy tekst kak pretsedentnyy fenomen [The Biblical Text as a Precedent Phenomenon]. Ed. L.V. Balashov. Saratov, Publ. Saratovskiy gos. sotsial'no-ekonomicheskiy un-t, 350 p.
- Papsheva A.V. 2010. The use of "code" category in linguoculturology. *Izvestiya of Samara scientific center of the russian academy of sciences*, 12(3–2): 492–494 (in Russian).
- Radbil' T.B. 2010. Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta [Fundamentals of the study of language mentality]. M., Publ. Flinta, Nauka, 328 p.



- Teliya V.N. 1996. Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. M., Publ. Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 288 p.
- Fedulenkova T.N. 2016. Lektsii po angliyskoy frazeologii bibleyskogo proiskhozhdeniya [Lectures on English phraseology of biblical origin]. Moscow, Publ. ID Akademii Estestvoznaniya, 146 p.
- Colson J.-P. 2008. Cross-linguistic phraseological studies: an overview. In: Phraseology. An interdisciplinary perspective. Eds. S. Granger, F. Meunier. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins Publishing Company: 191–206. DOI: [10.1075/z.139.19col](https://doi.org/10.1075/z.139.19col)
- Fiedler S. 2013. Phraseological Units of Biblical Origin in English and German. In: Research on Phraseology Across Continents. Intercontinental dialogue on phraseology. Vol. 2. Eds. J. Szerszunowicz, B. Nowowiejski & K. Yagi, T. Kanzaki. Bialystok, University of Bialystok Publishing House: 228–247.
- Gibbs R.W. 1990. Psycholinguistic studies on the conceptual basis of idiomaticity. *Cognitive Linguistics*, 1(4): 417–451. DOI: [10.1515/cogl.1990.1.4.417](https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.4.417)
- Langacker R.W. 1988. A view of linguistic semantics. In: Topics in cognitive linguistics. Ed. B. Rudzka-Ostyn. Amsterdam, John Benjamins: 49–90. DOI: [10.1075/cilt.50.04lan](https://doi.org/10.1075/cilt.50.04lan)
- Langlotz A. 2006. Idiomatic creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English. Amsterdam, John Benjamins Publishing, 325 p.
- Mieder W. 2018. “It’s a Small World”: From Widespread Idioms to Widespread Proverbs. In: Modern Phraseology Issues: Monograph in Memory of Elisabeth Piirainen. Ed. T. Fedulenkova. Arkhangelsk, München: 74–97.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.01.2023

Поступила после рецензирования 13.03.2023

Принята к публикации 10.06.2023

Received January 19, 2023

Revised March 13, 2023

Accepted June 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бакина Анна Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, г. Орёл, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna D. Bakina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, head of the Department of English philology, I.S. Turgenev Oryol State University Oryol, Russia



УДК 81-114.4

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-2-301-319

Сравнительный анализ данных экспериментальных исследований процесса идентификации значения нового слова носителями языка

Виноградова М.В.

МИРЭА – Российский технологический университет,
Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 78,
E-mail: rita_kuptsova@mail.ru

Аннотация. Значение слова, являясь своего рода отражением окружающей действительности в сознании человека, представляет собой ценный источник информации для психолингвистов, поскольку дает возможность исследовать взаимосвязь между языком, сознанием индивида и картиной мира. Изучение механизмов распознавания носителем языка нового, то есть представляющего некоторое затруднение слова позволяет выявить психические связи, на основе которых объекты окружающей действительности находят отражение в сознании человека. Описанные в статье результаты двух предпринятых со значительной разницей во времени экспериментальных исследований свидетельствуют как об устойчивом характере функционирования механизмов речемыслительной деятельности, так и о наличии факторов, под влиянием которых психофизические механизмы речевосприятия и речепорождения меняются. Так, было установлено, что для распознавания значения неизвестного слова носители языка прибегают к выделению мотивирующей основы, словообразовательной модели или звуко-буквенного комплекса, подбору синонима, координированного члена категории или денотата, приведению определения, противопоставления или ситуации. Выяснилось также, что с течением времени испытуемые в процессе идентификации значения слова стали значительно реже опираться на учебный материал и частоупотребительные языковые единицы на фоне большей склонности к отказам от распознавания.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, неологизм, психолингвистическое значение слова, механизм идентификации значения слова, отказ от реакции

Для цитирования: Виноградова М.В. 2023. Сравнительный анализ данных экспериментальных исследований процесса идентификации значения нового слова носителями языка. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(2): 301–319. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-301-319

Comparative Analysis of Experimental Researches Data on the Process of a New Word Meaning Identification by Native Speakers

Margarita V. Vinogradova

MIREA – Russian Technological University,
78 Vernadsky Avenue, Moscow 119454, Russia
E-mail: rita_kuptsova@mail.ru

Abstract. Being a reality reflection in a human consciousness, a word meaning is a valuable source of information for psycholinguists as it gives an opportunity to research the interconnection between the language, human consciousness and worldview. Studying of the identification mechanisms used by native speakers to uncover the meaning of a new, and thus difficult to identify, word allows to reveal mental associations between real objects and human consciousness. This article is a description of the two



undertaken separately in different periods of time experimental researches, which show that the character of psychophysical mechanisms of speaking and cogitating activity is both steady and changeable to certain factors. Thus, it was found out that in order to uncover the meaning of an unknown word native speakers use such models of meaning identification as discrimination of a productive basis, word-formation model or sounds and letters combination, giving a synonym, coordinate member of the category or denotation, and reacting with a definition, antonym or context. It also came to light that the respondents are much more rarely guided by their curricular background knowledge and widely used set phrases and much more frequently refuse to identify at all with the course of time.

Keywords: association experiment, neologism, psycholinguistic meaning of the word, mechanism of a word meaning identification, refusal to react

For citation: Vinogradova M.V. 2023. Comparative Analysis of Experimental Researches Data on the Process of a New Word Meaning Identification by Native Speakers. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2): 301–319 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-301-319

Введение

Будучи своего рода ключом к сознанию человека, значение слова служит объектом психолингвистических исследований, нацеленных на установление связей между языковыми единицами и объектами реального мира. Индивид не мыслит языковыми единицами. Окружающая действительного отражена в его сознании в виде так называемых концептов – единств представлений о явлениях реальности и их оболочек, т. е. звуковых и графических форм. Оболочка материальна и способна запустить в сознании человека механизмы, которые вызывают стоящее за ней представление. При этом слово активизирует в индивидуальном сознании не просто одиночный виртуальный образ реального объекта, а целую ситуацию, связанную с ним и помогающую ему воспринимать и опознавать действительность, в которой он существует [Залевская, 2011]. С этой точки зрения, значение слова – не просто словарная дефиниция. Это многомерное явление, за которым, помимо словарной статьи, стоит все многообразие переживаемых говорящим в момент речи ощущений и определенный опыт, включающий все контексты, в которых он когда-либо сталкивался с означаемым этим словом явлением.

Неоспорим тот факт, что со временем человек, узнавая что-то новое, переосмысливает уже известное, что ведет к появлению, развитию, изменению, исчезновению концептов в его сознании. Отсюда естественным образом вытекает заключение о динамическом характере как концептуальной системы, так и индивидуального сознания в целом. Логичным, соответственно, будет и вывод о динамичности коллективных представлений об окружающем мире [Морель Морель, 2014].

Разумеется, все это представляет обширное поле для психолингвистических исследований. При этом аспектов научных изысканий в данном направлении огромное количество по причине многомерности, разносторонности, многообразия, взаимосвязанности и динамичности упомянутых явлений.

Одним из таких направлений является изучение языка как средства познания образа мира. Поскольку люди успешно осуществляют коммуникацию, очевидно, что коммуниканты способны релевантно вербализовывать свой опыт, фрагменты своей индивидуальной картины мира и адекватно их воспринимать и интерпретировать, что наводит на мысль о сходстве индивидуальных картин мира. Этот факт позволяет ученым описывать, систематизировать, классифицировать связанные с сознанием человека явления [Стернин, Рудикова, 2011; Пищальникова, 2020].

Одним из наиболее эффективных на сегодняшний день способов исследования индивидуального и коллективного сознания сквозь призму языка является ассоциативный эксперимент [Залевская, 2015; Пищальникова, 2019; Хлопова, 2019; и другие]. Он позволяет

выявить тенденции и специфику отражения представлений об объекте действительности в обыденном сознании индивида, поскольку ассоциативные связи слова дают возможность установить глубинные модели взаимоотношений языка, речи и мышления и обнаружить таким образом внутреннюю структуру концепта [Стернин, 2020].

Объекты и методы исследования

Данная статья предлагает результаты двух проведенных нами с разницей в 16 лет экспериментальных психолингвистических исследований процесса идентификации значений новых слов, их описание и сравнение. Первый эксперимент проводился в 2003 году в рамках диссертационного исследования и предполагал сбор данных о способах распознавания значений неологизмов носителями языка. В качестве методов исследования были использованы идентификация участниками слов-стимулов как знакомых или незнакомых, встречавшихся или не встречавшихся ранее, понятных или непонятных, а также приведение свободной ассоциации, субъективной дефиниции и микроконтекста употребления. Материалом послужили существительные, прилагательные и глаголы, отобранные из сборников неологизмов «Новое в русской лексике: Словарные материалы», изданных в 1986, 1987 и 1989 годах. Выбор в пользу сборников неологизмов, не являвшихся актуальными для года проведения эксперимента, был сделан, поскольку одной из целей нашего диссертационного исследования, продолжение которого представляет собой описываемый в данной статье эксперимент, было сопоставление его результатов с данными, полученными в ходе аналогичных экспериментов, проведенных ранее на том же материале. Интерес, помимо самих экспериментальных данных, представляла и степень узнаваемости слов, являвшихся новыми в начале 80-х годов, спустя два десятилетия. Отобранные в целом методом случайной выборки стимулы все же включались нами в экспериментальный список с учетом разнообразия их словообразовательных моделей и «прозрачности» лексического значения. Основной целью этого эксперимента было выявление стратегий, к которым прибегают испытуемые, встречая новое слово, чтобы распознать его значение [Виноградова, 2009]. Как показали исследования ученых Тверской психолингвистической школы, ассоциативная реакция испытуемого отражает контекст, в котором он обнаруживает связь между стимулом и своим опытом, сознанием, и эти установленные таким образом связи различаются [Гольдин, Сдобнова, 2012]. Второе экспериментальное исследование, результаты которого приводятся в данной статье, было организовано в 2019 году и имело целью выявление гендерных особенностей процесса восприятия русских феминитивов носителями языка. Для чистоты его проведения в список слов-стимулов было включено 7 неологизмов из материала первого исследования в качестве дистракторов. Данные собирались методами распознавания испытуемыми стимулов как знакомых/незнакомых, понятных/непонятных и приведения ими свободных ассоциативных реакций [Медведева, Виноградова, 2020]. Испытуемыми в ходе обоих исследований стали носители русского языка в возрасте от 17 до 22 лет, обучавшиеся в указанные периоды в высших учебных заведениях по разным специальностям и направлениям подготовки. Поскольку условия организации и проведения обоих исследований оказались схожими, было принято решение сравнить и описать полученные данные. Некоторые результаты этого сопоставления уже были опубликованы ранее [Виноградова, 2022а, б, с; Виноградова, Эркенова, 2022].

Настоящая статья посвящена комплексному анализу данных, полученных от участников обоих экспериментальных исследований в результате выполнения ими задания привести свободную ассоциативную реакцию. Поскольку результаты обработки реакций на стимул «борщеед» были опубликованы ранее [Виноградова, 2022а], в этой работе рассматриваются ассоциации с 6 из 7 использованных во втором эксперименте новых слов – «мадонность», «притужный», «поавралить», «подверстываться», «обкультурить», «хмельить». Термины «неологизм» и «новое слово» при этом употребляются в данной статье как абсолютные синонимы, хотя это противоречит точке зрения, принятой в неологии [Попова и др., 2005].

Результаты исследования и их обсуждение

Для удобства подачи и рассмотрения весь собранный материал был сведен в таблицы, где экспериментальное исследование 2003 года обозначено Э1, экспериментальное исследование 2019 года – Э2. Процентное соотношение реакций, полученных от участников противоположных полов, дано в соответствующих колонках в порядке возрастания количества ассоциаций. Ассоциации, схожие у испытуемых обоих экспериментальных исследований, приведены в конце таблиц и выделены курсивом.

Для описания процесса распознавания значений неологизмов используется та же классификация стратегий и моделей идентификации новых слов, на которую мы опирались при анализе данных диссертационного экспериментального исследования, что, по нашему мнению, способствует выявлению отличий между сопоставляемыми явлениями и данными в случае наличия таковых. То есть одна из задач исследования была установить, опираются ли испытуемые в процессе распознавания значения неологизма на другие возможные речемыслительные алгоритмы, помимо описанных ранее моделей отнесения к ситуации, конкретизации через синоним/симиляр, приведения прямой дефиниции, опознания мотивирующей основы, прагматического осмысления, отнесения к денотату, распознавания словообразовательной модели, реакции координированным членом категории, ассоциации с языковым штампом, опоры на звуко-буквенный комплекс, актуализации учебного материала, противопоставления и нулевой реакции [Виноградова, 2009, с. 70].

Как видно из табл. 1 – Ассоциативные реакции на стимул «поавралить», лексические единицы, приведенные испытуемыми (далее ии.) обоих полов, участвовавших в более позднем эксперименте, менее вариативны по сравнению с реакциями, данными их сверстниками, принявшими участие в первом исследовании. Количество отказов от приведения реакции при этом примерно одинаково у ии.-женщин – около 70 % – и значительно различается у ии. мужского пола: около 40 % в Э1 и почти 65 % в Э2.

Как видно из представленных в таб. 1 данных, катализатором процесса распознавания значений слов-стимулов в обоих экспериментах служила мотивирующая основа неологизма. Ии. опирались на верно или неверно идентифицированный морфологический, фонетический или графический компонент слова, который (или которые!) запускал процесс поиска места для обрабатываемого сознанием стимула во внутреннем и внешнем ситуативном контекстах индивида. При этом следует обратить особое внимание на условность отделения механизмов идентификации друг от друга, поскольку, как правило, они работают в тесной взаимосвязи. Например, определение словообразовательной модели протекает обычно одновременно с распознаванием мотивирующей основы. Это позволяет индивиду не просто расчленить слово на компоненты, но и интегрировать его в синтаксические конструкции, описывающие соответствующие фрагменты объективной реальности, что, в свою очередь представляет собой реализацию стратегии опоры на ситуацию [Виноградова, 2009].

Наглядным примером взаимосвязи упомянутых трех стратегий служат реакции: *поработать на судне, покрутить штурвал корабля, поработать во время аврала*. При этом затруднительной задачей является отделение этого комплекса от частотной модели прямой дефиниции. Анализируя данные Э1, мы относили к этой модели ассоциативные реакции, совпавшие с дефинициями. Перед участниками Э2 задача дать определение не ставилась. По этой причине нельзя с абсолютной уверенностью утверждать, что ии. приводили ассоциации, опираясь на ситуацию, или давали дефиницию. Дополнительным доказательством того, что при распознавании значения стимула индивид опирается на комплекс механизмов идентификации, служит частое нарушение участниками обоих экспериментов обоих полов инструкции записывать исключительно первое пришедшее в голову слово. Так, вместе упомянутыми выше ассоциациями мы получили свидетельствующие об опоре на ситуацию реакции: *судно парусное, корабль, палуба корабля, якорь, колокол, авралы, устроить аврал, (делать) аврал, завал, завал на работе, нехватка времени, цейтнот, спешка, суматоха, бухгалтерия в конце месяца, 4-я декада, работать сообщца, (сверхурочная, трудная) работа, сделать быстро*.

Таблица 1
 Table 1

Ассоциативные реакции на стимул «поавралить»
 Associations to the cue word поавралить

Э1			Э2		
реакция	количество ответов, %		реакция	количество ответов, %	
	женские	мужские		женские	мужские
развалить	1,9		работать сообща	1	
халтура	1,9		паниковать	1	
опустошить	1,9		овраг	1	
стройка в разгаре	1,9		раскопать	1	
наврать	1,9		навредить	1	
поле	1,9		завалить	1	
побухать		1,9	сделать что-то с ландшафтом	1	
отдых		1,9	поворчать	1	
сделать быстро		1,9	предупредить		1,7
лентяйничать		1,9	рукоблудие		1,7
палас		1,9	пропустить		3,5
риск		1,9	заключить в недоступное пространство		1,7
ров		1,9	суматоха, спешка	1	1,7
надраконить		1,9			
рот		1,9			
повар		1,9			
проверка, комиссия, шухер		1,9			
сообщить об опасности		1,9			
привести к кризису		1,9			
ложануться = фиаско		1,9			
нестандартная ситуация		1,9			
бухгалтерия в конце месяца, 4-ая декада		3,8			
колокол, корабль, судно парусное, палуба корабля, покрутить штурвал корабля, якорь		11,3	поработать на судне		1,7
поговорить, разговор	3,8		поговорить, сделать что-л.	2,1	1,7
беспорядок	1,9		устроить беспорядок, разруху, создать шум, беспорядок	2,1	3,5
(сверхурочная, трудная) работа		5,7	работать, поработать	3,1	1,7
кричать, поорать, поскандалить	3,8	3,8	покричать, орать, ругань	1	3,5
пошалить, проказничать, почудить, баловаться,	3,8	3,8	пошалить		5,2
побеситься, побуянить					
(делать) аврал, завал на работе, нехватка времени,	7,6	3,8	поработать во время аврала, авралы, устроить аврал, завал, цейтнот	8,8	6,9
отказ от реакции	67,9	39,6		71,1	64,9



При этом следует отметить, что реакции, связанные со стимулом по происхождению, т.е. с морской тематикой, были даны только ии. мужского пола в обоих экспериментах. Об ошибочном понимании и/или распознавании или о нераспознавании стимула «поавралить» вообще свидетельствуют реакции *завалить, развалить, пошалить, почудить, побеситься, побуянить, проказничать, баловаться*, т.к. они демонстрируют сходство только словообразовательной модели. Но они же, вероятнее всего, стимулируют дальнейший процесс включения слова во внутренний и внешний контексты, в результате чего «поавралить» ассоциируется у ии. со словами и выражениями: *создать шум, беспорядок, устроить беспорядок, разруху*. Неправильно идентифицировали значение неологизма ии., отреагировавшие на слово-стимул «поавралить» словами: *поорать, орать, кричать, покричать, поскандалить, ругань*. В данном случае катализатором ассоциативных рядов у участников исследования стал звуко-буквенный комплекс (ЗБК), графически и фонетически напомнивший им слово «поорать», который, в свою очередь, мотивировал возникновение синонимичных и ситуативных ассоциаций: *рот, разговор, поговорить, поворчать, предупредить, сообщить об опасности, паниковать*. Опора на ЗБК, но уже без опоры на ситуацию прослеживается и в реакциях: *повар, ров, овраг, наврать*. Одной из наиболее распространенных стратегий идентификации является прагматическое осмысление слова-стимула в силу того, что включение неологизма во внутренний контекст индивидуального сознания всегда происходит на основе прагматической компетенции. Каждый раз, когда перед носителем языка встает задача интегрировать в свою картину мира новое слово, он применяет эту стратегию. Говорить об опоре только на нее исследователь может лишь в случаях исключительности, неординарности полученной от ии. реакции, когда даже построение предполагаемой цепочки логических рассуждений или ассоциативных связей затруднительно или невозможно для интерпретатора. Примерами, демонстрирующими ход процесса идентификации на основе прагматического осмысления, служат ассоциации: *халтура, опустошить, стройка в разгаре, поле, побухать, отдых, надраконить, привести к кризису, ложануться=фиаско, сделать что-то с ландшафтом, раскопать, рукоблудие* и т.п.

Все вышеупомянутые стратегии идентификации значения нового слова являются частотными и используются участниками обоих экспериментов при распознавании всех слов-стимулов. Соответственно, преимущественно на них опирались ии, давая ассоциации со словом-стимулом «подверстываться». Как видно из табл. 2 – Ассоциативные реакции на стимул «подверстываться», реакции: *верста, верстка, верстать, верстак* и т.п. возникли в результате опознания мотивирующей основы; *газета, типография, дорога, расстояние*, и т.п. опираются на ситуацию; *подравниваться, подпоясываться, попадаться* и т.п. имеют общую со стимулом словообразовательную модель; *подвергаться, подвернуться, вертеться* напомнили ии. ЗБК и словообразовательную модель стимула. Глагол «подверстываться» мотивировал большое количество примеров прагматического осмысления, в подавляющем большинстве случаев не очевидного для интерпретатора. Так, наряду с реакцией «собираться», явившейся, вероятнее всего, конечным звеном ассоциативной цепочки «верста» – «дорога» – «собираться» (в дорогу), участники Э1 привели ассоциации *тряпка, бумага, циркуль, есть снег, хвастаться*, интерпретация которых без контекста практически невозможна. Ии., принявшие участие в Э2, так же отреагировали как словами, механизмы порождения которых трудно проследить: *излишки, урезать, проровнять* и др., так и ассоциациями, процесс происхождения которых можно угадать: *спотыкаться* (вероятно, от «подворачиваться»/ «подвернуться», возникшей на основе ЗБК и опоры на словообразовательную модель) или *добавляться* (синонима, имеющего целью разъяснить процесс подверстывания – добавления страниц в уже сверстанную книгу). Последний, наряду с реакциями *не пройти одну версту, (немного) догонять*, является примером применения стратегии идентификации значения нового слова, которая предполагает его объяснение, толкование, – модели конкретизации через синоним/симиляр. Среди реакций на стимул «подверстываться» есть примеры применения стратегии приведения координированного члена категории – ассоциации стимула со словами одного понятийного с ним ряда: *километр*,

расстояние (общий понятийный ряд со словом «верста»), *станок* (общий понятийный ряд со словом «верстак»). Но самой интересной, с точки зрения исследователя, отличительной особенностью ассоциативных цепочек, вызванных словом «подверстываться», является довольно большое количество реакций типа *подлиза(-ываться)*, *подмазываться*, *подхалим(ничать)*, *подхалимство*, *льстить*, мотивированность которых, на первый взгляд, настолько глубока, что не поддается интерпретации. Однако, частота приведения этих ассоциаций участниками обоих экспериментов, навела нас на мысль о том, что процесс идентификации значения мог пойти путем от *подверстываться* через *присоединяться – пристраиваться* или через не менее распространенную реакцию *подъезжать – подбираться к подмазываться – подмазываться* и т.д.

Таблица 2
Table 2

Ассоциативные реакции на стимул «подверстываться»
 Associations to the cue word *подверстываться*

Э1			Э2		
реакция	количество ответов, %		реакция	количество ответов, %	
	женские	мужские		женские	мужские
тряпка, бумага	1,9		проровнять	1	
ошибаться	1,9		излишки	1	
циркуль	1,9		попадаться	1	
собираться	5,7		измерение	1	
бегун		1,9	подверка	1	
пристраиваться		1,9	спотыкаться	1	
подниматься наверх		1,9	подравняться	1	
есть снег		1,9	подпоясываться	1	
попасться под руку		1,9	подвергаться	1	
подделывать		1,9	вертеться	1	
хвастаться		1,9	перестраховываться	1	
догоняться		1,9	урезать	1	
верстак, станок		3,8	встречаться, сталкиваться	2,1	
(немного) догонять	1,9	1,9	подаваться	3,1	
			укладываться	3,1	
			подвороты	3,1	
			добавляться	3,1	
			приравнять(-ся)	1	1,7
			подстраиваться (под кого-то)	2,1	1,7
подвернуться	1,9		подвернуться, подвернулся, подворачиваться	4,1	3,5
подъезжать, подтягиваться к месту назначения, подбираться, подход(-ить), приходиться, приближаться, возвращение	1,9	15,1	подходить	1	
(компьютерная) верстка, делать верстку, газета, типография,	3,8	13,2	верстать	2,1	
подмазываться, подлиза (-ываться), подхалим (ничать)	7,6	7,6	льстить, подмазываться, подлизываться, подхалимство	3,1	
дорога, верста, километр, расстояние, не пройти одну версту	7,6	11,3	верста, верст	2,1	
отказ от реакции	64,2	32,1		55,7	75,4



В заключении анализа ассоциативных реакций на стимул «подверстываться» следует отметить, что реакции на него оказались более вариативными в Э2, чем в Э1. При этом количество нулевых реакций, в целом, велико – от 55 до 75 % в более позднем исследовании и от 32 до 64 % в первом. И, как и в случаях с другими стимулами, участники Э2 мужского пола реагировали отказом значительно чаще, чем ии.-мужчины, участвовавшие в Э1.

Обработывая экспериментальные данные, приведенные в таб. 3 – Ассоциативные реакции на стимул «притужный», мы получили результаты, сходные с описанными выше: ассоциации, полученные от участников Э1, вариативнее; ии. обоих полов в ходе Э2 предпочитали нулевую реакцию другим моделям идентификации значения слова-стимула – от 75 до 86 %, причем ии.-мужчины отказывались давать ассоциацию чаще участниц женского пола, что, как и в случаях с другими стимулами, противоречит результатам Э1, в ходе которого к нулевой реакции чаще – в 64 % случаев – прибегали ии.-женщины, тогда как всего 40 % участников мужского пола отказались выполнить задание.

Таблица 3
 Table 3

Ассоциативные реакции на стимул «притужный»
 Associations to the cue word притужный

Э1			Э2		
реакция	количество ответов, %		реакция	количество ответов, %	
	женские	мужские		женские	мужские
1	2	3	4	5	6
уныние, из последних сил	1,9		о чем-то волнуется	1	
фабрика	1,9		придавленный	1	
утянувшийся человек	1,9		тупой	1	
что-либо для стягивания	1,9		приутюжить	1	
поступок	1,9		очень, с натяжкой	1	
узкий	1,9		очень сложный	1	
умориться, тяжба		1,9	рас(с)троенный	1	
взгляд		1,9	дурак, глупый человек	2,1	
ужовый		1,9	натянуть	2,1	
надоедливый		1,9	тяжелый, неприятный	3,1	
неудобный		1,9	туго затянутый		1,7
натянутая пружина		1,9	тяга		1,7
роды		1,9	напряженный, напряжение		3,5
сдавленный		1,9	слишком уплотненный		1,7
вкрученный болт		1,9	тужиться	4,1	1,7
усилие, работа		3,8			
корсет, костюм, приталенный		5,7			
веревка, хомут, лошадь,	1,9	1,9			
человек, характер	1,9	1,9			
тяжкий, тяжесть	1,9	3,8			
стужа, холод, замерзший	1,9	3,8			
притягивать силой, притянутый (чем-либо, за уши), присоединенный,	3,8	5,7			
затянутый ремнем, ремень, пояс	3,8	3,8			

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6
очень тужит		1,9	тужить		1,7
сортир, большой запором		3,8	туалет		1,7
трудный	1,9		трудный	2,1	
туго, тугой, натуга, натужный	7,6	7,6	(очень) тугой	2,1	
отказ от реакции	64,2	39,6		74,7	86

Как видно из таб. 3, ассоциации с прилагательным «притужный» мотивированы прагматическим осмыслением ситуации (*лошадь, поступок, роды, фабрика, туалет, о чем-то волнуется*), ЗБК (*приутюжить, стужа, ужовый, тяжелый, тяжкий, тяжба, с натяжкой, напряженный*), словообразовательной моделью (*притянутый, придавленный*), основой (*тужить, тужиться, тугой*), значением слова (модели приведения прямой дефиниции (*туго затянутый, очень тугой, узкий, приталенный, присоединенный, трудный*), синонима/ симиляра (*затянутый ремнем, утянувшийся человек, притянутый (чем-либо, за уши), что-либо для стягивания, неудобный, слишком уплотненный, очень сложный, очень тужит, надоедливый*), и координированного члена категории (*тупой, дурак, глупый человек, расстроенный*)), а также ситуацией (*натянутая пружина, натянуть, усилие, работа, вкрученный болт*).

Помимо указанных, участники Э1 использовали модель отнесения стимула к денотату – приписывания потенциальному носителю или исполнителю признака или действия, выраженного или подразумеваемого под стимулом, например: *характер, человек, ремень, пояс, хомут, веревка, корсет, костюм, взгляд*. По данным исследователей, проводивших аналогичные эксперименты с этими же стимулами ранее, этот механизм часто задействуется в процессе идентификации значений прилагательных, несколько реже – глаголов. Однако, следует отметить, что участниками Э2 не было приведено ни одного примера, который можно было бы охарактеризовать как отнесение к денотату.

Помимо упомянутых и описанных выше стратегий идентификации, в более ранних, чем Э1, аналогичных экспериментах было выделено еще несколько моделей, которые не использовались участниками наших экспериментов при распознавании значений слов «повралить», «подверстываться», «притужный». По нашему мнению, примерами: «*Дама с собачкой*», *Сикстинская Мадонна, образ Моны Лизы, извиняющаяся Мадонна*, приведенными ии. мужского пола, участвовавшими в Э1, на существительное «мадонность» может быть представлена модель актуализации учебного материала. Это предположение основано на том факте, что среди ассоциативных реакций, полученных от участников Э2, нет ни подобных выражений, ни вообще каких бы то ни было отсылок к художественной культуре, несмотря на то, что реакции «икона», «возвышенность» и «святая» свидетельствуют об осознании участниками Э2 религиозного компонента концепта «Мадонна». Ассоциации ии. со стимулом «мадонность» приведены в таблице 4 – Ассоциативные реакции на стимул «мадонность».

По сравнению с неологизмами, о которых велась речь выше, это новое слово вызвало большее количество ассоциаций у ии. обоих полов, участвовавших как в Э1, так и в Э2. Вероятнее всего, это обусловлено большей «прозрачностью» значения мотивирующей основы стимула и ее связанностью с мировой массовой культурой. Интересно, что количество нулевых реакций на задание привести ассоциацию со словом «мадонность» у участников Э1 – 22% - 24% – в несколько раз меньше, чем у участников Э2 – 55% - 77%. Учитывая тот факт, что самые частотные (после отказов) реакции были связаны с всемирно известной американской певицей Мадонной, очень популярной в России в 1990-е – 2000-е годы, и приводились ии. в ходе Э1 в два раза чаще, чем участниками Э2, такая разница в количестве нулевых реакций может считаться обоснованной.

Таблица 4
 Table 4

Ассоциативные реакции на стимул «мадонность»
 Associations to the cue word мадонность

Э1			Э2		
реакция	количество ответов, %		реакция	количество ответов, %	
	женские	мужские		женские	мужские
1	2	3	4	5	6
классика	1,9		важность	1	
образ Моны Лизы	1,9		девушка, у которой в приоритете мода	1	
«круто»	1,9		помощь другим людям, отзывчивость	1	
воображать	1,9		напыщенность, пафос	1	
первенство	1,9		подражание напыщенности	1	
важность, значимость	3,8		женственность	2,1	
новое, обновленное		1,9	икона	2,1	
пухлый		1,9	элегантность	2,1	
Дева Мария		1,9	известный человек, знаменитость	2,1	
извиняющаяся Мадонна		1,9	Дефка		1,7
выбросила		1,9	признание		1,7
безупречность, идеальность,	1,9	1,9	благородность		1,7
картина с изображением женщины, «Дама с собачкой», Сикстинская Мадонна	1,9	5,7	привлекательность	2,1	1,7
великолепие, величие	5,7	1,9	модельные данные, модель, модельность	2,1	1,7
дама, (красивая) девушка, девица, женщина-вамп, скромная, симпатичная женщина	7,6	7,6	мода, модно, модная, модница, связано с модой	5,2	6,9
возвышение	1,9		возвышенность	1	
кокетство		1,9	кокетство	1	
экстравагантность, изысканность	1,9	1,9	изыск	1	
сходство, похожесть на Мадонну		3,8	быть подобной Мадонне		1,7
святость	3,8		святая	2,1	
превосходство, высокомерие, заносчивость, гордость, гонорная дама, манерность, надменная красotka	15,1	7,6	превосходство, величие, возвышающая себя	2,1	

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6
Красота	7,6	13,2	определение красоты, воплощение красоты в женщине	11,3	1,7
Мадонна, певица, стиль Мадонны, привычки Мадонны, фанат Мадонны, культ личности копирование, подражание Мадонне, мода, попса,	17	20,8	Мадонна, певица, подражание Мадонне, подражательница Мадонны, что-то из музыки, песня	5,2	6,9
отказ от реакции	22,6	24,5		55,67	77,2

Таб. 4 демонстрирует, что, пытаясь интегрировать существительное «мадонность» во внутренний контекст, участники обоих экспериментов неосознанно прибегали к опоре на модели прагматического осмысления (*Дефка, «круто», признание, классика, новое, обновленное, пухлый*), распознавания мотивирующей основы (*Мадонна, святая, певица*), реагирования координированным членом категории (*величие, превосходство, изысканность, экстравагантность, кокетство*), определения словообразовательной модели (*модельность, экстравагантность, изысканность, привлекательность, напыщенность*), конкретизации через синоним/симиляр (*подражание Мадонне, быть подобной Мадонне, копирование, помощь другим людям, отзывчивость, связано с модой*), опоры на ЗБК (*модельность, мода*), приведения прямой дефиниции (*святость, определение красоты, красота, воплощение красоты в женщине*), отнесения к ситуации (*что-то из музыки, песня*), отнесения к денотату (*Дева Мария, дама, (красивая) девушка, девица, скромная, симпатичная женщина*). Интересный случай процесса идентификации представляет слово «женщина-вамп». Концепт «Мадонна» включает среди прочих два компонента – Мадонна – звезда поп-музыки и Мадонна – Богородица в католическом вероисповедании – которые могут характеризоваться различными противоположными, исключающими друг друга качествами. По причине отсутствия субъективных дефиниций и микроконтекстов употребления слова-стимула достоверная интерпретация ассоциативной реакции «женщина-вамп» затруднена: сложно сказать, ассоциируется ли она у испытуемого с певицей или со святой и в связи с этим определить, какая модель идентификации – отнесения к денотату или противопоставления – была применена в процессе распознавания значения неологизма.

Стратегия идентификации с опорой на модель противопоставления не относится к числу частотных. Так же редко встречаются случаи применения модели реагирования языковым штампом. Такие лексические единицы возникли у участников наших исследований как ассоциативные реакции на глагол «хмелить». Так, в ходе Э1 была получена широко известная цитата из музыкального произведения, звучавшего в кинофильме «Жестокий романс» «пушистый шмель на душистый хмель», а в ходе Э2 – фраза из распространенной ранее телевизионной рекламы хмелесодержащих напитков «хмель плюс солод». В целом, на основании данных анализа ассоциаций со словом «хмелить», приведенных в таблице 5 – Ассоциативные реакции на стимул «хмелить», можно охарактеризовать этот глагол как понятный и знакомый ии. обоих исследований. По критерию вариативности ассоциативные ряды участников Э1 и Э2 примерно одинаковы. Применявшиеся модели идентификации значений неологизмов включают: распознавание мотивирующей основы (*хмель, растение*), приведение прямой дефиниции (*одурманить, дурманить, горячить*), отнесение к ситуации (*спиртные напитки, хмельные напитки, алкоголь, бокал, отдыхать*), конкретизацию через синоним/симиляр (*толочь хмель*), реагирование координированным членом категории (*бродить*), отнесение к денотату (*товарища, квас, пиво, эль*), прагматическое осмысление (*болеть, яйцо, язвить, вводить в заблуждение, путать, говорить «что зря», обманывать*).

Таблица 5
 Table 5

Ассоциативные реакции на стимул «хмелить»
 Associations to the cue word хмелить

Э1			Э2		
реакция	количество ответов, %		реакция	количество ответов, %	
	женские	мужские		женские	мужские
1	2	3	4	5	6
говорить «что зря»	1,9		квас	1	
отдыхать	1,9		трезветь	1	
бродить	1,9		праздновать	1	
товарища	1,9		болеть	1	
пировать	1,9		объяснять	1	
наливать		1,9	брожение		1,7
прятать		1,9	язвить		1,7
яйцо		1,9	толочь хмель		1,7
освежать		1,9	нести бред		2,21
вводить в заблуждение, путать, одурачивать, говорить неправду, обманывать	5,7	3,8			
«пушистый шмель на душистый хмель»		1,9	головокружение, закружить голову	1	1,7
одурманить, дурман	5,7		дурманить, горячить		1,7
растение, хмель	9,4	1,9	хмель (+ солод)	5,2	6,9
похмелье, захмелеть, опьянеть, пьянеть, быть пьяным, пьянствовать, пьяницы, пьянка, «накурка», спиртные напитки, алкоголь, водка, (варить) пиво, пить (спиртные напитки), выпивать, бокал, напоить (слегка, не в меру), спойть, употреблять повышать градусы,	47,2	69,8	делать пьяным, опьянять, (о)пьянить, охмелеть, хмелеть, пить, (о)пьянеть, делаться пьяным, пьянство пьянеть, получить алкогольное опьянение, быть в опьяненном состоянии, выпивать (хмельной напиток), варить пиво, готовить пиво, пьяный, спаивать,	50,5	43,1
добавлять алкоголь, делать крепким, гнать самогон, слабоалкогольные напитки			спойть, выпивать алкоголь, употреблять алкоголь (спиртное), пьяный человек, делать хмельные напитки, варить (обрабатывать) хмелем, хмелить пиво, делать опьяняющим, напоить (спиртным), алкоголь, пиво, эль, пивас, выпить пиво вечером в кабаке		
отказ от реакции	22,6	15,1		33	38,6

Наиболее продуктивным в отношении стимула «хмелить» у участников обоих экспериментов оказался комплекс моделей определения словообразовательной модели, приведения прямой дефиниции и/ или синонима/ симиляра: *(о)пьянеть, делать пьяным, опьянять, (о)пьянить, делаться пьяным, (о)хмелеть, выпивать, употреблять алкоголь, пить, делать крепким, обрабатывать хмелем, хмелить пиво*, и т.п. При этом высокая степень «прозрачности» смысла глагола «хмелить» обусловила отсутствие примеров опоры на ЗБК. Этой же причиной обусловлен и низкий, по сравнению с предыдущими описанными стимулами, процент нулевых реакций. Тем не менее, он, как и в предыдущих случаях, выше у участников Э2, чем у участников Э1, отказавшихся давать ассоциацию в 15–22 % случаях, и составляет от 33 до 38 %.

Минимальное количество нулевых реакций было выявлено при обработке ответов, данных на глагол «обкультурировать»: 25–36 % ии., принявших участие в Э2, и 9–11 % участников Э1 отказались привести ассоциацию на указанный стимул. Этому способствовали понятность мотивирующей основы и словообразовательной модели слова, вызвавшие ассоциации: *облагородить, обучить*. Реакции, приведенные в таблице 6 – Ассоциативные реакции на стимул «обкультурировать», были также обусловлены опорой на модели конкретизации через синоним/симиляр и/ или приведения прямой дефиниции, разграничить которые в данном случае едва ли возможно (*привить культуру, приобщить к культуре, дать знания о культуре, просветить, подвергнуть культурному воздействию, сделать(ся) культурным, внедрять культуру, заинтересовать культурой, обратиться в свои традиции и менталитет, ввести в культуру, воспитывать, развить, повысить культурный уровень, пояснить, наговорить грубостей, унижить человека, обозвать, обработать землю* и мн. др.), отнесения к ситуации (*театр, пойти в театр, читать книги, сходить в галерею, культура, министерство культуры, сходить в филармонию, (Малый) театр, мероприятия, развлечение, общественный транспорт, мат, ругаться*), реагирования координированным членом категории (*окультурировать*), прагматического осмысления (*гонимик, молодежь, спорт, грамотность, Горбачев, купить*), отнесения к денотату (*здание, колхоз, парня, дерево, клумба, статуя, уютная комната, забор, мусорный контейнер*), противопоставления (*лишить культуры*), реагирования языковым штампом (*обогащать духовный мир, вешать лапшу*), актуализации учебного материала (*поле (с пшеницей)*).

Единственной моделью, не примененной в процессе идентификации неологизма «обкультурировать», по нашему мнению, является опора на ЗБК. Учитывая тот факт, что участники наших экспериментальных исследований опирались на этот механизм в процессе распознавания стимулов «поавралить», «подверстываться», «притужный» и «мадонность», которые можно отнести к малознакомым и малопонятным нашим ии. словам, если судить по количеству данных на них нулевых реакций, логично предположить, что ЗБК стимула запускает процесс построения ассоциативной цепочки в случаях затрудненной идентификации значения нового слова. Кроме того, следует отметить большую вариативность ассоциаций со словом «обкультурировать», приведенных участниками более позднего эксперимента.

Заключение

Таким образом, проанализировав и сравнив результаты двух экспериментальных исследований процесса идентификации значений новых слов, мы выявили несколько тенденций как к сходству, так и к различию. К первым следует отнести тот факт, что полученные нами ассоциативные реакции свидетельствуют о том, что участники обоих проведенных экспериментальных исследований применяют одни и те же модели идентификации значения нового слова. Кроме того, в ходе обоих исследований подтверждений того, что гендерный фактор оказывает влияние на подсознательный выбор стратегии или модели распознавания слова-стимула, обнаружено не было.



Таблица 6
 Table 6

Ассоциативные реакции на стимул «обкультировать»
 Associations to the cue word обкультировать

Э1			Э2		
реакция	количество ответов, %		реакция	количество ответов, %	
	женские	мужские		женские	мужские
1	2	3	4	5	6
молодеть	1,9		просвещение	1	
спорт	1,9		извлечь не культуру	1	
благородство	1,9		грамотность	1	
ввести что-то в данную культуру	1,9		плохо влиять	1	
прочитать мораль	1,9		без культуры	1	
цивилизация, поп-музыка	1,9		обкультироваться на новом месте	1	
благоразумие		1,9	обогащать духовный мир	1	
Горбачев, повысить культурное положение		1,9	заняться культурой	2,1	
вешать лапшу		1,9	культурный (человек)	2,1	
купить		1,9	самообразование	2,1	
книга, ученый, учитель, читать лекции		7, 6	духовность	2,1	
поле (с пшеницей)	1,9	1,9	обработать землю	2,1	
принуждение, навязать что-либо, советские времена, негатив, борьба, насилие, ввести свое,	3,8	1,9	повысить уровень развития, развивать	2,1	
			книга		1,7
			парк		1,7
			вдохновить культурой		1,7
			привести в культурном значении		1,7
			унизить культурно		1,7
			что-то с культурой		1,7
			обратить в свои традиции и менталитет		1,7
			сделать что-то культурным		1,7
			гопник		1,7
			показать смысл культуры		1,7
			лишить культуры		3,5
			обкультировать	1	1,7
			обучить, научить, дать знания, привлечь к знаниям, знание, сделать человека образованнее	5,2	3,5

Окончание табл. 6

1	2	3	4	5	6
наговорить грубостей, обматерить, мат, послать на 3 буквы, ругаться, обозвать, общественный транспорт, необразованный хам, превосходитель	1,9	9,4	обозвать, унижить человека		1,7
здание, колхоз, парня, дерево, забор, клумба, статуя, неуютная комната, мусорный контейнер	3,8	11,3	ландшафт, статуи	2,1	
украсить, приукрасить, улучшить, приспособить, привести в нормальное состояние, переделать, обновить, придать опрятный вид, облагороженный	3,8	13,2	преобразовать, облагородить, улучшить, украсить	4,1	5,2
культура, сходить в филармонию, (Малый) театр, мероприятия, развлечение, министерство культуры, обучать культуре, привить культуру, окультурить культурно просвещать, искусство, внести культуру в жизнь кого-либо, изменить, приобщить, «серость», просвещение, культурная революция, получить культурное образование	34	30,2	культура, сделать(ся) культурным, подвергнуть культурному воздействию, внедрение человеком в какую-либо культуру, приобщить к культуре, привить культуру, внедрять культуру, ввести в культуру, заинтересовать культурой, просветить (о культуре), дать знания о культуре, получить знания в сфере культуры, искусство, приучить к искусству, познавать культурные ценности, познания в чем-либо культурном, быть культурно развитым, приучить, окультурить, театр, пойти в театр, читать книги, сходить в галерею, показать культуру, сделать ее частью, узнавать культуру, придать культуре, провести культурное мероприятие для кого-то	44,3	24,1
повысить культурный уровень, делать (кого-то) культурным(-ее), научить(ся), научить правилам этикета, воспитывать, набраться знаний, вежливость, пояснить, развить,	28,3	7,6	повышать культуру, увеличить степень культурности		3,5
отказ от реакции	11,3	9,4		24,7	36,2

Случаи, когда ии.-мужчины привели ассоциацию, не встретившуюся у ии.-женщин, в обоих исследованиях, или, наоборот, участницы обоих экспериментов отреагировали словом, не встретившимся среди реакций, полученных от ии. противоположного пола, единичны и основываются на одних и тех же – наиболее распространенных – моделях идентификации значения стимула. К различиям, во-первых, следует отнести тот факт, что молодые люди, студенты и студентки, в возрасте от 17 до 22 лет, участвовавшие в более позднем эксперименте, склонны гораздо чаще отказываться от приведения ассоциативных реакций, чем это делали их сверстники 16 годами ранее. Но поскольку это не противоречит нашим выводам о схожести протекания механизмов распознавания нового слова, объяснение данной тенденции, на наш взгляд, следует искать за пределами сферы психолингвистики. Второй обнаруженной нами отличительной особенностью, являющейся важным показателем протекания речемыслительных процессов, стала большая склонность современных студентов мужского пола к приведению нулевой реакции на слово-стимул по сравнению с их сверстницами [Сдобнова, 2015, с. 22]. Исследование 2003 года выявило обратную тенденцию – ии.-мужчины реже отказывались от выполнения задания, чем ии.-женщины. Тогда мы объяснили ее стремлением участников мужского пола соответствовать принятым в обществе представлениям о мужской идентичности, стереотипам мужского поведения, а именно: вести себя как умная, образованная и интеллектуальная личность, обладающая познаниями в широком спектре сфер жизнедеятельности [Малкина-Пых, 2006; Виноградова, 2009]. На наш взгляд, причины выявленного нами различия в когнитивном поведении представителей мужского пола могут крыться в произошедших с момента проведения первого исследования изменениях в социальных установках и стереотипах [Агафонова, 2019].

Интересен также тот факт, что даже правильное распознавание испытуемыми мотивирующей основы и словообразовательной модели приводит к ошибочному пониманию значения стимула.

Следует отдельно заметить, что мы не сопоставляли модели идентификации значения новых слов, применявшихся участниками двух экспериментальных исследований, по критерию частотности и не сравнивали вариативность мужских и женских ассоциаций, собранных в ходе второго исследования, поскольку невозможно объективно оценить данные, полученные по столь различающимся по количеству стимулов экспериментальным спискам. Однако, в процессе обработки анкет испытуемых второго эксперимента мы, как и в ходе анализа данных первого исследования, отметили тенденции к предпочтению отказа от реакции и к единичным обращениям к механизмам идентификации звуко-буквенного комплекса, подбора языковых штампов, приведения противопоставления и опоры на учебный материал по сравнению с другими моделями идентификации значений новых слов.

Список литературы

- Агафонова Т.Е. 2019. Представления старшеклассников о поле и гендере: к вопросу о необходимости формирования гендерной культуры в эпоху перемен. *Педагогический имидж*, 4(45): 566–575. DOI: [10.32343/2409-5052-2019-13-4-566-575](https://doi.org/10.32343/2409-5052-2019-13-4-566-575)
- Залевская А.А. 2011. Значение слова через призму эксперимента. Тверь, Твер. гос. ун-т, 240 с.
- Залевская А.А. 2015. Что мы исследуем в ходе ассоциативного эксперимента? В кн.: *Язык в пространстве речевых культур: к 80-летию В.Е. Гольдина*. Под ред. О.Ю. Крючковой, Л.П. Крысина. Москва – Саратов, ИД Наука образования: 211–216.
- Виноградова М.В. 2009. Гендерный аспект процесса идентификации значения нового слова носителями языка. Дис. ... канд. филол. наук. Курск, 196 с.
- Виноградова М.В. 2022а. Исследование изменения психолингвистического значения слова на примере слова «борщеед». В кн.: *Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований*. Сборник IV Международной научной конференции, Курск,

- 08–09 апреля 2022 г. Под ред. Н.И. Степыкина. Курск, Издательство Юго-Западного государственного университета: 49–55.
- Виноградова М.В. 2022б. Модели идентификации значений новых слов носителями языка (на материале психолингвистического экспериментального исследования). *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*, 7: 141–144. DOI: [10.37882/2223-2982.2022.07.09](https://doi.org/10.37882/2223-2982.2022.07.09)
- Виноградова М.В. 2022в. Нулевая реакция как критерий анализа результатов психолингвистического экспериментального исследования значения слова. *Научный альманах*, 6-2(92): 124–127.
- Виноградова М.В., Эркенова Д.И. 2022. Ассоциативный эксперимент как метод исследования изменений гендерной специфики восприятия новых слов носителями языка. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*, 12(2): 63–73.
- Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. 2012. К проблеме коммуникативного анализа ассоциативных данных. *Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика*, 12(3): 3–7.
- Малкина-Пых И.Г. 2006. Гендерная терапия. М., Эксмо, 928 с.
- Медведева А. А., Виноградова М. В. 2020. Гендерные особенности процесса восприятия феминитивов. В кн.: *Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований. Сборник II Международной научной конференции (Курск, 28–29 апреля 2020 г.)*. Под ред. Н.И. Степыкина. Курск, Издательство Юго-Западного государственного университета: 238–247.
- Морель Морель Д.А. 2014. Сопоставительный анализ ассоциативных полей, отличающихся по времени фиксации, как средство выявления динамики концепта. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 12-2(42): 115–119.
- Пищальникова В.А. 2019. Эксперимент как составная часть методологии сопоставительных исследований. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 18(3): 52–63. DOI: [10.15688/jvolsu2.2019.3.4](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.4)
- Пищальникова В.А. 2020. Экспериментальное психолингвистическое исследование значения слова: нерешенные проблемы. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*, 10(1): 17–29.
- Пищальникова В.А. 2021. Ассоциативный эксперимент и психолингвистическое исследование личностной идентичности. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 2(844): 105–117. DOI: [10.52070/2542-2197_2021_2_844_105](https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_2_844_105)
- Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. 2005. Неология и неография современного русского языка. М., Флинта, Наука, 168 с.
- Сдобнова А.П. 2015. Нулевые ассоциативные реакции как показатель степени освоенности слова. *Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика*, 15(3): 17–23. DOI: [10.18500/1817-7115-2015-15-3-17-23](https://doi.org/10.18500/1817-7115-2015-15-3-17-23)
- Стернин И.А. 2020. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов. *Вопросы психолингвистики*, 3(45): 110–125. DOI: [10.30982/2077-5911-2020-45-3-110-125](https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-45-3-110-125)
- Стернин И.А., Рудакова А.В. 2011. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing, Saarbrücken, 192 с.
- Хлопова А.И. 2019. Ассоциативный эксперимент как метод установления изменения коннотации базовой ценности. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*, 9-1(30): 80–85.

References

- Agafonova T.E. 2019. Views of High School Students on Sex and Gender: on the Need to Shape a Gender Culture during a Time of Change. *Pedagogical Image*, 4(45): 566–575 (in Russian). DOI: [10.32343/2409-5052-2019-13-4-566-575](https://doi.org/10.32343/2409-5052-2019-13-4-566-575).
- Zalevskaya A.A. 2011. Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta [The meaning of the word through the prism of the experiment]. Tver', Publ. Tver. gos. un-t, 240 p.



- Zalevskaya A.A. 2015. Chto my issleduem v khode assotsiativnogo eksperimenta [What do we study during the associative experiment]? In: *Yazyk v prostranstve rechevykh kul'tur: k 80-letiyu V.E. Gol'dina* [Language in the space of speech cultures: to the 80th anniversary of V.E. Goldin]. Eds. O.Yu. Kryuchkova, L.P. Krysin. M.–Saratov, Publ. ID Nauka obrazovaniya: 211–216.
- Vinogradova M.V. 2009. Gendernyy aspekt protsessa identifikatsii znacheniya novogo slova nositelyami yazyka [Gender aspect of the process of identifying the meaning of a new word by native speakers]. Dis. ... cand. philol. Sciences. Kursk, 196 p.
- Vinogradova M.V. 2022a. Issledovanie izmeneniya psikholingvisticheskogo znacheniya slova na primere slova «borshcheed» [The study of the change in the psycholinguistic meaning of the word on the example of the word "borsche-eater"]. In: *Yazyk, kul'tura, mental'nost': problemy i perspektivy filologicheskikh issledovaniy* [Language, culture, mentality: problems and prospects of philological research]. Collection of the IV International Scientific Conference, Kursk, April 08-09, 2022. Ed. N.I. Stepykin. Kursk, Publ. Izdatel'stvo Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta: 49–55.
- Vinogradova M.V. 2022b. Patterns of new words meanings identification used by native speakers (based on psycholinguistic experimental research). *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 7: 141–144. DOI [10.37882/2223-2982.2022.07.09](https://doi.org/10.37882/2223-2982.2022.07.09)
- Vinogradova M.V. 2022c. “No reaction” as a criterion of the analysis of the results of a word-meaning psycholinguistic experimental research. *Science Almanac*, 6-2(92): 124–127 (in Russian).
- Vinogradova M.V., Erkenova D.I. 2022. Association experiment as a method of gender specific changes study of new words perception by native speakers. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 12(2): 63–73 (in Russian).
- Gol'din V.E., Sdobnova A.P. 2012. To the Problem of the Communicative Analysis of Associative Data. *Proceedings of Saratov University. Ser. Philology. Journalism*, 12(3): 3–7 (in Russian).
- Malkina-Pykh I.G. 2006. Gendernaya terapiya [Gender Therapy]. M., Publ. Eksmo, 928 p.
- Medvedeva A.A., Vinogradova M.V. 2020. Gendernye osobennosti protsessa vospriyatiya feminitivov [Gender features of the process of perception of feminitives]. In: *Yazyk, kul'tura, mental'nost': problemy i perspektivy filologicheskikh issledovaniy* [Language, culture, mentality: problems and prospects of philological research]. Collection of the II International Scientific Conference, Kursk, April 28-29, 2020. Ed. N.I. Stepykin. Kursk, Publ. Izdatel'stvo Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta: 238–247.
- Morel' Morel' D.A. 2014. Comparative analysis of associative fields differing in fixation cycle as a means for identifying dynamics of a concept. *Philology. Theory & Practice*, 12-2(42): 115–119.
- Pishchal'nikova V.A. 2019. Experiment as an integral part of the methodology of comparative research. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 18(3): 52–63 (in Russian). DOI: [10.15688/jvolsu2.2019.3.4](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.4)
- Pishchal'nikova V.A. 2020. Experimental psycholinguistic research of word meaning: unresolved issues. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 10(1): 17–29 (in Russian).
- Pishchal'nikova V.A. 2021. Associative experiment and psycholinguistic research of individual identity. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences*, 2(844): 105–117 (in Russian). DOI: [10.52070/2542-2197_2021_2_844_105](https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_2_844_105).
- Popova T.V., Ratsiburskaya L.V., Gugunava D.V. 2005. Neologiya i neografiya sovremennogo russkogo yazyka [Neology and Neography of the Modern Russian Language]. M., Publ. Flinta, Nauka, 168 p.
- Sdobnova A.P. 2015. «No Answer» as an Indicator of the Word Acquisition Degree in Associative Fields. *Proceedings of Saratov University. Ser. Philology. Journalism*, 15(3): 17–23 (in Russian). DOI: [10.18500/1817-7115-2015-15-3-17-23](https://doi.org/10.18500/1817-7115-2015-15-3-17-23)
- Sternin I.A. 2020. Interpretation problems of associative experiments. *Journal of Psycholinguistics*, 3 (45): 110–125 (in Russian). DOI: [10.30982/2077-5911-2020-45-3-110-125](https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-45-3-110-125)
- Sternin I.A., Rudakova A.V. 2011. Psikholingvisticheskoe znachenie slova i ego opisanie. Teoreticheskie problemy [Psycholinguistic meaning of the word and its description. Theoretical problems]. LAP Lambert Academic Publishing, Saarbrücken, 192 p.



Khlopova A.I. 2019. Associative experiment as a method of establishing the changes in the connotation of the core value. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 9-1(30): 80–85 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 13.11.2022

Поступила после рецензирования 14.03.2023

Принята к публикации 10.06.2023

Received November 13, 2022

Revised March 14, 2023

Accepted June 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградова Маргарита Владимировна, доцент кафедры иностранных языков института радиоэлектроники и информатики, МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Margarita V. Vinogradova, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Institute of Radio Electronics and Informatics, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia



УДК 801

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-2-320-329

Грамматические средства выражения категории инакости в художественном тексте

¹ Кислякова Е.Ю., ² Маджаева С.И., ³ Вакорина И.В.

¹ Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Россия, 400005, Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27

² Астраханский государственный медицинский университет,
Россия, 414000, Астрахань, ул. Бакинская, 121

³ Смоленский государственный университет,
Россия, 214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

E-mail: kisjen@rambler.ru; sanya-madzhaeva@yandex.ru; mirnaja1@yandex.ru

Аннотация. Содержание категории инакости определяет характер коммуникативного взаимодействия между интерактантами, а также их коммуникативные роли, стратегии, тактики. Более полное раскрытие содержания категории инакости, репрезентируемого средствами того или иного языка, необходимо для развития когнитивной лингвистики и коммуникологии. Проблема экспликации категории инакости средствами грамматики является малоизученной и до настоящего времени не подвергалась системному лингвистическому описанию. Целью исследования является выявление англо- и русскоязычных грамматических средств, объективирующих категорию инакости в художественной коммуникации. Результаты показали, что в анализируемых художественных текстах индивидуально-авторские грамматические средства выражения категории инакости задают вектор интерпретации взаимоотношений между героями и их внутренним миром в рамках категориальных признаков данной категории. Было установлено, что употребление авторских синтаксических конструкций и измененных автором грамматических форм способствует более глубокому проникновению в содержание художественных произведений. Полученные результаты дополняют развитие языковой репрезентации коммуникативного сознания и представления о функциональных особенностях грамматических форм, эксплицирующих категорию коммуникации, в частности, категорию инакости.

Ключевые слова: коммуникативная категория, инакость, параметры инакости, синтаксис инакости, интерпретация текста

Для цитирования: Кислякова Е.Ю., Маджаева С.И., Вакорина И.В. 2023. Грамматические средства выражения категории инакости в художественном тексте. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(2): 320–329. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-320-329

Grammatical Means of the Category of Alterity in English Fiction

¹ Evgenia Y. Kislyakova, ² Sanya I. Madzhaeva, ³ Irina V. Vakorina

¹ Volgograd State Social Pedagogical University
27 Lenin Pr, Volgograd 400005, Russia,

² Astrakhan State Medical University
121 Bakinskaya St, Astrakhan 414000, Russia

³ Smolensk State University
4 Przhevalskogo St, Smolensk 214000, Russia,

E-mail: kisjen@rambler.ru; sanya-madzhaeva@yandex.ru; mirnaja1@yandex.ru

Abstract. The content of the category of otherness determines the nature of the communicative interaction between interactors, as well as their communicative roles, strategies, tactics. A more complete disclosure of the content of the category of otherness, represented by the means of a particular language, is necessary

for the development of cognitive linguistics and communicology. The problem of explication of the category of otherness by means of grammar is poorly studied and has not been subjected to a systematic linguistic description until now. The aim of the study is to identify English- and Russian-language grammatical means objectifying the category of otherness in artistic communication. In the course of the study, it was revealed that the actualization of subordinate categorical features: unity – multiplicity, identity – similarity, similarity – difference, property – alienness, normativity – non-normativity, certainty – uncertainty, reality – hypotheticism is carried out using various linguistic means, including grammatical ones. Thanks to the definition of the category of otherness, implicit meanings and latent signs of the characters' communicative behavior (verbal and nonverbal) are revealed in the literary text. The results showed that in the analyzed literary texts, the author's individual grammatical means of expressing the category of otherness set the vector of interpretation of the relationship between the characters and their inner world within the categorical features of this category. It was found that the use of the author's syntactic constructions and grammatical forms modified by the author contributes to a deeper penetration into the content of artistic works. The results obtained complement the development of the linguistic representation of communicative consciousness and the idea of the functional features of grammatical forms that explicate the categories of communication, in particular, the category of otherness.

Key words: the category of communication, alterity, alterity parameters, the syntax of alterity, interpretation of the text

For citation: Kislyakova E.Y., Madzhaeva S.I., Vakorina I.V. 2023. Grammatical Means of the Category of Alterity in English Fiction. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2): 320–329 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-320-329

Введение

В коммуникативном сознании носителей языка выделяются особые ментальные единицы – коммуникативные категории, разработкой содержательной стороны которых занимаются такие исследователи, как И.А. Стернин [Стернин, 2004], В.И. Шаховский [Шаховский, 2021], Т.В. Ларина [Ларина, 2009], Е.П. Захарова [Захарова, 1998], С.С. Тахтарова [Тахтарова, 2017] и др.

Ранее нами было установлено, что *инакость* как феномен объективной действительности является категорией [Кислякова, 2013], то есть базовой ментальной единицей, интегрирующей другие субординатные ментальные единицы; она выступает в качестве универсальной категории, характеризующей человеческое общество на каждом этапе его исторического развития, а также воплощает одну из острейших общечеловеческих проблем, имеющих специфические причины и формы своего существования [Kislyakova et al., 2023b].

Категория инакости является одной из наиболее интенсивно обсуждаемых проблем гуманитарного знания, поскольку она является основополагающей для процессов когниции и коммуникации. В гуманитарных науках *инакость* понимается как категория субъектно-субъектных и/или субъектно-объектных отношений в рамках оппозиции «Я – Другой», реализуемых на следующих уровнях:

- 1) отдельного индивида (проблема идентичности);
- 2) диалога Я и Ты (проблема взаимопонимания);
- 3) социума (проблема множественности и вариативности нормы);
- 4) взаимодействия культур (проблема этнокультурных различий).

Несмотря на общенаучный характер исследуемой категории, она также является предметом лингвистического описания. Рассмотрение *инакости* в собственно лингвистическом ракурсе позволяет установить ее репрезентированность в русском (более 200 единиц) и английском (более 150 единиц) языках, что подтверждает категориальный статус исследуемого феномена, а также свидетельствует, что данная категория является значимой для процесса мышления, устойчивой в ментальном аспекте, поскольку имеет «обширные языковые средства объективации» [Шаманова, 2008]. Одним из наиболее исследованных признаков



инакости в современной лингвистике является признак *свой – чужой* [Протасова, Алишариева, 2015; Алиева, 2017; Гордиенко, 2018; Мишин, 2018; Коренецкая, 2022], и его содержание определяет характер коммуникативного взаимодействия между интерактантами, а также их коммуникативные роли, стратегии, тактики.

Учитывая значимость категории *инакости* для коммуникации, необходимо отметить, что более полное раскрытие ее содержания, репрезентируемого средствами того или иного языка, необходимо для развития теории и практики коммуникации. Помимо лексических и лексико-фразеологических средств категоризации *инакости* в английском и русском языках, лингвистический интерес представляет проблема актуализации данной категории грамматическими средствами (морфологическими и синтаксическими), поскольку грамматические формы раскрывают наиболее глубинные и абстрактные значения, также определяющие коммуникативное сознание интерактантов.

Следует подчеркнуть, что данная проблема является малоизученной в современном языкознании, и до настоящего времени она еще не подвергалась системному лингвистическому описанию. В связи с этим мы обратились к изучению англо- и русскоязычных грамматических средств (морфологических и синтаксических), объективирующих категорию *инакости*, с целью описания языковой объективации сознания персонажей-интерактантов в их коммуникативном взаимодействии.

Объекты и методы исследования

В качестве материала исследования послужили англо- и русскоязычные художественные тексты современной литературы.

В ходе исследования были использованы следующие методы:

- описательный метод, включающий наблюдение, анализ, сопоставление и классификацию языковых фактов – при выявлении и структурировании категориальных признаков коммуникативной категории *инакости*;
- метод концептуального анализа – при понятийном моделировании и дефиниционной интерпретации категории *инакости* и ее параметров, а также анализе концептуальных связей *инакости* с категориями *Я*, *Другой*, *чужой*;
- метод контекстуального анализа – при определении контекстов объективации коммуникативной категории *инакости*;
- дискурс-анализ – при интерпретации выявленных контекстов реализации коммуникативной категории *инакости*.

Результаты и их обсуждение

В науке о языке установлено, что если в языке используется специализированная глагольная форма или конструкция, имеющая строго фиксированное грамматическое значение, то правомерно говорить о наличии в таких языках определенной грамматической категории. В то же время не все явления объективной действительности подвержены языковой категоризации, тем не менее они иногда играют определяющую роль в достижении целей коммуникативного взаимодействия. Такие категории выявляются как обязательные коммуникативные константы, коммуникативные категории, как правило, не превращающиеся в более или менее формализованную грамматику [Кашкин, 2008]. Одной из таких категорий является категория *инакости*, поскольку она имеет параметрический характер и отражает универсальные смысловые отношения, выражение которых возможно средствами грамматики. В этом случае имеющиеся в языке грамматические средства становятся основой метафорического сдвига, что приводит к актуализации основных категориальных признаков *инакости*, о которых будет сказано ниже. Данное явление известно в лингвистике как грамматическая метафора [Осокина, 2022], и оно имеет особую художественную ценность, поскольку является стилистически намеренной и идентифицирует идиостиль

писателя. Кроме этого, она выполняет функцию создания экспрессивности текста, а также подчеркивает отношение автора к описываемым событиям и образам героев.

Бинарное распределмечивание инакости в различных концептуальных ракурсах (*Я – Другой, свой – чужой, один – другой, схожий – различный* и пр.) позволяют смоделировать параметры инакости: *единство – множественность, тождество – подобие, сходство – различие, нормативность – ненормативность, свойственность – чуждость, определенность – неопределенность, реальность – гипотетичность*. Данные параметры позволяют выявить общий категориальный признак «иной» в различных коммуникативных ситуациях, и также проанализировать языковые средства его выражения.

Нельзя не согласиться с М. Фуко, утверждавшем, что *инакость* наиболее ярко и последовательно представлена в художественном языке [Фуко, 1997]. Рассмотрим особенности грамматических средств объективации категории *инакости* на примере рассказа *Stone Trees* современного британского автора Джейн Гардам. Данное произведение опубликовано в сборнике рассказов *The Pangs of Love* [Gardam, 1984].

Следует отметить, что в рамках художественного текста анализируемые примеры являются индивидуально-авторскими стилистическими средствами выражения исследуемой категории, и понимание взаимоотношений между героями рассказа напрямую зависит от вектора интерпретации синтаксических и реже морфологических средств описания этих отношений в рамках категориальных признаков инакости.

В данном произведении одним из частотных стилистических средств является синтаксис повтора (15 употреблений). Главная героиня переживает утрату любимого человека, своего мужа, и сам текст рассказа передает поток ее сознания и ее переживаний. Наиболее часто употребляемая фраза *So now that you are dead* коннотирует смысловой признак «переход в иное ментальное состояние главной героини», поскольку она постепенно пытается осознать смерть близкого человека. Поэтому, объективируя в данном случае параметр *реальность-гипотетичность*, категория *инакости* вербализуется в сослагательных конструкциях, в которых имплицитно передана невозможность осуществления акционального и вербального взаимодействия с умершим: «*They would not stretch to me if you were obvious and not just dead*».

Категория инакости также выявляется в данном тексте по параметру *нормативность – ненормативность* в следующем примере: «*They were not the Robertsons then but Tom and Anna. We never became the anythings, thank God*». Адгерентно обусловленное отклонение от грамматической нормы употребления определенного артикля в английском языке, который не может сочетаться с неопределенными местоимениями, а также форма множественного числа самого местоимения *anything (anythings)* свидетельствуют об эмоциональной позиции героини в отношении традиционных браков. Авторская грамматическая игра с языковой формой является средством протеста против принятых в обществе норм заключения брака, принятия общей фамилии (*the Robertsons*), поскольку все это на практике не является гарантом крепкой семьи, о чем свидетельствует контекст произведения.

Подруга главной героини – Анна – оказывается в прошлом любовницей ее мужа, при этом у Анны есть свой собственный супруг, а сама она кажется безупречной в моральном отношении: «*Anna who never did anything wrong*», «*Anna Robertson of evangelical persuasion...*». Главная героиня осознает это, когда замечает сходство сына Анны со своим мужем, а новая, до сих пор скрытая сторона Анны, раскрывается посредством синтаксической конструкции восклицания «*How Anna wept!*», которая описывает ее поведение на похоронах. Графически данная конструкция оформлена как отдельный лаконичный абзац, в котором не рассказано о любви Анны, но она очевидна. В данном случае *инакость* определяется по признаку *единство-множественность*, поскольку сверхэмоциональное поведение обычно сдержанной Анны разоблачает ее другое «Я», показывает ее двуличность.

Старший сын Анны является доказательством ее прошлого романа с мужем подруги – главной героини рассказа. Ребенок по имени Питер больше не воспринимается как



второстепенный персонаж, начинает выделяться на общем фоне посредством употребления синтаксических конструкций сравнения, которые объективируют категорию *инакости* по параметру *сходство-различие*: «*The boy is a little like you and not at all like Tom ... The boy is really – or am I going mad altogether – very like you*». Питер является копией покойного мужа главной героини и внешне, и в плане поведения. Главная героиня признает это в предложении с нарушенной местоименной когезией: «*And Peter takes my hand in yours ... and looks at me with your known eyes*». Теперь у мальчика иной статус – в нем главная героиня обретает утраченное и завершает свое повествование: «*Now that you are*».

В другом англоязычном произведении современного британского автора Кэрис Дэйвис *Creed* затрагивается проблема преодоления *инакости* во взаимоотношении между главными героями – мужчиной (Майкл Крид) и женщиной (Руфь), проживающими в отдаленном районе Англии, откуда уже успели уехать все их прежние друзья и соседи. Несмотря на их одиночество, они долгое время остаются вдали друг от друга, лишь изредка наблюдая за жизнью друг друга на расстоянии нескольких миль. Руфь иногда представляет себе их возможную встречу, в описании которой используется несвойственное английскому языку двойное отрицание, посредством которого автор подчеркивает преодоление различий между героями в совместно проживаемом молчании, через их пространственную близость: «*She'd pictured them both at his table, her brother's dominoes spread out between them in various arrangements, not speaking perhaps <...> but at least sitting together in a not-uncomfortable silence* [Davies, 2014].

Руфь на протяжении всего рассказа осознает неприятие Кридом мира вокруг, его враждебную позицию ко всем окружающим, что вызвано потерей его молодой жены спустя некоторое время после их свадьбы. Всю свою жизнь Крид проводит в отдалении от поселения, разводя овец и ведя свое хозяйство. *Инакость* актуализируется в данном произведении посредством сослагательных конструкций, которые объективируют данную категорию по признаку *реальность – гипотетичность*: «*what he would do when he saw her – what he would say and how he would be and what he would look like too, close-up, after all this time*».

Посредством употребления таких конструкций главная героиня подчеркивает явно выраженную *инакость* Крида, его *непохожесть, отличие от других*. Но при этом она не перестает считать его *своим*, и когда ей необходима помощь, она идет к нему, готовая принять даже его саркастичный отказ: «*She wished that the ice had been broken between them before now – that she could at least have become an ordinary neighbour to him. Come on, Michael, it's just us now. Sit with me. Everyone else has gone <...> Would he turn sarcastic and ask her if she'd had a visit from the Holy Spirit?*»

В итоге Майкл Крид предстает перед нами чутким, отзывчивым человеком, готовым помочь Руфь в сложной ситуации. Его отстраненность и замкнутость вызваны его болью из-за потери любимого человека, что выражено в сослагательной конструкции сожаления: «*He wished his wife could see her*».

В художественном произведении детективного жанра А. Марининой *Оборванные нити* также используются синтаксические средства, усиливающие выразительность текста, описывающие характер врача, его деятельность. Главный герой – судмедэксперт Сергей Саблин – человек кристально честный, бескомпромиссный, но при этом слишком прямолинейный.

Для данного произведения характерна вопросно-ответная форма изложения. «*Кто не видит? Виталик Филимонов не видит? Да он талантливый эксперт; опытный, умница, руки золотые! Ты бы видела, что он секционным ножом творит!*» Использование вопросно-ответных форм позволяет автору сделать текст не только диалогичным, но и выразительным и экспрессивным, что придает ему разговорную тональность. Данные вопросы являются средством раскрытия героя как специалиста и человека, тем самым актуализируя многообразные стороны одной личности, сопоставление которых друг с другом позволяет обнаружить различные, даже противоположные черты человека. В этом случае *инакость*

рассматривается на уровне отдельного индивида как проблема идентичности, когда человек находится в постоянном поиске самоопределения.

Инакость объективирована в тексте при помощи вопросов: «Почему? С какой стати? И главное – откуда это следует? Из мимолетного взгляда на фотографию, где он стоит в центре, среди своих подчиненных?» Мать героя не советует Сергею становиться начальником. Так как он другой – он привык все делать САМ, герой не доверяет свою работу никому, он еще этому не научился, и ему нельзя быть руководителем. Это подтверждается монологом его матери, состоящим из вопросов: «Почему ты не сказал Филимонову про онкологию? Почему ты не сказал об этом тому, кого оставил вместо себя? Так почему ты не сказал? Ты все выяснил у главного врача поликлиники. То есть ты знал то, чего не знали они и знать не могли. Так почему ты не сказал? ... Ты волк-одиночка, который может отвечать только за самого себя и собственную работу».

Сергей не поверил ни одному слову матери. В своем монологе он спорит с матерью: «как это – ему противопоказано быть начальником? Что она понимает в его работе и в жизни его Бюро?» С одной стороны, он считает, что ее высказывание – проявление эмоций, результат стресса и попытки хотя бы на что-то отвлечься. С другой стороны, он не хочет возвращаться на работу, потому что подсознательно чувствует, что он – плохой руководитель. Задавая вопросы и отвечая на них, герой находится в поиске определения своей идентичности, пытается ответить на вопрос, кто Я такой: «Я умный. Я – царь и бог. Я – повелитель мира».

Стимулируя мышление героя, вопросно-ответные формы позволяют Сергею по-другому взглянуть на самого себя. С одной стороны, он врач-патологоанатом, с другой – он человек. Как поступить ему? «...несмотря на интерес к гистологии, ему все равно было скучно. Не было драйва, не было понимания, зачем все это нужно?» В данной ситуации раскрывается категория инакости, два Я – врача-профессионала и обычного человека.

Как врача его характеризует частое употребление терминов, их повторы (*хроническая ишемическая болезнь, кардиомиопатия, рак, раковая интоксикация* и др.), отношение к поставленному диагнозу («Раком почему-то именовали любую опухоль или опухолевидное образование и ставили его непосредственной причиной смерти, чего, как твердо знал Сергей, быть не может. Никогда»).

Категория *инакости* актуализирована в контексте, в котором автор описывает ситуацию со следователем. Следователь, по мнению Сергея, – человек, стоящий на страже закона, однако он предлагает ему этот самый закон нарушить. Двуличное поведение следователя свидетельствует о нарушении не только моральных ориентиров, но и правового мышления [Маринина, 2012а, с. 183]. Главный герой описывается в контексте через использование синтаксических конструкций сравнения, которые объективируют категорию *инакости* по параметру *сходство-различие*. «Сегодня ты скроешь по своему усмотрению беременность, потому что сочтешь ее незначительным фактом и потому, что тебе жалко мужа потерпевшей, завтра ты уже скроешь факт значительный, например, врачебную ошибку, потому что тебе покажется, что кто-то не очень виноват и жалко его сажать, а послезавтра ты, извлекая из головы трупа топор, напишешь в свидетельстве о смерти «Бронхиальная астма» и не стесняясь возьмешь за это деньги. И станешь ты, Саблин, не судебно-медицинским экспертом» [Маринина, 2012а, с. 184].

В контексте, описывающем смерть ребенка от вакцинации, Сергей противопоставлен коллегам, он один выступает против начальства (заведующим отделением экспертизы) [Маринина, 2012а, с. 265–268]. В данном случае *инакость* определяется по признаку *единство-множественность*, поскольку спокойное/уверенное поведение обычно эмоционального и резкого Сергея представляет его другое «Я», показывает его прямолинейность и храбрость – противостоять обществу. Главный герой стремится вложить свой смысл в отчет, он стремится донести до заведующего вербально свои знания, которые являются результатом познавательной и профессиональной деятельности героя романа [Маджаева, 2012, с. 30]. Кроме того, вышеназванный пример свидетельствует, что «содержание данной



категории варьируемо в коммуникативном процессе, что обуславливает экологичность/неэкологичность общения» [Kislyakova et al., 2023a, p. 152] и подтверждает мнение авторов, что «one of the significant conclusions for theory and practice of communication is the fact that alterity, brought out as a dominant category in any kind of human relations, turns into a factor decreasing the quality of life, leading to unsuccessfulness and dissatisfaction and resulting in non-ecological impacts on a person's health» [Kislyakova et al., 2023a, p. 159].

Таким образом, проведенное исследование подтверждает универсальный и базовый характер категории инакости, что обуславливает ее значимость для процессов когниции и коммуникации. В ходе анализа вербальной экспликации индивидуально-авторских сознаний различных писателей, в частности, авторской рефлексии о проблеме Другого как признака категории инакости, проявляемого в различных ее параметрах, было установлено, что трансляция смыслов данной категории осуществляется не только лексико-семантическими, но и грамматическими средствами. К ним относятся конструкции сослагательного наклонения, сравнительные конструкции, нарушение местоименной когезии, синтаксические повторы, различные нарушения языковых норм слово- и формообразования и пр. В процессе использования этих грамматических средств актуализируются их абстрактные грамматические значения, которые раскрывают латентные функциональные признаки категории инакости – необходимость постоянного соотношения и сопоставления одного и другого, реального и возможного, допустимого и недопустимого, привычного и нового, явного и кажущегося, своего и чужого.

Заключение

В заключение необходимо отметить, что проанализированные синтаксические конструкции и другие грамматические средства способствуют раскрытию содержания художественных произведений, так как эксплицитное лексическое описание образов героев не раскрывает в полной мере все тонкости их инаковой природы, скрытых характеристик, и только авторский синтаксис позволяет актуализировать категорию инакости в ее параметрах и заставить персонажей стать иными в глазах читателя.

Таким образом, как показало наше исследование, несмотря на отсутствие грамматического статуса категория инакости может быть объективирована грамматическими средствами, что позволяет говорить о ее грамматической метафоризации.

В перспективе мы хотели бы рассмотреть этнокультурные особенности двух языков и более в аспекте интенционального семантического сдвига, вызываемого грамматической метафорой, в результате чего категория инакости актуализируется средствами грамматики. Представляет особый интерес вопрос о языковых ограничениях, которые могут нарушаться членами одного языкового сообщества, а для говорящих на другом языке нарушение этих ограничений представляется невозможным в силу особенностей грамматической структуры конкретного языка.

Список источников

- Маринина А. 2012а. Оборванные нити: роман в трех томах. М., Эксмо. Т. 1: 384 с.
Маринина А. 2012б. Оборванные нити: роман в трех томах. М., Эксмо. Т. 2: 384 с.
Маринина А. 2012в. Оборванные нити: роман в трех томах. М., Эксмо. Т. 3: 416 с.
Davies C. 2014. Creed. In: The Redemption of Galen Pike. Salt Publishing.
Gardam J. 1984. Stone Trees. In: The Pangs of Love and Other Stories. London, Abacus.

Список литературы

- Алиева Т.В. 2017. Референдум Брексит: языковые средства актуализации оппозиции «свой-чужой». *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, 3: 8–13. DOI: [10.18384/2310-712X-2017-3-8-13](https://doi.org/10.18384/2310-712X-2017-3-8-13)
Гордиенко Е.В. 2018. Выражение категории оценки в британских газетных заголовках. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 18(816): 74–85.

- Захарова Е.П. 1998. Коммуникативная категория чуждости и её роль в организации речевого общения. В кн.: Вопросы стилистики, Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 27. Человек и текст. Под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов, Издательство Саратовского университета: 87–94.
- Кашкин В.Б. 2008. Авторитетность и коммуникация. Серия: Аспекты языка и коммуникации. Выпуск 4. Воронеж, Воронежский государственный университет, Издательский дом Алейниковых, 216 с.
- Кислякова Е.Ю. 2013. Способы грамматикализации лингвистической категории инакости. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*, 1: 56–59.
- Коренецкая И.Н. 2022. Метафорические модели концептуальной диады «свой–чужой» в разных типах дискурса (на материале английского языка). *Вопросы журналистики, педагогики и языкознания*, 41(3): 569–577. DOI: [10.52575/2712-7451-2022-41-3-569-577](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-3-569-577)
- Ларина Т.В. 2009. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., Рукописные памятники Древней Руси, 512 с.
- Маджаева С.И. 2012. Медицинские терминосистемы: становление, развитие, функционирование. Автореф. дис. докт. филол. наук. Волгоград, 37 с.
- Мишин А.В. 2018. Языковые средства выражения оппозиции «свой-чужой» в материалах журнала “der Spiegel”. *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*, 28(5): 802–807.
- Осокина Н.Ю. 2022. Грамматическая метафора как отражение этнокультурных особенностей англоговорящего и русскоговорящего сообществ. *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*, 13: 163–168.
- Протасова Е.Ю., Алишариева А.Н. 2015. Полемика вокруг языка: свой или чужой? В кн.: Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. Вып. 4(24): Психолингвистика в образовании и аспекты изучения лингвокреативных способностей. Материалы Всероссийского семинара с международным участием (г. Екатеринбург, 27 ноября 2015 г.). Под ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: 134–149.
- Стернин И.А. 2004. О понятии коммуникативного сознания и некоторых особенностях русского коммуникативного сознания. В кн.: Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. Сборник статей. Под ред. Н.В. Уфимцевой. Барнаул, Издательство Алтайского государственного университета: 36–63.
- Тахтарова С.С. 2017. Коммуникативные категории в когнитивно-дискурсивной парадигме. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 16(2): 189–196. DOI: [10.15688/jvolsu2.2017.2.21](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.21)
- Фуко М. 1997. История безумия в классическую эпоху. Пер. с фр. И.К. Стаф. Под ред. В. Гайдамака. СПб., Университетская книга, 576 с. (Paul-Michel Foucault 1961. Folie et déraison. Histoire de la folie à l'âge classique. Paris, Librairie Plon, 672 p.)
- Шаманова М.В. 2008. Коммуникативная категория и коммуникативный концепт. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 10(34): 15–18.
- Шаховский В.И. 2021. Экология коммуникативной дистрибуции слова. *Неофилология*, 7(27): 369–376. DOI: [10.20310/2587-6953-2021-7-27-369-376](https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-369-376)
- Kislyakova E.Yu., Grinev-Grinevich S., Sorokina E.A., Madzhaeva S.I. 2023a. Communicative category of alterity: linguocultural and linguoecological properties. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 22(1): 151–161. DOI: [10.15688/jvolsu2.2023.1.12](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.12)
- Kislyakova E.Yu., Zvereva E.V., Mitrofanova I.I., Krivoslykova L.V., Korovina S.G. 2023b. Alterity as a term and a communication category: linguocognitive and discursive approach. *XLinguae*, 16(1): 118–131. DOI: [10.18355/XL.2023.16.01.09](https://doi.org/10.18355/XL.2023.16.01.09)

References

- Alieva T.V. 2017. Brexit referendum: language means employed in actualisation of the opposition "we - they". *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 3: 8–13 (in Russian). DOI: [10.18384/2310-712X-2017-3-8-13](https://doi.org/10.18384/2310-712X-2017-3-8-13)
- Gordienko E.V. 2018. Expression of the category of evaluation in british newspaper headlines. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences*, 18(816): 74–85 (in Russian).



- Zakharova E.P. 1998. Kommunikativnaya kategoriya chuzhdosti i ee rol' v organizatsii rechevogo obshcheniya [The communicative category of alienation and its role in the organization of verbal communication]. In: Voprosy stilistiki [Questions of Stylistics], nteruniversity collection of scientific papers. Issue 27. Chelovek i tekst [Man and text]. Ed. O.B. Sirotinina. Saratov, Publ. Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta: 87–94.
- Kashkin V.B. 2008. Avtoritetnost' i kommunikatsiya [Authority and communication]. Series: Aspekty yazyka i kommunikatsii [Aspects of language and communication]. Issue 4. Voronezh, Publ. Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, Izdatel'skiy dom Aleynikovykh, 216 p.
- Kislyakova E.Yu. 2013. Grammatical means of expressing the linguistic category of otherness. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 1: 56–59 (in Russian).
- Korenetskaya I.N. 2022. Metaphorical Models of the Conceptual Opposition “Us –They” in Different Types of Discourse (By the Material of the English Language). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(3): 569–577 (in Russian). DOI: [10.52575/2712-7451-2022-41-3-569-577](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-3-569-577)
- Larina T.V. 2009. Kategoriya vzhlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsiy [Politeness Category and Communication Style: A Comparison of English and Russian Linguistic and Cultural Traditions]. M., Publ. Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 512 p.
- Madzhaeva S.I. 2012. Meditsinskie terminositemy: stanovlenie, razvitie, funktsionirovanie [Medical term systems: formation, development, functioning]. Abstract dis. doc. philol. Sciences. Volgograd, 37 p.
- Mishin A.V. 2018. Linguistic means of expressing the opposition “own-alien” in the “der spiegel” articles. *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, 28(5): 802–807 (in Russian).
- Osokina N.Yu. 2022. Grammatical metaphor as a reflection of ethnocultural peculiarities of the english speaking and russian speaking communities. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: sotsial'no-gumanitarnye nauki*, 13: 163–168.
- Protasova E.Yu., Alisharieva A.N. 2015. Polemics around the language: the own or the alien? In: Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa. Issue 4 (24): Psikholingvistika v obrazovanii i aspekty izucheniya lingvokreativnykh sposobnostey [Psycholinguistics in education and aspects of the study of linguistic and creative abilities]. Materials of the All-Russian seminar with international participation (Yekaterinburg, November 27, 2015). Ed. T.A. Gridina. Ekaterinburg: 134–149.
- Sternin I.A. 2004. O ponyatii kommunikativnogo soznaniya i nekotorykh osobennostyakh russkogo kommunikativnogo soznaniya [About the concept of communicative consciousness and some features of Russian communicative consciousness]. In: Yazykovoe soznanie: teoreticheskie i prikladnye aspekty [Linguistic Consciousness: Theoretical and Applied Aspects]. Digest of articles. Ed. N.V. Ufimtseva. Barnaul, Publ. Izdatel'stvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta: 36–63.
- Takhtarova S.S. 2017. Communicative categories in the cognitive-discursive paradigm. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 16(2): 189–196 (in Russian). DOI: [10.15688/jvolsu2.2017.2.21](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.21)
- Fuko M. 1997. Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu [A History of Madness in the Classical Age]. Per. from fr. I.K. Staf. Ed. V. Gaydamak. SPb., Publ. Universitetskaya kniga, 576 p. (Paul-Michel Foucault 1961. Folie et déraison. Histoire de la folie à l'âge classique. Paris, Librairie Plon, 672 p.)
- Shamanova M.V. 2008. Kommunikativnaya kategoriya i kommunikativnyy kontsept [Communicative category and communicative concept]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 10(34): 15–18.
- Shakhovskiy V.I. 2021. Ecology of communicative word distribution. *Neophilology*, 7 (27): 369–376. DOI: [10.20310/2587-6953-2021-7-27-369-376](https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-369-376)
- Kislyakova E.Y., Grinev-Grinevich S., Sorokina E.A., Madzhaeva S.I. 2023a. Communicative category of alterity: linguocultural and linguoecological properties. *Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 22(1): 151–161 (in Russian). DOI: [10.15688/jvolsu2.2023.1.12](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.12)
- Kislyakova E.Y., Zvereva E.V., Mitrofanova I.I., Krivoshlykova L.V., Korovina S.G. 2023b. Alterity as a term and a communication category: linguocognitive and discursive approach. *XLinguae*, 16(1): 118–131. DOI: [10.18355/XL.2023.16.01.09](https://doi.org/10.18355/XL.2023.16.01.09)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.



Поступила в редакцию 23.03.2022
Поступила после рецензирования 04.05.2023
Принята к публикации 10.06.2023

Received March 23, 2023
Revised May 04, 2023
Accepted June 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кислякова Евгения Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия

Маджаева Санья Ибрагимовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой латинского и иностранных языков, Астраханский государственный медицинский университет, г. Астрахань, Россия

Вакорина Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgenia Yu. Kislyakova, Doctor of Philology, Professor of the Department of English and Methods of its Teaching, Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russia

Sanya I. Madzhaeva, Doctor of Philology, Professor, head of the Department of Latin and foreign languages, Astrakhan state medical University, Astrakhan, Russia

Irina V. Vakorina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English, Smolensk State University, Smolensk, Russia



УДК 81'282.8
DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-2-330-338

Models of Word-Formation in Loan Toponyms in German and French

Inna A. Koteneva, Nelja L. Krivchikova, Yuliya N. Melnikova, Tamara M. Timoshilova

Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia

E-mail: koteneva@bsu.edu.ru, krivchikova@bsu.edu.ru, melnikova@bsu.edu.ru, timoshilova@bsu.edu.ru

Abstract. The peculiarities of German and French toponymic systems are the result of historical and extralinguistic development. The system of word forming patterns and its structural components are represented as a result of the interaction of languages. It allows to analyse German and French toponyms as subsystems of onymic vocabulary. Loan formants, which determined social-cultural nature of toponyms, are considered. Special attention is paid to the process of onymization of appellatives. Structural modeling of German and French toponyms is presented. A toponym, as a unit of language, identifies geographical objects, it is a part of the speech reflection of human activity in the language and preserves linguistic components in its morphological structure related to the languages of people who lived in this territory in the past, to historical events that influenced the formation of German and French toponymicon. Morphological formants reveal a close relationship between German and French toponymicon. They allow us to speak about the historical origin of the toponym especially about the language influenced the origin of onyms.

Key words: onomastics; toponymy; toponym; word formant; loan words

For citation: Koteneva I.A., Krivchikova N.L., Melnikova Yu.N., Timoshilova T.M. 2023. Models of Word-Formation in Loan Toponyms in German and French. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2): 330–338 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-330-338

Словообразовательные форманты в топонимических системах немецкого и французского языков

Котенева И.А., Кривчикова Н.Л., Мельникова Ю.Н., Тимошилова Т.М.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: koteneva@bsu.edu.ru, krivchikova@bsu.edu.ru, melnikova@bsu.edu.ru, timoshilova@bsu.edu.ru

Аннотация. Характерные черты немецкой и французской топонимических систем являются результатом исторического и экстралингвистического развития. Система словообразовательных формантов этих языков и их структурные компоненты, представлены как результат языкового взаимодействия. Это позволяет анализировать немецкие и французские топонимы как подсистемы онимической лексики. Авторы рассматривают форманты, определившие социокультурную природу топонимов. Особое внимание уделяется процессу онимизации апеллятивов. Представленное структурное моделирование немецких и французских топонимов показывает, что топоним, как единица языка, идентифицирует географические объекты, он является частью речевого отражения человеческой деятельности в языке и сохраняет в своей морфологической структуре лингвистические компоненты, связанные с языками людей, которые жили на этой территории в прошлом, с историческими событиями, повлиявшими на формирование немецкого и французского топонимикона. Выявленные морфологические форманты обнаруживают тесную связь между немецкой и французской топонимикой. Кроме того, они позволяют говорить об историческом происхождении топонима, особенно о языке, повлиявшем на происхождение онимов.

Ключевые слова: ономастика, топонимика, топоним, словообразовательный формант, заимствованные слова

Для цитирования: Koteneva I.A., Krivchikova N.L., Melnikova Yu.N., Timoshilova T.M. 2023. Models of Word-Formation in Loan Toponyms in German and French. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2): 330–338 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-330-338

Introduction

Determination of the patterns of formation and functioning of proper names is the area of onomastic researches in linguistics.

The formation of the theoretical basis of onomastics was developed in the works of the well-known Russian linguists O.S. Akhmanova, V.D. Belenkaya, R.A. Budagov, E.M. Murzaev, V.A. Nikonov, E.M. Pospelov, A.V. Superanskaya, A.A. Reformatsky and others. This linguistic area includes studies of the synchronic and diachronic plans, among which “global, areal and regional onomastic studies are possible” [Shmidt, 1998, p. 11]. The global onomastic researches determine the typological features of the proper names of different countries and peoples and establish onomastic universals filling up the fund of universals of general linguistics [Garagulya, 2019].

The theoretical and practical results of the researches of proper names are very important for the development of many sciences such as archeology, history, geography. Moreover, onomastics uses scientific information showing the territorial, cultural and historical basis of linguistic facts having an onomastic nature. This scientific field appears at the “juncture” of sciences and “has a special complexity of the subject of the research” (ibid).

Proper names are rather varied in the language. They are an object of onomastic researches and determine the main characteristics of onomastics: interdisciplinarity and singling out independent branches. Anthroponymics and toponymy are the largest among them.

Onyms (names, surnames, pseudonyms, etc.), naming each person or peoples, are a field of anthroponymic researches. The subject of toponymy is geographical names. “Along with the main, orienting function, toponyms are closely connected with the culture in the society. As in a mirror, they reflect the assessment of a certain event, phenomenon, attitude towards it in different strata of society in different historical periods” [Belyaev, 2016, p. 683].

People began to name their places of residence from the very beginning of their settling. “There is a certain hierarchy regarding the time of origin of certain types of toponyms. The names of physical and geographical objects (rivers, mountains, valleys, etc.) are older than oiconyms (names of settlements). Hydronyms are the most ancient type of all toponyms, and the names of major rivers are very old and originate in the Indo-European period” [Voronina 2019: 80].

Thus, the names of major rivers in Europe go back to common roots, as, for example, the original form **Albantia* is represented in the modern hydronyms *Lafnitz* (Styria), *Alfenz* (Vorarlberg), *Aubance* (France), *Ulvunda* (Norway). The names of small rivers, stream tributaries, brooks appear in the national period (in the Gallo-Roman period for France, in the Old High German period for Germany). “Similarly, the names of large peaks are older than the names of low mountains, highlands, hills. However, in the group of oiconyms, the opposite tendency is observed: the names of small settlements retain their names through the centuries and give their names to a larger settlement, a city that arise on their basis” (ibid).

The process of toponymization takes its beginning from the names of nouns and descriptive constructions. They become more stable in the process of time. It shows that these language tools pass into the category of proper names (onomization of appellatives), that is, toponyms.

A. N. Belyaev underlines the origin of proper names from common names in the historical aspect and outlines the main stages of their development: common name → speech proper name → proper name as a singular term [Belyaev, 2018, p. 683]. In this way toponyms become the part of the vocabulary of the language, obeying the laws of it.



Large-scale researches in the field of toponymy began in the second half of the 19th century in Europe. Their purpose was to create modern dictionaries of toponyms.

Auguste Longnon (1844-1911) is considered to be the creator of the scientific French toponymy. He wrote the book "Geographical Names of France" which was published in 1920. The results of these studies were included in the course of his lectures at the *École pratique des Hautes Études* in Paris. The results of his researches began to appear in the scientific literature since 1929 [Longnon, 1968; 1999].

The sources of the national toponymicon have the original forms of geographical names, which were fixed on the maps for centuries. It led to etymological studies of toponyms. The result of these etymological researches was that an Indo-European or pre-Celtic substrates were revealed in the European toponymicon [Rostaing, 1948; Dauzat, 1960; Nègre, 1990; Claval, 2003; Delamarre, 2019].

In Germany, Jacob Grimm (1785-1863), the creator of comparative historical linguistics, studied proper names [Hennig, 2001, p. 15]. He studied onyms in the early stages of the language development. Ernst Verstemann followed J. Grimm's scientific principles and developed them in his work "Old German Onomasticon" (a two-volume edition) and the monograph "German Toponyms". The etymological analysis of the geographical names of Germany, the Netherlands, Belgium and Switzerland is presented in them.

A growing interest in toponymic researches refers to the beginning of the 20th century. The "Journal of onomastic researches" under the editorship of I. Schnetz, professor at the University of Munich, was published in 1925. Later, the University of Leipzig and the Schiller University in Jena became the centers of onomastic researches. Numerous articles published in such linguistic journals as *Sprachpflege*, *Zeitschrift für Germanistik*, *Zeitschrift für Slawistik*, *Zeitschrift für Phonetik*, *Sprachwissenschaftliche Kommunikationsforschung* were the result of the creative work of the onomastic sections.

Nowadays, Albert Dose (1877-1955), Charles Rosten (1904-1999) and Ernest Nègre (1907-2000) are considered to be experts in the field of French toponymy. The researches of Adolf Bach, Hans Krae, Ernst Eichler and many others are devoted to toponymic issues in German philology. The Russian scientists of the onomastic school of the Bashkir University made a great contribution to the study of the German toponymicon. Researches on toponyms of the German language are carried out in the works of R.Z. Muryasov, A.N. Belyaev and many others.

Objects and methods of analysis

The method of reconstruction and etymological method allow to reconstruct forms of toponyms, their original meanings which can't be found in written sources. Method of structural analysis and method of system-dynamic research give an opportunity to explain phonetic and morphological changes of toponyms and trace the evolution of German and French geographical names.

Results and discussion

The linguistic field of geographic names is a system of interrelated elements. The block of toponyms in any territory constitutes its toponymy, or toponymicon. On the one hand, the toponymic material is very diverse, the toponomic space (the term was introduced by V.N. Toporov in 1962) is immense. On the other hand, toponyms represent a peculiar subsystem of the vocabulary of the corresponding language and are strictly systemic in nature. Thus, the toponym as a proper name is a reflection of the linguistic consciousness of the native speakers inhabiting the given territory. Proper names formed from appellatives tend to semantic and structural simplification. Therefore, it is impossible to determine the initial meaning of a toponym from the point of view of synchrony.

At the same time, the historical aspect of the study of the structural-semantic modeling of toponyms is also of considerable interest. Its aim is to trace the formation of a geographical name from the corresponding appellative with its specific structure and meaning of its components.

Loan words, as one of the sources of language enrichment, are of particular interest for the study of derivational formants, which form the basis of the toponymicon of any language.

Loan translation of foreign language toponyms is a phenomenon that most vividly reflects the relationship of loan words and word formation. In this case the semantic structure is the center of study. The components of loan compounds are a translation of the components of a complex word into another language: L. *Aquae Aureliae* > *Baden-Baden*; *Lobuduna* ("Lopos fortress") > *Ladenburg*; ea quae Slavica lingua *Starigard*, hoc est antiqua civitas, dicitur "Oldenburg" > *Oldenburg*, *Aldenburg*; Bjelawoda > *Weißwasser*; Ztarecoztol ("old church") > *Altkirchen*; Zschornegosta ("black coniferous forest") > *Schwarzheide*; Buckowien > *Buchhain*.

Most of the loan toponyms are derivative toponyms, which later, in most cases, are assimilated into German and French, acquiring the form of a simplex.

Morphological formants show the historical nature of the nomination in the nominative system of toponyms. They allow to find the language that influenced the origin of the onym.

The Celts seized the territories of Western, Central and partly Southern Europe in the 7th–6th centuries BC. After the invasion of Europe by the Romans, and then by the Germanic tribes, they migrated to the British Isles and partially assimilated with the tribes of the conquerors, but many Celtic place names were preserved by the conquerors.

The names of many Celtic tribes can be found in the oiconyms: Gaul – Gauls, Belgium – Belgae, Helvetia (Switzerland) – Helvetians, Britain, Great Britain, Brittany – Britons, Bohemia (cf. Latin *Bojohaemum*) – Boyi, Bavaria – Bavars, Vindelicia – Vindelici (now there is no name for the area south of the Danube with the center in the area of Augsburg, which the Romans called *Augusta Vindelicorum*), Trier (*Treverorum*) – Trevers, Norik (*Noricum*) – noriki, Raetia (province of Retien in the region of Augsburg and Regensburg) – Raeti, Scotland – Scottish, Ireland – Ira. The Germans occupied territories in the west and south which belonged to the Celtic tribes. After the invasion of the Germanic tribes in these areas, the Celtic language did not disappear. Its elements were assimilated into the languages of the conquerors. During the Middle Ages, the Celtic language was preserved in the form of Gallo-Roman in the territory of Gaul, and today it is the part of the Romansh language of Switzerland.

Interpretation of oiconyms of Celtic origin is rather difficult because knowledge of the ancient Celtic language is small and all known Celtic names have come down only in Latinized form, in Roman written monuments. Some names of a mixed type show it, for example, *Bernkastel* < *Princastellum* from the Celtic hydronym *Prin* + Latin *castellum* "fortification, fortress".

The modern French toponym *Nanterre* has pre-Celtic elements which formed the original name of the area: *duron* ~ *durum* ("door", "forum", "market", "city") + *nemeton*, Latinized in *nemetum* ("temple", "sacred place") (*Nemethodurum*). The Celtic formants often had the names of Gods: the city of Lyon is formed from two roots: *Lugdunum*, that is, *Lugus* (*Lug*) – the highest God in the Celtic mythology and *dunum* – "hill", "fortification". In addition, the toponyms *Nanterre* and *Lyon* demonstrate that the process of the formation of modern terms closed to morphological simplification. Their formation is the result of apocopes, which significantly changed their form during the action of phonetic laws.

In the German toponymicon, the following geographical names are formed from the Celtic formant *dunum*: *Eburum* (*Iferten*) "fortress of Ebuos" < *Eburodunum* from the Celtic anthroponym *Ebuos*; *Thun*, *Dhaun* – "the fortress of Viros" < *Dunum* < * *Virodunum*; *Birten* – "fortress of Viros" < *Bertuna* < * *Virodunum*; *Ladenburg* – "the fortress of Lopos" or "wolf fortress" < *Lobodenburg* < *Lupodunum* from the Celtic anthroponym *Lupos*, *Lopos* or from the Latin *lupus* – "wolf"; *Zarten* and *Kirch-Zarten* – "fortress of Taros" < 765 *Zatduna* < *Tarodunum* from the anthroponym *Taros/Tarus/Tara*; *Rigodunum* – "royal fortress"; *Kempton* – "strength on the bend" < *Kambodunum* from *cambos* "curve".

As for the changes in the form of oiconyms in the process of their assimilation, the Celtic names underwent the same changes that were observed with the spread of the Latin language.



The Romans expanded the territories of their empire on both banks of the Rhine and Danube (in order to protect their borders from "barbarians"). After that the process of Romanization of the Celts and Germans, who inhabited the territories west of the Rhine and north of the Danube, began. The spread of Latin names in the German area, including the present German territory, was uneven. A great number of oiconyms of Latin origin appeared in the region of the Moselle River, fewer in the upper and middle reaches of the Rhine, in the Alps.

As for the word formation of Latin oiconyms, it is necessary to underline that the survived forms are mostly conscious systemic formations. They did not appear by chance. They are mostly official in nature and have a typed grammatical structure. The most common group of oiconyms is phrases, for example: Aurelia Aquensis (*Baden-Baden*), Augusta Rauracorum (*Basel-August*), Castellum Mattiacorum (*Mainz-Kastel*), Aquae Mattiace (*Wiesbaden*), Colonia Claudia Augusta Agrippinensis (*Köln*).

The derivational analysis of toponyms shows etymological differences between formants having the same form in the modern French toponymicon. For example, the *-metz* element is quite common in the word-formation structure of many toponyms in the territory from the north of France to the Paris region: *Gometz*, *Jametz*, *Limetz*. The names of these cities go back to the era of the Celts and Romans. The same formant is in the name of the city (*Metz*), located in the north-eastern part of France in the Lorraine region. This city is the capital of this historical region. However, as for the city of *Metz*, its origin goes back to the city of *Divodurum*, which existed in the Celtic era, and got its name from the Latin roots – *-divinus* ("sacred") + *-duro* ("square, market"). This original toponym belonged to the main city of the Gallic tribe, which had the name of *Mediomatrici*. The Romans after its conquest gave it the name based on the name of the tribe. The similar phenomenon was characteristic of the conquered Gaul of that time, when ethnonyms, elements indicating the tribes-founders of settlements, became formative elements of new toponyms (*Paris*, *Amiens*, *Reims*). The modern name *Metz* comes directly from the Latin ethnonym *Mediomatrici*, which had numerous morphological transformations in different eras. The main changes in French are the following: L. *Mediomatrici* → F. *Médiomatrice* → *Mettis* → *Metis* → *Mès* → *Metz*.

The *-metz* formant, as a derivational element, in the structure of other toponyms is an additional part of the semantics and has a different origin. Its etymology goes back to the Gallo-Roman root *-masu*, which has a Latin origin from *mansus* ("urban settlement", "populated area"). It had the form *-mais* – "maison" ("small house") in French. It explains the existence of the formant *-metz* in numerous toponymic names of this region.

The Latin elements, which were widespread among the derivational formants of the French and German toponymicons, reflect the specificity of toponymic nominations in different geographical areas of France and Germany. The Latin suffix *-anum* is among them. The French researchers (A. Dautat, A. Longnon) remarked that this suffix was the source of most geographical names formed in the Gallo-Roman region.

Initially, the suffix *-anum* denoted the ownership of the estate to the master in Latin: *Albinum*, *Albiniana* > *Alphen* ((from: anthroponym *Albinus*); *Ticinum*. The *-anum* suffix is the formant which influenced the formation of geographical names ending in *-an* in the modern French: *Balan*, *Chambaran*, *Frotignan*, *Perpignan*. These place names are formed from the probable founder of the possession of Roman origin, for example *Frontinius* for *Frontignan* or *Cornelius* for *Corneilla* (*Corneilla-del-Vercol*). In other words, place names of this type come from Roman anthroponyms by adding the suffix *-anum*.

The typical Gallo-Roman suffix *-acum* is opposed to *-anum*. It is a formant of Gaulish origin. Sometimes it had the form *-acu*, proving that in Late Latin the final *-m* at the end of the words was dropped. The French researcher Charles Rosten notes that this formant is widely spread and fixed in the morphological structure of toponyms throughout France, with the exception of the more romanized department of the *Alpes-Maritimes* and in Corsica [Reitzenstein, 2006].

However, this formant had many changes in the French toponymy, depending on the area of distribution. The most numerous group contains toponyms in *-ac*: in the Breton regions, which

later became French – *Quédillac, Assérac, Merdrignac, Québriac, Brignac, Mordéac*; in the south-west of the country – *Armagnac, Balzac, Bussac, Cognac, Londéac, Pérignac, Rouffiac*; as well as in the Occitan regions – *Vitrac, Floirac, Fleurac, Gingac, Savignac*.

In the Central-East region, the *-acum* suffix transformed into *-as*: *Julienas, Lacenas, Odenas* or *-at*: *Viriat, Jayat* or even *-a*: *Charchilla, Gizia, Messia*. In the Germanized regions (in the north, northeastern part of Alsace), it was transformed into the German suffix *-ach*: *Durmenach* (L. *Terminacum* > *Terminachum*), *Rouffach* (L. *Rubeacum*), *Brisach* (L. *Brisacum*), *Altenach* (L. *Altenacum*) or less commonly in the *-ig* formant: *Epfig*.

In the French regions *oïl* (Northern France), the *-acum* suffix typologically remains in the *-ay* formants: *Savenay, Villacoublay, Viroflay, Cernay*; or *-é*: *Vitré, Gacé*; or even *-ey*: *Fleurey, Brecey, Grosley*.

The next large group in the German toponymicon contains Celtic or Latin derivatives with the suffix *-acum*, formed according to the Celtic model, loaned into German directly from Celtic or through Latin, since the Celtic territories were captured initially by the Romans, then by the Germans. These toponyms express the belonging of a place (originally an estate) to a certain owner, therefore, in most cases, they are also based on the Celtic or Latin anthroponyms: *Antunnus* > *Antunnacum* > *Andernach*; *Epotoros* > *Epternacum* > *Echternach*; *Contio, Contius, Contionus* > *Contionacum* > *Conz*; *Julius* > *Juliācum*. Derivatives with the *-acum* suffix are usually two-part. The Latin-Celtic nouns *fundus* (“Grundstück”, “land plot”) or *villa* (“Landgut”, “estate”) are omitted in German when they are loaned: *Fundus Noniacus* > *Noniacum* [Bach, 1953, p. 220].

In German, the *-acum* suffix appears in the form:

– **-ach**: *Monte Brisiaco* (= auf dem Berg Brisiacus) (4c.) (compare: Celt. anthrop. *Brisios*) > *ad Prisacam, Brisaga* (10c.) > *Brizach* (1012/18) > *Brisach* (1237 / 54) > *Brysach* (1416) > *Breysach* (1507) > *Breisach*; *Cruciniacum* (819) > in *villa Cruzenacus* (822) > *Crucenache* (1225) > *Creutznaeh* (1517) > *Kreuznach* (Celt. anthrop. *Crucinus*); *Epternacum* > *Echternach* (from Celt. anthrop. * *Epotoros*); *Luriacum* > *Lörrach*; *Hilciaco palatio regis* (835) > *Ilzicha* (1040) > *Iltzach* (14c.) > *Illzach*; *Imbriaica* (1052) > *Embrach*; *Brittanus* > * *Brittanacum* > *Brettnach*; *Montanus* > *Monternackum* (1098) > *Montenach*; *Rubius* > *Rubiicum* (763) > *Rufach*; *Cossinius* > *Cussenacho* (9c.) > *Küßnacht*; *Viktrius* > *Wichtracho* (1180) > *Wichtrach*; *Abudiacum* > *Epfach*;

– **-ich**: *Sentius* > *Sentiacum palatium* (762) > *Sinciacus* (828) > *Senzicha* (1191) > *Syntzich* (1420) > *Sinzig*; **Vitelliacum* in *marca Villiacensi* (1065) > *Witeliche* (1114) > *Wittlich* (1171) > *Wittlich*; *Tolbiacum* > in *Tulbiaco* (7-8 centuries) > *Zulbiche* (975) > *Zulpicha* (11c.) > *Czulpeche* (1200) > *Zülpich*; *Tiberiacum* > *Zieverich*; **Victoriacum* > *Wihetracha* (866) > *Wichterich*; **Martiniacum* > *Metternich*; *Firminius* > **Firminiacum* > *Firmenich*;

– **-ch, -sch**: *Laureacus* (1139) > *Lorke* (1189) > *Lorch* (Celt. anthrop. *Laurus* or *Laurius*); *Cressiacum* (634) > *Kersch*; *Carisius* > *Carisiaco* (791) > *Kirsch*; **Appiacum* > *Hepfeka* (762) > *Epfig*;

– **(e)nz, (i)nz, tz**: sometimes the *-acum* suffix is apocoped, and *nt* combinations of the root morpheme undergo a second (High German) interruption: *nt* > *nz*, *tt* > *tz*: **[H]erculentiācum* (966) > *Erkelence* (1224) > *Erkelenz*; *Mogontiacum* (6c.) > *Magância, Mogontia, Moguntia* (7c.) > *Máginza* (9-10 centuries) > *Megenze* (13c.) > *ze Maentze* (1322) > *die stat zu Meintz* (1362) > *Mēntz* (1346) > *Mēncze* (1494) > *Mainz*; *Sanciacum* (1155) > *Sencicho* (1147) > *Sinz*; *Contionacum* > *Conz*; **Divitiacum* > *Divitia* > *Deutz*; **Curiacum* > *Kork*.

Conclusion

As it is clear from the material, German and French toponyms formed on the basis of borrowings show significant diversity. The study of the word-formation structure and the main models of toponominations allowed to systematize the factors and find the processes that helped to consolidate extralinguistical and historical knowledge in the studied languages and to identify elements that show how foreign language elements and frequency formants created on the basis of native languages appear in the onymy.

The perspective of further research is to expand the search for the linguistic characteristics of this process, which consists in a more detailed description of the variability of the formants based on Celtic, Gaulish, Latin, Germanic, Anglo-Saxon and other elements, which later became independent word-formation elements of the German and French toponymic nomination, as well as linguistic phenomena explaining how and in what linguistic form derivational formants got a systemic character in accordance with the region of the country.

Список литературы

- Беляев А.Н. 2016. Немецкие топонимы как порождение и отражение культуры. *Вестник Башкирского Университета*, 21(3): 683–687.
- Беляев А.Н. 2018. Вопросы изучения топонимии Германии. *Вестник Башкирского Университета*, 23(1): 192–199.
- Гарагуля С.И. 2019. Лингвокультурологический словарь географических названий Великобритании и США. Москва, ИНФРА-М, 257 с.
- Воронина Л.В., Мельникова Ю.Н., Скокова Т.Н. 2019. Словообразовательные модели топонимов немецкого языка в динамическом аспекте. *Вопросы ономастики*, 16(3): 78–90. DOI: [10.15826/vopr_onom.2019.16.3.032](https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.032)
- Суперанская А.В. 1973. Общая теория имени собственного. Под ред. А.А. Реформатского. Москва, Наука, 366 с.
- Bach A. 1953. Deutsche Namenkunde. Band II, 1 und 2. Die deutschen Ortsnamen. Heidelberg, Carl Winter Universitätsverlag, 615 p.
- Claval P. 2003. Géographie culturelle. Une nouvelle approche des sociétés et des milieux. Paris, Armand Collins, 288 p.
- Dauzat A.A. 1960. La toponymie française, buts et méthodes, questions de peuplement, les bases pré-indoeuropéennes des noms de rivières. Paris, Bibliothèque Scientifique, Payot.
- Delamarre X. 2019. Dictionnaire des thèmes nominaux du gaulois. I: Ab- / Ixs (o)-. Paris, Les Cent Chemins, 398 p.
- Hennig B. 2001. Kleines Mittelhochdeutsches Wörterbuch. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 503 s.
- Longnon A. 1968. Les noms de lieu de la France: leur origine, leur signification, leurs transformations: résumé des conférences de toponomastique générale faites à l'École pratique des hautes études. Vol. 2: Noms de lieu d'origine féodale et moderne. Paris, Publ. Edition Honoré Champion, 832 p.
- Longnon A. 1999. Les noms de lieu de la France: leur origine, leur signification, leurs transformations: résumé des conférences de toponomastique générale faites à l'École pratique des hautes études. Paris, Edition Honoré Champion, 831 p.
- Nègre E. 1990. Toponymie Générale de la France Genève, Librairie Droz, 702 p.
- Rostaing C. 1948. Les noms de lieux. Paris, Presse Universitaire de France, 133 p.
- Reitzenstein W.-A. Frhr. v. 2006. Lexikon bayerischer Ortsnamen. Herkunft und Bedeutung: Oberbayern, Niederbayern, Oberpfalz. München, Verlag C.H. Beck oHG, 350 s.
- Schmidt W. 2008. Deutsche Sprachkunde. Ein Handbuch für Lehrer und Studierende mit einer Einführung in die Probleme des sprachkundlichen Unterrichts. Paderborn, IFB Verlag, 365 s.

References

- Belyaev A.N. 2016. German toponyms as an origination and reflection of culture. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 21(3): 683–687.
- Belyaev A.N. 2018. On the studying of german toponyms. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 23(1): 192–199.
- Garagulya S.I. 2019. Lingvokul'turologicheskiy slovar' geograficheskikh nazvaniy Velikobritanii i SShA [Linguistic and cultural dictionary of geographical names of Great Britain and the USA]. Moscow, Publ. INFRA-M, 257 p.
- Voronina L.V., Mel'nikova Yu.N., Skokova T.N. 2019. Word-formation patterns in german toponymy: a dynamic perspective. *Problems of onomastics*, 16(3): 78–90 (in Russia). DOI: [10.15826/vopr_onom.2019.16.3.032](https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.032)
- Superanskaya A.V. 1973. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo [General theory of proper name]. Ed. A.A. Reformatsky. Moscow, Publ. Nauka, 365 p.

- Bach A. 1953. Deutsche Namenkunde [German onomastics]. Volume II, 1 and 2. Die deutschen Ortsnamen [The German place names]. Heidelberg, Publ. Carl Winter Universitätsverlag, 615 p.
- Claval P. 2003. Géographie culturelle. Une nouvelle approche des sociétés et des milieux [Cultural Geography. A new approach to societies and environments]. Paris, Publ. Armand Collins, 288 p.
- Dauzat A.A. 1960. La toponymie française, buts et méthodes, questions de peuplement, les bases pré-indoeuropéennes des noms de rivières [French toponymy, aims and methods, settlement issues, the pre-Indo-European bases of river names]. Paris, Publ. Bibliothèque Scientifique, Payot.
- Delamarre X. 2019. Dictionnaire des thèmes nominaux du gaulois. I: Ab- / Ixs(o)- [Dictionary of Gaulish nominal stems. I: Ab-/Ixs(o)-]. Paris, Publ. Les Cent Chemins, 398 p.
- Hennig B. 2001. Kleines Mittelhochdeutsches Wörterbuch [Small Middle High German Dictionary]. Tübingen, Publ. Max Niemeyer Verlag, 503 p.
- Longnon A. 1968. Les noms de lieu de la France: leur origine, leur signification, leurs transformations: résumé des conférences de toponomastique générale faites à l'École pratique des hautes études [The place names of France: their origin, their meaning, their transformations: summary of the lectures on general toponomastics given at the École Pratique des Hautes Etudes]. Paris, Publ. Edition Honoré Champion, 832 p.
- Longnon A. 1999. Les noms de lieu de la France: leur origine, leur signification, leurs transformations: résumé des conférences de toponomastique générale faites à l'École pratique des hautes études [The place names of France: their origin, their meaning, their transformations: summary of the lectures on general toponomastics given at the École Pratique des Hautes Etudes]. Paris, Publ. Edition Honoré Champion, 831 p.
- Nègre E. 1990. Toponymie générale de la France [General toponymy of France]. Genève, Publ. Librairie Droz, 702 p.
- Rostaing C. 1948. Les noms de lieux [Place names]. Paris, Publ. Presse Universitaire de France, 133 p.
- Reitzenstein W.-A. Frhr. v. 2006. Lexikon bayerischer Ortsnamen. Herkunft und Bedeutung: Oberbayern, Niederbayern, Oberpfalz [Lexicon of Bavarian place names. Origin and meaning: Upper Bavaria, Lower Bavaria, Upper Palatinate]. München, Publ. Verlag C.H. Beck oHG, 350 p.
- Schmidt W. 2008. Deutsche Sprachkunde. Ein Handbuch für Lehrer und Studierende mit einer Einführung in die Probleme des sprachkundlichen Unterrichts [German Linguistics. A handbook for teachers and students with an introduction to the problems of language teaching]. Paderborn, Publ. IFB Verlag, 365 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 23.11.2022

Received November 23, 2022

Поступила после рецензирования 23.01.2023

Revised January 23, 2023

Принята к публикации 10.06.2023

Accepted June 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Котенева Инна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков факультета иностранных языков педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Кривчикова Нэля Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков факультета иностранных языков педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Inna A. Koteneva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of German and French Languages, Faculty of Foreign Languages, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Nelja L. Krivchikova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of German and French Languages, Faculty of Foreign Languages, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia



Мельникова Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков факультета иностранных языков педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Тимошилова Тамара Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики преподавания факультета иностранных языков педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Yuliya N. Melnikova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of German and French Languages, Faculty of Foreign Languages, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Tamara M. Timoshilova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Language and Teaching Methods, Faculty of Foreign Languages, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia



УДК 81-23

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-2-339-348

Лингвокультурная специфика фразеологизмов с компонентом-глуттонимом в русской культуре

Лазарева Я.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 3008015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: yana.lazareva.82@inbox.ru

Аннотация. Фразеологические единицы представляют собой важную часть лексического состава любого языка и формируют лингвокультурную картину мира. Однако вопросы функционирования фразеологических единиц в современном русском языке являются недостаточно освещенными и требуют проведения дополнительных исследований. Целью работы является выявление уникальных свойств фразеологических единиц, сформированных в процессе развития гастрономической культуры русской национальной кухни под влиянием экстралингвистических факторов: исторического, географического, экономического, культурного видов взаимодействия. Лингвокультурный анализ фразеологических единиц с компонентом-глуттонимом позволил выявить такие тематические группы фразеологических единиц с компонентами-глуттонимами, как «каша», «хлеб и булочные изделия», «специи», «овощи», определить их продуктивность и выявить причины функционирования фразеологических единиц с компонентами-глуттонимами в современном русском языке.

Ключевые слова: лингвокультурология, фразеологизм, глуттоним, русская гастрономическая культура, лингвокультурная картина мира

Для цитирования: Лазарева Я.В. 2023. Лингвокультурная специфика фразеологизмов с компонентом-глуттонимом в русской культуре. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(2): 339–348. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-339-348

Russian Idioms with Gluttonyms: Language and Culture Aspects

Yana V. Lazareva

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: yana.lazareva.82@inbox.ru

Abstract. Phraseological units represent an important part of the lexical composition of any language and form a linguistic and cultural picture of the world. However, the issues of the functioning of phraseological units in modern Russian are insufficiently covered and require additional research. The aim of the work is to identify the unique properties of phraseological units formed in the process of the development of the gastronomic culture of the Russian national cuisine under the influence of extralinguistic factors: historical, geographical, economic, cultural types of interaction. The linguistic and cultural analysis of phraseological units with a component-gluttonym allowed to identify such thematic groups of phraseological units with components-gluttonyms as "porridge", "bread and bakery products", "spices", "vegetables", to determine their productivity and to identify the reasons for the functioning of phraseological units with components-gluttonyms in modern Russian.



Keywords: language and culture, idioms, gluttonym component, Russian gastronomic culture, language and culture picture of the world

For citation: Lazareva Ya.V. 2023. Russian Idioms with Gluttonyms: Language and Culture Aspects. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2): 339–348 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-339-348

Введение

Вопросы фразеологии входят в ранг актуальных проблематик современных лингвистических исследований, что обусловлено, определением объекта исследования фразеологии, представленного следующими ключевыми критериями – идиоматикой и сочетаемостью слов; наличием окончательно сформированного аппарата методологии в ходе анализа фразеологического материала; необходимостью проведения комплексного анализа функционирующих в устной и письменной коммуникации фразеологизмов для выявления универсалий и уникалий в различных лингвокультурах. На современном этапе развития фразеологии выделяют следующие ключевые сферы исследовательских интересов: «классификация фразеологических единиц, варьирование, описание фразеологических единиц, описание семантики и структурно-синтаксических особенностей фразеологических единиц, происхождение фразеологических единиц, сопоставительная фразеология» [Баранов, Добровольский, 2008, с. 28].

Научная проблема заключается в противоречии между актуальными лингвистическими тенденциями – влиянием глобализации на состояние русского языка и использованием высокопродуктивных иноязычных заимствований, с одной стороны, и необходимостью сохранения родной лингвокультуры, с другой стороны. Перспективы решения проблемы связаны с необходимостью уточнения представлений о специфике фразеологических единиц, сохраняющих традиции родного языка и культуры, при помощи лингвокультурного анализа фразеологических единиц, например, с компонентом-глуттонимом, отражающим национальную специфику русской гастрономической культуры.

В настоящее время лингвистические особенности фразеологических единиц изучаются в совокупности с национально-культурными языковыми процессами, в связи с чем появляется необходимость проведения лингвокультурного анализа фразеологических единиц.

В рамках лингвокультурологического подхода фразеологический фонд русского языка исследуется Л.М. Ковшовой как «проводник в культурное пространство», при этом «символьный компонент в семантике фразеологизма отражает коды культуры как основной способ организации культурного пространства» [Ковшова, 2016, с. 12]. Н.Г. Склярова в работе «Интернациональное и национальное в лингвокультурах» анализирует фразеологизмы с зоонимическими, соматическими, гастрономическими компонентами на примере английской и русской культур [Склярова, 2022]. Пищевой код культуры как культурное пространство реализации фразеологических единиц русского языка изучается в трудах Л.М. Ковшовой. Автор монографии «Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры» анализирует «фразеологизмы с компонентами впитывать/всасывать в пищевом коде русской культуры» [Ковшова, 2016, с. 23].

Гастрономический код культуры содержит информацию о традициях, ценностных ориентирах, базовых элементах картины мира, поэтому изучение фразеологизмов с компонентами-глуттонимами представляется перспективной областью исследования.

В отечественной лингвистике под фразеологической единицей (фразеологизмом, фразеологическим оборотом) принято понимать «лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой

единицы. С точки зрения семантической слитности различаются: 1) фразеологические сращения; 2) фразеологические сочетания; 3) фразеологические выражения» [Розенталь, Теленкова, 2003, с. 565]. Традиционно фразеологизмы принято подразделять на *«идиомы, коллокации, пословицы и поговорки; к отдельной группе принадлежат – крылатые слова»* [Тер-Минасова, 2000, с. 109].

В работах отечественного исследователя Н.Ф. Алефиренко подчеркивается, что «основная часть фразем русского языка исконно русского происхождения, однако многие фраземы пришли из разговорной речи и диалектов, чаще всего они связаны с трудом крестьянства (*«поворачивать оглобли», «из кулька в рогожку», «на воде вилами написано»*)» [Алефиренко, Семененко, 2009, с. 56]. В русском языке содержится «часть фразеологизмов, заимствованных из других языков, подразделяемых на заимствования из старославянских языков, закрепившихся в русском языке после принятия христианства (*«притча во языцех», «метать бисер перед свиньями», «исчадие ада», «глас вопиющего в пустыне»*), и из западноевропейских языков, например из латинского или древнегреческого языков (*«терра инкогнита»*), а позже и из французского (*«иметь зуб»*), немецкого (*«разбить наголову»*), английского (*«синий чулок»*) языков» [Алефиренко, 2016, с. 67].

Российская традиция фразеологических исследований базируется на исследованиях В.В. Виноградова, выделяющего три ключевых типа фразеологических единиц, к которым относятся: *«фразеологические сращения; фразеологические единства; фразеологические сочетания»* [Виноградов и др., 2013, с. 24].

Актуальность работы определяется недостаточно сформированной базой лингвокультурного аспекта фразеологического фонда русского языка в условиях адаптации к современной реальности.

Целью настоящего исследования является выявление символической специфики гастрономического компонента в составе фразеологических единиц русского языка и определение продуктивности компонентов-глюттонимов в современном русском языке.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является фразеологический фонд русского языка. Предметом исследования является способность компонента-глюттонима в составе фразеологической единицы отражать специфику национальной гастрокультуры. Фактическим материалом исследования послужили фразеологические словари русского языка А.Н. Тихонова и И.В. Федосова, которые позволили выявить фразеологические единицы с компонентом-глюттонимом в современном русском языке и проанализировать специфику их значения, обусловленную историческим развитием страны.

Методика исследования включает комплексный подход и общенаучные и узкоспециализированные методы. К группе узкоспециализированных методов принадлежат метод целенаправленной выборки, контекстный и семантический анализ, позволяющие выявить фразеологические единицы с компонентом-глюттонимом в русском языке и определить его значение, учитывая контекст ситуации. В работе также применялись описательно-аналитический метод, сравнительный метод, метод количественного анализа.

Результаты и их обсуждение

Выбор концепта «пища» в рамках русской культуры обусловлен богатейшим историческим наследием сформированной национальной традицией русской кухни, а также актуальностью фразеологизмов, отражающих специфику гастрономических реалий русской кухни в современной коммуникации.



Для описания рациона питания русского человека в современном русском языке используется фразеологизм «*грубая пища*» [Абакумова, 2022, с. 57], то может быть каша в различных вариациях или картофель. Главным критерием является принцип легкости в приготовлении блюда.

В русском языке существует фразеологизм «*общественное питание*», под которым понимается «*система снабжения населения пищей через столовые, рестораны, закусочные*» [Абакумова, 2023]. Питание в столовых и закусочных в советский период представляло собой комплексный прием пищи три-четыре раза в день. Что касается приема пищи в домашних условиях, то для русской лингвокультуры характерно употребление фразеологизма «*накрыть на стол*», обозначающего «*процесс приготовления стола для еды, при котором обязательным атрибутом является покрывание стола скатертью*» [Бакина, 2021, с. 37]. Фразеологизм «*накрыть завтрак (или обед, или ужин)*» представляет собой фразеологическое сочетание и употребляется в современном русском языке, например: «*Мы рекомендуем отнестись серьезно к праздникам и накрыть особый завтрак к 8 Марта*» [Власова, 2020, с. 443].

В ходе анализа практического материала исследования были выявлены следующие тематические группы фразеологизмов с компонентом-глуттонимом: тематическая группа «каша», тематическая группа «хлеб и булочные изделия», тематическая группа «специи и добавки», тематическая группа «овощи».

Тематическая группа «каша»

Традиционный рацион русской кухни невозможно представить без каши, которая присутствовала в ежедневном рационе не только бедных, но и состоятельных людей. Есть все основания полагать, что слово «*каша*» происходит от «*каш*» (санскрит) и обозначает «*дробить, тереть*» [Баранов, Добровольский, 2008, с. 34]. Кашу в XII в. употребляли в пищу с квасом, жареным луком или ягодами; на праздник готовили кашу трех видов: гречневую, ячменную и пшеничную.

Полбенная каша в XII в. пользовалась спросом у бедняков, ее варили из мелкой крупы, которая, в свою очередь, была приготовлена из полбы – особого вида полудикой пшеницы. Полба произрастала практически по всей территории Руси. Необходимо отметить, что растение «*дикая полба*» не требовало особого ухода, однако со временем оно было заменено на пшеницу. Структура полбеной каши (по сравнению с пшеничной) отличается грубостью и вязкостью, но в ее состав входит до 40 % белка и минимальное количество глютена, что, несомненно, говорит о ее полезных свойствах.

Ячменная и овсяная каши готовились как в городах, так и в деревнях чаще всего в будние дни; *пшеничная каша*, также была широко распространена как элемент ежедневного рациона на Руси, ее готовили как на протяжении всей недели, так и на выходных, а иногда и в праздничные дни. Национальной русской кашей, начиная с XVII в., принято считать *гречневую кашу*, хотя она вошла в рацион питания на Руси еще в XV в. *Рисовая каша* считалась пищей для богатых жителей крупных городов, этот тип каши появился в XVIII в. и постепенно адаптировался к русским гастрономическим реалиям. Состоятельные люди использовали *рисовую кашу* в качестве начинки для пирогов, а среди простолюдинов ее называли *кашей из сорочинского пшена*. Постепенно рисовая каша стала основой для приготовления национального русского праздничного блюда кутыи.

Многообразие сортов круп определило разнообразие каш в ежедневном русском рационе, при этом каждая зерновая культура представлена вариациями круп – от целых до дробленых различным способом. Рецепт приготовления каши зависел не только от типа крупы, но и от того, как эта крупа была переработана. Например, известны такие варианты обработки гречневой крупы, как *ядрица* и *продел*; *ячменя* – *перловая крупа (крупное зерно)*, *голландка (зерно среднего размера)*, *ячка (мелкое зерно)*. *Просо* употреблялось для

приготовления *пшениной каши*; из пшеничной крупы варили *манную кашу*; также широко была распространена так называемая *зеленая каша*, которую варили из недозрелой ржи [Faloju, Ouwale, 2020, с. 6].

На Руси принято было называть кашей любой вид продукта, который готовили на основе измельченных ингредиентов, это были *каши хлебные*, которые варили из измельченных сухарей; *каши рыбные* и *каши овощные*. В период XVIII–XIX вв. на Руси появился картофель и, соответственно, *каша с добавлением картофеля – кулеш – особенно питательная каша, которую заправляли луком и постным маслом*; также в этот период стали употреблять в пищу *каши морковные*, приготовленные на основе репы и моркови; *каши соковые* (на конопляном масле) и др. [Миронова, 2002].

В народе хорошо известна так называемая *суворовская каша*, которая появилась благодаря смекалке А.В. Суворова, приказавшего сварить кашу из всех остатков различных сортов круп, тем самым известный полководец сумел спасти солдат от голода; и *гурьевская каша*, приготовленная на основе манной крупы и молока с добавлением сухофруктов и орехов.

Такая каша, как манная также входит в перечень популярных, «*манная крупа – очень мелкая крупа, изготовленная из пшеницы*» [Федуленкова, 2000, с. 48]. Фразеологическое сочетание «*манная крупа*» является компонентом фразеологизма «*ждать как манны небесной*» – *очень сильно ждать* [Федуленкова, 2018, с. 49].

Следует отметить, что в русском языке существует бесчисленное множество пословиц и поговорок, доказывающих тот факт, что каша представляла собой основной прием пищи, например: «*Русского мужика без каши не накормишь*»; «*Щи да каша – пища наша*»; «*Борщ без каши – вдовец, каша без борща – вдова*»; «*Русская каша – матушка наша*»; «*Что за обед, коли каши нет*»; «*Без каши семью не накормишь*»; «*Мать наша, гречневая каша: не перцу чета, не прорвет живота*»; «*Овсяная каша хвалилась, что с маслом коровьим родилась*» [Миронова, 2002, с. 14].

Кулеш, или каша с добавлением картофеля на Руси считалась блюдом полезным и питательным. Интересно отметить, что устаревшим русским названием картофеля является фразеологизм «*земляное яблоко*», который произошел от французского словосочетания *rotte de terre* [Тихонов, 2007].

Позже в русской гастрономической культуре появятся и самостоятельные блюда из картофеля, например, «*картошка в мундире*» – фразеологизм, обозначающий «*картофель, сваренный или испеченный в кожуре*» (заимствовано из немецкого языка: *Mudierung*) [Kiguta et al., 2020].

Компонент-глуттоним «каша» входит в состав серии фразеологизмов русского языка, характеризующих негативные стороны ежедневной жизни человека, например:

– о наказании за проступки: «*березовая каша*» – *розги*; «*накормить березовой кашей*» – *наказать кого-либо, высечь* (архаизм);

– о невнятности мышления, речи человека: «*каша в голове у кого-то*» – *путаница в мыслях* [Федосов, Лапицкий, 2003, с. 167].

Часто в рацион питания русского человека входили такие продукты, как горох и бобы, которые принято было варить и тушить. Документальное подтверждение выращивания гороха на Руси датируется XVII в. Изначально горох высаживали на территории Ярославской губернии, а в дальнейшем и по всей России. В XVIII в. уже на всех полях рос горох, а также были известны его питательные свойства. В старину на Руси существовал даже специальный праздник – «Горохов день», когда люди дарили друг другу горох, что являлось символом богатства и стабильности. В современном русском языке функционирует множество фразеологизмов с компонентом-глуттонимом «горох», например: «*как от стены горох*» – *ничего не действует на кого-либо*; «*при царе Горохе*» – *в незапамятные времена*.



Фразеологическое сочетание «*зеленый горошек*» обозначает «*незрелые семена гороха, используемые в пищу в свежем, вареном и консервированном виде в качестве гарнира*» [Эмирова, 1988, с. 14]. Фразеологизм «*зеленый горошек*» обозначает продукт, который употребляется в современном русском языке, это – продукт питания, употребляемый как гарнир и как компонент в процессе приготовления супов и салатов.

Компонент-глуттоним «*бобы*» также входит в состав фразеологизмов современного русского языка, например, «*бобы разводить*» – *заниматься пустыми разговорами*; «*оставить на бобах*» – *оставить ни с чем, обмануться в расчетах* [Федосов, Лапицкий, 2003, с. 36].

Тематическая группа «хлеб и булочные изделия»

Традиционную кухню русского народа невозможно представить без хлеба и булочных изделий. Так, лексема «хлеб» изначально применялась на Руси для обозначения продукта, изготовленного именно из ржаной муки, далее рожь была заменена на пшеницу. Пшеничная мука предназначалась для приготовления калачей – одного из наиболее любимых булочных изделий. Следует отметить, что в процессе приготовления калачей и хлеба не принято было добавлять соль, так как пекари старались сохранить натуральный вкус продукта.

Каждый прием пищи русского крестьянина не обходился без хлеба и булочных изделий. Отечественный исследователь Н.Г. Складорова подчеркивает, что «рацион крестьянской еды включал четыре приема пищи: «перехватка – завтрак (часто летом крестьяне завтракали в 4–5 утра, что было обусловлено жаркой погодой), обед (12:00), полдник (15:00), ужин (19:00) и паужин – поздний ужин (23:00)» [Складорова, 2022, с. 65].

Ключевым продуктом в Древней Руси считалось *толокно* – *толченная в ступе или на мельнице мука*. Предваряя процесс приготовления толокна, зерно необходимо было подготовить – тщательно высушить, очистить и обжарить. Овсяное зерно применялось для приготовления толокна.

Ржаная и пшеничная мука использовались для выпекания пирогов с различной начинкой – мясной, рыбной, грибной, творожной, яичной, ягодной. Часто в качестве основы пирога русские женщины применяли лапшу или любой сорт каши. Традиционными блюдами из толокна считались сдобные караваи, оладьи, блины, хворост и др.

Приготовление хлеба включало несколько этапов: «*зачин*», заключающийся в подготовке основы для хлеба (фразеологизм «*завести тесто*» – *поставить опару* описывает эту стадию приготовления хлеба); «*затвор*» – процесс заготовки опары для теста; «*замес*» – этап замешивания теста (фразеологическое сочетание «*подбить тесто*», то есть «*замесить тесто погуце, замесить еще раз*» репрезентирует эту стадию) [Федосов, Лапицкий, 2003, с. 145].

В современном русском языке сохранились фразеологизмы с компонентами-глуттонимами «хлеб», «хлебцы» и «калач», например:

- «*черный хлеб*» – *ржаной хлеб*,
- «*хрустящие хлебцы*» – *приготовленный в виде галет сухой хлеб* [Федосов, Лапицкий, 2003, с. 509].

Часто лексемы «хлеб» и «калач» входят в состав фразеологизмов, описывающих личные качества человека, например:

- относительно человека, не желающего тратить свои деньги, а предпочитающего жить за чужой счет, которого характеризуют как того, кто «*ест чужой хлеб*»;
- применительно к опытному человеку используют фразеологизм «*тертый калач*», акцентируя внимание на том факте, что такой человек «*себе на уме, не злой и не добрый, а более расчетливый*; это – *тертый калач, который знает людей и умеет ими*

пользоваться», например: «*Этого тертого калача и не заманишь, не зазовешь никакой приманкой!*» [Федосов, Лапицкий, 2003, с. 234].

– о человеке склочном, который лезет в драку и постоянно бранится, говорят, что ему «*на калачи досталось*».

Тематическая группа «специи и добавки»

Что касается различного рода добавок к пище и специй, то в ранг традиционных входят *соль, перец, сахар, масло*, при этом компоненты-глюттотонимы «*соль*» и «*сахар*» представляют собой наиболее продуктивные элементы, являющиеся частью фразеологизмов, функционирующих в современном русском языке, например:

- «*поваренная соль*» – *столовая соль* [Склярова, 2022];
- «*горькая соль*» – *слабительное средство* [Федосов, Лапицкий, 2003];
- «*кайенский перец*» – *сорт наиболее жгучего перца, а также плод этого растения, употребляемый в свежем и в высушенном виде как горькая приправка к кушаньям. Название этого типа перца происходит от названия города Кайенны во французской Гвиане* [Склярова, 2022, с. 158];
- «*сахарный песок*» – *сахар в мелких кристаллических крупинках* [Эмирова, 1988];
- «*сахарная пудра*» – *порошок из мелко истолченного сахара, употребляемый в кулинарии* (происходит от французского *roudre*) [Склярова, 2022];
- «*прованское масло*» – *высший сорт оливкового масла* [Миронова, 2002];
- «*эвкалиптовое масло*» – *натуральное масло, получаемое из листьев и молодых побегов различных видов эвкалипта* [Saidakbarova, 2020].

Тематическая группа «овощи»

В старинной русской кухне готовили блюда из моркови, лука, капусты, репы, чеснока и пряной зелени. Конечно, овощные блюда людей различных сословий отличались в значительной степени. Так, среди блюд царского стола выделялись «*капуста теплая*», «*морковь чиненная*»; в то время как простолюдины употребляли в пищу «*капусту холодную*», «*свеклу со штиком*», «*горох зеленый*», «*бураки с кашей*».

В ходе нашего исследования мы пришли к выводу, что компонент-глюттотоним «*капуста*» входит в ранг наиболее продуктивных фразеологизмов тематической группы «овощи» в современном русском языке, например:

- «*заячья капуста*» – *народное название некоторых растений с мясистыми листьями*;
- «*морская капуста*» – *морские водоросли, используемые в пищу и для лечебных целей* [Федосов, Лапицкий, 2003];
- «*капуста провансаль*» – *квашеная капуста с маслом и приправами* (от франц. *A la provencale* – *по-провансальски*) [Эмирова, 1988].

Выводы

Таким образом, фразеологизмы способны в полной мере отразить специфику лингвокультурного состояния языковой и культурной картин мира определенного языка.

В нашем исследовании анализу подвергалась специфика фразеологизмов с компонентом-глюттотонимом на примере русской культуры, обладающей уникальными особенностями, что обусловлено географическими, историческими, экономическими, культурными закономерностями развития страны.

Гастрономические особенности русской национальной кухни были сформированы вследствие влияния природных особенностей мест проживания, что привело к употреблению в пищу горячих блюд (каш), квашений и солений различного рода. Центральное место в процессе приготовления пищи отдавалось печи, в которой пекли хлеб, калачи, пироги.



В ходе нашего исследования были проанализированы фразеологические словари русского языка и выявлены фразеологизмы с компонентами-глуттонимами, отражающие специфику русской гастрономической культуры.

В процессе работы над практическим материалом были выделены фразеологизмы с компонентом-глуттонимом тематических групп «каша», «хлеб и булочные изделия», «специи и добавки», «овощи», функционирующие в современном русском языке. Было установлено, что в ранг наиболее продуктивных компонентов в составе современных русских фразеологизмов тематической группы «каша» входят вариации названия каш (*манная каша, перловая каша, гречневая каша* и др.); к наиболее частотным лексемам в составе актуальных гастрономических фразеологизмов тематической группы «хлеб и булочные изделия» относятся *хлеб, калач*. Для тематической группы «специи и добавки» в составе русских фразеологизмов свойственно доминирующее употребление лексемы *соль*; в то время как для тематической группы «овощи» в составе фразеологизмов типично продуктивное употребление лексемы *капуста*, что обусловлено влиянием исторического наследия русской национальной кухни и желанием россиян следовать нормам родной культуры.

Проведенное исследование вносит вклад в изучение лингвокультурного аспекта функционирующих в современном русском языке фразеологических единиц с компонентом-глуттонимом.

Список источников

- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. 2003. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. Москва, Оникс, Мир и образование, 623 с.
- Тихонов А.Н., Ломов А.Г., Ломова А.Л. 2007. Фразеологический словарь русского языка. Москва, Русский язык, Медиа, 334 с.
- Федосов И.В., Лапицкий А.Н. 2003. Фразеологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я. Москва, ЮНВЕС, 608 с.

Список литературы

- Абакумова О.Б. 2022. Пословицы и их окказиональные трансформы в семантической микро- и макроструктуре художественного текста. В кн.: Актуальные вопросы филологии и лингводидактики. Орел, Картуш: 55–60.
- Абакумова О.Б. 2023. Семантика цвета в русских и английских фразеологизмах и пословицах с колоративами. *Art Logos*, 1: 97–108. DOI: [10.35231/25419803_2023_1_97](https://doi.org/10.35231/25419803_2023_1_97).
- Алефиренко Н.Ф. 2016. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. Москва, Флинта, 288 с.
- Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. 2009. Фразеология и паремиология. Москва, Наука, 344 с.
- Бакина А.Д. 2021. Библизмы vs библейские фразеологизмы: уточнение понятий (на примере английских и немецких текстов). *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 21(6): 35–43. DOI: [10.37482/2687-1505-V140](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V140).
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. 2008. Аспекты теории фразеологии. Москва, Знак, 656 с.
- Власова Е.А. 2020. Символика красного цвета (на материале английского языка). *Мир науки, культуры, образования*, 2(81): 443–445. DOI: [10.24411/1991-5497-2020-00360](https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00360).
- Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я. 2013. Социолингвистическая типология. Москва, URSS, 128 с.
- Ковшова М.Л. 2016. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Москва, ЛЕНАНД, 456 с.
- Миронова И.К. 2002. Концептосфера «еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропозициональные структуры и их лексические репрезентации. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 20 с.
- Склярова Н.Г. 2022. Интернациональное и национальное в лингвокультурах (на материале русской и английской фразеологий). Москва, ИНФРА-М, 194 с.
- Тер-Минасова С.Г. 2000. Язык и межкультурная коммуникация. Москва, Слово, 624 с.

- Федуленкова Т.Н. 2000. Английская фразеология. Архангельск, Поморский государственный университет, 132 с.
- Федуленкова Т.Н. 2018. Дифференциация фразеологии и фразеоматики в англо-русском экономическом словаре: критические заметки. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 4: 94–101. DOI: [10.17238/issn2227-6564.2018.4.94](https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.4.94)
- Эмирова А.М. 1988. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 22 с.
- Kiguta P.N., Gathigia M. G., Ndung'u K. W. 2020. A Semantic Analysis of Absent Subjects of Idioms in Gikūyū. *Advances in Language and Literary Studies*, 3(11): 9–16. DOI: [10.7575/aiac.all.v.11n.3p.9](https://doi.org/10.7575/aiac.all.v.11n.3p.9).
- Falaju J.O., Oyewale A.S. 2020. The depiction of animal behavioural patterns in selected Russian and Yoruba proverbs and sayings. *A journal of Language and Literary Studies*, 2(19): 1–20.
- Saidakbarova S.P. 2020. Fruit And Vegetables... Exploring Gastronomic Idioms In English And Uzbek (The Linguo-Cultural Analysis Of English And Uzbek Phraseological Units With The Components Fruit And Vegetables). *Current Research Journal of Philological Sciences*, 1(1): 24–32. DOI: <https://doi.org/10.37547/crjps/Volume01Issue01-5>.

References

- Abakumova O.B. 2022. Poslovitsy i ikh okkazional'nye transformy v semanticheskoy mikro- i makrostrukture khudozhestvennogo teksta [Proverbs and their occasional transforms in the semantic micro- and macrostructure of a literary text]. In: Aktual'nye voprosy filologii i lingvodidaktiki [Topical issues of philology and linguodidactics]. Orel, Publ. Kartush: 55–60.
- Abakumova O.B. 2023. Semantics of colour in russian and english phraseological units and proverbs. *Art Logos*, 1: 97–108. DOI: [10.35231/25419803_2023_1_97](https://doi.org/10.35231/25419803_2023_1_97).
- Alefirenko N.F. 2016. Lingvokulturologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka [Linguoculturology: value-semantic space of language]. Moscow, Publ. Flinta, 288 p.
- Alefirenko N.F., Semenenko N.N. 2009. Frazеологія і пареміологія [Phraseology and paremiology]. Moscow, Publ. Flinta, Nauka, 344 p.
- Bakina A.D. 2021. Biblical lexical items vs biblical phraseological units: specifying the notions (based on english and german texts). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 21(6): 35–43. DOI: [10.37482/2687-1505-V140](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V140)
- Baranov A.N., Dobrovolskiy D.O. 2008. Aspekty teorii frazeologii [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow, Publ. Znak, 656 p.
- Vlasova E.A. 2020. The symbolism of the red colour (by the material of the english language). *Mir Nauki, Kultura, Obrazovaniya*, 2(81): 443–445 (in Russia). DOI: [10.24411/1991-5497-2020-00360](https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00360)
- Vinogradov V.A., Koval' A.I., Porkhomovskiy V.Ya. 2013. Sotsiolingvisticheskaya tipologiya [Sociolinguistic typology]. Moscow, Publ. URSS, 128 p.
- Kovshova M.L. 2016. Lingvokulturologicheskiy metod vo frazeologii; Kod kulturi [Linguoculturological method in phraseology: Codes of culture]. Moscow, Publ. LENAND, 456 p.
- Mironova I.K. 2002. Kontseptosfera «eda» v russkom natsional'nom soznanii: bazovye kognitivno-propozitsional'nye struktury i ikh leksicheskie reprezentatsii [Conceptosphere "Food" in the Russian national consciousness: basic cognitive-propositional structures and their lexical representations]. Abstract dis. ... cand. philol. Sciences. Yekaterinburg, 20 p.
- Sklyarova N.G. 2022. Internatsional'noe i natsional'noe v lingvokul'turakh (na materiale russkoy i angliyskoy frazeologii) [International and national in linguistic cultures (based on Russian and English phraseology)]. Moscow, INFRA-M, 194 p.
- Ter-Minasova S.G. 2000. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Language and Intercultural Communication]. Moscow, Publ., Slovo, 624 p.
- Fedulenkova T.N. 2000. Angliyskaya frazeologiya [English Phraseology]. Arkhangel'sk, Publ., Pomorskiy gosudarstvennyy universitet, 132 p.
- Fedulenkova T.N. 2018. Differentiation between phraseological and phraseomatic units in the english-russian economic dictionary: critical notes. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo*



universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 4: 94–101. DOI: [10.17238/issn2227-6564.2018.4.94](https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.4.94)

- Emirova A.M. 1988. Russkaya frazeologiya v kommunikativnom aspekte [Russian phraseology in the communicative aspect]. Abstract dis. ... cand. philol. Sciences. Tashkent, 22 p.
- Kiguta P.N., Gathigia M. G., Ndung'u K. W. 2020. A Semantic Analysis of Absent Subjects of Idioms in Gikũyũ. *Advances in Language and Literary Studies*, 3(11): 9–16. DOI: [10.7575/aial.v.11n.3p.9](https://doi.org/10.7575/aial.v.11n.3p.9)
- Faloju J.O., Oyewale A.S. 2020. The depiction of animal behavioural patterns in selected Russian and Yoruba proverbs and sayings. *A journal of Language and Literary Studies*, 2(19): 1–20.
- Saidakbarova S.P. 2020. Fruit And Vegetables... Exploring Gastronomic Idioms In English And Uzbek (The Linguo-Cultural Analysis Of English And Uzbek Phraseological Units With The Components Fruit And Vegetables). *Current Research Journal of Philological Sciences*, 1(1): 24–32. DOI: <https://doi.org/10.37547/crjps/Volume01Issue01-5>

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05.02.2023

Received February 05, 2023

Поступила после рецензирования 17.04.2023

Revised April 17, 2023

Принята к публикации 10.06.2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лазарева Яна Владимировна, ассистент кафедры второго иностранного языка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Yana V. Lazareva, assistant of the department of the second foreign language, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia



УДК 81-139

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-2-349-357

Philological Knowledge and Philological Analysis as Part of the Memory Studies Research Area

Andrey A. Lipgart, Olga D. Vishnyakova

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russian
E-mail: a_lipgart@mail.ru, ol-vish@mail.ru

Abstract: Within the Memory Studies research area the use of the philological approach occupies a lacuna position due to the actual absence of analytical works devoted to this issue, which determines the relevance of the study in question as well as its theoretical and scientific-practical significance. The purpose of the investigation is to establish the validity of the philological analysis methods application to the study of literary works in terms of its results expansion into the Memory Studies research field, with special attention to the social and historical significance of events that serve as an impetus for artistic text creation. The methodological basis of the research deals with complex approach to the analysis of the artistic text, which includes the use of methods obtained as the result of philological knowledge development as referred to vertical and global philological context issues. This concerns creative techniques and strategies implementation, as well as the process of penetration into socio-historical and worldview phenomena, characteristic of the given historical period, along with a certain literary tradition. In the course of the investigation we may come to the conclusion that the philological basis of the work by William Shakespeare under consideration is an allegory containing a large number of social and historical implications. The results obtained enable the researcher to use them both as the stimulus for further philological studies as well as the basis for the investigation within the Memory studies research field.

Keywords: literary artistic text, global philological context, vertical context, philological background knowledge, Shakespeare, allegory, Memory Studies, social-historical implications

For citation: Lipgart A.A., Vishnyakova O.D. 2023. Philological Knowledge and Philological Analysis as Part of the Memory Studies Research Area. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2): 349–357 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-349-357

Филологическое знание и филологический анализ в составе исследовательской области Memory Studies

Липгарт А.А., Вишнякова О.Д.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
E-mail: a_lipgart@mail.ru, ol-vish@mail.ru

Аннотация. В исследовательской области Memory Studies использование филологического подхода занимает лакунарную позицию в связи с фактическим отсутствием аналитических работ, посвященных данной проблематике. Цель работы – выявление валидности применения методов филологического анализа к изучению литературно-художественного произведения с точки зрения использования его результатов в исследовательском поле Memory Studies, с особым вниманием к социальной и исторической значимости событий, выступающих в качестве побудительного начала в создании художественного текста. Методологической основой исследования послужил комплексный подход к анализу художественного текста, включающий применение полученных в результате развития филологического знания методов вертикального контекста и глобального филологического контекста, позволяющих раскрыть сущность реализации творческих приемов и



стратегий в художественном тексте, а также проникнуть в суть социально-исторических и мировоззренческих явлений, характерных для данного исторического периода, наряду с особенностями литературной традиции, обусловленной определенной эпохой. Основным результатом проведенного анализа явился установленный в ходе исследования факт, что филологической основой рассматриваемого произведения Уильяма Шекспира является аллегория, содержащая большое количество социально-исторических импликаций, что позволяет оценить как собственно научную филологическую значимость данного произведения, так и выявить очевидную необходимость осмысления полученных данных в терминах исследовательской концепции Memory Studies.

Ключевые слова: литературно-художественный текст, глобальный филологический контекст, вертикальный контекст, филологическое фоновое знание, Шекспир, аллегория, Memory Studies, социально-исторические импликации

Для цитирования: Lipgart A.A., Vishnyakova O.D. 2023. Philological Knowledge and Philological Analysis as Part of the Memory Studies Research Area. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2): 349–357 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-349-357

Introduction

The problem of information and knowledge correlation as referred to natural human language representation occupies a special place within the domain of significant scientific problems of interdisciplinary character. It is a well-established fact that knowledge is a set of formalized experience, values, contextual information and interpretation, which form the basis for the evaluation and integration of new experience and information processing represented via new knowledge formats in human mind and language [Prokhorova et al., 2012, p. 104–110]. The formats in question are discussed in the field of cognitive science primarily; as for their linguistic representation, they refer to the application of their specific peculiarities and respective abilities, and to the field of philological investigation in terms of the functional approach [Vishnyakova et al., 2022, p. 704]. The connection between language and thinking is manifested in human cognitive activity and finds its representation in various areas, among which human memory as a repository of past experience occupies a special and very significant place. Language, along with other carriers of human memory, is the most important construct and representative of images of the past and present, as well as the prospect of constructing the future. Here both the collective and the individual types of memory as well as their interrelation should be taken into account. As is well-known, the Memory studies investigation procedures are applied to the Humanities area and, according to a number of authors, there is still much to discuss and find out as regards their empirical base and research methodology elaboration [Kansteiner, 2002; Roediger, Wertsch, 2008].

The philological approach to the analysis of literary texts can be regarded as an integral part of the research conducted in the field of Memory studies that is of an interdisciplinary character. It is assumed that within the Memory studies investigation area, where the category of narrative tends to be the basic research category, the notion in question can refer to any kind and genre of literary text that possesses social and historical information.

The purpose of the present investigation concerns the problem of the validity of philological approach in connection with the Memory studies research area and procedures. As has been mentioned above, the new investigation area in question has not received all the attention it deserves from the point of view of philology based on linguistics and literary studies. As can be seen from a number of publications Memory studies analysis mostly deals with other branches of science that refer to the domain of the Humanities, such as Sociology, Political Studies, etc. and has not yet been considered in terms of philology except for a few separate works of Russian linguists [Vishnyakova et al., 2022] Thus, the topicality of the problem under consideration deals with the urgent need to conduct research in the field of interdisciplinary relations of philology and

other scientific domains in order to elaborate the new methodology in terms of text analysis application to Memory studies procedures.

The most important role in understanding the specifics of a literary text, which reflects the peculiarities of the epoch, belongs to a certain literary method as well as the use of the appropriate artistic techniques that allow one to penetrate into the essence of the historical events and social processes both explicitly and implicitly presented in the work of literature. As for the methodology, which lies in the basis of the analysis in question, the deep and thorough investigation of a literary work is stipulated via means of vertical context and global philological context interconnection that helps to identify literary text creative techniques and strategies, as well as the circumstances and world-view specificity, typical of a certain historical period. The attempt to demonstrate the particular role of allegory as the philological basis of William Shakespeare's work "The Rape of Lucrece" is made, for allegory here possesses a great number of social historical implications, and its analysis enables one to appreciate both the linguistic and literary significance of the text in question as well as the results of the philological research and philological knowledge application forming the indispensable foundation for the Memory studies analytical process.

Methodology

The traditionally singled out basic sections of philology are linguistics and literary criticism, and, according to D.S. Likhachev, one of the most important principles of philological cognizance is that of historicism based on the notion of historical credibility [Likhachev, 1989], as it refers to the facts of culture and concerns itself with the process of the conventional reflection of historical reality interconnected with virtual artistic space creation through text. This interconnection is determined by the particular epoch and the genre a certain work of art belongs to. It should be noted in this connection that genre conceptions deserve special attention not only from the point of view of literary process analysis, but also in terms of Memory studies investigation procedures [Erll, Nünning, 2005; Echterhoff, 2008]. Philological knowledge can be discussed in terms of its poly-paradigmatic character and defined as the result of the cognition of reality on the basis of penetration into the text material, which causes special informative and emotional state of consciousness obtained by a human being in the course of the active reflection and the reproduction of the vigour of real and unreal worlds represented as the outcome of creative processing and skillful linguistic performance. These methodological principles underlie global philological analysis of literary text procedures, which allows to penetrate into the essence of epochal transformations and manifestations that concern the direct impact on the process of artistic reality formation, in some cases reflecting the spirit and the specifics of a certain historical era no less accurately and thoroughly than precise fixations of a historian. This happens due to the use of the emotional-expressive-evaluative potential of language, aimed at recreating emotional and mental states of man within a given social and historical environment. It is this specificity of the philological description and analysis that determines the importance of including the area of philological knowledge into the broad research context of the Memory Studies domain.

Within the domain of philology the reliable methodology has been elaborated by O.S. Akhmanova and her followers, in which such issues as socio-historical and global philological vertical contexts became part and parcel of philological analysis [Akhmanova, Gyubbenet, 1977; Lipgart, 2018]. The notion of vertical context, proposed in the 70-s of the last century and developed by a number of scholars, refers to the information of historical and philological character objectively incorporated in a given literary work (or literary movement), whose understanding requires the possession of certain background knowledge. But not only that. In this case, the concept of *philological knowledge* in the proper sense of the word comes to the fore. Generally speaking, the notion of philological knowledge can be referred to the issues of vertical context as well as the global philological context reflecting the socio-historical and philosophical aspects of the literary process. It is a well-established fact that the approaches to Memory studies differ in terms of their basic



gnoseological and axiological premises, which may refer to the modes and principles that some of the literary works as well as their descriptions and criticism are based on. For example, in the course of the analysis one can be confronted with arguments borrowed from the relativistic theory with its basic postulate that absolute truths or values simply do not exist and man is a measure of all things regardless of scientific knowledge or objective data [Vesey, Foulkes, 1990, p. 253-254]. It goes without saying that the conceptual basis of the study in question refers to the notion of the global philological context representation, which includes the entire specter of conditions and factors under which a literary work is created.

Results and Discussion

Memory studies are particularly difficult to conduct when some influential group of ideologically engaged literati has done its best to erase the very mentioning of the facts and people central to a certain episode of history. Distant though the sixteenth century England may seem to us, its literature is privileged to have been honoured by the presence of no less a person than William Shakespeare himself, whose life and works have been studied meticulously by generations of scholars. This being objectively so, one might surmise that at least here memory will remain intact and no deliberate subterfuge or natural obliteration will take place.

This, however, is most emphatically not the case, for this period in the English history has been doctored with exceptional thoroughness as it was marked by the religious reforms which led to the global destruction of the existing social system, to murder and execution on an unprecedented scale and to the redistribution of property comparable only to the period of the Norman Conquest. The people on the winning side and their descendants who understood that their political gains and financial success could have disappeared at any moment had the representatives of the old Catholic aristocracy returned to the position of power had a vested interest in whitewashing the more problematic historical figures like King Henry VIII a little greyer, in altogether suppressing the more unpalatable evidence and in placing what remains into a shockingly false cultural paradigm. This approach practiced for about 4 hundred years has resulted among other things in rendering some literary texts written by Shakespeare and his contemporaries both tedious and barely comprehensible, and to recover the true meaning of these texts and to appreciate their aesthetic value we are to reconstruct both the context in which they were created and to explain why the texts which were widely acclaimed by Shakespeare's contemporaries, for example, are no longer admired even by professional philologists.

William Shakespeare's narrative poem "The Rape of Lucrece" [The Complete Works of William Shakespeare, 1954, pp. 1087-1105], published in 1594, may be treated as a brilliant illustration of the validity of memory studies. The heroine of this poem, wife to a Roman general Collatine, is raped by Tarquin, son to the last Roman king, after which Lucrece divulges the details of this horrifying experience to her father and to her husband and then commits suicide, unable to cope with the infamy of the event. The initially bewildered relatives supported by their friends revolt against the regime, Tarquin and his family are exiled and the republican rule is eventually established in Rome. The text containing 1855 lines thus conveniently retold, a modern reader may assume that this poem, whose content may be summarized in 7 lines, really deserves the dismissive attitude adopted even by professionals and that here Shakespeare who is generally not defamed for wordiness and muddle-headedness had for once lost his intellectual vigour and the power of discrimination. Except that he had not.

For Shakespeare's contemporaries this text was so exciting that it ran into 6 separate editions during the poet's lifetime, an achievement not seconded even by "Hamlet" with its 3 editions or by the Sonnets which were published only once. The still extant copies of the poem survive in the form of shreds, so enthusiastically had they been read by the grateful audiences. This alone taken into account, one may feel a bit uncomfortable about the awkward fact that modern anthologies of English literature do without this narrative poem: in the six thousand pages of "The Norton Anthology of English Literature" [Abrams, 2012] no place for "The Rape of Lucrece" was found;

equally oblivious are the compilers of “The Norton Anthology of Poetry” with its 2182 pages of densely printed text [The Norton ..., 2005]. If we allow Shakespeare’s contemporaries at least some measure of good taste, can it be that something is wrong with the present-day treatment of the poem and that in this case it is not the contemporaries’, but the modern editors’ collective memory that fatally fails them or is fatally flawed?

It is next to impossible to imagine that the Shakespeare editors – the undoubtedly learned people that they are – are unaware of the fact that “The Rape of Lucrece” continues the time-honoured tradition of representing the Lucrece story popular among the writers and painters since antiquity. Equally implausible is the assumption that the editors are not familiar with the non-Lucrecian texts by Shakespeare’s contemporaries or near-contemporaries who had repeatedly developed the subject of the male domination over their reluctant feminine partners forcibly made to accept the advances of the predators or preferring death to the violation of their human integrity. The texts in question are predictably unanthologized: Edmund Spenser’s “Complaints”, Samuel Daniel’s “The Complaint of Rosamond”, Michael’s Drayton’s “Matilda the Fair” have been ignored by the Norton editorial boards, though some other works by these authors are found in the anthologies, while Thomas Churchyard for all his popularity among the Elizabethans is missing altogether, the Jane Shore we encounter in “The Norton Anthology of Poetry” [The Norton ..., 2005, p.1952-1954] being an obscure 20th century writer (b. 1947) and not the Jane Shore from Churchyard’s poem “Shore’s Wife”. The literary texts just mentioned formed part of William Shakespeare’s and his contemporaries’ collective memory [Asquith, 2018], but modern editors obligingly remove them from the collective memory of modern readers on the grounds that “Mirror for Magistrates”, for example, which includes Churchyard’s poem, has no “literary merit” [Harvey, 1967, p. 547] – with the notable exception of Thomas Sackville’s contribution to the 1563 edition.

Literary merit thus denied to the numerous works belonging to the genre of lamentations, Shakespeare’s narrative poem is treated by many with comparable irreverence – because it is, unbelievably, “overstocked with words” [Shakespeare, 2008, p. 58], which implies that literary merit here is also questionable. The simple fact that the allegedly long-winded texts like “The Rape of Lucrece” may be long because they contain more than the mere plot and are endowed with the additional allusive plane seems uncorroborated to the relativist minded critics who insist that in Shakespeare’s case the immanent approach to interpretation is the only acceptable one and that looking for allegory in his texts is no more and no less than “the category error” [Kastan, 2014, p. 39]. According to David Scott Kastan, one of the leading relativists in modern Shakespeareology, nothing is known for sure about Shakespeare’s religious beliefs, the much talked-of topicality of his texts cannot be proved either, the discussion of the nation’s collective memory is irrelevant, and as a result what we are left with when reading his texts is the intricate interweaving of words used to pass on immediate plots [Kastan, 2014]. What Kastan insists on is that if a particular allegorical interpretation cannot be proved to be the only possible explanation of the idea of a text, it means that the author of this text made no use of allegory generally. An interesting twist of logic it is, analogous to saying that if a certain man once mistook a certain dog for a cat, cats as a category do not exist.

To us it is the relativist approach as practiced by Kastan and many others that appears to be the truly colossal category error. It is not just a matter of choosing the wrong methodology and of marginalizing the contrary evidence, which in Kastan’s book is carried out to the letter: when introducing the contrary evidence he periodically relegates the names of the opponents and the titles of their works [Asquith, 2005; Milward, 1997; Wilson, 2004] to the notes, resorting to this childish trick in order to retain the intellectual virginity of the less inquisitive reader [Kastan, 2014, p. 48]. However innocent its postulates, relativism in the long run leads to destroying the conditions for critical thinking, it compromises both creative intellectual effort and people capable of it, and derides the very concept of collective memory. Aghast at the subterfuge, the intellectually alert scholars and thinkers keep defying relativism, and further on we will try to make our modest contribution to fighting the relativist tendencies as displayed by some specialists in the Shakespeare studies.



In our case it will be an attempt to prove that allegory lies at the very heart of “The Rape of Lucrece” and that the tacit negative assessment of this text, offered by some Shakespeareologists, is due to the deliberate eradication of an all-important layer of historical and literary information from the collective memory of so many readers of Shakespeare.

Stunned by the relativist revelations to the effect that in Shakespeare studies discussing allegory is a category error, and at the same time knowing for sure that allegory permeates the 16th century English literature, one feels somewhat at a loss when thinking of what to begin with in order to refute this revoltingly untrue thesis.

Should it be Cardinal Wolsey’s opulent style of living and his overreaching himself in closing some monasteries and confiscating monastic lands and wealth that had alerted Henry VIII to the hitherto unheard-of opportunities in dealing with the English church, very much the same way the boastful Collatine of Shakespeare’s poem had inflamed Tarquin’s imagination and triggered his envy at the very beginning of “The Rape of Lucrece”?

Should it be the credentials of King Henry VIII as a rapist who in close cooperation with some eager opportunists had succeeded in destroying the very heart of his country – its Catholic religion and can thus be allegorically identified as the Tarquin of “The Rape of Lucrece”? When Lucrece says (601) that Tarquin is “a god, a king” (though technically he is just a king’s son) and then compares him, “a sovereign king”, to “a sea” (652), and when later she herself is called “the late-sacked island” (1740), “bare and unpeopled” (1741), are we to take these words literally and not allegorically, thus getting to the very limit of absurdity? The poem is allegorical throughout, and allegory in it is consistent, as the reader repeatedly comes across metaphors like “her bare breast, the heart of all her land” (439), “to make the breach and enter this sweet city” (469), a “never-conquered fort” (482) describing Lucrece before the rape, and phrases like “her mansion battered by the enemy” (1171) and “If in this blemished fort I make some whole” (1175) showing the sorry state of the main character of the poem after she is ravished.

Should it be Henry’s initial indecision, closely resembling Tarquin’s initial qualms, when the English king was gathering the opinions of the leading European legal and ecclesiastical authorities to get support for his plans to annul the marriage with his first wife? Once decided upon breaking with Rome and annulling his marriage, as well as on confiscating the church property and on closing the monasteries, Henry acted with lightning and ruthless efficiency aided by his perversely capable minister Thomas Cromwell, a former disciple of Cardinal Wolsey, but the decision itself had been carefully premeditated.

Should it be the activities of Henry’s predatory opportunist companions whose policies must have brought forth Lucrece’s otherwise inexplicable monologue concerning Opportunity and its vile influence over people (874-938)? A choice example of such kind of opportunism, which the addressee of the poem would easily place within the familiar political and ancestral paradigm, is the biography of Thomas Wriothesley (the unscrupulous grandfather of Shakespeare’s patron) who amassed a breathtaking fortune during his decades-long and morally untenable service to the royal family.

Should it be the potentially suicidal debate concerning the possibility of dethroning an incapable or tyrannical monarch – a debate whose participants would sometimes be imprisoned (the way it happened 5 years after the publication of “The Rape of Lucrece” to John Hayward, the author of the play “Henry IV”) or would narrowly escape arrest (this was the case with Shakespeare and his fellow-actors after they performed Shakespeare’s play “Richard II” on the eve of the Essex rebellion, without discarding the notorious deposition scene which had been carefully crossed out by Elizabeth’s censors at the time the play was first performed). Only the geographically inaccessible and carefully guarded luminaries like cardinal Robert Bellarmine could feel safe when involved in such kind of polemics.

Should it be “Venus and Adonis” by William Shakespeare (1593) as an explicit allegorical answer to John Clapham’s Latin poem “Narcissus” (the central image here being that of an irresponsible and wayward handsome young man whose untimely death was caused by self-love)?

“Narcissus” was commissioned by William Cecil (the guardian of so many orphaned underage English aristocrats, Henry Wriothesley, the Earl of Southampton, included) and was addressed humiliateingly to the very same Earl of Southampton, the only known benefactor of Shakespeare and the dedicatee of his two narrative poems. In “Venus and Adonis” the situation is reversed, the youthful Adonis is not a self-loving, but a lovable character, victim to the predatory passion of the ageing Venus who is instantly recognizable as Queen Elizabeth I. Lascivious and flippant though it may seem to an uninitiated reader, “Venus and Adonis” in fact is also a sobering reminder of the grave dangers and the grave perils people like Southampton faced on the daily basis because of the hostility of the powers that be, and it comes as no surprise that next year Shakespeare would present to Henry Wriothesley the results of “the graver labour” he had promised to his patron in the dedication to “Venus and Adonis”. Whatever the objective differences between the two narrative poems by Shakespeare, the key political message they bear, as neatly summarized by Clare Asquith, is very much the same: “death awaits those who allow themselves to be diverted, delayed, and finally overcome by those in power” [Asquith, 2018, p.156].

Should it be the suppression of the allegorical texts like Edmund Spenser’s poem “Mother Hubbard’s Tale” (1591) or “The Isle of Dogs”, a comedy by Thomas Nashe and Ben Jonson (1597), whose performers ended up in jail? Elizabeth’s censors and pursuivants were advanced interpreters of seditious allegory and were keen on rooting it out, unafraid of falling into a category error much detested and sweepingly diagnosed by modern relativists.

Should it be the unseemly competition between Lucrece’s father and husband for the ownership of her soul when they start quarrelling over her dead body, the way various factions within Catholicism claimed to be the sole inheritors of the true spirit of the pre-Reformation England? After some altercation, Collatine and Lucretius are brought to their senses by Lucius Junius Brutus, an enigmatic figure, either promising a coherent national opposition leadership in the absence of one, or hinting at a possibility of acclaimed émigré military commanders like William Stanley returning to their native country at the head of a foreign expeditionary force.

It is our firm belief that all the eight points neatly summarized by Clare Asquith [Asquith, 2018] and discussed above at some length – concerning 1) Wolsey the fortune amasser causing the ill-fated envy of his royal master, 2) Henry VIII the rapist, 3) Henry VIII the unready, 4) Henry’s opportunist companions, 5) the admissibility of tyranny, 6) the interpretation of “Venus and Adonis”, 7) the suppression of allegorical texts, 8) the final part of “The Rape of Lucrece” – did form part of the collective memory of Shakespeare’s contemporaries, which is to be reconstructed nowadays by all those interested in understanding the true meaning of his second narrative poem. If relativists try to cast this interpretation aside as fanciful and irrelevant, one simple argument will suffice to undo their refutation: in 1613, not long before he left London for good, Shakespeare bought the so-called Blackfriars Gatehouse which had served as an illicit Mass-centre before the purchase and which would continue serving in this capacity during Shakespeare’s tenancy of it and further on after his death, until the Fatal Vespers of 1623 brought irreparable damage upon the house both in the physical and in the political sense [Lipgart, 2018]. This dangerous act of lending respectability to the property to be used by people commonly described as traitors shows Shakespeare’s habitual verve and elan and, coupled with his father’s Spiritual Testament, his family and personal ties with the condemned Catholics, his intensely pro-Catholic poem “The Phoenix and the Turtle” (1601), to name but a few, allows one to confidently interpret his allegorical texts within the paradigm of recusancy, non-conformism and resistance typical of the social and religious milieu he had been born into.

Conclusion

Philological knowledge with its analytical and creative potential is regarded as part and parcel not only of the philological analysis proper. It also plays an important role in the Memory studies research process. Philology combines both linguistic and literary aspects of the analysis and is used as the scientific basis for understanding the role of language in historical information



transfer via means of various linguistic and literary devices appropriate for a certain period of the society historical development. A convincing example illustrating the point is the use of allegory in works by Shakespeare. Here it is intended not only to produce a certain stylistic effect typical of the world of imagery but also to encode the specifics of the epoch it characterises in terms of certain creative method and information transfer issues. The analysis of the functions in question is determined by the profound knowledge and skills of a scholar who is required to be a real expert to understand the intricacies of the global philological context. Philological knowledge within the Memory studies investigational paradigm underlies the processing of information accumulated and ordered in a certain historical period, and also the phenomenon of new knowledge production in the field of collective and individual memory manifestations, samples of which may be excerpted from the literary art thesaurus.

References

Список литературы

- Akhmanova O.S., Gyubbenet I.V. 1977. «Vertikal'nyy kontekst» kak filologicheskaya problema ["Vertical context" as a philological problem]. *Voprosy yazykoznaneya*, 3: 47–54.
- Ахманова О.С., Гюббенет И.В. 1977. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема. *Вопросы языкознания*, 3: 47–54.
- Assman Ya. 2004. Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural memory and early civilization. Writing, remembrance, and political imagination]. M., Yazyki slavyanskoy kul'tury [The languages of the Slavic culture], 368. (Assman J. 1992. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. Beck, München, 344)
- Vishnyakova O.D., Lipgart A.A., Martyushova N.O. 2022. The Study of Memory in Linguistics: An Interdisciplinary Approach. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(4): 700–706 (in Russian). DOI: [10.52575/2712-7451-2022-41-4-700-706](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-4-700-706)
- Вишнякова О.Д., Липгарт А.А., Мартюшова Н.О. 2022. Проблема исследования памяти в лингвистике: междисциплинарный подход. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 41(4): 700–706. DOI: [10.52575/2712-7451-2022-41-4-700-706](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-4-700-706)
- Vishnyakova O.D., Martyushova N.O. 2022. Past events collective memory in linguistic perspective: case-study of the British royal family speeches. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 8(3): 3-19. DOI: [10.18413/2313-8912-2022-8-3-0-1](https://doi.org/10.18413/2313-8912-2022-8-3-0-1)
- Вишнякова О.Д., Мартюшова Н.О. 2022. Коллективная память о прошедших событиях в лингвистическом освещении: опыт анализа речей членов королевской семьи Великобритании. *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 8(3): 3-19. DOI: [10.18413/2313-8912-2022-8-3-0-1](https://doi.org/10.18413/2313-8912-2022-8-3-0-1)
- Lipgart A.A. 2018. On interpreting some facts of william shakespeare's life and works: "The phoenix and the turtle" and the purchase of real estate in London. *Stephanos*, 2(28): 110-129 (in Russia). DOI: [10.24249/2309-9917-2018-28-2-110-129](https://doi.org/10.24249/2309-9917-2018-28-2-110-129)
- Липгарт А.А. 2018. К проблеме интерпретации фактов жизни и творчества Уильяма Шекспира: поэма «Феникс и Голубь» и покупка недвижимости в Лондоне. *Stephanos*, 2(28): 110–129. DOI: [10.24249/2309-9917-2018-28-2-110-129](https://doi.org/10.24249/2309-9917-2018-28-2-110-129)
- Likhachev D.S. 1989. O filologii [About philology]. M., Publ. Vysshaya shkola, 208 p.
- Лихачев Д.С. 1989. О филологии. М., Высшая школа, 208 с.
- Prokhorova O.N., Chekulay I.V., Bagana Zh., Kuprieva I.A., Sapronova E.A. 2012. The problem of cognition process reflection in the language sphere: conceptual basis research. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 24(16): 104–110.
- Проخورова О.Н., Чекулай И.В., Багана Ж., Куприева И.А., Сапронова Е.А. 2012. Отражение процесса познания в языке: в поисках концептуальных оснований. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 24(16): 104–110.
- Abrams M.H. 2012. The Norton Anthology of English Literature. In 2 vol. Vol. 1. Eds. S. Greenblatt, C.T. Christ, & 12 más. New York, London, W.W. Norton & Company, 3078 p.
- Asquith C. 2005. Shadowplay: The Hidden Beliefs and Coded Politics of William Shakespeare. New York, PublicAffairs, 368 p.

- Asquith C. 2018. Shakespeare and the Resistance: the Earl of Southampton, the Essex Rebellion, and the Poems That Challenged Tudor Tyranny. New York, PublicAffairs, 288 p.
- Confino A. 1997. Collective memory and cultural history: *Problems of method*. *American Historical Review*, 102(5): 1386–1403. DOI: [10.2307/2171069](https://doi.org/10.2307/2171069)
- Echterhoff G. 2008. Language and Memory: Social and Cognitive Processes. In: *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Eds. A. Erll, A. Nünning. Berlin, N. Y., De Gruyter: 263–274. DOI: [10.1515/9783110207262.4.263](https://doi.org/10.1515/9783110207262.4.263)
- Erll A., Nünning A. 2005. Where Literature and Memory Meet: Towards a Systematic Approach to the Concepts of Memory used in Literary Studies. In: *Literature, Literary History and Cultural Memory*. Vol. 21. Ed. by Herbert Grabes. Gunter Narr Verlag Tübingen: 261–294.
- Harvey P. 1967. *The Oxford Companion to English Literature*. Ed. P. Harvey. Oxford, Oxford University Press, 961 p.
- Kansteiner W. 2002. Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies. *History and theory*, 41(2): 179–197. DOI: 10.1111/0018-2656.00198
- Kastan D.S. 2014. *A Will to Believe: Shakespeare and Religion*. Oxford, Oxford University Press, 168 p.
- Nelson K. 2003. Self and social function: Individual autobiographical memory and collective memory. *Integrative Psychological & Behavioral Science*, 50(2): 296–319. DOI: [10.1007/s12124-015-9330-6](https://doi.org/10.1007/s12124-015-9330-6)
- Milward P. 1997. *The Catholicism of Shakespeare's Plays*. Southampton, Saint Austin Press, 148 p.
- Roediger H.L., Wertsch J.V. 2008. Creating a new discipline of memory studies. *Memory Studies*, 1(1): 9–22. DOI: [10.1177/1750698007083884](https://doi.org/10.1177/1750698007083884)
- Shakespeare W. 2008. *The Oxford Shakespeare: The Complete Sonnets and Poems*. Ed. by C. Burrow. Oxford, Oxford University Press, 768 p.
- The Norton Anthology of Poetry*. 2005. Eds. M. Ferguson, M.J. Salter, J. Stallworthy. New York, London, W.W. Norton & Company, 2182 p.
- Vesey G., Foulkes P. 1990. *Collins Dictionary of Philosophy*. Harpercollins Publishers (Harper Collins), Glasgow, Great Britain, 300 p.
- Wilson R. 2004. *Secret Shakespeare: Studies in Theatre, Religion and Resistance*. Manchester University Press, 326 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.01.2023

Поступила после рецензирования 20.03.2023

Принята к публикации 10.06.2023

Received January 20, 2023

Revised March 20, 2023

Accepted June 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Липгарт Андрей Александрович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета, исполняющий обязанности декана филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Вишнякова Ольга Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey A. Lipgart, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Linguistics of the Faculty of Philology, Acting Dean of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Olga D. Vishnyakova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia



УДК 81'282.8
DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-2-358-366

Словообразовательные процессы в нигерийском варианте английского языка иммигрантов, проживающих в Великобритании

Майданский М.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: maydanskiy@bsu.edu.ru

Аннотация. С увеличением темпов иммиграционных процессов и контактов значительно различающихся между собой культур в последние годы растет актуальность изучения специфических особенностей английского языка иммигрантов. Исследования данной тематики далеко не всегда успевают отражать современные реалии, в частности процессы развития английского языка среди иммигрантов. Целью исследования является рассмотрение словообразовательных процессов в нигерийском варианте английского языка иммигрантов и нигерийском территориальном варианте в соответствии с периодами развития процесса иммиграции в Великобританию. Работа учитывает мотивацию и условия проживания нигерийских иммигрантов. В результате исследования установлено, что ключевой особенностью развития нигерийского варианта английского языка иммигрантов является процесс его сближения с британским английским, в то время как нигерийский английский подвержен обратному процессу – креолизации. Другими элементами новизны является исследование лексических единиц данного варианта английского языка, сформированных путем словосложения, аффиксации и лексической редукции, а также иллюстративный материал для каждой из вышеупомянутых групп. При этом учитываются такие основополагающие характеристики словообразования, как редупликация и принадлежность производной лексики к британскому английскому или нигерийским языкам.

Ключевые слова: нигерийский вариант английского языка иммигрантов, словообразование, словосложение, аффиксация, лексическая редукция, иммиграция

Для цитирования: Майданский М.А. 2023. Словообразовательные процессы в нигерийском варианте английского языка иммигрантов, проживающих в Великобритании. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(2): 358–366. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-358-366

Word Formation Processes in the Nigerian Variant of the English Language of Immigrants Living in Great Britain

Maxim A. Maidansky

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: maydanskiy@bsu.edu.ru

Abstract. In recent years, with the increasing pace of immigration processes and contacts between significantly different cultures, the relevance of studying the specific features of immigrant English has grown. Studies of this topic are far from being able to reflect contemporary realities – in particular, processes of English language development among immigrants. The purpose of the article is to study word-formation processes in the Nigerian variant of the English language of immigrants and the Nigerian territorial variant in accordance with the development periods of immigration to Great Britain. The work also takes into account the motivations and living conditions of Nigerian immigrants in the UK. The author finds that a key feature of the development of the Nigerian variant of immigrant English is the process of

its convergence with British English, while Nigerian English is subject to the inverse process of creolisation. Other elements of novelty are the study of the lexical units of this variant of English including word formation, affixation, and lexical reduction, as well as illustrative material for each of the above groups. The fundamental characteristics of word formation, such as reduplication and derivative vocabulary belonging to British English or Nigerian languages, are taken into account.

Keywords: variant of the English language of Nigerian immigrants, word formation, compounding, affixation, lexical reduction, immigration

For citation: Maidansky M.A. 2023. Word Formation Processes in the Nigerian Variant of the English Language of Immigrants Living in Great Britain. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2): 358–366 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-358-366

Введение

Нигерия является одним из наиболее крупных африканских государств и имеет самое большое население на континенте, которое превышает 210 миллионов человек. Ее государственность исторически формировалась под влиянием Великобритании в ходе процесса колонизации, что отразилось и на формировании территориального варианта английского языка.

В течение последних десятилетий наблюдается процесс активной иммиграции из Нигерии в европейские страны, в частности в Великобританию. Данный процесс нашел отражение в языковой среде. Нигерийский вариант английского языка иммигрантов, в сравнении с нигерийским английским, испытывает сильнейшее лингвокультурное влияние со стороны британского английского, в то время как нигерийский английский находится под преобладающим давлением коренных африканских языков, родных для нигерийского населения, а также испытывает заметное влияние со стороны нигерийского пиджина, возникшего на основе английского языка. Если в нигерийском варианте английского языка идет процесс креолизации, то специфической тенденцией нигерийского варианта английского языка иммигрантов является обратный процесс – сближение с британским английским.

Как отмечает Ж. Багана, Африка «характеризуется чрезвычайно высоким культурным и языковым разнообразием, что подразумевает двуязычие (или многоязычие) его населения. Такое разнообразие неизбежно приводит к контактам между языками» [Baghana et al., 2019, с. 240].

С увеличением темпов иммиграционных процессов и контактов значительно различающихся между собой культур в последние годы растет актуальность изучения специфических особенностей английского языка иммигрантов.

В наши дни существенный вклад в исследование функционирования английского языка в африканских культурах вообще и нигерийской культуре в частности вносят труды А.А. Борисовой и Н.Ю. Ильиной [2014], Т.Г. Волошиной [2021], Г.А. Карпова [2013], О. Alakija [2016], S.B. Ekundayo [2013], Н. Igboanusi [2006; 2010], А.Th. Kaan [2013], G.A. Osoba [2014]. В области изучения лексики и семантики английского языка нигерийских иммигрантов в Великобритании следует отметить труды: Ch.A. Adetuyi и A.A. Adeniran [2017], S.B. Ekundayo и P. Balogun [2013], R. Blench [2005], F.A. Kperogi [2015]. Исследования данной тематики далеко не всегда успевают отражать современные реалии, в частности процессы развития английского языка среди иммигрантов.

Целью исследования является рассмотрение словообразовательных процессов в нигерийском варианте английского языка иммигрантов и нигерийском территориальном варианте. Реализация этой цели требует понимания сложившейся на данный момент языковой ситуации, анализа исторические причины миграционных процессов, учета мотивации и условий проживания нигерийских иммигрантов в различные периоды развития процесса иммиграции в Великобританию.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования являются лексические единицы нигерийского варианта английского языка иммигрантов в Великобритании (далее – НВАЯИ), появившиеся в итоге различных словообразовательных процессов. В работе использовались такие методы, как лингвистическое наблюдение и описание, сравнительно-сопоставительный и аналитический методы при исследовании письменных источников, в том числе словарей, художественной и публицистической литературы.

Историко-культурный контекст исследования

Процесс миграции из Африки (как и из Латинской Америки) в Европу обычно делится на три периода – доколониальный, колониальный и постколониальный. Исследования диаспор отдельных африканских стран встречаются в зарубежной научной литературе намного реже в сравнении с изучением глобальной африканской диаспоры. Как утверждает George Shepperson [1993], подобная ситуация отражает коллективный опыт подневольного состояния, сложившийся в результате колонизации почти всего африканского континента.

В постколониальный период, начиная с 1960-х годов, происходил значительный рост численности африканцев, в том числе и нигерийцев, прибывающих в Великобританию для обучения. После недолгого периода учебы за границей значительная часть нигерийцев вернулась домой, чтобы стать частью новой республики. Но по мере ухудшения политической ситуации и уровня жизни в Нигерии в конце 1980-х и 1990-х годах начался обратный отток населения в Великобританию.

Уровень квалификации иммигрантов в Великобритании сильно разнится. Они могут быть как квалифицированными специалистами, так и не иметь профессии вообще. К первой группе относятся врачи, медсестры, юристы, фармацевты и инженеры, меняющие место жительства по экономическим причинам. Как отмечает Karl Maier, «Нигерия гордилась одним из первых университетов Третьего мира, основанном в юго-западном городе Ибадан, и выпустившем сотни юристов, медиков и инженеров. Сразу после обретения независимости в университет поступили 1400 студентов» [Maier, 2000, с. 52]. Из-за их социального статуса и заботы о своей репутации миграция среди этой группы обычно законна и не представляет проблем. Однако их решимость эмигрировать нередко приводит к тому, что многие из них по прибытии соглашаются на работу с более низким статусом, а потом временная работа становится постоянной. Некоторые квалифицированные специалисты сначала получают разрешение на работу или разрешение на пребывание, через определенное время получая британское гражданство. Существует и иммиграция для воссоединения с членами семьи, которые уже официально имеют право и проживают в Великобритании.

Peter Aspinall и Martha Chinouya выделяют четыре основных причины иммиграции чернокожих африканцев в Великобританию: «Экономическая миграция (обладатели разрешения на работу, помощники по хозяйству, сезонные сельскохозяйственные рабочие и другие), вынужденная миграция (запросившие убежище или беженцы), воссоединение семей и миграция с целью получения образования (обладатели студенческих виз). Кроме того, хотя в статистике переписи населения это практически не учитывается, по всей видимости, существует значительное число нелегально находящихся в стране чернокожих африканцев без документов и молодых людей, ставших жертвами торговли людьми» [Aspinall, Chinouya, 2016, с. 44]. Иммигранты, остающиеся в Великобритании на всю жизнь, а иногда и их дети впоследствии склонны идеализировать идею возвращения домой, хотя это трудноосуществимо и в настоящее время происходит довольно редко.

Начало массового переселения темнокожих африканцев во второй половине XX века происходило во время серьезной экономической реструктуризации в городах Великобритании и Африке [Robinson, 1989]. Углубляющийся экономический кризис 1980-х годов

заставил многих африканцев, зачастую бедных и необразованных, вести кочевой образ жизни, перемещаясь между странами Северной Америки, Европы и Ближнего Востока.

В Великобритании в 1970-х годах сокращалось количество рабочих мест в обрабатывающей промышленности, и это стало серьезным ударом для благосостояния иммигрантов. В 1980-х реструктуризация сферы трудоустройства привела к расширению сферы финансовых услуг с ее многочисленными профессиональными и управленческими должностями, что сопровождалось ростом числа низкоквалифицированных и неквалифицированных работников сферы услуг [Hamnett, 1991]. Уменьшение рабочей занятости в традиционных для африканцев секторах, таких как транспорт, здравоохранение и местное самоуправление, привело к увеличению числа безработных среди этнических меньшинств.

Исторически сложилась ситуация, при которой прямой найм африканцев на работу практически отсутствовал. В отличие от сфер занятости других этнических групп для африканцев выбор был невелик, за исключением государственной службы здравоохранения, в которой многие занимали низкостатусные должности в качестве вспомогательного персонала: домработниц и в заведениях общественного питания. Подобная дискриминация привела к тому, что стало сложнее получить, например, работу медсестры в государственных учреждениях здравоохранения [Lewis, 1994].

Экономически активные африканцы представлены в трех ведущих социально-экономических группах (работники технических профессий, квалифицированные работники, занимающиеся или не занимающиеся физическим трудом) даже больше, чем в аналогичных группах у белого населения. Это можно объяснить более высоким уровнем квалификации в группе африканцев, зачастую необходимой для иммиграции в Великобританию. При более высоком уровне квалификации в сравнении с мигрантами из стран Карибского бассейна африканцы могут быть более избирательны в выборе профессии.

Самозанятых иммигрантов из Африки всего 2 % от общего количества, треть из них работает менеджерами и администраторами; особенно популярны сферы работы в местных органах власти, а также науки и инженерного дела, преподавания и здравоохранения. Тем не менее занятость темнокожих африканцев наиболее распространена в сфере обслуживания в качестве помощников, уборщиков, продавцов, кассиров, грузчиков и охранников. Изменения на британском рынке труда дали возможность молодым африканцам найти временную неквалифицированную работу в сфере услуг в качестве уборщиков, ночных сторожей и официантов и в то же время получить образование.

Очевидно, что характер занятости иммигрировавших африканцев обуславливает необходимость проживания внутри города, также непостоянный низкооплачиваемый характер работы в сфере услуг снижает вероятность приобретения жилья; ежемесячная заработная плата может едва покрыть выплаты по ипотечному кредиту, а постоянная занятость обычно не гарантирована.

Трудовая квалификация не всегда гарантирует доступ к рынку труда для иммигрантов. Очевидно, что возможности африканцев реализовать свой карьерный выбор более ограничены, чем у других этнических групп. Даже среди тех, кто имеет работу, можно обнаружить высокую степень неполной занятости, когда профессиональные работники вынуждены быть таксистами, уборщиками или охранниками. Похожая ситуация сложилась на всех континентах: С.К. Amisah [1996] утверждает, что дискриминация мешала огромному большинству граждан из стран Субсахарской Африки достичь социально-экономических результатов, соответствующих их квалификации.

Социальные связи играют важную роль в жизни мигрантов, среди африканцев они возникают по этническому, национальному или региональному признаку. Например, народы йоруба могут проживать в одних и тех же районах, но также могут зависеть от связей с другими этническими группами Нигерии и Западной Африки. В Лондоне можно выделить жилые районы, связанные с определенными национальными группами: угандийцы, ганцы и нигерийцы на юге Лондона, сомалийцы в Попларе на востоке Лондона [Atampugre, 1992].



Доступность национальных продуктов питания является основным фактором концентрации африканцев в определенных районах Лондона. Рынок Брикстон, расположенный в лондонском районе Ламбет, служит местом покупок подобных продуктов. Здесь продается самая разнообразная карибская и африканская пища. Темнокожие африканцы, как правило, более строго придерживаются своей традиционной диеты, чем жители Карибского бассейна, которые легче привыкают к особенностям еды местного населения. В Лондоне нередко можно наблюдать успешное предпринимательство среди африканцев, которые занимаются поставкой и продажей национальных продуктов питания.

Можно сказать, что африканцы стремятся в Великобританию для повышения собственного дохода и статуса путем устройства на работу и получения профессионального образования; достижение тех же двух целей в известной мере определяет и их географическое расселение. По этой причине мы наблюдаем непропорционально большую концентрацию африканских иммигрантов в крупных городах и Лондоне. Несмотря на корректировки в иммиграционной политике, происходившие во второй половине XX – начале XXI века, Лондон продолжает быть сильным магнитом для африканцев: здесь предлагаются хорошие возможности для получения образования, а также для устройства на низкооплачиваемую работу, легальную и нелегальную. Многие квалифицированные африканцы остаются без работы или работают неполный рабочий день, поскольку их квалификация в Великобритании оценивается ниже.

Несмотря на широкое представительство в социально-экономических группах, присутствует и класс безработных иммигрантов, которые нередко не имеют квалификации, плохо владеют английским языком и практически не имеют перспектив официального трудоустройства в будущем.

Процессы словообразования в нигерийском варианте английского языка

Словообразование является одним из основных процессов обогащения лексики в НВАЯИ. В современном английском языке стандартно выделяются три способа словообразования: словосложение (сложение двух или более корней различных слов), аффиксация (образование новых слов при помощи приставок и суффиксов) и конверсия (переход слова из одной части речи в другую без изменения его формы).

Как отмечает П.Т. Раджабова, ссылаясь на А.И. Смирницкого, «более одной трети всех новообразований в современном английском языке образуют сложные слова на основе словосложения. Словосложение является одним из наиболее древних и универсальных способов словообразования в английском языке. Процесс словосложения представляет собой сложение двух основ, как правило, омонимичных в английском языке словоформам: *headache, blackboard*» [Раджабова и др., 2016, с. 283].

Что касается территориального варианта нигерийского английского и нигерийского варианта английского языка иммигрантов, проживающих в Великобритании, то в работах зарубежных лингвистов чаще всего встречается словообразование трех видов: словосложение, аффиксальная деривация и лексическая редукция. Последний вид словообразования, как отмечают Ж. Багана и А.Н. Лангнер, порождает лексические единицы, которые «возникают в результате усечения той или иной части или частей исходных лексем разных языков. Встречаются такие виды усечения, как афереза (выпадение начальных звуков в слове), апокопа (усечение конечных звуков) и синкопа (выпадение одного или нескольких звуков в середине слова)» [Багана, Лангнер, 2011, с. 91].

Что касается первого типа, как отмечает П.Т. Раджабова, «словосложение – один из способов словообразования, состоящий в морфологическом соединении двух или более корней (основ). В результате словосложения образуется сложное слово. Некоторые типы сложных слов приближаются по структуре к словосочетаниям и состоят из комбинации целых слов» [Раджабова и др., 2016, с. 283]. В случае НВАЯИ подавляющее количество

подобной лексики образуется из двух слов, что будет учитываться в нашей дальнейшей классификации.

Таким образом, сформированные путем словосложения лексические единицы НВАЯИ можно разделить на три подгруппы (по принадлежности производной лексики к языкам):

- 1) оба производных слова взяты из британского английского или же производное слово редулицируется;
- 2) одно из слов является английским, другое – из нигерийских языков;
- 3) оба производных слова взяты из нигерийских языков (либо одно слово редулицируется).

К первой подгруппе можно отнести слово *chop-bar*. В НВАЯИ британское слово *chop* обрело новый смысл, «еда», которое было совмещено со словом *бар* – *bar* и обозначает недорогое заведение, где можно перекусить:

Even in the failing dusk flies buzzed about in swarms on bins piled high with fufu leftovers from the chop-bar tables [Obuobi, 2019, с. 15].

«Даже в сгущающихся сумерках мухи роями жужжали на мусорных баках, заваленных остатками фуфу, убранных со столов **закусочной**».

Также встречается и редулицирование английского слова, например, *slow-slow*, которое усиливает значение редулицированной единицы, в данном случае означает «очень медленно»:

Please drive slowly-slowly because the road is bad [Igboanusi, 2006, с. 66].

«Пожалуйста, веди машину очень медленно, потому что дорогая плохая».

Что касается второй подгруппы, словосложение при помощи одной составной части из британского английского, а другой – из нигерийских языков, то подобный случай словосложения мы можем видеть в слове *wayoman* (или встречается вариант *wayo man*) – мошенник. Существительное *wayo* в языке хауса означают мошенника, к нему добавляется английское существительное *man* (человек).

В третью подгруппу чаще всего входят редулицированные слова из нигерийских языков, например, *maza* – быстро (язык хауса), *mazamaza* – очень быстро [Nwoko, 2016, с. 85].

Вторая группа слов, образованных при помощи аффиксации, не так частотна, как словосложение в НВАЯИ, однако все еще нередко встречается. Здесь можно выделить префиксацию и суффиксацию, то есть добавление либо приставки, либо суффикса к производному слову, которое взято либо из британского английского, либо африканских языков; префиксы и суффиксы всегда берутся из британского английского. Так, слово *overflow* (переполнять) состоит из двух частей – префикса *over*, означающего избыток и глагола *flood* – затапливать, переполнять. Фактически приставка *over* усиливает значение глагола:

So it means that activities will just come to a halt and it will also overflow the next day [House of Assembly ..., 2003, с. 50].

«Это означает, что деятельность просто остановится, и на следующий день все будет затоплено».

Суффиксация наблюдается в следующем примере:

One is the extreme materialistic money-minded norms of the society, particularly since the oil boom [Nwankwo, 2001, с. 102].

«Одна из них [причин] – крайне материалистические нормы общества, ориентированные на деньги, особенно после нефтяного бума».

Money-minded в НВАЯИ означает человека, который думает только о получении денег или аналогичную особенность чего-либо. Данная лексическая единица состоит из двух производных – существительного *money* (деньги) и суффикса *-minded*, который определяется Кембриджским словарем как *having a particular character, interest, or way of thinking about things* – обладать особым характером, интересами или образом мышления в отношении вещей.



Последняя группа лексики, возникшая в результате лексической редукции не так широко представлена в НВАЯИ, в отличие от словосложения и аффиксации, и встречается относительно редко. Например, слово *acada* является сокращением от прилагательного *academic* – что-либо, относящееся к школе, колледжам или университетам, к системе образования в общем, а также образованного человека:

He gives her a ride, teasing her for being an acada [Griswold, 2018, с. 219].

«Он подвозит ее, дразня за то, что она слишком образованная».

Заключение

Под влиянием процесса миграции нигерийцев в Великобританию нигерийский вариант английского языка претерпевает ряд изменений. Процессы креолизации, характерные для Нигерии, с ее многоязычием, социокультурной и религиозной пестротой, сменяются процессом сближения нигерийского варианта английского языка с британским английским.

Мы рассмотрели процессы словообразования в нигерийском варианте английского языка иммигрантов Великобритании на примере словосложения, аффиксации и лексической редукции. В рамках словосложения были выделены три лексические подгруппы по признаку принадлежности производной лексики к языкам:

- 1) словосложения,
- 2) аффиксации,
- 3) лексической редукции,

и приведен иллюстративный материал для каждой из этих подгрупп.

Полученные результаты дополняют имеющиеся исследования лексических единиц нигерийского английского и нигерийского варианта английского языка иммигрантов в Великобритании. Практическая значимость результатов обусловлена возможностью их применения в сфере создания словарей иноязычных заимствований в английском языке из группы западноафриканских языков и в преподавании контактной лингвистики.

Список источников

- Blench R., Dendo M. 2005. A dictionary of Nigerian English. Cambridge, United Kingdom, CB1 2AL.: 26 p.
House of Assembly Debates ... Official Report. 2003. Нигерия: Rivers State House of Assembly.
Igboanusi H. 2010. A dictionary of Nigerian English usage. Berlin: Münster Lit, 369 p.

Список литературы

References

- Багана Ж., Лангнер А.Н. 2011. О некоторых особенностях заимствования и словообразования в территориальных вариантах французского языка Африки (на материале афрофранцузских прозвищ). *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 18(113): 83–94.
- Bagana Zh., Langner A.N. 2011. Loanword and word-building features of local variants of the french language of africa (the afro-french nicknames studies). *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 18 (113): 83–94 (in Russian).
- Борисова А.А., Ильина Н.Ю. 2014. Особенности функционирования английского языка в Нигерии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*, 2: 42–53.
- Borisova A.A., Il'ina N.Yu. 2014. The Role of the English Language in Nigeria. *Russian Journal of Linguistics*, 2: 42–53 (in Russian).
- Волошина Т.Г. 2021. Лингвокультурологическая креолизация английского языка Нигерии: дис. ... докт. филол. наук. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 472 p.
- Voloshina T.G. 2021. Linguocultural creolization of the English language in Nigeria [Linguocultural creolization of the English language in Nigeria]. *Abstract. dis. ... doct. philol. sciences. Belgorod*, 472 p.

- Карпов Г.А. 2013. Динамика и особенности формирования афро-азиатских сообществ Великобритании во второй половине XX – начале XXI вв.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 190 с.
- Karpov G.A. 2013. Dinamika i osobennosti formirovaniya afro-aziatskikh soobshchestv Velikobritanii vo vtoroy polovine XX – nachale XXI vv [The Dynamics and Peculiarities of the Formation of African-Asian Communities in Great Britain in the Second Half of the 20th and the Beginning of the 21st Centuries] Abstract. dis. ... cand. hist. sciences. Moscow, 190 p.
- Раджабова П.Т., Идрисова П.Г., Агамурадова Р.Ш. 2016. Способы словообразования в современном английском языке на основе словосложения. *Мир науки, культуры, образования*, 4(59): 282–284.
- Radzhabova P.T., Idrisova P.G., Agamuradova R.Sh. 2016. Ways of word formation in modern English on the basis of compounding. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*, 4(59): 282–284 (in Russian).
- Adetuyi, Ch. A., Adeniran, A.A. 2017. Aspects of Semantics of Standard British English and Nigerian English: A Contrastive Study. *English Linguistics Research*, 6(3): 5–14. DOI: [10.5430/elr.v6n3p5](https://doi.org/10.5430/elr.v6n3p5)
- Alakija O. 'Bode. 2016. Mediating Home in Diaspora: Identity Construction of First and Second Generation Nigerian Immigrants in Peckham, London. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy at the University of Leicester. Department of Media and Communication University of Leicester, 317 p.
- Amissah C.K. 1996. Sub-Saharan Africans in the U.S. labor market: the cost of being black. *National Journal of Sociology*, 10: 58–82.
- Aspinall P.J., Chinouya M.J. 2016. The African Diaspora Population in Britain: Migrant, Identities and Experiences. London, Palgrave Macmillan UK, 267 p.
- Atampugre N. 1992. Migrants and development: a study of Ghanaian migrant associations in London. Panos Institute, London.
- Baghana Je., Voloshina T., Slobodová Nováková K. 2019. Morphological and syntactic interference in the context of Franco-Congolese bilingualism. *XLinguae*, 12(3): 240–248. DOI: [10.18355/XL.2019.12.03.18](https://doi.org/10.18355/XL.2019.12.03.18)
- Blench R. 2005. A Dictionary of Nigerian English. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rogerblench.info/Language/English/Nigerian%20English%20Dictionary.pdf> (дата обращения: 24.04.2022).
- Ekundayo S.B. 2013. Lexico-Semantic 'Intraference' in Educated Nigerian English (ENE). *International Journal of English Linguistics*, 3(6): 17–30. DOI: [10.5539/ijel.v3n6p17](https://doi.org/10.5539/ijel.v3n6p17)
- Ekundayo S.B., Balogun P. 2013. The Deployment of Morphological Processes for Socio-Cultural Concepts and Experiences in Educated Nigerian English (ENE). *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*, 2(3): 35–44.
- Griswold W. 2018. Bearing Witness: Readers, Writers, and the Novel in Nigeria. Princeton University Press, 376 p.
- Hamnett C. 1991. Labour markets, housing markets and social restructuring in a global city: the case of London. In: Housing and Labour Markets: Building the Connections. Eds. J. Allen, C. Hamnett. London, Unwin Hyman: 191–213.
- Igboanusi H. 2006. Syntactic innovation processes in Nigerian English. *ES: Revista de filología inglesa*, 27: 61–73.
- Kaan A.Th., Amase Emmanuel L., Tsavmbu A.A. 2013. Nigerian English: Identifying Semantic Features As Variety Markers. *IOSR Journal of Humanities and Social Science*, 16(5): 65–69. DOI: [10.9790/0837-1656569](https://doi.org/10.9790/0837-1656569)
- Kperogi F.A. 2015. Glocal English. The Changing Face and Forms of Nigerian English in a Global World. New York: Peter Lang, 244 p.
- Lewis G. 1994. Black women's employment and the British economy. In Inside Babylon: The Caribbean Diaspora in Britain. Eds. W. James, C. Harris. London, Verso: 73–96.
- Maier K. 2000. This House Has Fallen: Midnight in Nigeria. New York, PublicAffairs, 304 p.
- Nwankwo G.O. 2001. Money, banking, and finance in Nigeria. Evergreen Associates, 250 p.
- Nwoko Ch.N. 2016. Domestication of the English Language in Nigeria: an Examination of Morpho-Syntactic Trends in Nigerian English (Nge). *International Journal of English Language Teaching*, 4(5): 83–91.
- Obuobi G. 2019. Scars of a Calabash Misdeed. Dorrance Publishing Company, Incorporated, 486 p.
- Osofa G.A. 2014. English Idioms in Some Nigerian Print Media: of Norm and Deviation. *English Linguistics Research*, 3: 46–50. DOI: [10.5430/elr.v3n1p46](https://doi.org/10.5430/elr.v3n1p46)



- Robinson V. 1989. Economic restructuring and the black population. In: *Social Problems and the City: New Perspectives*. Eds. D.T. Herbert, D.M. Smith. Oxford, Oxford University Press: 247–270.
- Shepperson. G. 1993. African Diaspora: Concept and Context. In: *Global Dimensions of the African Diaspora*. Ed. Jo.E. Harris. Washington, D.C., Howard University Press: 41–49.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 30.03.2023

Поступила после рецензирования 05.05.2023

Принята к публикации 10.06.2023

Received March 30, 2023

Revised May 05, 2023

Accepted June 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Майданский Максим Андреевич, аналитик дирекции программ стратегического развития и повышения конкурентоспособности, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maxim A. Maidansky, analyst at Directorate of Strategic Development and Competitiveness Programs, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia



УДК 82-1

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-2-367-376

Lexico-Stylistic Flavor of the East in the Linguistic Images of A.S. Pushkin

Shamsuddin Piavrai

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: 1426229@bsu.edu.ru

Abstract. Linguistic images of the East by A.S. Pushkin are distinguished by their unique linguocultural plasticity, combining (a) cultural and historical reality, (b) cognitive metaphor, (c) the author's subjective-evaluative interpretation of a communicative event, (d) reflecting the lexico-stylistic flavor of the East. Onomastic and common orientalisms are considered as a type of lexical borrowings. It is proved that borrowed orientalisms serve not only to eliminate ethnocultural lacunae, but also to create the lexical and stylistic architectonics of the text, its expressive tone and aesthetic perception. In addition, oriental representations of oriental images serve as chronotopic markers, figurative marks indicating the time and place of the corresponding communicative events. The main idea of the study is the idea that linguistic images representing the picture of the world of the East serve not only as a means of banal description of the traditions, life and customs of lyrical heroes, but (and this is their main purpose) as a way of comprehending ethnic consciousness, mental attitude and the value-semantic framework of the eastern mentality.

Keywords: linguistic imagery, East, A.S. Pushkin, symbol, discursive-modus concept, internal form of a figurative wor, cognitive metaphor, cognitive epithet

For citation: Piavrai Sh. 2023. Lexico-Stylistic Flavor of the East in the Linguistic Images of A.S. Pushkin. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2): 367–376 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-367-376

Лексико-стилистический колорит востока в языковых образах А.С. Пушкина

Пиаврай Ш.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 1426229@bsu.edu.ru

Аннотация. Языковые образы Востока А.С. Пушкина отличаются уникальной лингвокультурной пластичностью, сочетающей в себе (а) культурную и историческую реальность, (б) когнитивную метафору, (в) субъективно-оценочную интерпретацию коммуникативного события автором, (г) отражающую лексико-стилистический колорит Востока. Ономастические и общеупотребительные ориентализмы рассматриваются как разновидность лексических заимствований. Доказано, что заимствованные ориентализмы служат не только устранению этнокультурных лакун, но и создают лексическую и стилистическую архитектуру текста, его выразительный тон и эстетическое восприятие. Кроме того, восточные репрезентации восточных образов служат хронотопическими маркерами, образными знаками, указывающими на время и место соответствующих коммуникативных событий. Основной идеей исследования является представление о том, что языковые образы, репрезентирующие картину мира Востока, служат не только средством



банального описания традиций, быта и обычаев лирических героев, но (и в этом их главное назначение) способом постижения этнического самосознания, ментального настроения и ценностно-смысловые рамки восточного менталитета.

Ключевые слова: языковая образность, Восток, А.С. Пушкин, символ, дискурсивно-модусный концепт, внутренняя форма образного слова, когнитивная метафора, когнитивный эпитет

Для цитирования: Piavrai Sh. 2023. Lexico-Stylistic Flavor of the East in the Linguistic Images of A.S. Pushkin. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2): 367–376 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-367-376

Introduction

The problem of discursive-modus representation of oriental motifs in poetic texts by A.S. Pushkin is unthinkable without the study of linguistic imagery in the perspective of understanding the lexico-stylistic representation of the ethnocultural flavor of the East, which is explained by the poet's constant attraction to the culture, customs and traditions of the East. This attraction, presumably, had genetic prerequisites.

As known, in the list of A.S. Pushkin's ancestors an exotic place is occupied by Ibrahim Hannibal – a native of Ethiopia, characterized by a tolerant neighborhood of different confessional cultures: Islam, Christianity and local beliefs. Interest in the culture of the East was also strengthened by the poet's creative connections. His associate in the literary society «Arzamas» was S. Uvarov, a passionate follower of Eastern civilization, who was at the origins of Oriental studies. A significant influence on the romantic imaginative ideas of the young poet about the oriental conceptual sphere (the peoples of the East and their customs) had the lyceum history teacher I. Kaidanov, his study peers, as well as participation in theatrical performances.

The relevance of the study is determined by three factors: a) Pushkin's originality of creating an eastern picture of the world, b) the urgent need to identify the categorical properties of a linguistic image that distinguish it from such related concepts as a mental image, symbol and concept, and c) the introduction of non-trivial postulates about the cognitive essence of discourse and discursive consciousness as mechanisms for the formation of linguistic images. Let us consider these factors in stages.

(1) Usually, the oriental theme in A.S. Pushkin's heritage is associated with his Southern exile (1820-1823) and the poet's acquaintance with the oriental poems by J. G. Byron. However, the perception of the East by A.S. Pushkin and J. G. Byron, as well as other European Romantics, differs in many factors. If the romantic poems about the East by J.G. Byron had a conditional, approximate character, often with vivid fantastic ideas, free fantasies of the English poet, then A.S. Pushkin in his oriental poems with genuine interest mastered the exotic cultural environment, sought not only to understand, but also to feel all the nuances of the existence of Eastern peoples. Therefore, in his poems and stories we find quite adequate and at the same time vivid linguistic images that convey the beauty of the natural landscape, the peculiarities of the character and mentality of local residents, original traditions and customs.

First of all, the poet's linguistic images are subordinated to a detailed and truthful depiction of the East's unique nature. It is shown in the linguistic images of «Southern poems» («*The Caucasian Prisoner*», «*The Robber Brothers*», «*The Fountain of Bakhchisarai*», «*Gypsies*»). In lyrical poems («*Prisoner*», «*To the sea*», «*Kalmyk*», «*Caucasus*», «*Landslide*», «*Monastery on Kazbek*», «*Delibash*»), in the story «*Kirjali*» and the essay «*Journey to Arzum*», the poet scrupulously conveys his perception of mountain plains, calm water surface and raging sea, sandstorm, rainstorm and evening haze of fog through linguistic images. It was the speech representation of such details in the structure of language images that allowed A.S. Pushkin to create a captivating lexical and stylistic flavor of Eastern civilization.

(2) the language images are the products of the poet's linguistic and creative thinking, which are created by the author's interpretation of the perception and understanding of the literary picture of the world, the result of visual generalization and selection of culturally significant events and situations [Buzan et al., 2012; Alefirenko et al., 2021a; Alefirenko et al., 2021b]. Its cognitive substrate is a living, visual subjective representation of objects and phenomena of the surrounding world with their sensually perceived or hypothetically recreated attributes. Getting into one or another discursive field, the image enters new associative relations (necessary for modeling a speech work), forming on the basis of ethnic linguoculture the signifier and the signified of the verbal sign-representative.

(3) These considerations project the concept of «figurative word», a template for linguopoetics, the cognitive base of which is an object-sensory image (a visual representation of someone/something).

It plays the main role in generating and functioning of figurative expressions capable to evoke in the discursive consciousness a figurative vision of the corresponding elements of a communicative event [Sims, 2016; Spaulding, 2018]. This implies our understanding of the difference between a linguistic image and speech imagery which manifests itself in the ability of a word or expression to cause an associative-figurative perception of a corresponding communicative event. Such a concrete perceptual of the described event is controlled by a speech-thinking mechanism generating the designation of one object of thought in associative connection with the representatives of other objects. As an element of discursive consciousness, the linguistic image serves as the basis of the internal form of figurative expressions.

The creative application of the concept “discourse” introduced by Prof. N.F. Alefirenko as a model of a communicatively significant event, deeply experienced by communicants (author, characters and readers), in the linguocognitive study of language images is also relevant [Alefirenko et al., 2019, p. 142].

Materials and methods

The optimal «entry» into A.S. Pushkin's linguistic artistic images reflecting the lexical and stylistic flavor of the East, is provided with the help of the linguopoetic method. It allows: (a) to reveal the essence of the author's vision of the Eastern picture of the world through studying the structure of literary discourse; (b) to identify lexico-semantic means for poetic verbalization of language images [Kristeva, 1984; Juan, Astington, 2017]; (c) to show the representative significance of these means in the suggestive (emotional-aesthetic) reconstruction of the realities of the East [Larson, Segal, 1995]. The linguopoetic method as an idea was practically embodied in the technique of discursive-hermeneutic analysis of the linguistic image in literary texts by A.S. Pushkin.

This technique includes two levels of discursive interpretation: 1) the external (historical and cultural) component (real circumstances) of the discursive modeling of language imagery and 2) the internal context of the figurative signifier – contextual analysis in its traditional sense with access to the external context (lexico-stylistic environment of a particular linguistic image).

In such refraction, the linguopoetic method allows us to focus on the contextual use of the means of representing the linguistic image to suggestively immerse ourselves in the author's ideological and literary intent. The method we use is based on N. Alefirenko's understanding of the word's «inner form» [Alefirenko et al., 2020] incorporated into literary structure of the entire literary canvas. In general, this method is essentially philological.

Results and discussion

To prove the uniqueness of Pushkin's linguistic images, we will focus (from the whole variety of means of creating oriental flavor) on Persian cognitive-pragmatic linguistic epistemes that serve as «an associative-figurative signal in ethno-cultural memory activating background knowledge related to it» [Alefirenko et al., 2020, p. 438]. Vivid signals of such linguistic epistemes are, for example, explicit and implicit Persian language images: Persian campaign, Persian blades,



I recognize the proud Parthians, Persian poet, Persian hats, Persian ambassador, Persian prisoner, Persian shawl, Persian prince, important Persian, Persian sash, Persian war, Persian princess, Shamakhan queen; Do not rush into a bloody battle with the Karabakh crowd, etc.

From the viewpoint of cognitive linguopoetics, such formations «serve as a means for linguo-creative modeling of implicit processes of meaning generation. On the one hand, the discursive-modus episteme is a repository of knowledge in the word, and on the other hand, it is an important element of the associative-figurative binomial, a signal thanks to which implicit background images associated with it are activated in the person's ethno-cultural memory and float to the surface of consciousness» [Alefirenko et al., 2020, p. 461]. In this regard, the logo epistemes listed below are carriers of figurative meaning, representatives of ethnocultural knowledge, means of aphoristic expression of information in the form of a «collapsed text».

The selected language images are divided into (a) images depicting real events such as the Persian campaign, the Persian poet (Fazil Khan), the Persian ambassador, the Persian war; (b) images created by metaphorical epithets, such as the blades of the Persians (he died under the blades of the Persians), the Persian shawl, an important Persian); (c) hidden linguistic images that require a historical and cultural excursion. At the same time, it should be remembered that the linguistic images of the East do not always lend themselves to a clear gradation, since in A.S. Pushkin's literary discourse they acquire a unique linguistic and cultural plasticity that combines (a) cultural and historical reality, (b) cognitive metaphoricalness, (c) the author's subjective and evaluative interpretation of a communicative event. All this basically creates the lexical and stylistic flavor of the East.

Cultural and linguistic representation

The figurative-linguistic representation of real events by A.S. Pushkin often conceals their true meaning. So, behind the simple expression Persian poet the image of the famous Persian lyricist in the East Fazil Khan is hidden. The Arab-Turkic anthroponym itself is significant. The inner form of the name Fazil is formed by its literal meanings: F – sociable and cheerful; A – creative and honest; Z – diligent and intelligent; I – passionate and responsive; L – sociable, talkative. These semes (semantic features) integrally create the meaning of the anthroponym: Fazil means 'worthy, excellent', Khan is the Turkic component of the compound name which means 'lord'.

Based on the analysis of the «inner form of words» representing Eastern realities, we can say that the originality of A.S. Pushkin's linguistic images recreating the flavor of the Eastern worldview is not in their referential relation to real objects, but, as N. Alefirenko [Alefirenko et al., 2020, p. 452] would say, in the «condensation of thought». Thinking with poetic language images is based on the ability of their symbolic component to contain semantic content that goes beyond the semantics of the usual words verbalizing this or that image. The poetic meaning of the reality verbalized in the linguistic image serves through the «condensation of thought» as a concentrated designation of the Eastern worldview.

Cognitive metaphoricalness

The images created by metaphorical epithets require a more complex interpretation, since, unlike simple definitions, such epithets are characterized by increased artistic expressiveness and hidden figurative and semantic content that requires updating background knowledge. This is the metaphorical epithet of the arrogant Parthians in the first quatrain of A.S. Pushkin's poem «They recognize the zealous horses» (the cycle «From Anacreon»):

«They recognize the zealous horses
By their scorched brands.
They recognize the proud Parthians
By high hoods»

The metaphorical basis of the selected epithet reflects the specific author's worldview, which, against the background of literary definitions (zealous horses and (by their) burnt brands),

turns the epithet from a logical refinement into an emotional and evaluative definition [Fokkema, 1986; Jackendoff, 2012; Alefirenko, Nurtazina, 2018, p. 18], containing the poet's axiological attitude to his subject of thought. With this metaphorical epithet, A.S. Pushkin focuses attention on the trait inherent in the Parthians (arrogance, hubris). From the viewpoint of individual author's perception, it is significant for this discursive situation.

The combination of artistic attribution and discursive originality in such an epithet makes it a bright constructive means of creating linguistic images, (a) prepositive in terms of representing background knowledge and (b) relief in terms of discursive-modus expression. As a prepositive background in the linguistic image of the proud Parthians is the memory of the Parthians, an ancient nomadic people of Near Asia, excellent horsemen, with whom the famous defeat of the Romans is associated, who sought to seize the Parthian lands. The Parthians, as the Romans believed, were arrogantly proud of this victory. Such a subjective idea of the Parthians was combined with their cunning: pretending to be defeated, they first ran away, then, unexpectedly turning their horses, covered the Roman army with streams of arrows.

Since then, the cognitive epithet Parthian Europeans began to denote feigned and insidious mores. Thus, the expression Parthian arrow has become an idiom meaning 'an unexpected and irresistible attack by an insidious opponent'; Parthian flight is a designation for 'any false, distracting maneuver', and Parthian smile is an expression of 'flattering and hypocritical disposition'. Pushkin's expression of metaphorical epithets is created by highlighting the quality that is inherent in the defined object from the viewpoint of its subjective-evaluative author's interpretation. Such epithets are used in order to bring to the fore a feature that characterizes the subject from the position of discursive-modus perception of a communicative event.

The external sign of the Parthians was their clothes. First of all, the high hoods of the Parthians – (from the Turk. kalpak 'hat'; Turkish. kalabak) is a headdress in eastern cultures, a high hat in the form of a cap.

The author's subjective-evaluative interpretation of a communicative event

Implicit language images require a deep historical and cultural excursion. An example of this type of language images is the poem «Do not be captivated by abusive glory», included in the cycle «From Hafiz».

«Do not be captivated by abusive glory,
Oh, handsome young man!
Do not rush into a bloody battle
With the Karabakh crowd!»

The first stage in the search for hidden truths is to determine the authorship of the poem. The appeal to the legacy of the famous Persian poet Hafiz Shirazi showed that Gazif had never had such an essay. Hence, the linguistic image of the «Karabakh crowd» belongs to A.S. Pushkin. During the Russian-Turkish war, in the summer of 1829, A.S. Pushkin, under the fresh impression of what he had seen, he created an independent poem «Do not be captivated by the glory of the name», written in the style of Hafiz Shirazi. This poetic canvas created by A.S. Pushkin in oriental style is aimed to warn a young rookie warrior before a battle (Do not be captivated by the glory of battle; Do not rush into a bloody battle).

The second vector of analysis is the disclosure of implicit meaning of the linguistic image «Karabakh crowd». This image serves as a hint to the First Muslim Regiment, whose fighters were recruits from Karabakh, although the regiment was commanded by a Russian officer. The cognitive metaphor underlying this image [Alefirenko et al., 2020, p. 438] pointed to the true state of affairs: since the recruits – residents of Karabakh, although they were excellent horsemen, were not trained in military affairs; they resembled a crowd – a 'disorderly gathering of horsemen'.

Cognitive metaphors, being a means of cognition, through mental operations in the linguistic images of A.S. Pushkin determine the nature of displaying oriental flavor.



Means of expressing the lexical and stylistic flavor of the East

As the analysis showed, A.S. Pushkin's creation of the lexical and stylistic color of the East is achieved by the following means of verbalizing symbolic images of the East:

- * the predominant use of onomastic orientalisms. Only in one work «Journey to Arzrum» there are 200 onomastic orientalisms, and 100 common ones;
- * borrowing vocabulary from Eastern languages (Arabic and Persian), carried out under the suggestive influence of Turkic languages, to varying degrees accompanied by semantic shifts;
- * phonetic and morphological assimilation (common orientalisms were more often subjected to this);
- * borrowing orientalisms not only to eliminate gaps, but also to create lexical and stylistic architectonics of the text, its expressive tone and aesthetic perception;
- * oriental representations of oriental images serving as chronotopic markers, figurative marks indicating the time and place of the corresponding communicative events;
- * oriental language images as the nuclear components of the poetic conceptual sphere of A.S. Pushkin's works, creating a unique aura – a biofield that combines secrets and unexpected metamorphoses, unpredictable turns in the actions and mood of an oriental person;
- * linguistic images representing the picture of the world of the East, not just by means of a banal description of the traditions, life and customs of lyrical heroes, but (and this is their main purpose) a way of comprehending ethnic consciousness, mental attitude and the value-semantic framework of the eastern mentality.

A special place in the lexical and stylistic system of displaying ethno-cultural color is occupied by A.S. Pushkin's poetic cycle «Imitations of the Koran», consisting of nine parts connected by one common theme, ideas and meaning. However, the Pushkin cycle is not a direct translation of the Koran. Pushkin takes Quranic images, themes, literary techniques and, developing them, creates original poems.

B.V. Tomashevsky, a well-known researcher of «Imitations of the Koran», put it even more precisely: «He (Pushkin – our note) «departed far from the original and included in the verses a meaning that is often absent in the original. Therefore, imitations should be considered as Pushkin's original poems, sometimes filled with autobiographical content and only stylized in the spirit of the Koran» [Tomashevsky, 1977, p. 188]. Each part contains the image of the Prophet Mohammed.

However, episodes from the life of the prophet and his very image symbolize in the cycle the fundamental stages of human destiny in general, in particular the vicissitudes of the poet's own life. According to B.V. Tomashevsky, the poet in Quranic images tried to conceal (hide from censorship) the free-loving thoughts that worried him [Tomashevsky, 1977, p. 186; Davis, 2003; Chomsky, 2006]. Fortunately, this was facilitated by understanding the holy book as a source of worldly wisdom, where «many moral truths are set forth in the Quran in a strong and poetic way». Such an enthusiastic assessment of the «Koran» is given by A.S. Pushkin in a note to the 1826 edition of the cycle [Pushkin, 1985, p. 326].

This led to the author's interpretation of the Quranic images in a kind of «Western-Eastern synthesis» [Braginsky, 1966; Nol'man, 1967; Benton, 2016; Bueno, 2017], that is, with the correlation of the deep content of the Koran with the moral and philosophical views of the poet.

The peculiarity of the «Western-eastern synthesis» in the lexical and stylistic architectonics of the cycle of «Imitation of the Koran» is given by oriental images characterized by high-style epithets characteristic of Pushkin's idiosyncrasy (pious, grandiloquent, immodest, empty, chaste) and Old Slavic cognitive metaphors such as the canopy, thirst, head, path, creature. However, tropeic images are used by the poet not as a decorative, but as a cognitive-pragmatic means. Thus, the third imitation is devoid of tropeic imagery, from which human crimes and the picture of God's judgment are perceived very reliably and intimidatingly. And the descriptions of God's creative

deeds, on the contrary, contain brilliant metaphors and comparisons (believers flow to the light, fog falls from their eyes; the sun shines like oil in a lamp crystal). The moral content of the eighth and ninth verses devoted to value-semantic universals are saturated with tropes.

Since the «Koran» itself is very poetic, the images borrowed from the «Holy Book» convey the oriental flavor not by verbal, but by discursive [Eliade, 1977; Lijun, 2014; Alefirenko et al., 2019, p. 142], all the components of the discourse – linguocreative (elements of language memory) and extralinguistic factors (expounded events, images of participants in these events, performative information and «non-events (circumstances accompanying the description of the event, background and evaluative accompaniment of the event, etc.).

The text-forming message for each verse (part) of the cycle is a certain caronic image. The first part is based on the discursive-modus image of «The Sending of the Quran by Allah to the Prophet». In the center of the second part are the images of the prophet's wives and friends. The text of the third part is based on the abstract concept of «human pride and retribution», the meaning of which is the reckoning of everyone for moral violations [Paivio, 1971; Forrester, 2002; Edensor, 2002; Schwartz, 2003; Cuddy et al., 2009; Cash, 2012]. At the epicenter of the fourth part is the image of a prophet who dared to compete with God. The fifth part contains the image of «God – the Creator». The fundamental images of the sixth part are the warriors of Allah who died in the name of faith and found themselves in Eden (the Garden of Eden). The seventh part is devoted to the image of Mohammed, hidden by God in a cave. The eighth part figuratively reveals the essence of true, God-pleasing alms. The ninth verse is based on the image of a grumbling traveler who nevertheless received God's mercy.

So, the lexical and stylistic flavor in the «Imitations of the Koran» is created due to the convergence of the architectonics of the cycle with the figurative and symbolic system of the Holy Book of Muslims. In his imitations, A.S. Pushkin preserved the elegant and poetic form of its symbolic images.

Conclusions

So, A.S. Pushkin in his oriental poems, in contrast to romantic poems by J. Byron, which carried the English poet's vivid, but often fantastic ideas about the East, sought not only to penetrate into the deep layers of the eastern mentality, but also to feel all the nuances of the existence of the Eastern peoples. Therefore, in his poems and stories we find quite adequate and at the same time vivid linguistic images that convey the beauty of the natural landscape, the peculiarities of the character and mentality of local residents, original traditions and customs.

The linguistic images of the East are the product of the poet's linguocreative thinking which arose in the process of perception and understanding of a foreign picture of the world, and its artistic interpretation. In other words, the eastern linguistic images of A.S. Pushkin are the result of selection and visual generalization of culturally significant events and situations. Their cognitive substrate is a vivid, visual subjective representation of the objects and phenomena of the Eastern world with their sensually perceived or hypothetically recreated attributes. Getting into one or another discursive field, real images of the East enter into new (necessary for modeling a speech work) associative relations. It is they who form, under the suggestive influence of ethnic linguoculture, the signifier and the signified of the verbal representative sign.

A.S. Pushkin's creation of the lexico-stylistic color of the East is achieved by the following means of verbalization of symbolic images of the East: (a) interspersed with onomastic orientalisms; (b) semantic and stylistic shifts of borrowed vocabulary from oriental languages (as a rule, from Arabic and Persian); (c) borrowed orientalisms, serving not only to eliminate gaps, but also to create lexical and stylistic architectonics of the text, its expressive tone; (d) oriental representations of the figurative picture of the world of the East, acting as chronotopic markers, figurative marks indicating the time and place of the corresponding communicative events; (e) transformation of oriental language images that create a unique aura, including unexpected metamorphoses, unpredictable turns in the actions and mood of an oriental person; (f) using linguistic images



representing the picture of the world of the East, not so much as a means of a banal description of the traditions, way of life and customs of lyrical heroes, as a way of explication of ethnic consciousness, mental attitude and mental originality of eastern civilization.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б. 2018. Метафорический дискурс: в поисках сущности речевой образности. *Cuadernos de Rusística Española*, 14: 49–64.
- Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б., Стебунова К.К. 2021б. В поисках когнитивно-лингвистической методологии учения о дискурсе. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*, 18(2): 313–338. DOI: [10.21638/spbu09.2021.205](https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.205)
- Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б., Шахпуртова З.Х. 2021а. Автохтонная синергия русского художественного дискурса. *Русистика*, 19 (3): 253–270. DOI: [10.22363/2618-8163-2021-19-3-253-270](https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-253-270)
- Брагинский И.С. 1966. Заметки о западно-восточном синтезе в лирике Пушкина. *Народы Азии и Африки*, 4: 139–146.
- Лицзюнь Г. Ментальные стереотипы в межкультурной коммуникации. *Язык. Словесность. Культура*, 4: 82–93.
- Нольман М.Л. 1967. Западно-восточный синтез в произведениях Пушкина и его реалистическая основа. *Народы Азии и Африки*, 4: 116–126.
- Пушкин А.С. 1985. Сочинения в трех томах. Том 1. М., Художественная литература, 735 с.
- Томашевский Б.В. 1977. Примечания. В кн.: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Т. 2. Стихотворения, 1820–1826. Л., Наука, Ленингр. отделение: 353–389.
- Alefirenko N., Gigolayeva A., Dekhnich O., Chumak-Zhun' I. 2019. Discursive-Pragmatic Modeling of the Language Image. *Amazonia Investiga*, 8(21): 142–149 (in Spain).
- Alefirenko N., Nurtazina M., Shakhputova Z. 2020. Linguistic Episteme as a Discourse-Generating Mechanism of Speech Activity. *Utopía y praxis latinoamericana*, 25: 438–463 (in Spain). DOI: [10.5281/zenodo.4280198](https://doi.org/10.5281/zenodo.4280198)
- Benton M.A. 2016. Knowledge and evidence you should have had. *Episteme. a Journal of individual and social epistemology*, 13(4): 471–479. DOI: <https://doi.org/10.1017/epi.2016.33>
- Bueno O. 2017. Thinking about Science, reflecting on Art: Bringing Aesthetics and Philosophy of Science Together. Eds. G. Daby, S. French, D. Rickles. London, Routledge, 202 p. DOI: [10.4324/9781315114927](https://doi.org/10.4324/9781315114927)
- Buzan T., Griffiths C., Harrison J. 2012. *Modern Mind Mapping for Smarter Thinking*. Buzan T., Griffiths C., Harrison J. 2012. *Modern Mind Mapping for Smarter Thinking*. Cardiff, Proactive Press, 181 p.
- Cash T.F. 2012. Cognitive-behavioral perspectives on body image. In: *Encyclopedia of Body Image and Human Appearance*. Ed. T.F. Cash. London, UK, and San Diego, CA, Academic Press (Elsevier): 334–342.
- Chomsky N. 2006. *Language and Mind*. United States of America by Cambridge University Press, New York, 209 p.
- Cuddy A., Fiske S., Kwan V., Glick P., Demoulin S., Leyens Ja., Bond M., Croizet Je., Ellemers N., Sleebos Ed, Htun T., Kim H., Maio G., Perry Ju., Petkova K., Todorov V., Rodríguez-Bailón R., Morales E., Moya M., Palacios M., Smith V., Perez R., Vala J., Ziegler R. 2009. Stereotype content model across cultures: Towards universal similarities and some differences. *British Journal of Social Psychology*, 48(1): 1-33. DOI: [10.1348/014466608X314935](https://doi.org/10.1348/014466608X314935)
- Davis W. 2003. *Meaning, expression, and thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 654 p.
- Edensor T. 2002. *National Identity, Popular Culture and Everyday Life*. Oxford and New York, Berg, 224 p. DOI: [10.4324/9781003086178](https://doi.org/10.4324/9781003086178)
- Eliade M. 1977. Study 7. Metaphor and reference. In: Ricoeur P. *The rule of metaphor. The creation of meaning in language*. Translation from french by R. Czerny, K. McLaughlin and J. Costello. London and New York: 255–302. (Ricoeur P. 1975. *La métaphore vive*. Paris, Éditions du Seuil, 413 p. DOI: [10.7202/500412ar](https://doi.org/10.7202/500412ar))
- Fokkema D.W. 1986. The Semantic & Syntactic Organisation of Postmodern Texts. In: *Approaching Postmodernism. Papers presented at a Workshop on Postmodernism*, 21–23 September 1984,

- University of Utrecht. Eds. D.W. Fokkema, H. Bertens. Philadelphia, Univ. of Utrecht Press: 81–98.
DOI: [10.1075/upal.21.05fok](https://doi.org/10.1075/upal.21.05fok)
- Forrester M. 2002. *Psychology of the Image*. London, Routledge, 180 p.
- Jackendoff R. 2012. *A User's Guide to Thought and Meaning*. Oxford, Oxford University Press, 288 p.
- Juan V.S., Astington Ja. 2017. Does language matter for implicit theory of mind? The effects of epistemic verb training on implicit and explicit false-belief understanding. *Cognitive development*, 41: 19-32.
DOI: [10.1016/j.cogdev.2016.12.003](https://doi.org/10.1016/j.cogdev.2016.12.003)
- Kristeva J. 1984. *Revolution in poetic Language*. N.Y., Columbia Univ. Press, 271 p.
- Larson R.K. & Segal G.M.A. 1995. *Knowledge of meaning: An introduction to semantic theory*. Cambridge, MA, MIT Press, 662 p.
- Paivio A. 1971. *Imagery and verbal processes*. New York, Holt, Rinehart and Winston, 596 p.
- Schwartz S.H. 2003. A Proposal for Measuring Value Orientations across Nations. Chapter 7. In: *Questionnaire Development Package of the European Social Survey*. The Hebrew University of Jerusalem: 259–319.
- Sims A. 2016. A problem of scope for the free energy principle as a theory of cognition. *Philosophical Psychology*, 29(7): 967–980. DOI: [10.1080/09515089.2016.1200024](https://doi.org/10.1080/09515089.2016.1200024)
- Spaulding S. 2018. Mindreading beyond belief: A more comprehensive conception of how we understand others. *Philosophy compass*, 13(11): e12526. DOI: [10.1111/phc3.12526](https://doi.org/10.1111/phc3.12526)

References

- Alefirenko, N., Nurtazina M. 2018. Metaphorical Discours.: in Search for the Essence of Speech Imagery. *Cuadernos de Rusística Española*, 14: 49–64 (in Spain).
- Alefirenko N., Nurtazina M., Shakhputova Z. 2020. Linguistic Episteme as a Discourse-Generating Mechanism of Speech Activity. *Utopía y praxis latinoamericana*, 25: 438–463 (in Spain). DOI: [10.5281/zenodo.4280198](https://doi.org/10.5281/zenodo.4280198)
- Alefirenko N., Nurtazina M., Shakhputova Z. 2021 a. Autochthonous synergy of Russian literary discourse. *Russian Language Studies*, 19(3): 253–270 (in Russia). DOI: [10.22363/2618-8163-2021-19-3-253-270](https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-253-270)
- Alefirenko N., Nurtazina M., Stebunova K. 2021b. In search of cognitive and linguistic methodology for discourse studies. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 18(2): 313–338 (in Russia). DOI: [10.21638/spbu09.2021.205](https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.205)
- Alefirenko N., Gigolayeva A., Dekhnich O., Chumak-Zhun' I. 2019. Discursive-Pragmatic Modeling of the Language Image. *Amazonia Investiga*, 8(21): 142–149 (in Spain).
- Benton M.A. 2016. Knowledge and evidence you should have had. *Episteme. a Journal of individual and social epistemology*, 13(4): 471–479. DOI: <https://doi.org/10.1017/epi.2016.33>
- Braginskiy I.S. 1966. Zаметki o zapadno-vostochnom sinteze v lirike Pushkina [Notes on the West-Eastern synthesis in Pushkin's lyrics]. *Narody Azii i Afriki*, 4: 139–146.
- Bueno O. 2017. Thinking about Science, reflecting on Art: Bringing Aesthetics and Philosophy of Science Together. Eds. G. Daby, S. French, D. Rickles. London, Routledge, 202 p. DOI <https://doi.org/10.4324/9781315114927>
- Buzan T., Griffiths C., Harrison J. 2012. *Modern Mind Mapping for Smarter Thinking*. Buzan T., Griffiths C., Harrison J. 2012. *Modern Mind Mapping for Smarter Thinking*. Cardiff, Proactive Press, 181 p.
- Cash T.F. 2012. Cognitive-behavioral perspectives on body image. In: *Encyclopedia of Body Image and Human Appearance*. Ed. T.F. Cash. London, UK, and San Diego, CA, Academic Press (Elsevier): 334–342.
- Chomsky N. 2006. *Language and Mind*. United States of America by Cambridge University Press, New York, 209 p.
- Cuddy A., Fiske S., Kwan V., Glick P., Demoulin S., Leyens Ja., Bond M., Croizet Je., Ellemers N., Sleebos Ed, Htun T., Kim H., Maio G., Perry Ju., Petkova K., Todorov V., Rodríguez-Bailón R., Morales E., Moya M., Palacios M., Smith V., Perez R., Vala J., Ziegler R. 2009. Stereotype content model across cultures: Towards universal similarities and some differences. *British Journal of Social Psychology*, 48(1): 1–33. DOI: [10.1348/014466608X314935](https://doi.org/10.1348/014466608X314935)
- Davis W. 2003. *Meaning, expression, and thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 654 p.
- Edensor T. 2002. *National Identity, Popular Culture and Everyday Life*. Oxford and New York, Berg, 224 p. DOI: [10.4324/9781003086178](https://doi.org/10.4324/9781003086178)



- Eliade M. 1977. Study 7. Metaphor and reference. In: Ricoeur P. The rule of metaphor. The creation of meaning in language. Translation from french by R. Czerny, K. McLaughlin and J. Costello. London and New York: 255–302. (Ricoeur P. 1975. La métaphore vive. Paris, Éditions du Seuil, 413 p. DOI: [10.7202/500412ar](https://doi.org/10.7202/500412ar))
- Fokkema D.W. 1986. The Semantic & Syntactic Organisation of Postmodern Texts. In: Approaching Postmodernism. Papers presented at a Workshop on Postmodernism, 21–23 September 1984, University of Utrecht. Eds. D.W. Fokkema, H. Bertens. Philadelphia, Univ. of Utrecht Press: 81–98. DOI: [10.1075/upal.21.05fok](https://doi.org/10.1075/upal.21.05fok)
- Forrester M. 2002. Psychology of the Image. London, Routledge, 180 p.
- Jackendoff R. 2012. A User's Guide to Thought and Meaning. Oxford, Oxford University Press, 288 p.
- Juan V.S., Astington Ja. 2017. Does language matter for implicit theory of mind? The effects of epistemic verb training on implicit and explicit false-belief understanding. *Cognitive development*, 41: 19–32. DOI: [10.1016/j.cogdev.2016.12.003](https://doi.org/10.1016/j.cogdev.2016.12.003)
- Kristeva J. 1984. Revolution in poetic Language, N.Y., Columbia Univ. Press, 271 p.
- Larson R.K. & Segal G.M.A. 1995. Knowledge of meaning: An introduction to semantic theory. Cambridge, MA, MIT Press, 662 p.
- Lijun Guo. 2014. Mental stereotypes in intercultural communication. *Language. Philology. Culture*, 4: 82–93 (in Russia).
- Nol'man M.L. 1967. Zapadno-vostochnyy sintez v proizvedeniyakh Pushkina i ego realisticeskaya osnova [West-Eastern synthesis in Pushkin's works and its realistic basis]. *Narody Azii i Afriki*, 4: 116–126.
- Paivio A. 1971. Imagery and verbal processes. New York, Holt, Rinehart and Winston, 596 p.
- Pushkin A.S. 1985. Sochineniya v trekh tomakh [Works in three volumes]. Vol. 1. M., Publ. Khudozhestvennaya literatura, 736 p.
- Schwartz S.H. 2003. A Proposal for Measuring Value Orientations across Nations. Chapter 7. In: Questionnaire Development Package of the European Social Survey. The Hebrew University of Jerusalem: 259–319.
- Sims A. 2016. A problem of scope for the free energy principle as a theory of cognition. *Philosophical Psychology*, 29(7): 967–980. DOI: [10.1080/09515089.2016.1200024](https://doi.org/10.1080/09515089.2016.1200024)
- Spaulding S. 2018. Mindreading beyond belief: A more comprehensive conception of how we understand others. *Philosophy compass*, 13(11): e12526. DOI: [10.1111/phc3.12526](https://doi.org/10.1111/phc3.12526).
- Tomashevskiy B.V. 1977. Primechaniya [Notes]. In: Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochineniy [Complete works]. In 10 vol. Vol. 2. Stikhotvoreniya, 1820–1826 [Poems, 1820-1826]. L., Publ. Nauka, Leningr. otd-nie: 353–389.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.12.2022

Поступила после рецензирования 25.01.2023

Принята к публикации 10.06.2023

Received December 20, 2022

Revised January 25, 2023

Accepted June 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пиаврай Шамсуддин, аспирант кафедры русского языка и русской литературы педагогического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shamsuddin Piavrai, Postgraduate Student, Department of Russian Language and Russian Literature, Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia



УДК 811.111

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-2-377-383

Англоязычный песенный дискурс в контексте общественной жизни

Плотницкий Ю.Е.

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, 34

E-mail: yuriplo@mail.ru

Аннотация. Изучение текстов песен, принадлежащих англоязычному песенному дискурсу, представляется весьма важной задачей для лингвокультурологии, поскольку помогает понять наиболее существенные социальные проблемы и тенденции развития общества не только в англоязычных странах, но и на глобальном уровне., поскольку они получают отражение в песенной лирике. В отечественной лингвистике исследования в основном фокусируются на отдельных языковых аспектах текстов песен без учета широкого общественного контекста и истории развития молодежной музыки. Целью данного исследования является определение места песенной культуры в жизни общества посредством анализа текстов, отражающих значимые социальные проблемы, с учетом исторического контекста. Рассматриваются такие вопросы, как усложнение тематики песен под влиянием общественных изменений, роль фронтмена (ведущего вокалиста) как связующего звена между музыкальной группой и аудиторией, отражение в текстах песен проблем расового неравенства, наркомании, роли и места человека в обществе. Затрагивается также роль блюза в формировании современной музыки, специфика восприятия песенной формы и амбивалентность массового характера молодежной музыки и приватности взаимодействия между конкретным слушателем и лирическим героем песни. Думается, реализованный в данном исследовании подход позволяет глубже понять как языковые особенности этих текстов, так и современное состояние глобальной песенной культуры.

Ключевые слова: песенная лирика, общественная жизнь, восприятие музыки, блюз, расовое неравенство, роль фронтмена, текстуальное усложнение

Для цитирования: Плотницкий Ю.Е. 2023. Англоязычный песенный дискурс в контексте общественной жизни. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(2): 377–383. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-377-383

English-speaking Song Discourse in the Context of Social Life

Yuriy E. Plotnitskiy

Samara National Research University,
34 Moscow highway, Samara 443086, Russia

E-mail: yuriplo@mail.ru

Abstract. The study of song lyrics, belonging to the English-speaking song discourse, presents a very important task for cultural linguistics, as it helps to realise the most essential social issues and trends not only for English-speaking countries, but on the global level. Research in Russian linguistics is mostly focused on separate language aspects of song lyrics without considering a wider social context and the history of youth music. The purpose of this research is determining the place of the song culture in social life by means of analysis of the song texts reflecting substantial social issues in view of historical context. The paper examines such problems as song lyrics sophistication under the influence of social change, the role of a frontman as a link between a band and the audience, reflection of racial inequality, drug abuse and the place and role of an individual in society in song lyrics. The role of blues in formation of modern music is also touched upon, as well as the specifics of the song form perception and the ambivalence of the mass nature of youth music and the privacy of interaction



between a particular listener and a persona in the song lyrics. We are led to believe that the approach implemented in this research guarantees deeper understanding of both language peculiarities of song lyrics and the contemporary state of global song culture.

Keywords: song lyrics, social life, perception of music, blues, racial inequality, role of a frontman, textual sophistication

For citation: Plotnitskiy Yu.E. 2023. English-speaking Song Discourse in the Context of Social Life. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2): 377–383 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-377-383

Введение

Исследование песенного дискурса является чрезвычайно важным и перспективным направлением с точки зрения как анализа разных типов дискурса, так и лингвистики текста и лингвокультурологии. Это положение подтверждается, помимо широкого интереса к песенному искусству у массовой аудитории, наличием большого количества работ по этой тематике, особенно принадлежащих молодым исследователям. Подавляющее большинство публикуемых сейчас научных работ посвящено исследованию различных аспектов песенного, кинематографического и медийного дискурсов, поскольку именно эти сферы в культурном пространстве находятся в фокусе общественного внимания. Что касается песенного дискурса, то его теория всё ещё находится на этапе формирования, и данное исследование, по нашему мнению, будет способствовать внесению ясности в вопрос взаимодействия общественной жизни и песенного дискурса.

Несмотря на регулярное появление публикаций, посвященных исследованию текстов англоязычного песенного дискурса, в них чаще всего игнорируются такие важнейшие аспекты, как история формирования этого дискурса в рамках контркультурной проблематики и широкий культурный контекст, влияние которого сделало песенную лирику в своих лучших образцах компонентом идеологии и фактором общественной жизни, с которой песенный дискурс находится в отношениях взаимовлияния и взаимообогащения. Современные исследователи обычно рассматривают какой-либо узкий аспект этого явления: О.В. Шевченко концентрируется на жанровой специфике текстов англоязычного песенного дискурса на базе их тематического своеобразия [Шевченко, 2009], Т.Э. Филиппова пытается выявить ключевые концепты, привлекая тексты всего одной музыкальной группы, что вряд ли может считаться репрезентативным [Филиппова, 2020]. Е.В. Русина сосредоточила свои усилия на языковой реализации только одного концепта *disgrace*, причем недостаточный учет культурологической информации повлек за собой ошибочное причисление альтернативной рок-группы *System Of A Down* к числу поп-исполнителей [Русина, 2008–2009]. Работа А.А. Кобзева [2020] представляет собой удачную попытку привлечения культурного контекста при анализе текстов песен, но тоже рассматривает узкий аспект англоязычного песенного дискурса, а именно роль реалий. В статье Н.В. Козловой [2017] присутствуют элементы лингвокультурологического анализа, однако попытка определить суть такого всеобъемлющего концепта, как «любовь», на материале всего шести текстов представляется сомнительной.

Наш подход состоит в привлечении для анализа песенного дискурса широкого культурного контекста, в том числе на диахроническом срезе, что позволяет понять роль и место англоязычного песенного дискурса в глобальном плане на основе анализа корпуса текстов различных музыкальных направлений, созданных в различные исторические периоды.

Общественная ситуация в 1960-х годах и ее влияние на англоязычный песенный дискурс

Изменение роли песенного дискурса в культурной жизни западного общества вообще и англоязычного мира в частности становится особенно заметным в период с начала 1960-х годов, когда современная молодежная музыка, главным образом рок, из чисто развлекательного танцевального жанра превращается в средство выражения идей, которые

генерировала общественная жизнь в тот период. Шестидесятые годы прошлого века представляют собой совершенно особый период развития западного общества, когда социальная жизнь практически полностью перестала испытывать на себе последствия Второй мировой войны, и общественное сознание повернулось лицом к таким значимым проблемам, как расовая дискриминация, неравноправие мужчин и женщин, конфликт поколений «отцов» и «детей», культ потребления, одиночество, проблема толерантности в отношении сексуальных меньшинств и изменение отношения к сексу в целом. Среди актуальных вопросов того периода, вызывавших резонанс и широкое обсуждение в СМИ, следует назвать отношение к участию западных стран в военных конфликтах и боевых действиях, что обычно сопровождалось массовыми протестами и демонстрациями. По словам Т. Розака, «никогда еще протестующие не поднимали проблем столь философски глубоких, стараясь проникнуть в суть реальности, разумности и предназначения человека» [Розак, 2014, с. 10]. Власти со своей стороны стремились взять под контроль любые проявления несогласия с их политикой, что нередко приводило к столкновениям с полицией и жесткой конфронтации активистов различных общественных движений и органов правопорядка.

В бурной и конфликтной общественной ситуации тех лет молодежная музыка, а именно появившийся во второй половине 1950-х годов и продолжавший раздражать старшее поколение своей эпатажностью рок-н-ролл, впитывая различные музыкальные влияния, стала в своих текстах отходить от традиционной любовной проблематики, переходя к осмыслению серьезных проблем, волновавших прогрессивную часть западного общества.

Специфика взаимодействия исполнителей и аудитории в песенном искусстве

Как отмечает Д.И. Бахтизина, «каждое музыкальное произведение – это художественный слепок бытия, включающий в себя не столько его показ, сколько его осмысление и обобщение» [Бахтизина, 2012, с. 283]. Приведенное высказывание нуждается в некотором уточнении, если речь идет о современной молодежной музыке. Разумеется, в широком смысле любой художественный продукт в той или иной степени отражает реальность, в которой он был создан, даже если речь идет о музыке с ее высокой степенью абстрактности и невозможности, скажем, найти прямое соответствие между нотами и буквами, или мелодическим единством и предложением. В случае с мелодическим материалом мы можем говорить только о передаче эмоционально-чувственных комплексов, а передача мыслей и идей – задача вербального компонента, поэтому неудивительно, что современная молодежная музыка в подавляющем большинстве случаев есть песенный жанр, а инструментальные произведения достаточно редки.

Такая важность именно вербальной составляющей в молодежной музыке отчасти помогает понять, почему практически любая из великих групп того времени делала упор на вокалиста или вокалистов, не обладая профессиональными навыками владения музыкальными инструментами и обучаясь этому практически по мере того, как они набирали опыт владения ими. Как можно заметить, фортепьяно в песнях группы «Битлз» полноценно зазвучало только в «Оркестре клуба одиноких сердец сержанта Пеппера», когда группа уже была в зените славы. На первом месте всегда был вокалист, фронтмэн группы, он же чаще всего являлся автором текста песни и персонифицировал лирического героя, становясь объектом обожания поклонников. Подразумевалось, конечно, что вокалист, особенно если текст песни «нагружен» в идейном смысле, озвучивает точку зрения всех остальных членов группы. Неудивительно, что при упоминании той же группы «Битлз» всем на ум приходят два фронтмэна, Джон Леннон и Пол Маккартни, авторы и исполнители ведущих вокальных партий большинства песен, а Джордж Харрисон и Ринго Стар всегда оставались на втором плане.

С точки зрения формы и структуры, песенный жанр всегда являлся удобным для восприятия, поскольку его простая мелодика, четкий ритмический рисунок и обилие повторов при двухчастной структуре (куплет – припев) способствуют легкому восприятию на слух,



запоминанию и, если мотив особенно навязчив, желанию напевать и подпевать. В этом смысле молодежное песенное искусство, будучи продуктом массовой, а не элитарной культуры, ближе всего к массовой аудитории и не может не отражать то, что волнует, тревожит или возмущает эту многомиллионную аудиторию, будь то несчастная любовь или чувство одиночества. Мысль о том, что музыкальная форма является «социально детерминированной», то есть ее актуальность зависит в широком смысле от «общественного запроса», звучит в работе М.П. Бузского [2014, с. 22], который обращает внимание на связь между общественными изменениями и изменениями в музыкальных формах.

Отражение социальных проблем в текстах англоязычного песенного дискурса

Таким образом, общественная ситуация в западных странах вообще и в англоязычном мире в частности в 60-х годах прошлого века повлияла на то, что тексты песен музыкальных групп, особенно тех, творчество которых вошло в музыкальные анналы, стали более «серьезными» и затрагивающими проблемы современного им общества, выйдя за рамки любовной тематики.

Рассмотрим в качестве примера тексты групп, чей вклад в музыкальную культуру 20 века не вызывает сомнения: «Битлз» и «Роллинг Стоунз». В лирике песни «Битлз» *Nowhere man* («Человек ниоткуда»), написанной в 1965 году, говорится о «маленьком человеке», одном из толпы, типичном представителе не только западного общества 1960-х годов, но, по нашему мнению, и современного нам общества, который живет как все, пассивен, не имеет особых амбиций, вместо планов строит иллюзии и так проживает свою «никакую» жизнь, даже не пытаясь добиться чего-то значительного, хотя жизнь дает ему массу возможностей для самореализации: "*Doesn't have a point of view, knows not where he's going to, Isn't he a bit like you and me? Nowhere man, please, listen, You don't know what you're missing, Nowhere man, the world is at your command*" (Не имеет точки зрения, не знает, куда идет, разве он не похож немного на нас с тобой? Человек Ниоткуда, пожалуйста, послушай, ты не знаешь, как много ты теряешь, Человек Ниоткуда, весь мир в твоём распоряжении (перевод наш. – Ю.П.)).

Еще один пример текста песни, проблематика которой далека от любовных отношений, принадлежит группе «Роллинг Стоунз» и называется "*Mother's little helper*" («Маленький помощник мамы»), она была написана в 1966 году. Здесь затрагивается весьма актуальная и по сей день проблема – увлечение транквилизаторами и антидепрессантами, причем речь идет о домохозяйке, которая таким образом спасается от стресса, вызванного необходимостью выполнять домашние обязанности, что привносит ироническую интонацию в текст песни, особенно если вспомнить, что женщины в западных странах в то время не работали, а занимались только домом и детьми, что вряд ли сопоставимо со стрессами и психологическим напряжением, которые их мужья испытывали на работе: "*Things are different today, I hear every mother say Mother needs something today to calm her down And though she's not really ill, there's a little yellow pill She goes running for the shelter of her mother's little helper And it helps her on her way, gets her through her busy day*" (Сейчас все по-другому, слышу я от каждой матери, Матери нужно что-то, чтобы успокоиться, и хотя она совсем не больна, есть маленькая желтая таблетка, и она бежит за спасением к своему маленькому помощнику, и он помогает ей прожить этот хлопотный день (перевод наш. – Ю.П.)).

Если обратиться к такой насущной и острой проблеме, как расовое неравенство в США, и вспомнить многотысячные выступления чернокожего населения, разгоны демонстрации полицией, убийство М.Л. Кинга, то она не могла не получить отражение в молодежной рок-музыке, которая в своих лучших проявлениях всегда носила нонконформистский, протестный характер. По справедливому замечанию А.Э. Хасуева, «молодой человек, слушающий рок, стремится к протесту, активным действиям против лжи, не выносит несправедливости» [Хасуев, 2020, с. 80].

Рассмотрим в качестве примера песню Боба Дилана "Only a Pawn in Their Game" («Только пешка в их игре») 1964 года, поводом к написанию которой послужило убийство активиста Медгара Эверса. В лирике с сарказмом говорится о цинизме политиков, которые даже смерть человека готовы использовать в своих целях, и есть критические высказывания в адрес расового неравенства: "A South politician Preaches to the poor white man: "You got more than the blacks, don't complain You're better than them, You been born with white skin," they explain And the Negro's name Is used it is plain For the politician's gain As he rises to fame" (Южный политик проповедует бедному белому человеку: «У тебя есть больше, чем у черных, не жалуйся, ты лучше их, ты родился с белой кожей», и используется имя негра, очевидно, для выгоды политика, когда он стремится к известности (перевод наш. – Ю.П.)). Еще один пример песни по этой тематике – песня, название которой говорит само за себя: "Don't call me nigger, whitey" («Не называй меня ниггером, белый») 1968 года, лирика которой, по сути, представляет собой многократное повторение этой фразы. Интересно отметить, что состав группы "Sly and the Family Stone" очень наглядно демонстрировал протест против расовой дискриминации, так как включал и белых, и черных музыкантов, что для того времени было крайне необычно.

В ходе дальнейшего развития рок-музыки тенденция затрагивать актуальные общественные проблемы становилась все более заметной, особенно в связи с появлением контркультурных и субкультурных молодежных движений. Эта черта молодежной музыки становится еще более понятной, если принять в расчет тот факт, что одним из источников современного рока послужил негритянский блюз, основным пафосом которого всегда был протест против расового неравенства в Америке. Хотя рок-музыка получила широкое распространение по обе стороны Атлантического океана, блюз повлиял и на британских музыкантов, особенно на таких исполнителей, как группы Cream, The Who, Animals и все те же «Роллинг стоунз». При этом понятно, что блюзовая музыкальная основа и традиция недостаточны для того, чтобы заставить музыкантов петь о социальных проблемах, здесь необходима высокая мера социальной ответственности и вовлеченность в окружающую жизнь с ее противоречиями.

Диалектическое взаимодействие массового и индивидуального в песенном дискурсе

Не стоит понимать слова об отражении в песенных текстах насущных социальных проблем так, будто это носит массовый характер. Разумеется, конкретная песня, ее лирический герой, персонифицируемый вокалистом группы, обращается к каждому слушателю лично, и этот диалог носит вполне приватный характер, какие бы общественные проблемы не затрагивались в лирике. И таким образом мы видим, что отношения между автором песни и ее слушателем содержат черты интерсубъективности: общественная ситуация влияет на создание музыкального произведения, которое в свою очередь оказывает воздействие на общественную ситуацию, влияя на восприятие слушателей, которые суть общество. И оставляют след в истории музыки лишь те авторы, которые почувствовали эту тонкую грань между личным и общественным и сумели сказать свое слово по поводу какой-то значимой ситуации, не выходя за рамки восприятия среднестатистическим массовым слушателем. Те, кто похожи на других, со временем забываются, как и те, кто был озабочен лишь тем, чтобы выразить себя.

В работе Д. Золтаи очень точно сформулирована амбивалентность функциональной нагрузки музыки, которая, с одной стороны, обращена к конкретному человеку и выражает присущим ей языком эмоционально-чувственную сферу субъекта, а с другой стороны, соотносится с общественной жизнью: «Музыка в этом аспекте оказывается и объективной – как выражение особой функции в бытии общества, и субъективной – как выражение внутреннего мира человека» [Золтаи, 1977, с. 201]. Если согласиться с этим утверждением, в котором речь шла о «серьезной» музыке, для понимания которой необходима определенная



подготовка, то массовая и демократичная по своей сути молодежная музыка, существующая как песенный жанр, то есть содержащая вербальный компонент, в еще большей степени отвечает этой характеристике, поскольку, несомненно, стоит ближе к реципиенту, как индивидуальному, так и массовому.

Сказанное выше не означает, что взаимовлияние музыки и социальной жизни сводится только к 1960-м годам, различные музыкальные течения и направления продолжают играть эту роль и по сей день, просто в тот исторический период, в силу его значимости для развития западного общества в целом, это взаимодействие выступало более рельефно.

Заключение

Таким образом, связь и взаимовлияние англоязычного песенного дискурса и социальной жизни сложились главным образом в период расцвета контркультурного движения в 1960-х годах, причем именно этот факт повлиял на изменение характера песенной лирики в плане ее усложнения. Влияние блюза имело большое значение, поскольку важной темой текстов блюза было расовое неравенство, представляющее социальную проблему, до сих пор остающуюся актуальной.

Несмотря на усложнение тематики и отражение общественных проблем посредством интросубъективности, важным элементом для англоязычного песенного дискурса было и есть удобство восприятия на слух, что отражает «массовый» в позитивном плане характер англоязычного песенного дискурса, то есть его погруженность в жизнь общества. Именно песня с ее приматом вербального компонента и вторичностью мелодического, передающего лишь эмоционально-чувственный аспект, сделала возможным донесение важных социальных идей до англоязычной аудитории и стала важнейшим компонентом жизни западного общества.

Список литературы

- Бахтизина Д.И. 2012. Музыка в гармонии мира. Уфа, Издательство Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, 174 с.
- Бузский М.П. 2014. Музыкальная форма в регулировании и конструировании социальных коммуникаций. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*, 1(21): 21–32.
- Золтаи Д. 1977. Этнос и аффект. История философской музыкальной эстетики от зарождения до Гегеля. М., Прогресс, 376 с. (Denes Soltai. 1970. Ethos und affekt. Geschichte der Philosophischen Musikästhetik von den Anfängen bis zu Hegel. Budapest–Berlin)
- Кобзев А.А. 2020. Роль реалий в песенном дискурсе (на материале текстов англоязычных рок-исполнителей). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 13(7): 185–188.
- Козлова Н.В. 2017. Когнитивно-концептуальный образ любви в современном песенном дискурсе. В кн.: Когнитивно-дискурсивное пространство в современном гуманитарном знании. Сборник научных трудов. Под ред. И.П. Хутыз. Изд. Кубанский государственный университет, Краснодар: 137–145.
- Роззак Т. 2014. Истоки контркультуры. Пер. с англ. О.А. Мышаковой. Под ред. И.Л. Добряковой. М., АСТ, 384 с. (Roszak T. 1969. The Making of a Counter Culture. University of California Press, 346 p.)
- Русина Е.В. 2008. Концепт «Disgrace» в американском песенном дискурсе. *Вестник ВолГУ*, 7: 39–42.
- Филиппова Т.Э. 2020. Лингвосомиотические особенности актуализации концептов в песенном дискурсе группы Coldplay. *Теория и практика лингвистического описания разговорной речи*, 3(32): 355–360.
- Хасуев А.Э. 2020. Рок музыка и протест молодежи. В кн.: Россия и мировое сообщество: Проблемы демографии, экологии и здоровья населения. Сборник статей III Международной научно-практической конференции (г. Пенза, 19–20 августа 2020 г.). Под ред. С.Д. Морозова, В.Б. Жиромской. Пенза, Издательство Пензенского государственного аграрного университета: 78–81.
- Шевченко О.В. 2009. Тематическое своеобразие песенных текстов как способ реализации функций жанров песенного дискурса. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 115: 242–249.

References

- Bakhtizina D.I. 2012. Muzyka v garmonii mira [Music in the harmony of the world]. Ufa, Publishing house Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully, 174 p.
- Buzskiy M.P. 2014. Muzikalnaya forma v regulirivanii i konstruirovanii sotsialnykh kommunikatsiy [Musical form in regulating and constructing social communications]. *Science journal of Volgograd state university. Philosophy. Sociology and social technologies*, 1(21): 21–32 (in Russian).
- Zoltai D. 1977. Etos i affekt. Istoriya filosofskoy muzykal'noy estetiki ot zarozhdeniya do Gegelya [Ethos and affect. The history of philosophical musical aesthetics from its inception to Hegel]. Per. s nem. T. Dlugach, I. Naumenko. M., Publ. Progress, 376 p. (Denes Soltai. 1970. Ethos und affekt. Geschichte der Philosophischen Musikästhetik von den Anfängen bis zu Hegel. Budapest–Berlin).
- Kobzev A.A. 2020. Rol realii v pesennom diskurse [The role of realia in song discourse]. *Philology. Theory and practice*, 13(7): 185–188 (in Russian).
- Kozlova N.V. 2017. Kognitivno-kontseptualniy obraz liubi v sovremennom pesennom diskurse. [Cognitive conceptual image of love in modern song discourse]. In: Kognitivno-discursivnoe prostranstvo v sovremennom gumanitarnom znani. [Cognitive discourse space in modern humanitarian knowledge]. A collection of scientific papers. Publ. Kuban State university. Krasnogor, Publ. Kuban State university: 137–145.
- Rozzak T. 2014. Istoki kontrkul'tury [The origins of the counterculture]. Translated from English. Moscow, Publishing house “AST”, 384 p. (Roszak T. 1969. The Making of a Counter Culture. University of California Press, 346 p.).
- Rusina E.V. 2008. Kontsept “Disgrace” v amerikanskom pesennom diskurse. [Concept “Disgrace” in american song discourse]. *Izvestia volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 9(7): 39–42.
- Filippova T.E. 2020. Lingvosemioticheskie osobennosti aktualizatsii kontseptov v pesennom diskurse gruppy Coldplay [Linguosemiotic characteristics of concept actualization in Coldplay band song discourse]. *Teoria i praktika lingvisticheskogo opisaniya razgovornoj rechi*, 3(32): 355–360.
- Khasuev A.E. 2020. Rok-muzyka i molodiozhniy protest [Rock music and youth protest]. In: Rossiya i mirovoe soobshchestvo: Problemy demografii, ekologii i zdorov'ya naseleniya [Russia and the world community: Problems of demography, ecology and public health]. Materials of the III International Scientific and Practical Conference, August 19–20, 2020, Penza, 2020. Penza, Publ. Izdatel'stvo Penzenskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta: 78–81.
- Shevchenko O.V. 2009. Tematicheskoye svoeobrazie pesennykh tekstov kak sposob realizatsii funktsiy zhanrov pesennogo diskursa [Thematic characteristics of song lyrics as a means of realisation of song discourse genre functions]. *Izvestia rossiyanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*, 115: 242–249.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 22.03.2023

Поступила после рецензирования 5.05.2023

Принята к публикации 19.06.2023

Received March 22, 2023

Revised May 5, 2023

Accepted June 19, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Плотницкий Юрий Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и русского как иностранного, Самарский национальный научно-исследовательский университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuriy E. Plotnitskiy, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Russian as a Foreign Language, Samara National Research University, Samara, Russia



УДК 81`3

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-2-384-394

Сложность слова как лингвистическая категория (на материале лексемы view и ее дериватов)

¹ Солнышкина М.И., ¹ Шарифуллина Э.А., ² Галявиева Л.Ш.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Россия, 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Татарстан 2

² Казанская государственная академия ветеринарной медицины имени Н.Э. Баумана,

Россия, 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Сибирский тракт, 35

E-mail: mesoln@yandex.ru; ehvi-ehvi12@rambler.ru; g-leysan@mail.ru

Аннотация. Предложены обзор и систематизация исследований, валидирующих шесть предикторов сложности отдельного слова: длина, морфология, 'знакомость'/знание, этимология, неоднозначность и контекст. Детально описаны когнитивные механизмы, влияющие на восприятие отдельного слова и слова в контексте. Верификация каждого из шести предикторов осуществлена на примере английского слова view и его производных. Для воспроизводимости представленного подхода и стимулирования дальнейших исследований в области дискурсивной комплексологии авторы представляют Иллюстративный корпус лексемы view (shorturl.at/hCK18), содержащий более 255 тыс. словоформ. Результаты исследования могут быть полезны специалистам в области дискурсивной комплексологии, лексикографам и разработчикам учебных и контрольно-измерительных материалов при отборе текстов с заданной сложностью.

Ключевые слова: сложность слова, морфология, контекст, длина, частотность, неоднозначность

Для цитирования: Солнышкина М.И., Шарифуллина Э.А., Галявиева Л.Ш. 2023. Сложность слова как лингвистическая категория (на материале лексемы view и ее дериватов). *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(2): 384–394. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-384-394

Word Complexity as a Linguistic Category (Based on the View Lexeme and Its Derivatives)

¹ Marina I. Solnyshkina, ¹ Elvira A. Sharifullina, ² Leysan Sh. Galyavieva

¹ Kazan (Volga region) Federal University

2 Tatarstan St., Kazan 420008, Republic of Tatarstan, Russia;

² Kazan State Academy of Veterinary Medicine by N.E. Bauman

35 Siberian tract St., Kazan 420029, Republic of Tatarstan, Russia

E-mail: mesoln@yandex.ru; ehvi-ehvi12@rambler.ru; g-leysan@mail.ru

Abstract. The study provides an overview and systematization of studies validating six predictors of a word complexity: length, morphology, familiarity, etymology, ambiguity, and context. The authors offer a detailed description of cognitive mechanisms that affect perception of a separate word and a word in context. Verification of each of the six predictors impact on complexity was exemplified with the English word view and its derivatives. For the reproducibility of the presented approach and to stimulate further research in the field of discursive complexology, the authors present Corpus of noun view contexts (shorturl.at/hCK18), which comprises over 255 thousand tokens. The results of the study can be useful to specialists in the field of discursive computer science, lexicographers and developers of educational and control-measuring materials in the selection of texts with a given complexity.

Keywords: word complexity, morphology, context, length, frequency, ambiguity

For citation: Solnyshkina M.I., Sharifullina E.A., Galyavieva L.Sh. 2023. Word Complexity as a Linguistic Category (Based on the View Lexeme and Its Derivatives). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2): 384–394 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-384-394

Введение

Сложность слова – постоянно растущая исследовательская область, в рамках которой написаны сотни статей и монографий [Anisiu, Kasa, 2013; Solnyshkina et al., 2020; Вахрушева и др., 2021; Солнышкина и др., 2022]. Актуальность изучения сложности слова доказана для широкого спектра областей и включает образование, медицину, юриспруденцию, СМИ, политику и проч. Фактически спектр сфер, в которых сложность слова весьма актуальна, включает абсолютно все области, в которых имеет место коммуникация, поскольку успех процесса общения, как внутриязыкового, так и межъязыкового, определяет успешность самой сферы деятельности. Особую значимость анализ сложности слова приобретает на современном этапе, когда пересматриваются списки рекомендованных к использованию учебников на всех ступенях системы образования [Лапошина и др., 2022].

Лексическая сложность текста – «зонтичный» термин, объединяющий все типы сложности – от фонетической/графической до дискурсивной. Именно в слове актуализируется морфологическая сложность, а лексическая сложность объективируется и может изучаться только в комплексном анализе на уровне предложения и дискурса, поскольку семантика слова реализуется в контексте.

Представленная статья написана в рамках дискурсивной комплексологии и имеет три основные части. Основная часть работы разделена на 6 блоков (по количеству параметров), каждый из которых организован следующим образом: исследование влияния каждого из предикторов сложности предваряется кратким обзором литературы и завершается обсуждением новизны полученных в представленном исследовании результатов.

Результаты и обсуждение

Авторы классических работ в области дискурсивной комплексологии предлагают список языковых и дискурсивных факторов, детерминирующих как степень сложности слова (высокая/низкая), так и способ проявления (имплицитная/эксплицитная). В данный перечень входят шесть предикторов: длина слова, морфология, ‘знакомость’/знание, этимология, неоднозначность (многозначность/оминимия и контекст [McCarthy et al., 2019]. При всей очевидности списка данные параметры не являются взаимозависимыми, а сложность слова не может рассматриваться как аддитивная категория. Например, частотность слова в дискурсе может полностью нивелировать длину как предиктор сложности: ср. *международный* (5 слогов) и *абиссаль* (3 слога). При этом частотность прилагательного в основном корпусе НКРЯ – 12 843 текста, 34 457 примеров, а частотность существительного – 1 текст, 10 примеров. Аналогичным образом контекст может либо способствовать семантизации лексемы, либо, наоборот, увеличивать имеющуюся неоднозначность. Ср., например, контексты слова *абиссаль*: (1) «В частности, стали развиваться геофизические методы, способные просвечивать дно на глубину и получать непрерывные записи подводного рельефа от берега до *абиссали*». (2) «Впрочем, в периферийных частях *абиссали*, ближе к окраинам континентов, мощности второго слоя довольно резко увеличиваются» [Национальный корпус..., 2003–2023]. Очевидно, что в контексте (1) *абиссаль* противопоставлена *берегу*, что позволяет эксплицитно семантизировать «глубины» и «удаленности от берега», в то время как контекст (2) не дает возможности выявить семантическую структуру слова.

Рассмотрим каждый из указанных параметров.

Длина слова

Длина слова, измеренная в символах (буквах) или слогах, является признанным предиктором сложности. Чем длиннее слово, тем больше когнитивных усилий требуется для его обработки: больше времени на восприятие и понимание слова. Например, в слове *view*, *англ. вид* – один слог, четыре символа и одна корневая морфема, в слове *review*, *англ. обзор* – шесть символов, два слога и две морфемы. Как в устной, так в электронной и письменной формах речи неформального и бытийного дискурсов при отправке текстовых сообщений носители языка предпочитают короткие, а не длинные слова, поскольку они легче генерируются и воспринимаются, а также обладают более высокой частотностью в дискурсе [Mogozov et al., 2022]. Последнее обстоятельство частично объясняет корреляцию между длиной слова и его сложностью. Именно длина слова использована в качестве одной из метрик при оценке читабельности слова во всех языках [Al-Khalifa, Al-Ajlan, 2010].

Например, в английском языке: Читабельность = $206,835 - (1,015 \times \text{средняя длина предложения}) - (84,6 \times \text{среднее число слогов})$ [Kincaid et al., 1975]; в русском языке: Читабельность (по Оборневой) = $206,836 - (1,52 \times \text{средняя длина предложения}) - (65,14 \times \text{среднее число слогов})$ [Оборнева, 2006]; R (по Тулдава) = $i * \lg(j)$, где $R(i, j)$ – читабельность, i – средняя длина слова в слогах, j – средняя длина предложений в словах [Тулдава, 1975]. В формуле читабельности М.С. Мацковского «длинные слова» – одна из двух переменных: $X^1 = 0,62 X^2 + 0,123 X^3 + 0,051$, где X^1 – сложность текста; X^2 – средняя длина предложения (в словах); X^3 – процент слов, включающих более, чем три слога [Мацковский, 1976].

Морфология слова

Очевидно, что длинные слова, как правило, представляют собой сложные структуры, состоящие из нескольких морфем, т. е. обладают морфологической сложностью. Например, в парах *view* и *views*, *view* и *viewer* второе слово состоит из двух морфем и, как следствие, требует больше когнитивных усилий для восприятия. Современная научная парадигма признает «морфологическую организацию ментального лексикона», т. е. трактует хранение слов в языковом сознании индивида в виде групп корней, аффиксов или их сочетаний [Абрамов, 2004, с. 24; Герд, 2004¹]. Именно поэтому восприятие слова детерминировано не только самим фактом присутствия в ментальном лексиконе языковой личности как самого слова (см. ниже *Понятность*), но и присутствием в сознании словоформ и однокоренных слов. А восприятие «морфологически нагруженного» слова осуществляется с опорой на его морфологическую структуру. Например, слово *preinterviewing* включает четыре морфемы, каждая из которых вносит дополнительные лексические смыслы в его семантику, а морфема *-ing* определяет и категориальную принадлежность. Аналогичный механизм имеет место при синтезе семантики слова *unreviewable*, состоящего из четырех морфем.

Исследования [Ощепкова, 2008] подтверждают и более высокую степень сложности восприятия абстрактных морфем в абстрактных словах. Например, при восприятии слова *viewer* (*англ. наблюдатель, зритель*), имеющего конкретное значение, коммуникант затрачивает меньше когнитивных усилий, чем при восприятии абстрактного слова *viewy* (*англ. обзорный; с заумными идеями*), хотя последнее короче. Ср., “... the graphical design and sound effects are much simpler and less **viewy**, and the device itself is quite small”. ...графический дизайн и звуковые эффекты намного проще и менее **обзорны**, а само устройство довольно маленькое [Viewy, 2013–2023 shorturl.at/gilx9]. “He thought him a nice young man; perhaps rather viewy”. What do you mean by viewy?” “Having crotchets of his own that he is bent on working out, whether adapted to people and circumstances or not”. Он считал его милым молодым человеком; возможно, довольно чудаковатым». Что вы имеете в виду под «чудаковатым»? [Manning 1872]. «Имея собственные причуды, над которыми он склонен

¹ Изучение способа доступа к словарной базе ментального лексикона выходит за пределы темы данной статьи (См.: [Абрамов, 2004, с. 24])

работать, независимо от того, адаптированы они к людям и обстоятельствам или нет»¹. При этом следует подчеркнуть, что частотность обеих лексем -er и -у в корпусе приблизительно одинакова.

Отдельной проблемой и, как следствие, предиктором сложности слова является морфосемантическая непрозрачность [Kazakovskaya, 2011]. Ср., например, *viewdata* (*view* + *data*, суц.) *данные изображений, видеоданные* и *viewfinder* (*view* + *finder*, суц.) *видеоискатель, визир камеры*, с одной стороны, и *twilight* (*twi-* + *light*, суц.) *сумерки*, с другой, в котором точно значение *twi-*, по данным этимологических словарей, не только не устаревлено [Twilight, 2001-2023], но и не известно носителям языка.

Дополнительными предикторами при оценке сложности слова является наличие компонентов, функционирующих в качестве самостоятельных лексем, и наличие оппозиций между однокоренными словами [Dressler et al., 2010]. *Viewpoint* и *viewworld*, имеющие одноморфемные корреляты *point*, *view* и *world*, требуют несколько меньше когнитивных усилий при восприятии по сравнению, например, с *purview* (букв. сфера действия закона) и *gereview* (букв. повторное рассмотрение).

При этом очевидно, что слова *viewship* (англ. собират. зрители) и *counterview* (англ. противоположный взгляд) могут представлять большую сложность в силу неоднозначности формантов: *-ship* сообщает существительным значение общности и омонимично имени существительному *ship* (англ. судно), а формант *counter-*, выражающий значение противоположности, синонимичное приставке *anti-*, имеет в качестве омографа существительное *counter* (англ. прилавок), знание которого является дополнительным препятствием при восприятии данного слова не только изолированно, но и в контексте. В последнем случае усложняющим фактором является и неоднозначность самого слова или его дериватов. Например, *in counterview* в дискурсе может актуализироваться как в прямом (напротив, лицом к лицу), так и переносном значениях (противоположный взгляд). Например, “I desired that the senate of Rome might appear before me, in one large chamber, and a modern representative *in counterview*, in another ...” (СОСА). букв. «Я желал, чтобы сенат Рима предстал передо мной в одном большом зале, а современный представитель – *напротив*, в другом». И в составе метафоры: “I have drawn some lines of Linger's character, on purpose to place it *in counterview* or contrast” (СОСА). букв. Я намеренно представил только некоторые черты характера Лингера, чтобы он был *противопоставлен* или контрастировал».

Отдельным предиктором сложности следует признать и продуктивность словообразовательных моделей: чем больше слов в языке образовано по аналогичным моделям, тем легче восприятие слова [Шепелева, 2007]. Например, суффиксы деятеля *-er* и *-ee* в словах *interviewer* и *interviewee*, вызывая в сознании читателей/слушателей ряд аналогичных дериватов, упрощают их восприятие. Похожие механизмы включаются при восприятии слов глаголов *televise*, *preview*, *overview*, *review* и прилагательных *viewable*, *viewless*. Как видим, словообразовательные модели PREFIX + VERB и NOUN + SUFFIX в данном случае функционируют как «формулы регулярной свертки пропозициональной структуры» [Кубрякова, 2004] (Подробнее о пропозиционных структурах см. в части *Знакомость/знание*).

Особую сложность для восприятия представляют многокорневые морфемные структуры композитов, не только потому, что связь между структурой сложных слов и их семантикой не всегда прозрачна, но в первую очередь потому, что это – двойная когнитивная нагрузка. Косвенным доказательством сложности композитов являются и результаты исследования детей без нарушений и с нарушениями в развитии речи: продуктивное применение композитов зафиксировано в возрасте шести лет и более только у нормально развивающихся детей. Дошкольники с речевым дизонтогенезом не генерируют и не воспринимают композиты в 30 % случаев [Казаковская, Сизова, 2015].

¹ Перевод здесь и далее, если не указано отдельно, выполнен авторами статьи.

Знакомость/знание

«Знакомость» слов, т. е. доля знакомых слов в тексте – предиктор сложности, введенный Н.А. Рубакиным в начале прошлого века [Рубакин, 1924], а позднее валидированный в ряде исследований сложности языка. Я.А. Микк трактует термин «знакомость» как «свойство текста содействовать пониманию» и один из параметров «понятности текста» [Микк, 1970]. В исследованиях Я.А. Микка «знакомость» оценивается эмпирически по шестибалльной шкале: 5 – очень хорошо знакомое слово, 0 – незнакомое слово [Микк, 1970]. Знакомость во многом детеминирована частотой слова в дискурсе и является важным фактором, определяющим его сложность [Лапошина и др., 2022]. Очевидно, что для обработки редкого слова требуется большая когнитивная нагрузка, в том числе и для того, чтобы убедиться, что слово понято верно. Традиционно «знакомость» зависима от частотности слова в дискурсе и оценивается количественно – по частоте встречаемости слова в репрезентативном, современном сбалансированном корпусе. Для современного русского языка используется Частотный словарь О.Н. Ляшевской и С.А. Шаров [Ляшевская, Шаров, 2009], созданный на основе Национального корпуса русского языка.

Сравнение индексов частотности английских слов в дискурсе можно осуществлять и при помощи сервера NgramViewer [NgramViewer]¹. Например, для прогнозирования трудности восприятия слова (слов) используют визуализацию их функционирования в диахронии (рис. 1).

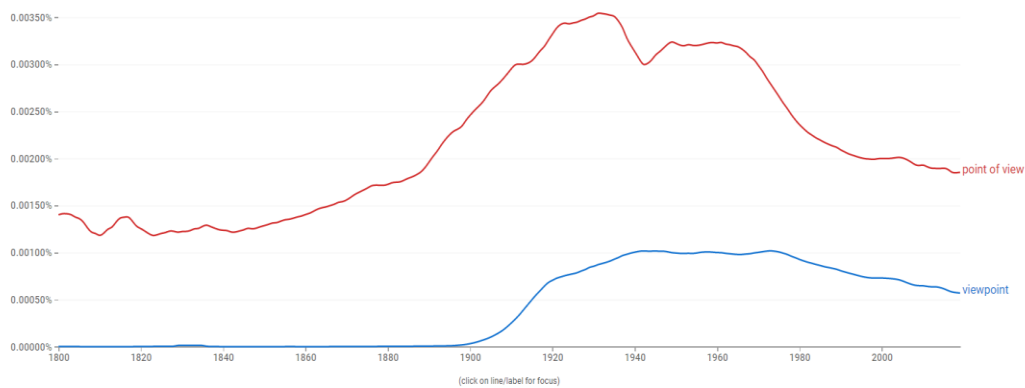


Рис. 1. Сравнение частоты функционирования viewpoint и point of view в англоязычном дискурсе

Fig. 1. Comparison of frequencies of viewpoint and point of view in the English discourse

Сервер NgramViewer позволяет прогнозировать трудность восприятия слова в различные периоды функционирования слова. Например, до 1980 года слово *viewless*, англ. *беспринципный, не выражающий никакой точки зрения* было несколько более частотным, чем слово *viewable*, англ. *достойный внимания*. Начиная с 2000 года и до настоящего времени частота слова *viewable*, по данным корпуса Google Books, превышает частотность слова *viewless*, следовательно, можно предположить, что оно легче воспримается современными носителями английского языка и для его обработки требуется несколько меньше когнитивных усилий (рис. 2).

Отдельно следует сказать о сложности слов, образованных по продуктивным пропозициональным моделям, трактуемым в современном языкознании как модели лингвопрагматического опыта, в которых установлены связи между сущностями, их свойствами и функциями [Болдырев, 2000].

¹ Русскоязычная версия коллекции Google books, к сожалению, является менее репрезентативной и может использоваться с рядом ограничений.

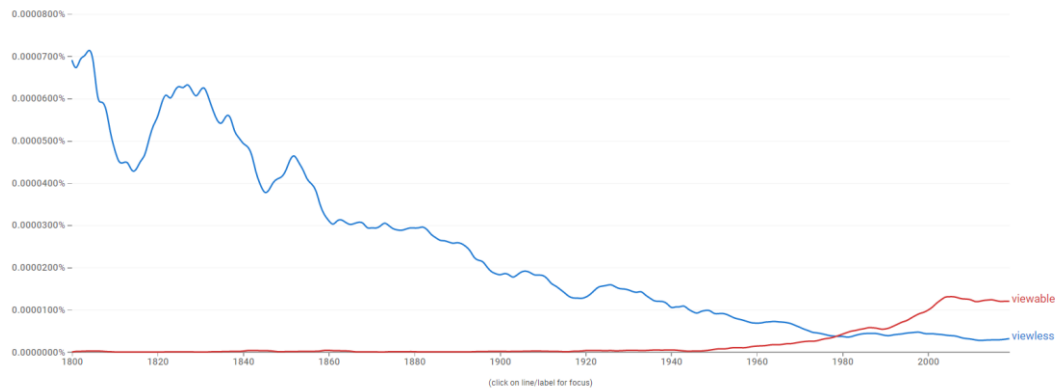


Рис. 2. Сравнение частоты функционирования viewless и viewable в англоязычном дискурсе

Fig. 2. Comparison of frequency of the words viewless and viewable in English discourse

Аналогично словообразовательным моделям (см. часть *Морфология слова*), способствующим упрощению восприятия, пропозициональные модели играют весьма важную роль в восприятии слова [Шепелева, 2008]. Например, при восприятии производного слова *viewfinder* активизируется пропозициональная модель АСТОР – ОПЕР – ОБЪ (АКТОР – ОПЕРАЦИЯ – ОБЪЕКТ), которая дает обобщенное представление о значении слова. А слово *televviewer* создано по пропозиционной модели АСТОР – ОПЕРАТИОН. Чем продуктивнее модель, тем, как правило, она более частотна в дискурсе, т. е. тем легче восприятие слова.

Таким образом, мы можем фиксировать взаимозависимость данного фактора и частотности как предикторов сложности слова.

Этимология

Сведения об этимологии слова, известные коммуниканту, следует рассматривать в качестве предиктора сложности: при прочих равных параметрах слова исконного для носителя языка происхождения имеют более низкую степень сложности, чем слова заимствованные. Исключение составляют высокочастотные заимствования из греческого и латинского языков. Для дериватов лексемы *view* такого рода словами следует признать слова с формантами *tele-*, *inter-*, *pre-*: *televview*, *interview*, *preview* и др.

Неоднозначность

Ряд слов в языке имеют высокую степень неоднозначности. Семантическая структура лексемы *view* имеет в своем составе, по различным источникам до 11 значений [Шарифуллина, 2022]. Существительное *view* в силу своей многозначности имеет способность реализовывать разные ЛСВ даже в составе омонимичных словосочетаний. Например, (1) *That part of the collection's rotation has worked surprisingly well but it has necessitated the temporary removal to storage, or to its branch in Liverpool, of masterpieces which visitors expect to find on permanent view* (BNC). Эта часть ротации коллекции сработала на удивление хорошо, но она потребовала временного перемещения на хранение или в его филиал в Ливерпуле шедевров, которые посетители ожидают найти в составе *постоянной коллекции*. (2) *To quote the researchers: The permanent view of career that is perpetuated through the colloquial question (СОСА)*. Цитируя исследователей: *постоянное представление* о карьере, увековеченное обычным вопросом из разговора.

Неоднозначность как фактор сложности признается всеми научными школами дискурсивной комплексологии [Gilhooly, Logie, 1980] и традиционно оценивается эмпирически на основе количества имеющихся у слова лексико-семантических вариантов, зафиксированных в словарях. Особый вклад в анализ сложности текста в 1970-е гг. внес Ю.А. Тулдава, предложивший для оценки сложности текста дополнительный предиктор – доля



неоднозначных слов в тексте. Исследования показывают, что в среднем на слово в русском языке приходится 3,7 значения, в том числе 4,6 значений на глагол и 3,1 значения на существительное [Тулдава, 1979]. Параметр доли омонимов как одного из предикторов сложности текста валидирован А.Е. Ермаковым и В.В. Плешко [Ермаков, Плешко, 2002].

Основываясь на тезисе, что без анализа контекста проблематично определить статус лексико-семантического варианта или омонима, ученые предложили автоматический синтаксический анализатор русского языка, реализующий выделение именованных групп и снятие омонимии, который заложен в систему Russian Context Optimizer (Технологии анализа и поиска текстовой информации) для СУБД (Система управления базами данных) Oracle [Ермаков, Плешко, 2002].

Контекст

Контекст может выступать как фактор, увеличивающий или снижающий сложность. Например, в сочетании *good view* значение слова *view* невозможно семантизировать изолированно: для его выявления необходимо расширение контекста. "I was looking forward to lining the streets," said Colon. "I'd have got a good view." – «А мне так хотелось охранять путь следования, – поддержал Колон. – Оттуда все так *хорошо видно*» [Национальный корпус ..., 2003-2023]. Аналогичным образом: *view* в контексте *right view* может означать *вид справа* и *правильная точка зрения*. Контекст предложения позволяет «снять» сложность, семантизируя его значение: "To engage in practice without a foundation in the right view is to risk getting lost in futile activities" [NgramViewer]. «Заниматься практикой без правильного взгляда в качестве основы – значит рисковать потеряться в бесполезной деятельности». Последнее обстоятельство указывает на то, что сложность слова не является статичным понятием, а зависит от достаточного для семантизации слова контекста. Верификация вероятности коллокаций слов осуществляется с использованием частот n-грамм (при помощи NgramViewer или СОСА).

Заключение

Обзор исследований в области сложности с использованием и на примере Иллюстративного корпуса слова *view* объемом более 255 тыс. словоформ позволил верифицировать шесть взаимозависимых предикторов сложности: длина, морфология, 'знакомость'/знание, этимология, неоднозначность и контекст. Каждый из данных предикторов реализуется в комплексе других и «включает» интегральные когнитивные механизмы восприятия текста. Верификация каждого из шести предикторов на примере английского слова *view* и его производных показала, что наиболее сложный механизм реализуется на морфологическом уровне, на котором в качестве дополнительных факторов следует учитывать наличие компонентов, функционирующих в качестве самостоятельных лексем, наличие оппозиций между однокоренными словами, морфосемантическая непрозрачность и продуктивность словообразовательных моделей «Знакомость» слова как фактор трудности/легкости его восприятия неразрывно связан со знанием продуктивных пропозициональных моделей, позволяющих семантизировать слово даже в малоизвестном контексте. Параметром, связывающим морфологическую и лексическую сложность слова, следует признать присутствие в слове морфем абстрактной семантики, способствующих увеличению степени сложности слова.

Результаты исследования могут быть полезны как специалистам в области дискуссионной комплексологии, лексикографам и разработчикам учебных и контрольно-измерительных материалов при отборе текстов с заданной сложностью.

Список источников

- Ляшевская О.Н., Шаров С.А. 2009. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., Азбуковник, 1090 с.
Национальный корпус русского языка. 2003–2023. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 10.02.2022).

- Kincaid, J.P., Fishburne, R.P., Rogers, R.L., & Chissom, B.S. 1975. Derivation of new readability formulas (automated readability index, fog count, and flesch reading ease formula) for Navy enlisted personnel. Research Branch Report 8–75. Chief of Naval Technical Training: Naval Air Station Memphis.
- Manning A. 1872. *The Lady of Limited Income: A Tale of English Country Life*. Bind 2. London, R. Bentley and son.
- NgramViewer. URL: <https://books.google.com/ngrams/>
- Twilight. 2001–2023. Online Etymology Dictionary. URL: www.etymonline.com/search?q=twilight
- Viewy. 2013–2022. Reverso Technologies. URL: shorturl.at/gilx9

Список литературы

- Абрамов В.Е. 2004. Моно- и билингвальные механизмы восприятия звучащей речи. Дис. ... докт. филол. наук. Самара, 275 с.
- Болдырев Н.Н. 2000. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов, Изд-во Тамбовского университета, 123 с.
- Вахрушева А.Я., Солнышкина М.И., Куприянов Р.В., Гафиятова Э.В., Климагина И.О. 2021. Лингвистическая сложность учебных текстов. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 40(1): 89–99. DOI: [10.52575/2712-7451-2021-40-1-89-99](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2021-40-1-89-99)
- Герд А.С. 2004. Морфемика. СПб., Издательство Санкт-Петербургского университета, 176 с.
- Ермаков А.Е., Плешко В.В. 2002. Синтаксический разбор в системах статистического анализа текста. *Информационные технологии*, 7: 30–34.
- Казаковская В.В., Сизова О.Б. 2015. Сложные слова в онтогенезе и дизонтогенезе: корпусные и экспериментальные исследования. В кн.: Проблемы онтолингвистики: Механизмы усвоения языка и становление речевой компетенции. Сборник трудов международной конференции (Санкт-Петербург, 18–20 мая 2015 г.). СПб., Электронная публикация ИЛИ РАН: 94–98.
- Кубрякова Е.С. 2004. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., Языки славянской культуры, 560 с.
- Лапошина А.Н., Лебедева М.Ю, Берлин Хенис А.А. 2022. Влияние частотности слов текста на его сложность: экспериментальное исследование читателей младшего школьного возраста методом айтрекинга. *Russian Journal of Linguistics*, 26(2): 493–514. DOI: [10.22363/2687-0088-30084](https://doi.org/10.22363/2687-0088-30084)
- Мацковский М.С. 1976. Проблемы читабельности печатного материала. В кн.: Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). Под ред. Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьева. М., Наука: 126–142.
- Микк Я.А. 1970. О факторах понятности учебного текста. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тарту, 22 с.
- Оборнева И.В. 2006. Автоматизированная оценка сложности учебных текстов на основе статистических параметров. Дис. ... канд. пед. наук. М., 165 с.
- Ощепкова О.В. 2008. К вопросу об особенностях восприятия абстрактных/конкретных суффиксов английских существительных. *Вестник Челябинского государственного университета*, 36: 111–116.
- Рубакин Н.А. 1924. Что такое библиологическая психология? Л., Колос, 61 с.
- Солнышкина М.И., Соловьев В.Д., Гафиятова Э.В., Мартынова Е.В. 2022. Сложность текста как междисциплинарная проблема. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 1: 18–39. DOI: [10.20916/1812-3228-2022-1-18-39](https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-1-18-39)
- Тулдава Ю.А. 1975. Об измерении трудности текстов. *Ученые записки Тартуского университета. Серия: Труды по методике преподавания иностранных языков*, 345: 102–120.
- Тулдава Ю.А. 1979. О некоторых квантитативно-системных характеристиках полисемии. *Ученые записки Тартуского университета. Серия: Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов*, 502: 107–142.
- Шарифуллина Э.А. 2022. Снятия лексико-семантической омонимии слова view: корпусный подход. *Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики*, 1(37): 58–71.
- Шепелева Д.А. 2007. Об интерпретации значений сложных слов, образованных по модели n+p. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 10(54): 35–37.



- Шепелева Д.А. 2008. Когнитивные аспекты семантики сложного слова «существительное + существительное» в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 19 с.
- Al-Khalifa H.S., Al-Ajlan A.A. 2010. Automatic Readability Measurements of the Arabic Text: An Exploratory Study. *Arabian Journal for Science and Engineering*, 35(2): 103–124.
- Anisiu M.-C., Kasa Z. 2013. Complexity of words. In: Algorithms of Informatics III. Ed. A. Iványi. Chapter: Chapter 25. Publisher: mondAt Kiadó, Budapest: 1237–1289. DOI: [10.13140/RG.2.1.4096.9766](https://doi.org/10.13140/RG.2.1.4096.9766)
- Dressler W.U., Lettner L., Korecky-Kröll K. 2010. First language acquisition of compounds with special emphasis on early German child language. In: Cross-Disciplinary Issues in Compounding (Current Issues in Linguistic Theory). Eds. S. Scalise, I. Vogel. Amsterdam: 323–344.
- Kazakovskaya V.V. 2011. Nominal compounds in Russian child language. In: Pre- and Protomorphology in Language Acquisition. Papers presented on the International Cross-linguistic Seminar. Vienna.
- Gilhooly K.J., Logie R.H. 1980. Age-of-acquisition, imagery, concreteness, familiarity, and ambiguity measures for 1,944 words. *Behavior research methods & instrumentation*, 12(4): 395–427.
- McCarthy K.S., McNamara D.S., Solnyshkina M.I., Tarasova F.Kh., Kupriyanov R.V. 2019. The Russian language test: towards assessing text comprehension. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 18(4): 231–247. DOI: [10.15688/jvolsu2.2019.4.18](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.18)
- Morozov D.A., Glazkova A.V., Iomdin B.L. 2022. Text complexity and linguistic features: Their correlation in English and Russian. *Russian Journal of Linguistics*, 26(2): 426–448. DOI: [10.22363/2687-0088-30132](https://doi.org/10.22363/2687-0088-30132)
- Solnyshkina M.I., Harkova E.V., Kazachkova M.B. 2020. The Structure of Cross-Linguistic Differences: Meaning and Context of 'Readability' and its Russian Equivalent 'Chitabelnost'. *Journal of Language & Education*, 6(1): 103–119. DOI: [10.17323/jle.2020.7176](https://doi.org/10.17323/jle.2020.7176)

References

- Abramov V.E. 2004. Mono- i bilingval'nye mekhanizmy vospriyatiya zvuchashchey rechi [Mono- and bilingual mechanisms of sound speech perception]. Dis. ... doc. philol. Samara, 275 p.
- Boldyrev N.N. 2000. Kognitivnaya semantika: kurs lektsiy po angliyskoy filologii [Cognitive Semantics: A Lecture Course in English Philology]. Tambov, Publ. Izd-vo Tambovskogo universiteta, 123 p.
- Vakhrusheva A.Ya., Solnyshkina M.I., Kupriyanov R.V., Gafiyatova E.V., Klimagina I.O. 2021. Linguistic complexity of academic texts. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 40(1): 89–99 (in Russian). DOI: [10.52575/2712-7451-2021-40-1-89-99](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2021-40-1-89-99)
- Gerd A.S. 2004. Morfemika [Morphemics]. St. Petersburg, Publ. St. Petersburg University Press, 176 p.
- Ermakov A.E., Pleshko V.V. 2002. Sintaksicheskiy razbor v sistemakh statisticheskogo analiza teksta [Parsing in statistical text analysis systems]. *Informatsionnye tekhnologii*, 7: 30–34.
- Kazakovskaya V.V., Sizova O.B. 2015. Slozhnye slova v ontogeneze i dizontogeneze: korpusnye i eksperimental'nye issledovaniya [Compound words in ontogenesis and dysontogenesis: corpus and experimental studies]. In: Problemy ontolingvistiki: Mekhanizmy usvoeniya yazyka i stanovlenie rechevoy kompetentsii [Problems of Ontolinguistics: Mechanisms of Language Acquisition and the Formation of Speech Competence]. Proceedings of the international conference, St. Petersburg, May 18–20, 2015. St. Petersburg, Publ. Elektronnaya publikatsiya ILI RAN: 94–98.
- Kubryakova E.S. 2004. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and Knowledge: Towards Language Knowledge: Parts of Speech from a Cognitive Perspective. The role of language in the knowledge of the world]. M., Publ. Yazyki slavyanskoy kul'tury, 560 p.
- Laposhina A.N., Lebedeva M.Yu., Berlin Khenis A.A. 2022. Word frequency and text complexity: an eye-tracking study of young Russian readers. *Russian Journal of Linguistics*, 26(2): 493–514 (in Russian). DOI: [10.22363/2687-0088-30084](https://doi.org/10.22363/2687-0088-30084)
- Matskovskiy M.S. 1976. Problemy chitabel'nosti pechatnogo materiala [Problems in the readability of printed matter]. In: Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobshcheniya (v usloviyakh massovoy kommunikatsii) [Semantic perception of a speech message (in conditions of mass communication)]. Eds. T.M. Dridze, A.A. Leont'ev. M., Publ. Nauka: 126–142.
- Mikk Ya.A. 1970. O faktorakh ponyatnosti uchebnogo teksta [On the factors of comprehensibility of the educational text]. Abstract dis. ... cand. ped. Sciences. Tartu, 22 p.

- Oborneva I.V. 2006. Avtomatizirovannaya otsenka slozhnosti uchebnykh tekstov na osnove statisticheskikh parametrov [Automated assessment of the complexity of educational texts based on statistical parameters]. Dis. ... cand. ped. Sciences. M., 165 p.
- Oshchepkova O.V. 2008. K voprosu ob osobennostyakh vospriyatiya abstraktnykh/konkretnykh suffiksov angliyskikh sushchestvitel'nykh [On the question of the peculiarities of perception of abstract/concrete suffixes of English nouns]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 36: 111–116.
- Rubakin N.A. 1924. Chto takoe bibliologicheskaya psikhologiya [What is bibliological psychology]? L., Publ. Kolos, 61 p.
- Solnyshkina M.I., Solov'ev V.D., Gafiyatova E.V., Martynova E.V. 2022. Text complexity as interdisciplinary problem. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1: 18–39 (in Russian). DOI: [10.20916/1812-3228-2022-1-18-39](https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-1-18-39)
- Tuldava Yu.A. 1975. Ob izmerenii trudnosti tekstov [On measuring the difficulty of texts]. *Academic Notes of the University of Tartu. Series: Works on the methodology of teaching foreign languages*, 345: 102–120.
- Tuldava Yu.A. 1979. O nekotorykh kvantitativno-sistemnykh kharakteristikakh polisemii [On some quantitative and systemic characteristics of polysemy]. *Academic Notes of the University of Tartu. Series: Transactions of the Tartu State University. Quantitative Linguistics and Automatic Text Analysis*, 502: 107–142.
- Sharifullina E.A. 2022. Word-sense disambiguation of the word 'view': corpus-driven approach. *Uchenye zapiski Natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki*, 1(37): 58–71.
- Shepeleva D.A. 2007. On interpretation of meanings of n+n compounds. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 10(54): 35–37 (in Russian).
- Shepeleva D.A. 2008. Kognitivnye aspekty semantiki slozhnogo slova «sushchestvitel'noe + sushchestvitel'noe» v sovremenном angliyskom yazyke [Cognitive aspects of the semantics of the compound word "noun + noun" in modern English]. Abstract dis. ... cand. philology of sciences. Tambov, 19 p.
- Al-Khalifa H.S., Al-Ajlan A.A. 2010. Automatic Readability Measurements of the Arabic Text: An Exploratory Study. *Arabian Journal for Science and Engineering*, 35 (2): 103–124.
- Anisiu M.-C., Kasa Z. 2013. Complexity of words. In: Algorithms of Informatics III. Ed. A. Iványi. Chapter: Chapter 25. Publisher: mondAt Kiadó, Budapest: 1237–1289. DOI: [10.13140/RG.2.1.4096.9766](https://doi.org/10.13140/RG.2.1.4096.9766)
- Dressler W.U., Lettner L., Korecky-Kröll K. 2010. First language acquisition of compounds with special emphasis on early German child language. In: Cross-Disciplinary Issues in Compounding (Current Issues in Linguistic Theory). Eds. S. Scalise, I. Vogel. Amsterdam: 323–344.
- Kazakovskaya V.V. 2011. Nominal compounds in Russian child language. In: Pre- and Protomorphology in Language Acquisition. Papers presented on the International Cross-linguistic Seminar. Vienna.
- Gilhooly K.J., Logie R.H. 1980. Age-of-acquisition, imagery, concreteness, familiarity, and ambiguity measures for 1,944 words. *Behavior research methods & instrumentation*, 12(4): 395–427.
- McCarthy K.S., McNamara D.S., Solnyshkina M.I., Tarasova F.Kh., Kupriyanov R.V. 2019. The russian language test: towards assessing text comprehension. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 18(4): 231–247 (in Russian). DOI: [10.15688/jvolsu2.2019.4.18](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.18)
- Morozov D.A., Glazkova A.V., Iomdin B.L. 2022. Text complexity and linguistic features: Their correlation in English and Russian. *Russian Journal of Linguistics*, 26(2): 426–448 (in Russian). DOI: [10.22363/2687-0088-30132](https://doi.org/10.22363/2687-0088-30132)
- Solnyshkina M.I., Harkova E.V., Kazachkova M.B. 2020. The Structure of Cross-Linguistic Differences: Meaning and Context of 'Readability' and its Russian Equivalent 'Chitabelnost'. *Journal of Language & Education*, 6(1): 103–119 (in Russian). DOI: [10.17323/jle.2020.7176](https://doi.org/10.17323/jle.2020.7176)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.04.2023

Поступила после рецензирования 17.05.2023

Принята к публикации 10.06.2023

Received April 20, 2023

Revised May 17, 2023

Accepted June 10, 2023



ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Солнышкина Марина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, г. Казань, Россия

Шарифуллина Эльвира Альбертовна, старший преподаватель кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, г. Казань, Россия

Галявиева Лейсан Шагиахматовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, г. Казань, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina I. Solnyshkina, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory and Practice Teaching Foreign Languages, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Elvira A. Sharifullina, Senior Lecturer of the Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Leysan Sh. Galyavieva, candidate of Philological Sciences, Assistant professor of the Department of Foreign Languages, Kazan State Academy of Veterinary Medicine, Kazan, Russia